

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2009

- БЕРЕЗИН • ГАЛИХИН • ГАРКУШЕВ • ГУБАРЕВ •
- ЕГОРОВ • КЛИКИН • ЛОГИНОВ • ЛОХАРД •
- НЕСТЕРЕНКО • ОЛДИ • ОРЛОВ • ШАКИЛОВ •

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2009

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
2009

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
СЕРГЕЙ ГАЛИХИН
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ
ПАВЕЛ ГУБАРЕВ
АНДРЕЙ ЕГОРОВ
МИХАИЛ КЛИКИН
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ДЖОРДЖ ЛОКХАРД
ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АНТОН ОРЛОВ
АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

2009

ЭКСМО

МОСКВА

2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 89

Составитель *В. Мельник*

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Русская фантастика — 2009 : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2009. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-33456-8

Эта итоговая ежегодная антология охватывает многие жанры, стили и направления русскоязычной фантастики. Невероятные события забрасывают героев этого сборника в самые отдаленные уголки Вселенной и во времена Второй мировой войны, в мрачные закоулки подсознания и в параллельные миры, где может произойти все что угодно. В удивительное путешествие к неисследованным галактикам приглашают вас ведущие отечественные писатели-фантасты.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© В. Березин, С. Галикин, Е. Гаркушев,
П. Губарев, А. Егоров, М. Клякин,
С. Логинов, Д. Ложхард, Ю. Нестеренко,
Г.Л. Олди, А. Орлов, А. Шакилов.
© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-33456-8

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

СЕРГЕЙ ГАЛИХИН

СТАЛЬНОЙ ВОИН

*Народам и цивилизациям, обманутым
и преданным пророками и политиками, —
посвящается...*

Сегодняшний день не похож на игру,
Не так уж приятно стоять у стены.
Вот опять чье-то имя погасло на ветру,
Это наш знак. Это знак войны.
Это редкий дар принимать всерьез
Все, что было вчера. И чья вина
В том, что вовремя не найден ответ на вопрос,
В том, что в доме — пожар,
В том, что завтра — война...

Из песни группы «Пилот»

Единая Европа

Пешковец

19 июля 2063 года

03 часа 32 минуты

олная луна выползла из-за облаков и залила холодным белым светом пустынную улицу полуразрушенного города. Плохо. Очень плохо. Теперь Жаку вряд ли удастся прошмыгнуть мимо ублюдков незамеченным... Повезет, если придется всего лишь задержаться на пару часов. Не повезет — их убьют. Всех.

Артур не боялся драки. Ему было четырнадцать лет, и за поясом, в самодельном чехле, он носил широкий ку-

хонный нож. С тех пор как ашаты убили отца и мать, Артур никогда с ним не расставался. Кусок острого железа неоднократно спасал жизнь ему и его сестренке. Если Артур еще за кого-то и боялся в этой жизни, то только за сестру. Испуганная тринадцатилетняя девчонка — не самый лучший попутчик в переполненном ашатами городе.

Ночью Артур видел немногим хуже, чем днем. Еще два месяца назад он был обычным имлинским ребенком, в чей город однажды пришел террор. С тех пор многое изменилось — в мире и в нем самом. Одни перемены приводили его в восторг, другие пугали до ужаса. Но очень скоро Артур перестал удивляться появившимся у него способностям, ощущениям, желаниям, присущим скорее зверю, чем человеку.

В конце улицы мелькнул силуэт. За ним второй, третий. Это были ублюдки. Ашаты, выходявшие на безлюдные ночные улицы Пешковца, чтобы грабить, насиловать, убивать.

Артур скрылся за углом дома. Он обернулся, посмотрел на чумазую светловолосую сестренку, прятавшую под отцовским пиджаком, доходившим ей почти до пят, старого плюшевого медвежонка. Марта посмотрела на брата испуганными глазами и шмыгнула носом. Она давно и безошибочно научилась чувствовать опасность. Артур подмигнул ей, мол, все в порядке, но Марта не поверила брату.

Звук чужих шагов приближался. Артур снова осторожно выглянул из-за угла и тут же отдернул голову. Трое ублюдков шли прямо на него — сытые, уверенные в себе хозяева ночного города. До них оставалось метров пятьдесят, не больше.

На размышления не было времени, и брат с сестрой бросились бежать.

Будь Артур один, он затаился бы и пропустил ублюдков. А если бы не оказалось шанса остаться незамеченным, выждал бы удобный момент и напал первым. Но се-

стра... Он не мог привязать ее к спине. А драться с ублюдками и постоянно оглядываться — это не дело.

Их заметили. Одному Богу известно, каким образом, но их заметили.

За спиной Артур слышал топот, улюлюканье и свист ублюдков. Он на бегу обернулся. Четверо. Теперь их было четверо. Двое высокие, двое ростом пониже. У одного в руках цепь, двое с тяжелыми железными прутами, четвертый с пустыми руками. Сердце сжалось в комок. С некоторых пор Артур не только мог видеть в темноте, он стал в сотню раз лучше слышать звуки и запахи. Среди его способностей появилось еще что-то, чего он до сих пор не смог объяснить самому себе. И это что-то подсказало ему, что на перекрестке их с сестрой подстерегают еще двое.

Артур втокнул Марту в ближайшую арку двора, но было уже поздно. Ублюдки, притаившиеся на перекрестке, услышали шум, выбежали из укрытия и, заметив беглецов, бросились следом.

Заброшенный, захламленный двор, часть окон разбита, двери подъездов надежно заперты на ночь. Стучать бессмысленно, все равно никто не рискнет выйти. В левой части двора россыпь битого кирпича, сломанные оконные рамы, старая мебель. В углу три пластиковых мусорных бака, на асфальте обрывки рекламных плакатов, пустые консервные банки, прочий хлам.

Шесть ублюдков ввалились во двор и рассыпались полумесяцем. Не дожидаясь, пока они сомкнут кольцо, Артур выхватил нож и, пряча сестренку за спину, угрожающе оскалится. Ублюдки весело рассмеялись и обступили легкую добычу со всех сторон.

— Брось свою железяку, дурашка, — с довольной улыбкой сказал верзила в джинсовой куртке.

— Ой, а кто это у него за спиной? — лыбился прыщавый юнец. Кожаная куртка была ему великовата размера на два.

— Ха-арошенькая-а-а... — пропел третий.

— Чур, я первый, — с кривой улыбкой объявил четвертый ублюдок, килограммов под сто весом.

Артур никак не реагировал на сказанное. Слова ничего не стоят. Нож стоит жизни. Он знал, кто такие ублюдки, и был готов к драке. Он был готов умереть за сестру.

Невысокий широкоплечий ублюдок с кривыми ногами вышел на пару шагов вперед. Артур глухо, утробно прорычал, приглашая его на нож, и присел ниже, словно кошка на мягких лапах. Ублюдок хмыкнул, размахнулся и со знанием дела метнул в грудь Артура камень.

Если бы не сестра, все было бы по-другому. Но сейчас увернуться — значило подставить под камень ее. Получив страшный удар в грудь, Артур согнулся пополам, отступил на пару шагов, упал на колени. Марта закричала, присела на корточки и закрыла лицо ладошками. В глазах потемнело, земля ушла из-под ног...

Артур пришел в себя от резавшего уши истощенного визга Марты. Стараясь не двигать головой, он приоткрыл глаза и осторожно осмотрел двор. Сквозь мутную пелену он увидел, как здоровяк, стоя на коленях между ног лежащей на битом кирпиче сестры Артура, одной рукой отбивается от ее тонких рученок, а другой расстегивает свои брюки.

Приступ ярости, охвативший Артура, был мгновенно подавлен. Хищник живет расчетом, а не эмоциями.

Один ублюдок в пяти метрах от него стоит на коленях, двое держат Артура за руки. Еще один, чуть левее, в трех-четыре метра, стоит к нему спиной, размеренно похлопывает по правой ноге его ножом. Пятый стоит рядом с его сестрой, похотливо скалясь, неровно дышит. Пятеро. Шестого он не видел. Будем считать, что он за спиной.

Еще не время...

Еще чуть-чуть...

Сейчас!

Артур собрал все силы и, расталкивая ублюдков, рванулся вперед. Ублюдки, считавшие, что парнишка больше не создаст им проблем, не ожидали от него такой прыти.

Тот, что стоял к Артуру спиной, обернулся, но было поздно. Артур прыгнул на него, обхватил голову руками, впился зубами в левую щеку и вырвал здоровый кусок кожи. Ублюдок заорал, выронил нож. Пытаясь сбросить с себя волчонка, он дергался из стороны в сторону, повалился на спину, но Артур, свирепо рыча, продолжал рвать его лицо зубами. Левая бровь, снова щека. Артур с силой оттянул подбородок противника, собираясь порвать зубами горло. Кто-то с чудовищной силой пнул его в левый бок, и Артур отлетел на несколько метров. У него перехватило дыхание, но корчиться от боли не было времени. Пару раз перекатившись, Артур схватил большой кусок кирпича и словно пушечное ядро метнул его в затылок ублюдку, стоявшему на коленях перед беззащитной сестренкой. Хруст лопнувшего черепа, брызги крови...

Истошный звериный рев Артура огласил ночную подворотню. Ублюдок повалился на Марту, заливая ее тело густой черной кровью, хлеставшей из проломленной головы.

Артур бросился на врагов, их численность значения не имела. Он их всех убьет. Ошарашенные смертью приятеля, ублюдки замерли в растерянности. Этих секунд Артуру оказалось достаточно. Он прыгнул на того, кто стоял к нему ближе, и руками разодрал ему лицо.

По его спине ударила тяжелая цепь. Артур повалился на асфальт вместе с изуродованным ублюдком, перекатился в сторону, чуть присел, готовясь к прыжку и выбирая новую жертву. Марта в истерике задыхалась, захлебывалась криком.

Ублюдки опомнились, двинулись на Артура. Двое. Их должно было остаться трое. Третий убежал или сзади? Не опуская глаз, Артур пошарил рукой под ногами и почти сразу же нащупал большой осколок стекла. Он был неудобной формы, но мальчишка лишь сильнее сжал пальцы. Ладонь стала влажной от теплой крови.

По голове его ударил тяжелый пластиковый мусорный бак. Артур втянул голову в плечи и, вставая, молние-

носно развернувшись, рассек воздух осколком стекла. Парень в джинсовой куртке схватился за горло, захрипел, отшатнулся. Артур уже смотрел на тех двух ублюдков, что шли на него с двух сторон. Один размахивал над головой длинной толстой цепью, второй держал в руках его собственный кухонный нож.

Артур устрасшающе оскалился, снова взревел, надрывая утробу. Почти не целясь, бросил кусок стекла в ублюдка с ножом и, пока тот прикрывал лицо рукой, прыгнул на него. По спине хлестнула цепь. Артур левой рукой сжимал кисть врага с ножом, правой не давал противнику вцепиться ему в горло. На мгновение их взгляды встретились. Артур посмотрел в обезумевшие от страха глаза ублюдка, после чего его зубы безошибочно нашли на шее громалы артерию. Ублюдок испуганно вскрикнул. Артур рванул зубами чужую плоть, выхватил из ослабевшей руки нож и, получив очередной удар по ребрам, на четвереньках рванул вперед, пытаясь тут же снова кинуться в драку. Искалеченный ублюдок хрипел и, катаясь по битому кирпичу, пытался зажать рану руками.

Ну вот и все. Шестого он убьет без особых усилий.

Очевидно, ублюдок подумал о том же самом. Продолжая крутить над головой цепь, он принялся озираться вокруг, уставился на корчащиеся, истекающие кровью тела и, внезапно бросив цепь, побежал к арке. Артур посмотрел ему вслед и, пошатываясь, направился к сестре.

Оказавшись под аркой, ублюдок вскрикнул, неловко всплеснув руками, упал на спину и затих. Артур обернулся на крик, сжался пружиной, приготовившись к новой схватке. Появившийся у входа в арку человек неспешно шагал к ублюдку. Запах, походка, звук шагов... Это был Жак. Артур распрямился и, убирая нож, снова направился к сестре.

Нагая, всхлипывающая Марта, подобрав ножки, сидела на битом кирпиче, прижимаясь спиной к старому шкафу, дрожащей рукой размазывая слезы по чумазой щеке.

— Все кончилось, не плачь, — сказал Артур. Марта

снова захныкала, протянула к брату руки. Он присел рядом с сестрой, она крепко обняла его за шею. — Ну, все, все... — Артур прижался щекой ко лбу сестры, погладил ее по растрепанным волосам. — Их больше нет. Не плачь. Вот и Жак пришел.

Марта закивала, перестала всхлипывать, тыльной стороной ладони правой руки вытерла слезы. Артур огляделся. Одежда Марты, разорванная в клочья, валялась возле старого кресла, отцовский пиджак был залит кровью ублюдка. Артур снял с самого маленького ашата кожаную куртку и отдал ее сестре. Марта уже почти успокоилась, но ее дрожащее тельце все еще вздрагивало от беззвучных всхлипываний.

Жак, сторбленный семидесятичетырехлетний старик, неспешно подошел к ублюдку, тяжело переставляя ноги, наступил правой ногой ему на голову и, пробурчав себе под нос «даже шкурку не попортил», выдернул из его глаза свой посох. Кряхтя, он наклонился, ловко обшарил карманы ублюдка и забрал все, что его заинтересовало. Складной нож, десять евро монетами, три пластинки фруктовой жвачки, мятая пачка сигарет, зажигалка. Негусто, но лучше, чем ничего. Наверное, это нападение у ублюдков было первым за ночь.

Куртка доходила Марте до колен. Погладив сестру по щеке, Артур занялся карманами других мертвых ублюдков. Все, что его интересовало, — деньги и еда. Но денег он не нашел, а из еды обнаружил лишь два шоколадных батончика и одно недозревшее яблоко.

— Как вы? — двумя руками опираясь о посох, спросил подошедший Жак.

— Нормально, — ответил Артур. — Марта только снова испугалась.

Девочка, кутаясь в куртку ублюдка, длинно всхлипнула и, озираясь по сторонам, принялась искать своего медведя.

— Я заметил их еще у библиотеки, — сказал Жак. — Думал, что уведу за собой. Когда понял, что за мной идут не все, испугался. Понял, что с Мартой ты не сможешь от

них убежать. Пришлось убивать тех, кто шел за мной, и возвращаться. На перекрестке услышал ее крик... — Жак протянул Марте пластинку жевательной резинки, девочка шмыгнула носом, взяла резинку и спрятала ее в карман куртки. — Хорошо, что все обошлось.

Заметив медведя, Артур поднял его и протянул сестре. Марта как будто даже улыбнулась и, поцеловав грязную мордашку Пуха, прижалась к нему щекой. Артур взял сестру за руку.

— Скоро рассвет, — сказал Жак. — Пора искать для отдыха брошенную квартиру.

— Еще успеем, — ответил Артур. — Пока темно, сможем пройти с десятков кварталов. Ублюдки уже уходят с улиц.

— Она устала...

— Нам нужно торопиться, — настаивал Артур. — Если дядя был у нас дома и видел руины... Он мог подумать, что мы все погибли, и уехать из города, подальше от войны. Мы можем опоздать.

— Может, все же попробуем пройти днем?

— Нет, — Артур покачал головой. — Марта ни за что не выйдет днем на улицу. После того как убили родителей, она боится чужих людей.

Жак пожал плечами и, улыбнувшись, щелкнул Марту по носу. Старик и двое детей продолжили путь.

Единая Европа

Брюссель

22 июля

16 часов 07 минут

Герхард Оланд сидел в мягком кожаном кресле и с тоской смотрел на Микеле Коссо, тучного, высокого, светловолосого итальянца пятидесяти двух лет, руководителя департамента анализа национальных и религиозных конфликтов при Совете безопасности Европы. Он заранее узнал о предстоящей командировке, но ехать в Пеш-

ковец ему очень не хотелось. Более того, еще вчера Герхард рассчитывал выпросить неделю отпуска, съездить в Ниццу, развлекаться. Полтора месяца в Африке его вконец измотали. И на тебе, подарочек. Снова на войну.

— Я могу отказаться?

— Можете, — ответил Микеле. — Но я надеюсь, вы этого не сделаете.

— Тогда у меня одно неперемное условие. — Микеле Коссо хоть и слыл либералом, но ультиматумов не терпел. На том и строился расчет Герхарда. — В качестве сопровождения со мной поедет группа майора Ефремова из русского батальона бригады миротворцев.

— Не возражаю, — неожиданно легко согласился Коссо. — Ваша поездка меньше всего будет походить на прогулку.

— Я смотрю телевизор.

— К черту телевизор. По нему не показывают и половины того, что происходит в Пешковце. Начало ашатоимлинского конфликта, как бывает чаще всего, банально. Ссора торговков на рынке, через час драка в торговых рядах, еще через несколько часов — побоище в имлинских кварталах. Полиция провела аресты среди ашатов — подстрекателей беспорядков. В ответ — взрывы в имлинских кварталах. Официальные причины конфликта тоже стандартны. Одна религия угрожает другой, коррумпированные политики-имлины притесняют народ ашатов. Результат — полгода взаимного террора. Взрывы, убийства, погромы. Но последний месяц в Пешковце творится черт-те что. Местные жители готовы поверить во все: от упырей до инопланетян. Представители ашатов и имлинов в органах самоуправления предупреждены о предстоящем визите наблюдателя, как и о том, что если вам начнут чинить препятствия, в Пешковец будут введены войска и объявлено военное положение. Да и без этого предупреждения сотрудничество с наблюдателем в их же интересах. Они сами напуганы, ситуация давно вышла из-под контроля. В организационном плане схема контроля за

миссией наблюдателя стандартная. Как обычно, сигнал с ваших датчиков-имплантатов непрерывно отслеживается. В экстренном случае дадите код бедствия. Команда эвакуации готова забрать вас из любой точки Пешковцеа и пригородов в течение пятнадцати минут.

— Моя задача?

— Попытаться разобраться, что там, черт возьми, происходит. По возможности постараться определить возможные варианты примирения, приемлемые для сторон.

— Время.

— Президент дал нам месяц. — Микеле нажал кнопку селектора. — Агнешка, подготовьте для Герхарда данные по ашато-имлинскому конфликту.

— Сколько было наблюдателей до меня?

— Мы направляли девять групп, ООН — четыре. Безрезультатно. Крови пролито достаточно, война перешла на уровень личной мести. Были и частные наблюдатели. Точное число неизвестно, но, по нашим данным, около тридцати.

— Жертвы среди наблюдателей?

— Шесть человек погибли при невыясненных обстоятельствах, двое пропали без вести, одиннадцать в госпиталях. Осколочные, огнестрельные ранения. Побои. Среди частных наблюдателей — двенадцать погибших, семь пропали без вести. Но эти данные не подтверждены.

— Прекрасно... — вздохнул Олланд. — И после всего произошедшего вы направляете только одного наблюдателя? Пусть с хорошими угрозами за спиной, но одного?

— Герхард, Европе не нужна войсковая операция. Армия может за двадцать четыре часа погасить конфликт, разрушив полгорода и уничтожив треть полумиллионного населения. Но никто не хочет крови. Скоро выборы. Вы самый опытный сотрудник нашего департамента...

— Мои полномочия?

— Наблюдатель.

— И все? — Герхард невольно хмыкнул.

— Поверьте мне, этого больше чем достаточно. И аша-

ты, и имлины знают, что вы их последний шанс. Ваш вертолет завтра, в четыре утра.

Оланд как будто грустит. Причины этнических и религиозных вооруженных конфликтов действительно всегда одинаковы. Но очень скоро они отходят на задний план, а на передний выходит личное горе. Сложность примирения заключается в том, что идеологи быстро теряют контроль над ситуацией. А когда нет централизованного подчинения конфликтующих сторон... Нельзя договориться со всеми сразу.

«Ну и пусть, — думал Герхард. — Слетаю, честно предложу зарыть топор войны, пострашаю Гаагским трибуналом. Надоело. Войны, террор, протесты. Вечно кто-то чем-то недоволен. Кому-то всегда кажется, что его обделили. А на деле они уже не могут жить без тайной угрозы. Без образа врага. Кого-то всегда нужно обвинить в неудачах и собственных просчетах. Вернусь из Пешковца, переведусь в департамент защиты прав человека».

— Если у вас все, — Коссо прервал размышления Герхарда, — не смею задерживать.

Оланд поднялся из кресла, выслушал пожелания удачи, попрощался и вышел из кабинета руководителя департамента анализа вооруженных конфликтов. Агнешка вспорхнула из-за стола, казенно улыбаясь, показала на картонную коробку, стоявшую на журнальном столике. Герхард подошел к столику, снял с коробки крышку, взглянул на часы и обреченно вздохнул. Шестнадцать двадцать два. Ночь обещала быть длинной...

Единая Европа

Пешковец

22 июля

16 часов 40 минут

Воскресный день Пешковца в последние месяцы мало чем отличался от вторника или, скажем, четверга. Почти пустые, унылые улицы, давно забывшие, что такое

детский смех, и хорошо помнящие, что такое крик матерей на похоронах. Редкие прохожие, спешащие поскорее миновать опасные кварталы, совместные полицейские патрули, пешие и на машинах, искренне желающие прекращения кровопролития. Полупустые кафе и магазины.

Большая часть доходов Пешковецца зависела от туризма. Архитектурный бум второй научно-технической революции его практически не коснулся, и в последнее время среди европейцев стало модно провести пару недель отпуска среди старины. Пешковец подходил для этого как нельзя лучше. Обилие каменных построек начала и середины XX века, старинные церкви; музей скульптур, самая большая в Европе коллекция художественного стекла. Война все перечеркнула. Великолепные пляжи пустовали с начала сезона, по средневековому замку бродили лишь привидения и скучающие экскурсоводы. Европейский фестиваль документального кино, не самый представительный, но проходивший в Пешковецце с 1908 года, пришлось перенести в Милан. Никто не хотел рисковать собственной жизнью.

В маленьком ресторанчике «Пегас» имлины играли свадьбу. Рождение детей, свадьбы и похороны — пожалуй, только это не смогла отменить война.

Сидя напротив «Пегаса» в летнем кафе, Анна пила кофе. Ее длинные, черные как смола волосы время от времени колыхал ветер, солнце в голубом безоблачном небе жарило от души. Через два столика сидела пожилая чернокожая пара; они что-то оживленно обсуждали за стаканчиком виски.

«И как можно пить в такую жару? — рассуждала Анна. — Наверное, американцы. Туристов теперь не увидишь. Скорее всего, они работают в Пешковецце. Говорят, в городе полно международных террористов, имлины щедро им платят. ЦРУ? Ерунда. Слишком бросаются в глаза. Логичнее использовать агентов, которые легко затеряются среди коренного населения. Возможно, они из ООН. Или из какой-нибудь комиссии Евросовета. Надо же, какие

мысли появляются у бывшего дизайнера. Раньше, сидя в кафе или заглянув в магазин, я думала, насколько удачно или безвкусно оформлен интерьер. Сейчас же меня чаще всего интересует, кто посетители и чего от них ждать».

Ахмед принес еще по чашечке кофе и пару кремовых пирожных. Он поставил чашку перед Анной, сел за столик.

— О чем задумалась? — спросил Ахмед и аккуратно откусил от пирожного.

— О приметах времени, — ответила Анна. — У каждого времени свои приметы.

— И какие приметы у нашего времени?

— Охранники с энергодетекторами на свадьбе, — Анна качнула головой в сторону ресторана.

Ахмед обернулся. У дверей стояли шесть имлинов в темно-синей форме охранной фирмы «Львы». Они были вооружены короткоствольными протонными автоматами, двое из них держали в руках портативные детекторы для обнаружения источников энергии.

Из подъехавшего такси вышли трое джентльменов, во фраках и цилиндрах, с огромными букетами цветов. Охрана проверила у них пригласительные билеты, обшарила энергодетекторами и только после этого разрешила войти в ресторан.

Ахмед отвернулся, сделал глоток кофе.

— Ты веришь, что это что-то изменит?

— Я не собираюсь что-то менять, — с заметной злобой в голосе ответила Анна. — Не я должна менять, а те, кто принес горе моему народу. Но так уж устроены имлины. Пока не захлебнутся собственной кровью, они не прекратят убивать.

— Вчера ублюдки сделали налет на лагерь беженцев у четырех холмов. Восемь человек убили, двадцать девять покалечили.

— Мой дядя работал там поваром, — сказала Анна. — Ему сломали три ребра, раздробили ключицу. На прошлой неделе ублюдки убили трех учителей из университета, месяц назад изнасиловали двух школьниц, задержавшихся в

кинотеатре и затемно возвращавшихся домой. Ублюдками командует полковник Эрлдан. Я не думаю, что он пропустит свадьбу своего сына. И помощники полковника придут. Это они разрабатывают планы налетов на международных наблюдателей, чтобы обвинить во всем ашатов.

— Имлинам нет места в Пешковце, но я все равно не одобряю взрывы, — сказал Ахмед. — Этим мы настраиваем против себя мировую общественность.

— Убийца должен быть наказан.

— Я всегда предлагал публичный расстрел. Во-первых, казнь — это акт правосудия. Во-вторых, смерть на людях — это не смерть по телевизору, проникает лучше. В-третьих, нет случайных жертв. Взрывая автобусы или школы, мы выглядим трусами, воюющими с детьми.

— А ты хоть раз глядел в глаза ублюдку? — прошипела Анна. — Ты видел, как они убивают твоих детей? Как отрезают голову твоей матери?

— Я знаю о твоем горе, — сказал Ахмед. — Я знаю, что имлины с двенадцати лет водят своих детей в тир, где учат стрелять по мишеням с лицами ашатов. Но массовые убийства не идут на пользу нашей борьбе. В глазах всего мира мы становимся такими же мясниками, как и имлины.

— Мы все умрем, — сказал Анна. — Невинных Всевышний простит, виновных покарает. Те, кто останутся в живых, поймут, что нельзя проливать кровь ашатов, не заплатив своей жизнью. Сотнями жизней.

— Как сказал пророк, силе может противостоять только сила. Остановить убийство можно только убийством.

— Ашаты не убийцы. Мы мстим за смерть наших детей, отцов и сестер. Мстим за разоренные дома.

— Анна, ты меня не слушаешь. — Ахмед не знал, какие еще слова сказать тридцатилетней женщине, потерявшей четырех детей, мужа и мать, чтобы убедить ее в своей правоте и не оскорбить. — Давай придем к полковнику домой. Ночью. Отрежем ему язык, клеветущий на ашатов, выведем на улицу, поставим к стенке и расстреляем. Это

будет хоть как-то похоже на правосудие. А взрыв свадьбы похож на варварство.

— Тогда зачем ты здесь, если не веришь, что от этого будет толк?

Ахмед снова взял в руки чашку и посмотрел на вход в ресторан.

Охрана выполняла свою работу. Двое следили за тем, что происходит в конце улицы, двое за прохожими, что приближались к ресторану, еще двое были готовы помочь им в любую секунду.

Чернокожая пара расплатилась за виски и направилась к выходу.

— Имлины убили моего друга, — сказал Ахмед. — Кто-то должен защищать его семью. Идет война, и все мы солдаты. Солдат не обсуждает приказ. Тем более что я согласен с его сутью. Мне лишь не нравятся методы. И для того чтоб моим друзьям не пришлось защищать мою семью вместо меня, а моей жене мстить за смерть наших детей, я сделаю то, что должен.

На краю улицы показался старенький «Фольксваген». Анна тронула Ахмеда за руку, тот поставил чашку на стол, посмотрел на машину, затем на Анну. Полковник Эрдан еще не пришел, но операция уже началась. Ее нельзя остановить. Мать, мстившая за смерть своей семьи, и солдат, мстивший за семью друга, молча смотрели друг другу в глаза. Через минуту они могут умереть, но они были готовы к этому. Через минуту полмира назовет их убийцами, но это не имело никакого значения. Через минуту они выполнят приказ, принесут имлинам возмездие. Кровь за кровь, смерть за смерть. Если хочешь остановить убийства, возмездие должно быть десятикратным. Убийца должен быть сломлен духом. Убийца должен знать, что пощады не будет. Ему не спрятаться.

Между «Фольксвагеном» и рестораном оставалось не более пятнадцати метров. Охрана давно заметила автомобиль, медленно кативший по улице, и приготовилась к худшему. Таковы правила: всегда готовиться к худшему.

Ахмед и Анна достали скорострельные иглолучевые пистолеты, спрятанные под одеждой, и прямо из кафе начали расстреливать охрану. Те попытались ответить, но было поздно. Под голубыми иглами Ахмеда и Анны падали случайные прохожие, турки и французы, имлины и ашаты. Но для великой цели возмездия это не имело значения. Все мы когда-то умрем. Всевышний разберет, кто прав, а кто нет, и простит невинных.

«Фольксваген» остановился в метре от входа в ресторан. Из банкетного зала к выходу уже бежали солдаты. Полицейский патруль с соседней улицы спешил к месту перестрелки. Из автомобиля выскочил шестнадцатилетний ашат с рюкзаком за спиной и метнулся в здание. Анна и Ахмед побросали иглолучевики и кинулись в разные стороны. Их работа была выполнена, смертник вошел в ресторан. Дойдет он до зала или его пристрелят, не имело значения. Часовой механизм через пять секунд взорвет тикриновую бомбу.

Внутри ресторана послышался женский крик, одиночные выстрелы.

Раздался страшный взрыв. Улицу заволокло пылью и дымом, в четырех ближайших кварталах из окон домов вылетели стекла. Совместные ашато-имлинские полицейские патрули оцепляли место трагедии, надеясь помочь выжившим, из ближайших больниц спешили машины «Скорой помощи», жители улицы без промедления начали разбирать завалы...

Единая Европа

Пешковец

23 июля

09 часов 56 минут

На гражданском аэродроме Пешковца наблюдателя департамента анализа религиозных и межнациональных конфликтов Герхарда Оланда встретили тепло, можно даже сказать с радостью. За одиннадцать лет службы в департаменте Герхард почти безошибочно научился опре-

делять, насколько искренни слова, произнесенные официальными лицами при встрече. В Пешковеце его действительно ждали. Неужели он для них и вправду последняя надежда?

Первыми из вертолета вышли затянутые в легкую броню русские. Аэродром был оцеплен полицией, но для них это как будто не имело большого значения. Еще на подлете к Пешковецу они активировали генераторы скорострельных протонных ружей, сняли предохранители. Оказавшись на бетоне вертолетной площадки, десантники бегло осмотрелись, после чего старший группы, майор Ефремов, разрешил Герхарду выйти. Некоторую условность этого ритуала понимали и отцы города, и полицейские, и прилетевший наблюдатель. Все, кроме русских. Для них это была работа.

— Господин Олланд, рад приветствовать вас на земле Пешковеца, — стараясь перекричать угасающий гул вертолета, сказал мэр.

— Спасибо, господин Булле, — ответил Герхард. — Надеюсь, что сообща мы найдем те шаги, которые хотя бы на время принесут мир на эту землю.

— Мы готовы оказать вам любую помощь.

— Азиз Родригес, начальник полиции, — представил говорившего мэр. — Старший офицер и наряд полиции будут сопровождать вас во всех поездках по городу.

— Это излишне, — ответил Герхард. — Для моей безопасности прибывших со мной десантников более чем достаточно.

Олланд подошел к делегации, встречающей его на аэродроме, и с каждым поздоровался за руку. Представители ашатов и имлинов, полиции, мэрии, городского совета по очереди пообещали оказывать всяческое содействие.

Олланда вместе с десанниками и мэром Булле посадили в микроавтобус и в сопровождении эскорта из трех патрульных машин повезли в гостиницу. Еще у вертолета Герхард заметил, что мэр нервничает. Что-то его тревожило.

Через десять минут эскорт уже петлял по улочкам

Пешковца. Русские несли службу, поглядывали за дорогой, пытаясь угадать, что им готовит город, Герхард смотрел на мелькавшие за окнами дома. Обычный европейский городишко. Не столица, но и до медвежьего угла далеко. Постройки очень старые, но ухоженные, в основном трех-пятиэтажные, церкви вперемешку с мечетями. Улицы просторные... Может, Герхарду так показалось из-за того, что для туристического городка на них было маловато прохожих? Полицейские патрули действительно смешанные. Значит, отчет не врет, стараются ребята. Да и как не стараться, если по-другому не выжить.

— Красивый город, господин мэр, — сказал Герхард. — Вы его крепко держите в руках.

— Спасибо, господин Оланд. Но нам это дается очень непросто.

— С такой красотой от туристов, наверное, нет отбоя.

— Все в прошлом, — вздохнул мэр, — все в прошлом. А теперь... Если нас не убьет террор, то погубит отсутствие туристов.

— Война — плохая реклама для туризма, — согласился Оланд.

— А я предупреждал. И совет Европы, и парламент. Нельзя было пускать дело на самотек. Права человека, право нации на самоопределение — это святое. Но есть, черт возьми, еще и закон. И меня не интересует, как это выглядит со стороны. В конституции не написано, что заполнение тюрем преступниками должно быть строго пропорционально этнической численности населения на территории проживания. Если пять ашатов и десять имлинов будут признаны судом виновными в совершении преступлений, значит, пятнадцать человек должны сидеть в тюрьме. Пятнадцать, понимаете? А не десять, потому что кому-то, видите ли, в этом видится преследование по национальному признаку.

Вот, значит, что его терзает. Ему было необходимо высказаться, подумал Герхард, а вслух сказал:

— И что вам отвечали?

— Хм... Что я сошел с ума. Советовали сменить одного чиновника на другого. А толку? Стоило пойти на уступки ашатам, как тут же свои претензии заявили имлины. И как прикажете поступать?

— Не знаешь, как поступить, поступай по закону, — сказал Герхард. Он прекрасно знал, о чем говорит Булле.

— Ну да. Не успел я пригласить на должность департамента юстиции специалиста из Зальцбурга, как ашаты и имлины в два голоса обвинили меня в расизме.

— Что-то я с трудом представляю, как после погрома в квартале имлинов и поджога ашатских торговых рядов они плечом к плечу стоят под окнами мэрии и размахивают плакатами.

— Их никто не заставлял стоять под окнами мэрии плечом к плечу. В парламент было отправлено полторы тысячи писем от ашатов и имлинов, жителей Пешковца.

— Вы проверили авторов?

Мэр посмотрел на Герхарда с таким удивлением, как будто тот спросил, пишет ли он под Рождество письма Санта Клаусу.

— Чтобы меня обвинили в нарушении конституции и преследовании по национальному признаку? Я еще не сошел с ума.

— А я проверил, — сказал Герхард. — Раньше жители Пешковца не отличались тягой к письмам, адресованным парламенту. Все это смахивает на спланированную акцию.

— Я так в этом просто уверен. Кто-то подумал, что я постараюсь замять это дело, уйду в отпуск, а после отпуска попрошусь в отставку. А я собрал городской совет и как младенцам на пальцах объяснил этим идиотам, что их этот кто-то использует, надеясь разжечь беспорядки и под шумок обтяпать свои темные делишки.

— Депутаты городского совета спросили, какие именно делишки этот кто-то собирается обтяпать, — продолжил слова мэра Герхард.

— Вы читали стенограмму городского собрания?

— Естественно.

— Значит, какое решение было принято, вы тоже знаете.

— Знаю, — ответил Герхард. — И вы были совершенно правы, предполагая попытку передела депутатских мест в городском совете.

— Конечно же, все понимали, что с огнем играют. Но, очевидно, рассчитывали, что смогут контролировать ситуацию. Решили поиграть до определенного момента. Политика, — вздохнул мэр. — Любую оплошность оппонента, любое обострение ситуации необходимо использовать в своих целях. Война — это продолжение политики. Политика иными средствами. Где вы сейчас видите политику? Здесь даже не война, здесь бойня. Планомерное истребление ашатского и имлинского населения. Когда появились первые жертвы, я снова собрал городской совет. Снова попросил одуматься. Все без толку.

— Началась игра в гляделки. Кто первый не выдержит и отвернется.

— Господин Оланд...

— Можно просто Герхард.

— Герхард, мне сказали, что вы один из самых опытных наблюдателей. Я искренне надеюсь на ваш опыт. Как ни прискорбно, но я вынужден признать: с тем, что происходит в Пешковеце, справиться самостоятельно мы не в силах. Да и вам, я думаю, с подобной ситуацией сталкиваться еще не приходилось. Я не снимаю с себя ответственности. Но... если в ближайшее время мы не исправим ситуацию, мне придется уйти в отставку.

— Я просмотрел копии полицейских отчетов. Зверские убийства совершались во многих конфликтах, но в таком количестве... Насколько я помню, это действительно впервые. И меня насторожил тот факт, что потерпевшие чаще всего ашаты. Как будто кто-то намеренно пытается приписать зверства имлинам. В обычных налетах, ночных грабежах, от разбоев страдают все жители города. Процентное соотношение пострадавших разных на-

циональностей почти одинаковое. Но зверства имлинов... Они всегда считались миролюбивой нацией.

— Более того, — сказал мэр, — и ашаты никогда не вели себя агрессивно. Посмотрите историю, ашаты всегда были средними вояками. Сейчас же полиция уверяет меня в существовании прекрасно обученных групп ашатских боевиков.

— А что, раньше в Пешковце случались беспорядки? Студенческие, профсоюзные... Может, футбольные ботельщики...

— Никогда. Ни до, ни после объединения Европы, — покачал головой мэр. — Тихий город у моря, десяток пляжей, полторы сотни памятников архитектуры, ежегодный фестиваль документального кино. Смешение культур и религий, мирное сосуществование сорока наций и народностей.

Герхард поймал себя на мысли, что мэр ему симпатичен и он искренне ему сочувствует.

После объединения в Европе многое перемешалось. Культуры, традиции. Сорок лет назад, во время последнего экономического кризиса, произошло гигантское смешение народов. В поисках лучшей жизни румыны переселялись на испанские земли, шведы — на голландские, итальянцы — на немецкие. Появилась мода на имена не своей народности. Поляки называли своих детей на арабский манер, немцы — на еврейский, французы — на финский. И наоборот. Ашаты с имлинами не были исключением. Все шло к появлению новой, всех объединяющей нации — европеец.

— И года не проходит, чтобы в мире не вспыхнул новый пожар, — продолжил мэр. — Ближний Восток, Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия... Соединенные Штаты и те докатились до гражданской войны. Только не Европа. Я даже готов допустить, что люди слишком долго жили без войны, отчего их чувства притупились. Порог чувствительности отодвинулся. Но вот все произошло. Если не в твой дом, то в дом соседа пришло

горе. Пора бы и опомниться, остановиться. Два месяца назад ашаты и имлины почти одновременно попросили меня быть посредником на переговорах. Я устроил им встречу. В первый же час было заключено перемирие. Десять дней без крови. В Пешковец начала возвращаться жизнь. В мэрию пошли запросы от туристических компаний: через какой срок мы сможем возобновить прием туристов? В город приехали первые представители страховых компаний. И тут случается первое зверское убийство ашата. Затем еще одно, и еще. Через два дня убийство девяти имлинских активистов. По оценкам наших экспертов, работа была выполнена ювелирно. Есть свидетели, утверждающие, что это были ашаты, но они отвергают все обвинения. И я готов им поверить. Даже имлины им верят. Все хотят мира, только мира нет.

— Вы сказали, первое зверское убийство... А до перемирия или вообще до конфликта подобных убийств не было? — поинтересовался Герхард.

— Нет, — мэр уверенно покачал головой. — Пешковец — самый безобидный город на Земле. По крайней мере был таким. Если угодно, Родригес даст вам код доступа в базу данных комиссариата, и с компьютера отеля вы сможете получить любую интересующую вас информацию.

— За код буду благодарен, но подробный отчет по всем случаям насильственной смерти, зафиксированным с момента ссоры на рынке, был бы совсем не лишним.

— Завтра к обеду вы его получите.

— А кто такие ублюдки?

— У меня нет достоверной информации. Насколько я знаю, ее ни у кого нет. Имлины говорят, что это подростковые банды ашатов, ашаты, наоборот, утверждают, что это банды имлинов. Но и те и другие, как и все горожане, регулярно страдают от ублюдков.

— Третья сила?

— Возможно, — Булле снова пожал плечами. — А может, кто-то из непримиримых.

Возле лестницы, ведущей к дверям отеля, стояли две

патрульные машины, у самых дверей топтались восемь полицейских. Заметив эскорт, они не вытянулись по струнке, словно солдаты роты почетного караула, а всего лишь выбросили сигареты и перетащили скорострельные протонные ружья из-за спины на грудь. Наблюдатель департамента конфликтов не обратил на это внимания, а майор ВДВ оценил поведение полицейских положительно. Отсутствие показухи — плюс к профессионализму.

Первым из микроавтобуса вышел мэр Булле, за ним десантники. Из машин эскорта высыпали сопровождающие лица. Олланд вышел последним. Задрав голову, он посмотрел на голубое небо, закрыл глаза, втянул ноздрями прохладный утренний воздух. Вот он и на месте.

Герхард открыл глаза и посмотрел на отель. Четырехэтажное здание начала двадцатого века. Ремонт ему пока еще не нужен, но выглядит как-то уныло. Наверное, из-за запаха страха и смерти, витающего в воздухе.

Булле не стал провожать Олланда до дверей номера, сказал, что у него очень много дел, еще раз предложил обращаться при первой же необходимости, пожелал удачи, попрощался и уехал. Представители ашатских и имлинских общин, начальник полиции, прокурор города, депутаты последовали примеру мэра. Это обстоятельство несколько озадачило Герхарда. Обычно вокруг него вились консультанты, помощники, представители. В Пешковце даже это было не как везде.

Вещей у Олланда было меньше, чем у его охраны. Поднявшись с новыми постояльцами на третий этаж, портье проводил их до дверей номера, получил от Герхарда чаевые, сдержанно поблагодарил, сказал, что явится по первому требованию, и тут же исчез.

В этот раз Герхарда поселили в президентском номере. Огромная гостиная, три спальни, рабочий кабинет со всей полагающейся электроникой. Десантники сразу же занялись установкой систем безопасности и проверкой привезенного снаряжения, а Герхард, побродив несколько минут по номеру, прошел в кабинет. Достав из сумки

ноутбук, он соединил его с кодирующим устройством, выдернул из розетки модемный провод стоявшего на столе компьютера гостиницы и воткнул свой. Активировав мини-видеокамеру, включил ноутбук, соединился с кабинетом начальника департамента в Брюсселе, доложил о прибытии и начале работы.

Покончив с докладом, Оланд подготовил свое рабочее место. Разобрал привезенные с собой документы, рассортировал материалы, переданные мэром, начальником полиции, конфликтующими сторонами.

— Майор.

— Слушаю вас, Герхард.

Оланд отобрал несколько папок из числа привезенных с собой и протянул их Ефремову.

— Ознакомьтесь. Я думаю, вам лучше быть в курсе того, что происходит на улицах, по которым нам с вами придется ездить не один день.

— Нас инструктировали, — начал Ефремов, принимая папки, но Оланд не дал ему договорить:

— Здесь есть кое-что, чего вам наверняка не говорили. Когда мы сможем выехать на ознакомительную поездку?

— Хоть сейчас. Но... Если вы считаете, что есть что-то, чего я не знаю, я хотел бы взглянуть на новые данные. Пары часов мне будет достаточно.

— Прекрасно, — сказал Герхард. — Через два часа мы выезжаем. Цель: ознакомление с городом, визит в мэрию, управление полиции, городской совет, благотворительные миссии.

24 июля

22 часа 40 минут

Ночь была тихой и теплой. Черное безоблачное небо, обсыпанное звездами, белый диск луны. В воздухе висел запах горелой резины, звук пролетевшего вдалеке военного вертолета долго отзывался тихим эхом. По проспекту неспешно проехал полицейский броневик. Шум двигателя на короткое время ворвался на улицу, но вскоре сно-

ва растворился в ночной тишине. На одиноком дубе, зацепившись за его скрюченные мертвые ветви, висела грязная, когда-то красная тряпка. Три месяца назад с фасадной стены кинотеатра «Иллюзион» она приглашала посетить очередной ежегодный фестиваль документального кино, а теперь, сорванная ветром, висела на ветвях засохшего дуба. На всю улицу уцелело всего два фонаря — один почти у перекрестка, второй в двадцати метрах от дуба, ближе к кинотеатру.

За остовом сгоревшего автомобиля, в разоренной пращечной, на дереве, за забором соседнего дома, словно гиены, затаившиеся в ожидании жертвы, прятались ублюдки. Те же повадки, та же тупая злость в глазах, то же инстинктивное желание убийства. Та же уверенность в своих силах. Гиене глупо бояться лани. Тем более когда гиена не одна, а со своей стаей.

На перекрестке показался человек. Остановившись, он осмотрелся по сторонам и неспешно пошел по пустой улице. Он был сутул, чуть прихрамывал, опираясь на старую лыжную палку. Его сильно потрепанная куртка висела на нем мешком. Старик — легкая добыча. Ублюдки почти безошибочно определяли, насколько опасна потенциальная жертва. Они никогда не рисковали. Какой смысл рисковать, если город полон безобидной добычи. А старик — просто подарок. В его карманах наверняка нечем поживиться, но зато развлечение будет на славу. Если одним стариком станет меньше, значит, в мире станет свободнее.

А старик, ничего не подозревая, шел по ночной улице. Нельзя сказать, что он не боялся. Но ночью в Пешковце на любой улице одинаково опасно. Проклятая война. Ждать до утра старик не мог. Ему удалось достать нужное лекарство. Дома его ждали дочь и больная внучка.

Вдруг старик что-то почувствовал. Запах. Еле уловимый, неприятный запах грязи и пота. В городе можно было найти тысячу мест с похожими запахами, но старик понял, что это не случайно. Слабый ветер снова дыхнул ему в лицо мерзостью. Это он принес запах. Старик слов-

но начал преображаться. Дряхлость медленно уходила куда-то, освобождая мышцы, зрение понемногу становилось острее. Сутулиться стало неудобно, но старик сдержался, не расправил плечи. С каждым шагом запах принимал все более конкретные очертания, как и тени, от которых он исходил. Здесь были ублюдки, старик это уже понял.

Ублюдок, прятавшийся за углом полуразрушенного дома, поднял с мостовой ржавую железку и, прицелившись, бросил ее в голову старику. На секунду тот словно случайно наклонился, отряхнул штанину, а сам проводил взглядом брошенную в него железяку и, когда та ударила по водосточной трубе, повернул на звук голову.

С криком и визгом ублюдки выпрыгнули из своих укрытий. Старик беспомощно заозирался. На этот раз ублюдков было больше десятка, и все высокие, крепкие ребята. Что бы им в армию пойти...

— Привет, папаша, — сказал один из ублюдков.

— Куда шлепаешь, старое корыто? — спросил другой.

— Так это... домой иду, — дрогнувшим голосом ответил старик.

— Расслабься, дед, — предложил еще один ублюдок. — Домой ты сегодня не придешь. Будешь хорошо себя вести, утром патрульные подберут, отвезут в больницу.

— А будешь вести себя плохо, мы тебя сами похороним. Бесплатно.

— Но зато живьем, — гоготнул третий ублюдок.

Что будет дальше, старик знал, еще когда уловил неприятный запах. Он действительно тянул время, но не для того, чтобы попытаться уболтать ублюдков или в надежде, что на улице появится кто-то и спугнет их. Старик тянул время, рассчитывая, что еще до драки все ублюдки выйдут из своих укрытий и он, прикинув свои шансы, выберет правильную тактику боя. Сегодня вариантов было немного. Ребята все крепкие, одиннадцать человек. Всех не убьешь, никак не успеть. Значит, придется бежать.

— Давай, — сказал ублюдок, — выворачивай карманы.

Старик чуть крутанул лыжную палку в руках. Ублюд-

ки, конечно же, удивились, как ловко он это сделал, но было уже поздно. Каленый наконечник вонзился ближайшему ублюдку в горло, точно под подбородок. Старик выдернул палку и тут же наотмашь огрел ею ублюдка у себя за спиной. Стоять на ногах остались девять, и, пока они в испуге выхватывали ножи и спрятанные за спиной стальные прутья, старик расправил плечи, держа лыжную палку двумя руками, словно винтовку со штыком, развернулся на триста шестьдесят градусов, по взгляду определил, кто у ублюдков главный, и встал к нему лицом. Он не видел, что происходит у него за спиной, но все прекрасно чувствовал.

Издав рев раненого зверя, старик сделал молниеносный выпад в сторону вожака, чудом увернувшегося от стального наконечника. Ублюдки двинулись на старика со спины, но он опередил их и, развернувшись, начал бить, колоть, пинать. Это продолжалось всего несколько секунд. Ублюдки отхлынули, оставив на мостовой покалеченных и убитых. Старик бросил палку, прыгнул на голову ублюдка, преграждавшего дорогу в переулок, и, прежде чем они повалились на асфальт, свернул ему шею.

Оказавшись на мостовой, старик перекатился, словно еж, свернувшийся в клубок, встал на ноги и нырнул в темный переулок.

— Это оборотень! — срываясь на хрип, крикнул один из выживших ублюдков.

— Догнать! — заорал вожак.

У старика было несколько секунд форы. Достаточно, чтобы, оторвавшись от преследователей, затеряться в развалинах. Заметив на третьем этаже развороченное взрывом окно, старик по отвесной стене забрался наверх и, перевалившись через остатки подоконника, затаился. В переулке послышались крики и топот ублюдков. Они пробежали мимо, в переулке снова стало тихо. Старик запустил дрожащую руку за пазуху, достал из внутреннего кармана две упаковки с ампулами, осмотрел их. Кажется, ни одна не разбилась.

Осторожно выбравшись из квартиры на лестницу, старик поднялся на чердак, оттуда на крышу. По крышам он прошел два квартала, спустился вниз и продолжил свой путь. Ему нужно было спешить. Дома его ждали дочь и больная внучка.

27 июля

16 часов 15 минут

Вокруг разоренного летнего кафе толпились сотни чепуховцы. В основном иммигранты. Полицейские с трудом сдерживали натиск родственников убитых и раненых. Медики оказывали пострадавшим первую помощь, кого-то спешно грузили в машины «Скорой помощи» и развозили по ближайшим клиникам.

Микроавтобус Герхарда Олланда подъехал через двадцать минут после побоища. Полицейские раздвинули толпу, организовали коридор. Оланд прошел в кафе. Азиз Родригес, разговаривавший с тремя полицейскими, заметил Олланда, знаками дал понять, что через минуту освободится, и продолжил что-то втолковывать чернокожему капитану.

Герхард осмотрелся. Опрокинутые и поломанные пластиковые столики, разбросанные стулья, поваленные, порванные, затоптанные клеенчатые зонты. Куски водопроводных труб, арматуры, бейсбольные биты. И везде кровь. Много крови. Сгустки, брызги, лужи.

К Оланду подошел Родригес.

— Что тут произошло? — спросил Герхард.

— Очередная бойня, господин Оланд, — пожав плечами, неуверенно ответил начальник полиции.

— Что-нибудь уже известно?

— По предварительной информации, около четырех часов группа ашатских подростков двенадцати-пятнадцати лет ворвалась в летнее кафе — в это кафе часто ходят иммигранты — и железными прутами, обрезками труб, палками начала избивать посетителей. Четверо погибли на месте, один скончался по дороге в больницу. Девять человек

находятся в критическом состоянии, шестнадцать получили ранения разной степени тяжести. В это время кафе обычно забито до отказа. Со слов очевидцев, нападавших было человек тридцать. Имлины пытались оказать сопротивление, в ход пошли стулья, пустые бутылки. Среди нападавших один убит и от пяти до семи ранены. Буквально за две-три минуты до прибытия первого полицейского патруля они ретировались.

— Их кто-то предупредил?

— Думаю, что да. Нападение не первое, схема знакомая. По нашей информации, нападавшие делятся на три основные группы: группа наблюдения, ударная группа и группа прикрытия. Выбрав момент, когда патрули на наибольшем удалении, совершается налет. Скоротечный погром или побоище, дымовые шашки и бегство.

— Уличные банды используют военную стратегию, проверенную веками, — с трудом веря в услышанное, вздохнул Герхард.

— Это не уличные банды, господин Оланд, — сказал Родригес, — а хорошо обученные боевики.

— Скажите, Азиз, на улицах города полно полицейских патрулей, горожане, чтобы помочь им, готовы сделать все, что в их силах, и даже больше. Каким образом тридцать подростков, вооруженных арматурой и палками, могут пройти по улицам и не привлечь к себе внимание?

— Хм-хм, — улыбнулся Родригес. — Не думаете же вы на самом деле, что они ходят строем? Ашаты делятся на группы по три-пять человек, в нужное время собираются недалеко от места нападения, по условному сигналу движутся к выбранной цели, и начинается веселье. Банды имлинских подростков тоже совершают нападения. Но вы знаете, это еще не самое страшное. Во всех беспорядках, учиненных имлинами, не было зафиксировано ни одного факта применения огнестрельного или холодного оружия.

— Так радоваться надо.

— Можно, конечно, и радоваться, — вздохнул Азиз, — если забыть о том, что они зубами рвут ашатам глотки.

— В отчете, предоставленном департаменту конфликтов, действительно несколько раз встречаются случаи, когда имлины травили ашатов собаками, — подтвердил Герхард. — Но если это не так, почему в отчете липа?

— А вы что хотите, чтобы полиция завела полторы сотни дел о том, что имлин загрыз ашата? В лучшем случае меня обвинят в клевете и национализме, а потом отправят в отставку. В худшем — до конца дней упрячут в лечебницу.

— Азиз, это серьезное заявление. С чего вы вообще взяли, что имлины... — Герхард замолчал. Не то что поверить, произнести эти слова было непросто, — что... хотя бы раз зафиксирован случай, когда один человек перегрыз другому горло?

— У меня есть показания очевидцев, фотографии ран, заключения экспертов. Я готов передать их в ваше распоряжение. Электронная экспертиза без труда сможет определить достоверность снимков. Есть даже видеозапись одной драки. Она любительская, но достаточно качественная.

— Не понимаю, — покачал головой Оланд. — Не могу понять. Как? Почему? Почему есть факты только зверства имлинов?

— Именно что зверства, — подтвердил Родригес.

— А ашаты? Были случаи, чтобы ашаты...

— Ни одного, — не дал ему договорить Родригес. — Сто пятьдесят четыре эпизода с потерпевшими ашатами, ни одного с имлинами.

После разговора с начальником полиции Оланд неспешно обошел кафе. Десантники шли в паре метров от него, стараясь не путаться у наблюдателя под ногами и в то же время держать дистанцию между ним и толпой, так и норовившей просочиться за ленточное ограждение.

— Ни днем ни ночью от них покоя нет. Хоть из дому не выходи, — вздохнул за спиной Оланда женский голос.

Герхард обернулся. Рядом с ним стояла пожилая дама в платке, накинутом на плечи. Одета она была по-домашнему, очевидно, жила где-то рядом.

— Вы слышали о бандах, по ночам нападающих на прохожих? — спросил у дамы Олланд.

— А кто об этом не слышал? — вставил высокий черноволосый мужчина, и толпа, стараясь перекричать друг друга, загудела на все голоса.

— Не только слышала, но и видела их рукоделие, — ответила дама и плотнее укуталась в платок. — Я работаю операционной сестрой в хирургическом отделении госпиталя Святого Пантелеймона.

— Можете рассказать об этом подробнее?

— Какие еще нужны подробности? — крикнул кто-то из толпы. — Вам что, шести месяцев имлинских разбоев мало?

— Господа, пожалуйста, не все сразу, — зычно огласил округу Ефремов. — Если вы будете перебивать друг друга, господин Олланд не сможет разобрать ни единого слова.

— А чего тут разбирать? — крикнула невысокая ашатка средних лет и начала пробираться ближе к Герхарду. — Эти фашисты убивают наших детей, а Евросовет присылает к нам очередного наблюдателя!

— Только не говорите, что в Брюсселе ничего об этом не слышали, — видя сомнение Герхарда, поморщилась дама с платком и кивнула в сторону полицейского патруля. — Расспросите полицию. Уж кто-кто, а они об этом знают больше всех.

— А что говорят об этом не полицейские?

— До каких пор вы будете сидеть сложа руки?!

— Да будет уже орать мне на ухо. Оглохла совсем, — сказала ашатке дама с платком и повернулась к Герхарду. — Да все то же. Что они еще могут сказать? Имлинские подростки нападают по ночам на ашатов. Ломают пальцы на руках и ногах, выбивают зубы. Все до единого. Выкалывают глаза, отрезают уши...

— А вам не приходилось слышать, что люди грызут друг другу глотки? — спросил даму Герхард.

— Эта привычка появилась у имлинов месяц... полтора назад.

— Почему у имлинов?

— Да что вы его слушаете? — снова крикнул из толпы тот же мужской голос. — Он же уже все решил! Ему давно заплатили. А здесь стоит для галочки в отчете!

Ефремов начал искать человека, не в первый раз выкрикивающего из-за спин горожан. Он вполне мог спровоцировать толпу не только словом, но и выстрелом.

В голове Герхарда проскочила догадка, он присмотрелся. Дама была ашаткой. Она поймала его взгляд.

— Вы думаете, что я так говорю, потому что сама ашатка?

— Проклятые имлины всю Европу настроили против нас! — брызгая слюной, крикнул в лицо Оланду пожилой ашат. — А вы им подыгрываете! В это кафе ходят не только имлины, и ашаты тоже. И вообще все это специально спланированная акция. Я ашат, живу в имлинском квартале. И что прикажете мне делать после этого погрома? На улицу не выходить?

— Послушайте. Я здесь... — начал Герхард, но ему опять не дали договорить.

Вообще в профессии наблюдателя это очень важно: иметь терпение, уметь слушать, не срывать, когда тебя перебивают. Эти люди видели много горя. Они устали от него. И им необходимо хотя бы просто с кем-нибудь поделиться той болью, что накопилась у них на душе. Им нужно, чтоб их выслушали.

— У меня муж имлин, — сказала дама с платком.

— Я задаю много неприятных вопросов, потому что моя работа — разобраться в происходящем, — словно пытаясь оправдаться, сказал Оланд.

— Я не знаю, кто это делает, но среди тех, кого привозили к нам в госпиталь с рваными ранами шеи, не было ни одного имлина.

Оланд вдруг подумал, что это совпадение может иметь катастрофические последствия.

— И поэтому подозрение пало на имлинов, — вслух

рассуждал Герхард. — О скольких случаях вы знаете достоверно?

— В наш госпиталь... пять... шесть человек поступало. В муниципальную клинику двое, у меня там подруга работает. А вообще в городе болтают, что очень много смертельных случаев. Какой смысл везти труп в клинику? Его просто хоронят.

— Чем была нанесена рана потерпевшим, попавшим в ваш госпиталь?

— Я не эксперт.

— Нас собаками травят, а Брюсселю и дела нет! — снова крикнул из толпы уже знакомый голос. — Им это на руку. Чем меньше ашатов, тем лучше!

Теперь уже не только Ефремов, но и вся толпа начала оглядываться по сторонам, искать человека, постоянно выкрикивающего из-за их спин.

— Я, честно говоря, сначала сомневалась, что это сделали люди, — пожав плечами, сказала дама с платком, — но... Говорят, есть свидетели. Их немного, но они есть. А в городе очень много слухов о звериных повадках имлинов. Глупость, конечно, но о чем может думать обыватель, если на его улице нашли труп с разорванным горлом? Сами видите, люди напуганы.

Начали сгущаться сумерки. На улицах зажглись фонари, а люди все не расходились. Оланд еще около часа разговаривал с пешковчанами и слышал, пусть в разных вариациях, одно и то же. Имлины истребляют ашатов. Их цель — стереть ашатов с лица земли. Им помогают имлинские террористы, со всего мира съехавшиеся в Пешковец. А Брюссель почему-то не замечает геноцида. Почему? Может, его это устраивает?

— Только вампиров мне не хватало, — вздохнул Герхард, когда они возвращались в гостиницу.

— Знаете, Герхард, если позволите, я бы вам посоветовал не произносить это слово при пешковчанах, — сказал Ефремов.

— Вы думаете, они так сильно верят в мистику?

— Если чего-то нельзя объяснить на пальцах, люди придумают самые невероятные объяснения. От вампиров до инопланетян.

— Вы чертовски правы. Одну из версий я сегодня даже услышал. Вы заметили того, кто пытался спровоцировать толпу?

— Нет, — Ефремов покачал головой. — Он быстро понял, что его пытаются вычислить, и замолчал.

— Ваша оценка инцидента?

— В этот раз вас хотели прощупать, проверить наши нервы. Попугать, если хотите. Будьте повнимательнее. Следующий шаг может быть более агрессивным.

31 июля

13 часов 55 минут

Погода еще вчера испортилась. С утра дул порывистый, промозглый ветер, из свинцовых туч нет-нет да и покрапывал дождик. Десятки мелких луж на асфальте, намокшие стены домов, машины, люди. Казалось, город с головой окунулся в уныние. На небольшой площади у давно иссякшего фонтана было немногочленно. Майор Ефремов наблюдал за ситуацией, стоя на бордюре его чаши. Слева от него находился микроавтобус, в котором Герхард Оланд слушал рассказы пешковчан. Сегодня были в основном ашаты. Десантники, метрах в пяти-шести обступившие микроавтобус, по одному пропускали желающих поговорить с наблюдателем Евросовета. Водитель микроавтобуса, лучший шофер управления полиции, второй час читал газету, разложив ее на рулевом колесе. Пешковчане тихо переговаривались между собой, терпеливо ждали своей очереди.

За неделю, что Герхард Оланд находился в Пешковце, он успел встретиться с представителями как ашатской, так и имлинской общины, обсудить ситуацию с политиками, чиновниками, представителями благотворительных организаций, городской администрацией. Посетил в об-

щей сложности четырнадцать лагерей и общежитий беженцев, побывал в госпиталях и клиниках. Выслушал сотни свидетельств очевидцев, получил бесчисленное количество фотографий и видеокассет, на которых были зафиксированы убийства и грабежи. Но что из услышанного правда, а что вымысел, Оланд однозначно сказать не мог. За полгода в Пешковце случилось много горя. Ища сочувствия и защиты, имлины и ашаты старались вспомнить друг о друге только плохое. И если кто-то приписывал себе свидетельство событий, которые он не видел собственными глазами, а только слышал о них, то случалось это лишь оттого, что он просто хотел, чтобы ему поверили. Герхард понимал это и день за днем, терпеливо выслушивая разные версии одних и тех же происшествий, искал совсем другие подробности. С недавних пор его интересовало все, что касалось необычного поведения людей. Поступки, реакции, особенности общения.

Вот и сейчас Оланд слушал чудовищный по содержанию рассказ о том, как пять имлинских подростков среди бела дня забили ногами двух ашатских девушек, после чего отрезали им уши и ушли. За годы работы в департаменте анализа религиозных и национальных конфликтов Герхард так и не научился не принимать чужое горе близко к сердцу. Можно было бы отмахнуться, сказать себе, что так не бывает, старик сгущает краски, но старик принес с собой видеочип, на котором, по его словам, записано все, что он только что рассказал.

Старик ушел, его место заняла девушка.

Сканер личных датчиков пискнул Ефремову в наушник. Этого сигнала майор ждал с первого часа, как они ступили на землю Пешковца, но утверждать, что он обрадовался, было нельзя.

— Внимание, — тихо сказал майор, поправляя микрофон, тянувшийся на тонкой пластиковой спице от правого уха. — Есть сигнал. В случае контакта Лукин, Серегин — уводите объект. Бойко — тыл. Суворин — окна. Эвакуа-

ция по сценарию четыре. Нервы беречь. Огня не открывать. Только если край.

Ефремов осторожно приподнял сканер, висевший у него на поясе, нажал кнопку и посмотрел на голубоватый экран. На экране тускло мерцали шесть красных точек и одна зеленая. Прекрасно. Он стоит чуть правее. Теперь осталось угадать, кто из толпы светится на экране зеленым. Майор медленно поднял глаза.

Оланд, ни о чем не подозревая, сидел в микроавтобусе и внимательно слушал молодую ашатку.

Сканер снова пискнул. Теперь дважды. Значит, метка пришла в движение. Через секунду Ефремов заметил человека, осторожно протискивающегося между ашатами поближе к микроавтобусу.

— Он идет к объекту, — тихо сказал майор. — Высокий мужчина, волосы русые, стрижка длинная, лицо вытянутое. Серая непромокающая куртка.

Высокий мужчина как будто услышал его. Он остановился. Стараясь что-то разглядеть поверх голов, встал на цыпочки, через несколько секунд опустился, сделал пару шагов в сторону и снова поднялся на носках. Ефремов лениво оглянулся. За его спиной, по тротуару шла одинокая старушка, волоча за собой сумку на колесиках. Майор беспечно, словно озяб, передернул плечами, поправил как будто сползавший с плеча ремень скорострельного протонного ружья, активировал генератор. Ствол качнулся над головами ашатов. Высокий мужчина развернулся и начал неспешно выбираться из толпы. Ефремов еще раз осторожно посмотрел на экран сканера. Направление движения совпадало.

— Я его вижу, — сказал Суворин. — Он уходит.

— Отпускаем, — подтвердил Ефремов. — Он нас заметил. Его наверняка страхуют. Попробуем задержать — откроют стрельбу. Здесь полно гражданских.

Ефремов оказался прав. Когда незнакомец проходил мимо кондитерской лавки, от нее отошли два субъекта и

направились следом за ним. Сканер майора не мог их засечь, дистанция теперь была слишком велика.

Около четырех часов Олланд закончил прием ашатов. Они еще раз нестройным хором попросили принять меры и прекратить имлинский разбой. Из-за ублюдков не то что ночью, вечером не каждый отважится выйти из дома. Олланд пообещал во всем разобраться и передать все имеющиеся у него сведения в комиссию Евросоюза.

По пути в гостиницу Ефремов сел на переднее сиденье и почти неотрывно следил за показаниями сканера. Несколько раз на экране появлялись новые красные точки — личные датчики наблюдателей ООН, госдепартамента США, комиссии по правам человека при международном трибунале в Гааге. Зеленых точек больше не было. Но у фонтана контакт все-таки состоялся. Они пришли. Первый раз за восемь дней. И они еще вернутся.

У дверей гостиницы Олланда караулили полтора десятка репортеров. Увидев микроавтобус наблюдателя, они оживились, поспешили привести аппаратуру в рабочее состояние.

— Наши планы, — обернувшись, спросил Ефремов, когда микроавтобус начал притормаживать.

Олланд вытянул шею, посмотрел на собравшихся. Полицейские, дежурившие у дверей гостиницы, двинулись к микроавтобусу, собираясь организовать коридор.

— Пресса. Прекрасно. Простите, я забыл вам сказать: сегодня утром мне звонили из пресс-центра, просили ответить на несколько вопросов. Я думаю, это займет не более десяти минут.

— Поговорите на улице или пройдем в конференц-зал гостиницы? — спросил Ефремов, собираясь открыть дверцу.

— Незачем их туда тащить. Поговорим на улице.

Не успел Олланд выйти из автобуса, как к нему протянулись с десятков штанг с микрофонами, засверкали фотовспышки, операторы взяли его на мушку видеокамер и десять вопросов были заданы одновременно.

— Господа, не все сразу, — показав, что сдается, с улыбкой сказал Герхард.

Такие конференции Ефремов не любил больше всего. Репортерская братия очень редко утруждает себя нормами приличия, откровенно напирает на охраняемый объект, сует под нос микрофоны и роится, роится, словно не может замереть, пока не ослабнет заводная пружина. Как тут вовремя заметить убийцу, окажись он среди репортеров? Но поделаться ничего было нельзя. Майор вежливо отстранил репортера, пытавшегося из-за спины Олланда подсунуть ему под нос диктофон, и встал за левым плечом объекта. Десантники в паре шагов от муравейника обступили его со всех сторон, поглядывая в основном по сторонам. Полицейские следили за порядком.

— Телекомпания CNN, — чуть ли не крикнула писклявым голосом молоденькая мулатка, держа микрофон в вытянутой руке. — Господин Олланд, вы уже неделю в Пешковце. Вы можете огласить какие-нибудь предварительные выводы?

— Могу. Здесь люди убивают друг друга.

— Агентство «Рейтер». У вас есть новые сведения или хотя бы предположения о причинах конфликта?

— Есть очень много информации, которую нужно проверять, сортировать, систематизировать. Только после этого можно будет сделать какие-либо выводы.

— Администрация Пешковца выполняет обещание оказывать вам всестороннюю помощь? — спросил седовласый араб.

— Я доволен сотрудничеством, — ответил Герхард. — Все вопросы, которые я задаю, получают своевременный ответ. Если мне необходимо с кем-то встретиться, это происходит без каких-либо проволочек. Все документы, которые необходимы мне для работы, я получаю по первому требованию.

— Как вы относитесь к готовящемуся на вас покушению?

Герхард так и замер с открытым ртом. Ефремов приго-

товился в любую секунду выдернуть Олланда из толпы, десантники переключили внимание на репортеров.

— А как вы относитесь к тому, что после этой пресс-конференции вас из автоматического оружия расстреляют двое неизвестных? — спросил Герхард.

Репортеры захихикали, очевидно, остались довольны ответной шуткой Олланда. Но Ефремов не оценил юмора. За такие шутки ноги выдергивать нужно.

— И все-таки, господин Олланд, — настаивал шутник, — вы всерьез относитесь к этому предупреждению или считаете его маловероятным?

— Как можно относиться к тому, о чем не знаешь? Очевидно, потенциальный убийца предупредил вас раньше, чем меня. Но поскольку теперь я знаю об этом, постараюсь отнестись всерьез. Вас интересует, допускаю ли я в принципе возможность покушения? Да. Потому что мы на войне. Но подозревать какую-либо из конфликтующих сторон у меня нет оснований. Более того, никому из них война не нужна.

— Это правда, что в случае вашего негативного заключения в город введут войска и конфликт будет подавлен силой? — спросила дама бальзаковского возраста.

— Я не располагаю информацией о подготовке военной операции.

— У вас есть информация о так называемых ублюдках? Это ашаты или имлины?

— Нет. Никакой информации о так называемых ублюдках у меня нет.

— Сколько вы пробудете в Пешковце?

— Я думаю, еще неделю. Возможно, две.

— Рассчитываете, что этого времени хватит для поиска мирного решения конфликта?

— Этого времени вполне достаточно, чтобы примирить тех, кто хочет мира. Если мир не нужен хотя бы одной из сторон, бойня продолжится, даже если я поселюсь в этом городе. Простите, господа, мне пора идти. У вас еще будет возможность задать мне вопросы.

Репортеры, вежливо раздвинутые полицией, нехотя расступились, освободили лестницу, Оланд в сопровождении русского десанта поднялся по ступеням и скрылся за дверями отеля.

После плотного ужина в ресторане гостиницы Оланд и Ефремов уединились в рабочем кабинете, чтобы за бокалом красного вина обсудить новости. Майор сидел в глубоком кожаном кресле, потягивая вино и наслаждаясь его букетом, и обдумывал, с чего начать разговор. Оланд сел за широкий стол, приготовился выслушать Ефремова, попутно собираясь проверить электронную почту.

— Герхард, вы что-нибудь знаете о киберах? — спросил Ефремов.

— Конечно, знаю. С детства люблю фантастику.

— Очевидно, вы также знаете, что Министерство обороны Европы располагает подразделением, сформированным исключительно из клонов?

— Об этом не писали в газетах, — невозмутимо глядя в глаза русского майора, ответил Оланд. Ефремов молчал, словно ждал продолжения, и Герхард продолжил: — Майор, даже если бы я и знал о существовании клонов, не говоря уже о подразделениях, сформированных из их числа, то вряд ли бы сознался. Существование подобного подразделения должно быть государственной тайной.

— Что для вас государственная тайна, для нас — тактико-технические характеристики армии вероятного противника, — сказал Ефремов. — Но... Пусть так. Не знаете так не знаете. Считайте, что я вам открыл один из ваших военных секретов. Если не вдаваться в вопросы морали, существование армии клонов вполне логично. Крепкие, прошедшие тщательную селекцию парни, у которых нет родственников и чья смерть не вызовет никаких вопросов. Мечта любого генерала. С будущего года их планируют отправлять на освоение других планет, где будут поручать рискованные операции.

— Я весьма поверхностно знаком с нашей космической программой, — ответил Герхард.

— Не тушуйтесь, — сказал Ефремов. — Аналогичные программы есть и в Америке, и в Канаде, и в Китае. Возможно, в России. Но я знаю наверняка, что в Европе с недавних пор клонам в мозг имплантируют микрочипы. В ближайшем будущем планируется заменять дубликатами из легких и сверхпрочных сплавов некоторые кости клонов, мышечную ткань — искусственными материалами. Микрочип в разы увеличит реакцию, зрение, слух, притупит чувства боли, усталости и страха. Все это должно превратить клонов в еще более сильных, отважных и выносливых солдат. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Вы говорите о большой вероятности существования киберов. Людей или клонов с имплантированными микрочипами, что само по себе нарушает как минимум два десятка международных соглашений.

— Сегодня по крайней мере один из киберов был на площади у фонтана.

Новость произвела на Оланда определенное впечатление. Ефремов заметил это, хотя Герхард и пытался скрыть свою реакцию. Значит, он знал и о клонах, и о киберах, и о военных экспериментах с их участием, но не ожидал встретить их в Пешковеце. Теперь хоть что-то проясняется. Вот, значит, в чем причина idiotских вопросов о необычном и странном в поведении окружающих...

— С чего вы взяли, что здесь был клон? — спросил Герхард.

— Мой сканер личных датчиков в состоянии заметить приближение кибернетического организма всех известных нам модификаций, — ответил майор. — Правда, на расстоянии не более пятнадцати-двадцати метров. На площади у фонтана мы засекали кибера. Я не знаю, был ли он клоном... Не смотрите на меня как на шпиона, Герхард. Модернизированный сканер «СИД 01-12» входит в стандартную экипировку солдат российского корпуса миротворцев. Наша задача — обеспечить вашу безопасность. Это приказ. И мы его выполним, используя все имеющиеся

ся в нашем распоряжении средства, даже если нам придется воевать с регулярной армией Европы.

— Именно поэтому я и настаивал на вашем участии, — вставил Оланд.

— Спасибо за доверие, — Ефремов коротко качнул головой. — Но ваш ответ лишь подтверждает мое подозрение. Вы предполагали столкнуться в Пешковце с чем-то неординарным. Поэтому повторяю вопрос. Герхард, вы что-нибудь знаете о подразделениях киберов?

Оланд взял бутылку бурдо, долил себе вина. Ефремов отказался. Сделав глоток, Герхард задумался на секунду, поставил бокал на стол и сказал:

— Отвечу по пунктам. Первое. Я не предполагал встретить здесь что-то из ряда вон выходящее. Обычный межнациональный и межрелигиозный конфликт. Я вообще не собирался ехать в Пешковец. Я собирался в отпуск, а мне навязали командировку. Наблюдателю департамента межнациональных и религиозных конфликтов на время командировки в зону конфликта по закону положена охрана. Вы с ребятами — лучшее подразделение бригады миротворцев, и мое требование о вашем участии явно необоснованно. Мой шеф не терпит ультиматумы. Я поставил условие в надежде, что меня отстранят от работы и я, как и запланировал, поеду в Ниццу. Но шеф неожиданно легко согласился, и вот я здесь, в вашей компании. Второе. Мне известно, что эксперименты с клонированием человека проводятся с тех пор, как группа ведущих ученых мира доказала необходимость клонирования стволовых клеток. Клонирование человека запрещено законом, но... Президент для нескольких институтов сделал исключение и выдал им специальное разрешение. Я не знаю где, я не знаю сколько, но знаю, что в Европе эксперименты с клонированием человека проводятся более семидесяти лет. О существовании киберов я не знаю ничего. Точнее, ничего конкретного. Я знаю, что подобные разработки велись во многих странах мира еще в конце двадцатого века, но в тех экспериментах в качестве объекта исполь-

зовались обычные люди. И если вы утверждаете, что кибер находится в Пешковце, более того, что он приходил на мою встречу с ашатами, мне ничего не остается, кроме как развести руками и сделать срочный запрос в наш департамент.

Это могло быть правдой. Зачем специалисту по межнациональным и религиозным конфликтам знать о новейших военных разработках, об экспериментах с клонами и киберами?

— Я вам верю, — сказал Ефремов. — Но Герхард, если вы что-то узнаете, случайно или не совсем, для вашей же безопасности будет лучше, если вы сообщите об этом мне.

— Я сейчас же отправлю запрос, и мы получим исчерпывающую...

— Не торопитесь. Прежде всего нам нужно убедиться, что это действительно был кибер, а не ошибка сканера. Ваш запрос могут неверно истолковать, возникнут сомнения в вашем здоровье. Если сканер не ошибся, то наверняка в Пешковце не один кибер, а группа. Неплохо бы разобраться, кому они принадлежат. В мире есть по крайней мере шесть стран — потенциальных обладателей киберов.

— Давайте искать причину происходящего, — предложил Оланд. — Зачем в Пешковце нужны киберы?

— Испытание в реальных условиях, — ответил Ефремов. — Полигон — это одно, настоящий город — совсем другое. Заваруха, подобная пешковецкой, — наилучшее прикрытие.

— Возможно. Допустим, что киберов готовили для использования в городских условиях. Зачем?

— Во-первых, для ведения обычных военных действий. Во-вторых, для ликвидации вооруженных беспорядков. В Пешковце скорее локальный вооруженный конфликт, чем полномасштабная война. Возможно, они страхуют нас.

— Если это так, почему меня не поставили в известность?

— Вы сами сказали, это военная тайна.

— Может быть, может быть... — задумчиво пробормотал Оланд. — А может, и нет. Все хотят мира, но до сих пор идет война.

— Мира, может, и хотят, но не имеют желания идти на уступки друг другу, — сказал Ефремов.

— В городе зафиксировано колоссальное количество случаев необъяснимой, почти звериной жестокости имлинов. Это нельзя объяснить травмированной на войне психикой человека. Это деградация, спуск вниз на несколько ступеней эволюции. Нигде и никогда не было ничего подобного. Акции ашатов совершенно не соответствуют их менталитету, поведению на протяжении всей истории. Они никогда не были хорошими воинами, чаще брали количеством, а не мастерством. Я сделал запрос в Министерство обороны и вчера получил обескураживающий ответ: ашаты очень редко попадают в регулярную армию Европы. Во-первых, сами идут неохотно, во-вторых, не выдерживают тренировок, не сдают экзамены. И тут — пожалуйста: операция в лучших традициях спецподразделений.

— Возможно, это провокации. Одна сторона хочет скомпрометировать другую и под видом оппонента совершает убийства.

В дверь постучали. Десантники впустили гостя. Герхард вспомнил, что пригласил на кофе начальника комитета по образованию Пешковеца. Ему очень хотелось с ним поговорить об атмосфере, царившей среди школьников средних и старших классов. Разговор с майором пришлось отложить, и тот пошел готовиться к завтрашней инспекции в лагерь имлинских беженцев.

2 августа

19 часов 20 минут

В гостинице «Серебряная Луна» по десять-двенадцать человек в номерах с сохнувшим на перетянутых между стен веревках стиранным бельем четвертый месяц жили беженцы. Большинство с Цветочной улицы. Пищу гото-

вили там же, где и жили. На конфорках кипели кастрюли с кашей и супом, по углам стояли мешки с крупой, коробки и банки — гуманитарная помощь. Все окна были распахнуты, но воздух по-прежнему оставался тяжелым, спертым, как будто густым. В коридорах с раннего утра и до поздней ночи звенели детские голоса...

После взрыва на площади Гете машины с тремя боевиками ашатские подростки совершили набег на Цветочную улицу. Их было немного, не более десяти человек. Они начали бить стекла кондитерского магазина, подожгли припаркованный «Фиат» его владельца, нападали на прохожих, выкрикивали оскорбительные для имлинов слова. Они не знали, что в переулке имлины обсуждают грядущее закрытие мебельной фабрики, на которой они работали. Услышав женские крики и звон разбитой витрины, имлины с ходу надавали ашатам тумаков. Били от души. Ашаты спешно ретировались. Кому-то из них успели разбить голову, кому-то выбить зубы. Вернувшись в свои кварталы, побитые ашаты рассказали, что, когда они пришли на Цветочную улицу мстить за взорванную днем машину, на них напали имлинские ублюдки. Оказавшиеся рядом испанские тележурналисты начали снимать жертв нападения имлинов, ашатские женщины тут же завывали, оплакивая синяки своих детей, обещая собственноручно отрезать имлинам уши. Испанские телевизионщики поехали с пострадавшими в больницу, мужчины разогнали матерей, сестер и жен по домам, а сами отправились на совет. Совет был коротким, решение приняли единогласно. Сжечь дотла Цветочную улицу, убить всех живущих на ней имлинов.

Позже, когда полиция расследовала инцидент, кто-то сказал, что ашаты, громившие кондитерский магазин, были в наркотическом опьянении. Но в тот вечер на это никто не обратил внимания, как никто не вспомнил, что подростков на Цветочную улицу для священной мести послал проповедник Мбобо Иерусалимский.

Около сотни ашатов, вооружившись протонными

ружьями, скорострельными иглолучевыми пистолетами, кухонными ножами, палками, камнями и обрезками труб. Дождавшись сумерек, пошли мстить имлинам за своих детей. Но имлины, наученные ашатскими налетами, не легли спать, а вооружились протонными и старомодными пороховыми, охотничьими ружьями, разбились на несколько групп и затаились в ожидании налета.

Ждать пришлось недолго. Как только стемнело, на Цветочную улицу, словно черные тени, вошли ашаты. Они только начали обливаться бензином и двери домов бензином, собираясь их поджечь, как имлины напали первыми, открыв по неприятелю шквальный огонь. Ашаты, кто успел, укрылись за домами и машинами, а кто не успел, остались лежать на асфальте. Бой был скоротечным. Через двадцать минут аккумуляторы сели, патроны закончились и началась рукопашная. Цветочная улица превратилась в бурлящую реку, переполненную кровью, криком и запахом гари. Ашаты поджигали дома, забрасывая в окна канистры с бензином и зажженными фитилями, не разбираясь, где живут имлины, а где греки, евреи, чехи, испанцы или французы. Мужчины Цветочной улицы начали спасать из горящих квартир свои семьи, осмелевшие ашаты убивали их в спину. Как только семьи оказывались в относительной безопасности, имлины снова бросались в драку, убивая ашатов голыми руками. И не только имлины, все жители Цветочной улицы, независимо от национальности и веры, охотно помогали им. Они дрались за свои дома, за свои семьи. В эти минуты им была безразлична любая идея.

Утром вся прогрессивная мировая общественность выразила озабоченность произошедшим ночью инцидентом, полиция приступила к расследованию, Евросовет и ООН отрядили по комиссии, Мбобо Иерусалимский проклял живших на Цветочной улице имлинов. Имлины пообещали убивать ашатов до тех пор, пока те не научатся жить в мире и не признают право на жизнь любого человека, непохожего на них. Ашаты пообещали взрывать

дома и школы, убивать имлинов везде, где только встретят. А на информацию полиции о том, что в машине на площади Гете взорвался пластик, который перевозили ашаты, никто не обратил внимания.

Все, кто мог уехать из Пешковеца, уехали, остальным жителям Цветочной улицы было предоставлено временное жилье в разных районах города. Имлины решили, что безопаснее будет держаться всем вместе. Мэрия пошла им навстречу и выделила беженцам гостиницу «Серебряная Луна»...

Пять минут назад Питер заступил на пост возле двери, ведущей во двор гостиницы. И пока Роже болтал с очаровательной Терезой, он решил проверить, закрыты ли на ночь ворота, не спрятались ли кто в угольном сарае, и вообще осмотреть двор. Предыдущая смена наверняка добросовестно несла службу, но Питер считал, что излишняя осторожность — это не трусость, а осмотрительность. Скоро два месяца, как между ашатами и имлинами было заключено перемирие, но налеты, погромы, ночные убийства все равно продолжались. То там, то тут в Пешковеце взрывали магазин, принадлежавший имлинам, кто-то расстреливал семью, убивал припозднившегося прохожего. На словах ашаты просили мира, заверяли, что к этим преступлениям они непричастны, обещали чем только возможно помочь расследованию, но разве можно им верить? Полицейские говорили те же слова, но за последние шесть месяцев они не раскрыли ни одного убийства имлинов. Питер давно усвоил, что имлинам не на кого рассчитывать, кроме как на себя. Если они перестанут защищаться, ашаты уничтожат их всех до одного. По одному.

Проверив ворота, Питер обошел внутренний двор, заглянул во все закоулки, включив фонарь, заглянул в сарай и тут же чихнул от угольной пыли. Потом еще раз, еще. В сарае был только уголь. Потирая нос, Питер вышел во двор. Роже наговорился с Терезой и неспешно спускался по ступеням заднего крыльца.

— Нашел шпионов? — спросил Роже, поправляя на плече ремень протонного ружья.

— Пусто, — ответил Питер, сделав вид, что не понял подколку.

Роже достал пачку сигарет, поднес к губам, ухватил одну за фильтр. Прикурив, глубоко затянулся и, задрав голову, выдохнул в вечернее небо сизую струю дыма.

— Завтра будет жарко.

— По мне лучше солнце, чем дождь, — ответил Питер.

— И ночка будет теплой. Такой ночью с красоткой да к морю... Ночь, звезды, бутылка хорошего вина и красивая девушка, — мечтательно сказал Роже и опустил голову. — Что еще нужно поэту для счастья... Питер, у тебя есть девушка?

— Даже две.

— Правильно. Девушек чем больше, тем лучше. Ты, наверное, им всем даришь цветы, шоколад и обещаешь на них жениться?

— Обманывать нехорошо, — сказал Питер. — К тому же для секса совершенно необязательно врать девушке, что ты на ней женишься.

— В юности я тоже считал, что секс даже не повод для знакомства. Пока не встретил Анжелу. Она заставила меня пересмотреть свои взгляды на взаимоотношения полов.

Питер ничего не ответил, лишь усмехнулся и, поднявшись по лестнице, вошел в гостиницу. Роже остался рассматривать звезды.

Странно было слышать, что женщина заставила его изменить взгляды на общение мужчин и женщин. Роже был из тех мужиков, кого не то уважительно, не то с презрением называют котярами. Ходили разговоры, что в юности Роже не пропускал в Пешковеце ни одной юбки. Сейчас ему было за сорок, и, глядя на его теперешние шашни, в это было нетрудно поверить.

Но патологическая тяга к женщинам была лишь одной стороной Роже.

Когда начались беспорядки, Роже, как и многие пеш-

ковчане, считал, что все скоро закончится. Он старался не выходить поздно вечером на улицу, обходить стороной опасные кварталы, не оставлять детей без присмотра. Но однажды война пришла и на его улицу. Во время ночного налета ашаты убили его соседей, тихую польскую семью, и сожгли дом друга, грека, жившего через два дома. В семье Ковальских было восемь детей, старшему одиннадцать, младшей три с половиной годика. Жене и дочери Андреаса повезло больше, если это можно назвать везением. Они успели убежать, а Андреас, когда отвлекал на себя внимание ашатов, был ранен. Его схватили, сначала долго издевались над ним, потом выкололи глаза и распяли на воротах собственного дома. Андреас умирал десять часов. И все это время Анжела, стоя на коленях, умоляла мужа не выходить из погребца, не рисковать жизнью двух дочек. Наверное, Роже понимал, что вряд ли сможет помочь Андреасу, но и сидеть сложа руки, когда его друг умирает... Никто, кроме него самого, не знает, чего стоили ему эти часы. На одной чаше весов жизнь друга, на другой — жизнь твоих детей. Роже не знал, что случилось с семьей Андреаса. Они могли быть уже мертвы или успели уйти. Их могли забрать с собой ашаты. Во всех трех случаях помочь им было нельзя.

На рассвете ашаты ушли, но было даже страшно подумать, что это не так. Полицейские в то время не спешили приезжать по ночным вызовам. Неизвестно, сколько бы Роже пришлось просидеть в погребце, если бы не немецкий мотострелковый взвод, возвращавшийся домой после учебного броска со своей военной базы в Польше до итальянской границы. Увидев разоренную улицу, они связались с командованием и с полицейским управлением Пешковаца.

На следующий день Роже отвез жену с детьми к тете в Тулузу, а сам вернулся в Пешковац. Вернулся мстить. И он мстил. За смерть семьи Ковальских, за мучения Андреаса, за то, что, пока ашаты забрасывали камнями школьные автобусы, он убеждал себя, что это обычная выходка

подонков и не более. За то, что шестнадцать часов, поджав хвост, просидел в погребке, а не вышел с протонным ружьем, когда ашаты подпалили его дом...

Докурив, Роже щелчком отшвырнул в сторону окурков и быстрым шагом ушел со двора. Со стороны железнодорожного вокзала донесся гул отходившего пригородного поезда на магнитной подушке. Замок на двери клацнул, двор осветился дюжиной пятисотваттных ламп.

Дежурство прошло спокойно. Питер и Роже сидели в небольшой комнатке, добросовестно следя за мониторами, на которые приходило изображение с восьми внешних камер наблюдения. Минут через пятнадцать должна была подойти смена.

Одна из ламп лопнула, лифкаловая нить вспыхнула ярко-белым огнем и перегорела. Дальний угол двора утонул в темноте. Роже и Питер переглянулись. Случайность? Почему нет? Электролампы, к сожалению, не вечны.

— Дай сигнал, — сказал Роже, по третьему кругу чередуя на мониторе изображение с видеокamer, с которых просматривался двор.

— Не спеши, сейчас мужики подойдут, — сказал Питер.

Но Роже уже встал со стула, взял стоявшее в углу протонное ружье и, активировав генератор, снял предохранитель. Питер нажал кнопку звонка. Один длинный, значит, на посту что-то не так.

Питер взял свое ружье. У него появились неприятные ощущения. Быстро подступила тошнота, в ушах тихо зазвенело, слабость и легкий мандраж растекались по телу. Роже посмотрел в видеоглазок и, положив палец на спусковой крючок, открыл дверь.

На улице было тепло. Черное безоблачное небо, яркие звезды, громкое пение сверчков. Стоя на крыльце, Роже, прислушиваясь, осмотрелся. Двор был пуст. Ни одного постороннего звука в округе. В это время Питер, не понимая, что заставляет его нервничать, постоянно менял на мониторе картинки с видеокamer.

Роже осторожно сошел с крыльца. Замер. Снова при-

слушался. Ни одного звука, кроме пения сверчков. В двадцати пяти метрах от крыльца глухая стена трехэтажного дома, справа крыло гостиницы, в углу между стеной и гостиницей угольный сарай, слева высокие кованые ворота. Роже почему-то сразу же пошел к воротам, а не к потухшей лампе. Он подергал замок, затем калитку. Заперто. Прислонившись щекой к холодным чугунным вензелям, выглянул на улицу. Улица была пуста. Не опуская ружья, Роже пошел к угольному сараю. Еще издали он заметил, что лампа разбита. Что за черт? Не перегорела, а лопнула? Под подошвой армейского ботинка скрипнуло битое стекло.

Роже отступил на полшага, посмотрел под ноги...

В затылок ему, точно в основание черепа, вонзился легендарный кованый нож штурмовика. Смерть наступила мгновенно, Роже не успел ничего почувствовать. Он еще стоял на ногах, когда во дворе гостиницы погас свет. Ружье клюнуло в ослабевших руках, колени подогнулись, и Роже упал лицом на гладкий булыжник. Питер на секунду замешкался, включил инфракрасные фильтры камер и успел увидеть, как через двор метнулись четыре силуэта. Опрокинув стул, он бросился к двери, выключил свет, встал на одно колено и, взяв входную дверь на мушку, изготовился к бою. Вдруг он вспомнил, что в суматохе забыл дать сигнал тревоги. Не беда. Смена уже готова заступить на пост. Услышав стрельбу, дежурный сам поднимет тревогу.

Одна из теней, возникших у Питера за спиной, молниеносным движением перерезала ему горло. Питер выронил ружье, захрипел, обхватил шею руками, кровь текла сквозь пальцы. Голова закружилась, он повалился на пол.

Смена не успела спуститься вниз, их вырезали еще на лестнице. Две тени метнулись через темный двор от крыльца гостиницы к стене трехэтажного дома. Кованые ворота, скрипнув петлями, распахнулись. Слобно волна, накатившая на песчаный пляж, во двор хлынули ашаты.

Нельзя сказать, что ашаты застали имлинов врасплох, но все же, прежде чем завязался бой, им удалось захватить весь первый этаж. Сначала одинокий женский крик,

потом второй, третий огласили гостиницу. Имлинов убили ножами, расстреливали в упор.

Когда через пятнадцать минут ашаты отступили, на первом этаже остались девяносто два тела. Среди них двадцать шесть детей, самому старшему было четырнадцать лет.

5 августа

08 часов 15 минут

Возле неказистого двухэтажного серого домика остановился джип криминальной полиции. Из машины вышли двое ашатов. Того, что был повыше ростом и пошире в плечах, звали Танахой — тридцатипятилетний сержант с вечно прищуренными глазами, сломанным носом и мгновенной реакцией бывшего боксера. Его спутника звали Миланом. Он был худощав, лицо овальное, вытянутое, скорее добродушное, большие карие глаза, черная кудрявая копна волос. Уже пятнадцать лет Милан работал в криминальной полиции Пешковца. За это время он снискал себе славу честного служаки и хорошего сыщика.

— Ну что, лейтенант, — сказал Танаха, — сразу зайдем в гости или для начала осмотримся?

— Он не дурак, чтоб прятаться в своем квартале, — ответил Милан. — Соседей расспрашивать бесполезно, все равно ничего не скажут. В дом нас не пустят, так что ты поглядывай по сторонам. Как бы нам истинные ашаты по затылку не стукнули.

Танаха кивнул, расстегнул пиджак, чтоб облегчить доступ к кобуре.

Милан постучал в дверь. В доме было тихо. Милан прислушался, постучал еще раз, гораздо громче. За дверью слышались шаги, замок клацнул. Дверь со скрипом распахнулась, на пороге появилась хозяйка, пятидесяти-четырёхлетняя ашатка. Если бы Милан не знал наверняка, сколько ей лет, ни за что бы не поверил. Выглядела она, мягко говоря, не очень хорошо. Да и как может вы-

глядеть женщина, за полгода схоронившая невестку, сына, двух племянников, двоюродную сестру и дядю?

Айна, вытирая мокрые руки о фартук, настороженно посмотрела на гостей. В следующую секунду, словно расплавленный воск в глицерине, перетекающий из одной формы в другую, из ее глаз исчезла настороженность, уступая место ненависти.

— Здравствуй, Айна, — как можно нейтральнее сказал Милан. Здесь нельзя было переигрывать.

— Чтоб ты сдох, и дети твои... — начала хозяйка, но Танаха перебил ее:

— Закрой рот, или поедешь с нами.

— Ах! Как напугал! — всплеснула руками Айна и тут же перешла на крик: — Вы только посмотрите, кто пришел! Два запаршивевших шакала, трусливо сидящие по канавам, когда требуется их помощь, и гордо называющие себя полицейскими, когда рядом нет бандитов! Да отсохнет рука, подающая вам хлеб!

— Айна, незачем кричать на всю улицу, — спокойно сказал Милан. — Даже если все ашаты Пешковца соберутся у твоей двери, мы не уйдем, пока ты не ответишь на наши вопросы.

— Не о чем мне с вами говорить, черви навозные! Я сейчас возьму скалку и обломаю ее об ваши трусливые спины! — потрясая кулаками, негодовала Айна.

— А ну-ка... — сказал Танаха и, отстранив лейтенанта, толкнул хозяйку в дом.

Айна завизжала, но, получив пару пощечин, умолкла и, повинувшись толчкам в спину, прошла в комнату. Она хотела ударить Танаху стоявшей на тумбочке керамической вазой, но сержант словно тисками сжал руки женщины, отобрал вазу, а саму ее толкнул к дивану. Милан не стал мешать сержанту. Конечно же, это было свинство. Конечно, если бы кто-то так же обошелся с его матерью, Милан нашел бы его и перерезал ему горло. Но сейчас это было оправданно. Стоять в пороховом складе с горящим факелом в руке чревато. Среди ашатов многие считали Иньяки

героем. Если бы на улице собралась толпа, им с сержантом пришлось бы несладко.

Оглянувшись, Милан вошел в дом и прикрыл за собой дверь.

— Смелые. Справились с пожилой женщиной, — сидя на диване, с презрением прошипела Айна, когда Милан вошел в комнату, и плюнула Танахе в лицо. — Был бы здесь Иньяки, ты бы не посмел и на километр подойти к моему дому!

— Был бы здесь Иньяки, я бы собственноручно переломал ему все пальцы и свернул шею, — зло ответил Танаха. — А теперь закрой рот и слушай, что тебе говорит лейтенант. А откроешь его, только когда тебе зададут вопрос.

— Прости, Айна, — сказал Милан. — Ты знаешь, что я всегда уважал вашу семью. Но ты сама не хочешь разговаривать по-человечески. Вот и приходится разговаривать на том языке, который выбрала ты. Твой сын, Иньяки, обвиняется в нескольких убийствах. Скажи нам, где его найти, и ты спасешь много жизней.

Айна, скрестив на груди руки, даже не смотрела на Милана, демонстративно молчала.

— Пойми, Айна, гибнут невинные, — продолжил Милан. — Твой сын ослеп в своей борьбе. Ему все равно, кого убивать. Вчера он взорвал школьный автобус. В чем перед ним были виновны дети? Может быть, они убили его брата?

Айна сидела не шелохнувшись. А ведь она знает, где Иньяки. Милан не очень-то надеялся услышать ответ: какая мать донесет на своего сына? Для общества он, может, и убийца, но для матери всегда останется сыном. Милан рассчитывал разговорить ее. Возможно, в разговоре она увлечется и случайно проговорится о чем-то, что поможет поймать Иньяки.

Танаха подошел к дивану и, наклонившись к Айне, проговорил тихо и уверенно:

— Ты знаешь, что сейчас будет? Лейтенант уйдет опрашивать соседей, а я посажу тебя в машину и отвезу к имлинам. В тот самый квартал, чьих детей взорвал Инья-

ки. Они порвут тебя на куски. За это меня выгонят из полиции, и я уеду из вонючего Пешковца на Кипр, к двоюродному брату. Но перед этим Иньяки придет, чтобы убить меня, и лейтенант его поймает.

На какой-то момент Милану показалось, что старый как мир фокус сработал. Но Айна, как и прежде, молчала. Было заметно, что ненависть переполняет ее, но желания отвечать на вопросы у нее так и не появилось.

— Где прячется Иньяки? — спросил Милан.

— Может, твоя мать и выдаст тебя, а от меня ты этого не дождешься.

— Ты сядешь в тюрьму, — сказал Милан. — Статья 1024. «Скрывающий от следствия информацию, которая может способствовать задержанию подозреваемого в убийстве, подлежит заключению на срок от года до четырех. Если же подозреваемый совершит еще одно или несколько убийств, срок заключения на усмотрение суда может быть увеличен в десять раз».

— Напугал, — сквозь усмешку процедила Айна. — Если среди мужчин не осталось воинов, значит, настало время женщинам защищать свой дом.

— Так иди и защищай, а не сиди дома! — крикнул Танаха.

— За меня воюет мой сын.

— Воюют солдаты. С другими солдатами. А твой трусливый выродок воюет с детьми. Он вчера взорвал школьников. Это не война. Это обычное убийство.

— Айна, — снова вмешался Милан, — где Иньяки?

— Не он начал эту войну. Где ты был со своим законом, когда имлины убили его отца?

— Его убили те школьники, которых вчера взорвал Иньяки? Или ты хочешь, чтобы ночью пришли имлины, убили тебя, сожгли твой дом, а заодно и перебили твоих соседей — потому что вчера ашаты убили школьников?

— Умереть во имя священной цели — счастье.

— О каких целях ты говоришь? — спросил Танаха. — Соседскому парнишке два года. Он еще и разговаривать

толком не умеет. Ему абсолютно безразличны твои убеждения. Он даже не понимает, что это такое. Ваш Мбобо — сумасшедший. Ему плевать на веру. Ему нужна кровь. И щедрые пожертвования на священную войну. Что-то я не слышал, что он был в Пешковце, когда мы после его проповедей пошли штурмом на мэрию. Когда ашаты гибли сотнями, он к Парижу подлетал.

Айна молчала. Жаль. Был шанс, а теперь его нет.

— Хорошо, — сказал Милан. — Мы уходим. Если хочешь спасти Иньяки, передай ему, чтобы он прекратил убивать и уехал из страны.

Айна посмотрела на Милана.

— Я не собираюсь спасать его шкуру, хоть он и ашат, как и я, — сказал лейтенант. — Я хочу, чтобы он перестал убивать.

Милан вышел из комнаты, Танаха шел следом, но у самой двери он обернулся и сказал Айне:

— В том, что ты воспитала труса и мерзавца, моей вины нет. Иньяки — не воин за веру. Он маньяк. Ты знаешь, где он. И ты передашь ему мои слова. Если я найду его первым, пусть не надеется остаться живым.

Айна ничего не ответила. Для нее Иньяки был воином.

Сев за руль, Танаха запустил двигатель, и полицейский джип покатился по пустынной ашатской улице.

— Зря ты это сказал, — заметил Милан. — Для нее он сын. Плоть от плоти. Плохой или хороший.

— Надоело, — ответил Танаха. — Шесть месяцев безумия. Спроси любого, за что он убивает и сам готов умереть, — никто не ответит: за гражданские права или за веру. Каждый скажет, что мстит за смерть. Друга, сестры, соседей или просто хорошего человека. Это никогда не закончится. Всегда кто-то останется неотомщенным.

— Тяжело жить с сознанием того, что человек, убивший твоего брата, не получил по заслугам.

— У меня убили двух братьев. Я никогда не узнаю имени убийц. Их убила толпа. Но я не собираюсь мстить всем имлинам. И если я кому-то хочу вырвать сердце, так это

Мбобе Иерусалимскому и Фариду Андерсену. Чтоб навсегда отбить у них охоту воевать за веру и сесть в кресло мэра.

Милан ничего не ответил. В чем-то он был согласен с Танахой. Невозможно остановить войну, если каждый день совершаются новые убийства. Это как горный обвал. Стоит сорваться одному камню, как он тут же увлекает за собой два новых, каждый из которых прихватит три соседних. И если склон будет бесконечным, то камни так и будут падать, увлекая за собой все новые и новые жизни.

Но в том, что происходит в Пешковеце, были виноваты имлины. Это они начали бойню. Они обманули и совет Европы, и комиссию ООН. Они оговорили ашатов, и теперь почти все политики и партии поддерживают их, называя ашатов бандитами. В первые месяцы Милан, как и многие ашаты, взял в руки оружие. Он убивал, убивали его друзья, его близких. Шла обычная война. Но вскоре Милан понял, что оружием можно защитить свою жизнь, но не свою честь. Чтобы помочь своему народу, нужно было раскрыть истинное лицо имлинов. Раскрыть заговор против ашатов.

И это не просто слухи. У Милана были документы, доказывающие существование заговора. Он уже почти две недели каждый день носил их с собой в надежде, что сможет встретиться с Герхардом Оландом. Шансы на встречу Милан расценивал как пятьдесят на пятьдесят. Город небольшой, работа полицейских должна проверяться одной из первых. Скоро месяц, как Милан и Танаха ведут дело об убийстве имлинских депутатов, и шансов на поимку Иньяки у них пока что немного. Так почему бы наблюдателю не встретиться с сыщиками и не поинтересоваться: как идет розыск одного из самых кровавых террористов Пешковеца? Попросить же о встрече с Оландом официально было невозможно. Заинтересуются, проверят, заподозрят в предвзятости. И тогда прощай работа. Милан считал, что, если его уволят, лучше от этого не станет ни ему, ни Пешковецу.

Доложив дежурному свое местонахождение и бли-

жайшие планы, Милан и Танаха поехали в бильярдную «15». Иньяки частенько там появлялся. Может, повезет, кто-то его видел или намекнет, где искать. У монастыря Святой Лютиции дежурный дал команду возвращаться в комиссариат. Никаких объяснений, приказ комиссара. Делать нечего, Танаха развернул машину и поехал в противоположную сторону.

В комиссариате их ждал Герхард Олланд.

Когда Милан вошел в конференц-зал, Герхард уже закончил о чем-то разговаривать с Синтом Аленом, лейтенантом из четвертого участка. Ален был высоким, широкоплечим имлином. В Пешковеце у него была репутация неплохого сыщика, специализировавшегося на убийствах. С Миланом они познакомились почти месяц назад, когда пытались вычислить маньяка, почему-то невзлюбившего людей в шортах. Проверая подозреваемых, Синт не делал различия, кто был перед ними — ашат, имлин или поляк. И когда подозрения пали на Гуннара, одного из помощников Филиппа Таклоса, Синт без особых разговоров отвез Милана на конспиративную квартиру, где они вдвоем и допросили его. Гуннар отнесся к происходящему с пониманием и ответил почти на все вопросы. Поимка снайпера была в его интересах. Из-за последнего убийства сорвалась встреча с Андерсеном, а значит, и перемирие.

Маньяком оказался сошедший с ума тридцативосьмилетний латыш, бывший спортсмен-биатлонист. Стрелял он обычно с чердаков заброшенных зданий, которых в Пешковеце теперь было в изобилии. Это совместное расследование положило начало более доверительным отношениям между полицейскими Пешковеца. Совсем как до войны.

Пожав у двери Милану руку, Синт ушел.

— Лейтенант Милан Катъе, — представился полицейский. — Комиссар сказал, вы хотели со мной поговорить?

— Герхард Олланд, наблюдатель департамента религиозных и межнациональных конфликтов. Мне бы хотелось поговорить с вами о криминальной ситуации в Пешковеце. Присаживайтесь.

*Тот же день
20 часов 15 минут*

После плотного ужина в ресторане гостиницы Герхард Оланд, сидя в своем номере в кожаном кресле с вечерним бокалом вина на ломберном столике, вскрыл пакет, переданный ему полицейским лейтенантом. Из пакета он извлек сложенную пополам дюжину листов бумаги. Это оказались копии деловых писем. Точнее, заверения в поддержке партии «Имлинское единство» и имлинской общины Пешковце. А также поддержке господином Штрайбергом, спецпредставителем президента по законности при Евросовете, Леоном Серполе, советником министра обороны Европы, комиссаром по правам человека при ООН Энтони Гастингсом и еще семью известными европейскими политиками. Специальным представителем премьер-министра Японии в Европе господином Якимотой и советником посольства США Майклом Пауэлом. Тон писем был приблизительно одинаковым. Полное понимание и поддержка позиции имлинской общины в Пешковце, обеспокоенность происходящим, надежда на скорое принятие со стороны Совета безопасности Европы мер по пресечению преступных действий ашатских террористов. Заверения в готовности оказать посильную помощь в урегулировании конфликта, а также поддержать имлинские требования в Евросовете при обсуждении вопроса о принятии заявления по геноциду имлинов. То есть полная поддержка совершенно конкретными политиками позиции имлинов.

У Герхарда зародилось сомнение. Он перебрался за стол, достал из верхнего ящика ручной сканер, скоммутировал его с ноутбуком и отсканировал подпись Гастингса. Соединившись с центральной базой данных, Герхард отправил подпись на экспертизу. Подпись была подлинной. Оланд проверил все подписи, и все они, с вероятностью от девяноста пяти до девяноста семи процентов, оказались подлинными.

Что это? Заговор? Абсурд. Собранные факты и улики свидетельствовали о преступлениях, за полгода совершенных в Пешковце как ашатами, так и имлинами. Герхард видел все собственными глазами. И те и другие были виновны в убийствах. И те и другие убивали с особой жестокостью. Бессмысленно и методично. Все официальные заявления тех же самых политиков были по-казенному идентичны: немедленно прекратить кровопролитие и сесть за стол переговоров. Они в один голос требовали сделать все зависящее от сторон, чтобы остановить бойню. А неофициально получалось, что поддерживали имлинов?

В раздумьях Герхард взял со стола два чипа видеопамати, переданные ему у дверей отеля женщиной, не назвавшей своего имени, подошел к видеодвойке и, вставив один из них в приемное гнездо, вернулся в кресло. На экране появилось мутное изображение — похоже, съемка велась скрытой камерой. Оланд присмотрелся. Очевидно, это встреча представителей ашатов с Гастингсом. Так и есть, вот Фарид Андерсен... В этой непринужденной, почти домашней обстановке Энтони уверял Фариду, что у имлинов нет другого выхода, как отказаться от необоснованных требований и сесть за стол переговоров. В противном случае нужно смело обращаться в международный трибунал.

Что называется, не верь глазам своим. Герхард оставил запись, нашел письмо Гастингса и перечитал его. Получалось так, что он обещал свою поддержку и ашатам, и имлинам, попутно обвиняя и тех и других в терроризме. В следующем эпизоде Штрайберг выполнял те же пируэты, что и Гастингс. Когда дошла очередь до Серполе, Оланд уже знал, что тот скажет Фариду.

Конечно, можно было предположить, что политики заигрывали с оппонентами, пытаясь сохранить на них свое влияние, но на деле получалось, что подливали масла в огонь. Обнадеженные поддержкой влиятельных политиков, ашаты чувствовали себя увереннее и продолжали кровопролитие. Имлины, постоянно получая ровно такое же одобрение своих действий, делали то же самое. Доку-

менты и видеозапись датированы апрелем. Сейчас август. Еще в июле они попросили Булле стать посредником и в первую же встречу договорились о перемирии. Значит, даже они поняли, что их просто стравливали, используя бойню в своих политических играх? Тогда почему эти документы не обнародовали еще месяц назад, а передали только ему, только что и через посторонних людей, так сказать, неофициально? Вожди все еще пытаются играть в освободительное движение? Может, киберов поэтому сюда и прислали, чтобы они собрали объективные свидетельства? Не доверяют наблюдателям? Возможно. После разговора с Фаридом Андерсенем и Филиппом Таклосом Герхард поверил в то, что они хотят мира для своих народов. И имлины, и ашаты устали от бойни. Все хотят мира. Но никто не желает уступить.

6 августа

12 часов 17 минут

Небольшой школьный спортзал не смог вместить всех желающих. Люди стояли у дверей, люди стояли в дверях, люди стояли на улице, под морозящим дождем и участвовали в разговоре через открытые окна. В зале царил страшный гвалт. Пару раз Ефремов думал, что столкновения не избежать.

— Господа, я прошу вас! — почти осипшим голосом в очередной раз крикнул Герхард. — Не все сразу. Между собой вы сможете выяснить отношения, когда я уеду. А сейчас давайте говорить по существу и только о том, что было на самом деле, а не о том, что вам кажется.

— Ты зачем сюда приехал? — орала на Олланда тощая старушенция. — Ты приехал разобраться, что происходит. Так разбирайся! Получил сигнал — проверь! А не отмахивайся от меня.

— Какой сигнал? — взмолился Герхард. — Что сосед убил вашу собаку, чтобы использовать ее внутренние органы для совершения какого-то там обряда?

— Что значит какого-то?

— Ма-ма-ша! Мы с вами не в Средние века живем. А вы все о колдунах говорите!

— Если вы чего-то не видели собственными глазами, — крикнула в окно хорошенькая девушка лет семнадцати, — еще не значит, что этого не существует!

Герхард обернулся.

— Да вы вдумайтесь в то, что говорите. Что произошло? Убили чью-то собаку. Сосед-имлин уехал к родственникам в Испанию, на вашей улице произошла локальная эпидемия дизентерии. И вы, цивилизованные европейцы, не нашли этому другого объяснения, кроме как колдовство? Порча?

— А что цивилизация? — крикнул слева кряжистый ашат. — В космос сто лет как летаем, с Марсом можно по видеофону поговорить, а погоду до сих пор предсказать не можем! Институты работают — все без толку. А пойдешь к Саре, спросишь, как ее ревматизм поживает, и точно узнаешь, будет завтра дождь или нет.

Все захихикали, одобрительно загомонили. Герхард тяжело вздохнул и, надув щеки, с шумом выдохнул.

— Послушайте. Я проверял информацию о дизентерии. На вашей улице действительно была вспышка. Но только имлины здесь ни при чем. За два дня до эпидемии на очистной станции произошла авария. Понимаете? Техногенная авария. В питьевую воду попали...

— А что же собака? Мы же нашли ее потом... Как есть выпотрошенная. И задние лапы отрезаны. Все по культу вансийского ветра.

Ашаты снова наперебой заголосили:

— А как же ритуальные убийства по ночам?

— А разрытые могилы?

— А отрезанные собачьи головы и задние лапы на наших улицах? У имлинов полиция ни одной головы не нашла, только у нас.

— А кто первым вам сказал об использовании имлинами древнего культа? — спросил Оланд.

— Да что мы, первый день на свете живем? — почти хором ответили ашаты.

— Неужели вы не видите, что кто-то вас провоцирует? Не исключено, что авария на очистных сооружениях кем-то спланирована. Но почему вы думаете, что во всем и всегда виноваты имлины? Неужели вы не устали от войны? Фарид Андерсен и Филипп Таклос давно договорились о перемирии, а вы все волком друг на друга смотрите. Это же элементарно, если постараться хоть на минуту задуматься. Вас кто-то намеренно стравливает. Кто-то, кому нужна бойня. А вы и рады ему подыграть. Кто-то устроил аварию на очистных сооружениях, подбросил потрошеную собаку, разбросал по городу собачьи головы и пустил слухи, что это древний имлинский культ вансийского ветра. Так они пытаются насрать на ашатов мор.

— А что ты про перегрызенные глотки скажешь? Среди убитых только ашаты. Ни одного имлина!

Олланд не выдержал и крикнул:

— Так вы же сами не даете разобраться! Полиция с ног сбилась, убийц ищет, а вы вместо того, чтобы помочь, как заклинание бубните об имлинских оборотнях! Кого ни спроси, кто был рядом с местом преступления: ашат ответит, что видел имлина, имлин — что ашата. Может, пора остановиться? Иначе эта музыка будет вечной...

По дороге в мэрию Олланд думал, что до мира в Пешковце еще очень далеко. Люди слишком охотно верят, что вчерашний сосед сегодня стал врагом, и очень долго привыкают к тому, что вчерашний враг снова стал обычным соседом. Особенно когда еще свежи воспоминания о реках крови, а на кладбищах много свежих могил.

За окном среди уцелевших домов, словно вклейки черно-белых кадров в цветную киноплёнку, мелькали закопченные пожарами остовы разрушенных строений. Возле тротуаров вперемешку стояли сгоревшие и уцелевшие легковые автомобили. Прохожие буднично спешили по своим делам, торговцы фруктами безрезультатно зывали покупателей подойти к их лоткам, в газетном ки-

оске скучала пожилая дама, где-то взывала автосигнализация. Город жил странной жизнью, в которой уже давно не обращали внимание на выстрелы в соседнем квартале.

Лобовое стекло микроавтобуса вздрогнуло, и напротив водителя появилось маленькое отверстие с оплавленными краями. Тот откинулся на спинку сиденья и обмяк. Левая рука осталась на рулевом колесе, правая повисла. Ефремов, как всегда сидевший на переднем сиденье, успел перехватить руль и выключить зажигание. Микроавтобус вильнул, скрипнул шинами и уткнулся в потрепанную временем театральную тумбу. Прохожие отхлынули от микроавтобуса, в возникшей на мгновение тишине одиноко вскрикнула женщина. И тут же любопытствующие остановились, вытянули шеи в желании поглазеть.

— На пол! — скомандовал майор и, нажав кнопку на радиостанции, дал сигнал на пульт дежурного по комиссариату.

Оланд растерялся, не понимая, что происходит. Он не видел, что шофер убит, но десантники заставили наблюдателя влипнуть в пол, сняли с предохранителей протонные ружья и приготовились к бою. Микроавтобус плохо подходил на роль крепости, нужно было выбираться на улицу. Скорее всего, это понимали и нападавшие. Сколько их, где они? На принятие решения оставались секунды.

Ефремов увеличил чувствительность сканера до предела. Сканер молчал.

Из-за угла трехэтажного кирпичного дома осторожно выглянул человек с иглолучевым пистолетом в вытянутой руке. От него, низко пригибаясь, в разные стороны разбежались прохожие. Ефремов заметил противника, тут же нырнул через спинку сиденья, и, прежде чем он успел упасть рядом с Оландом, лобовое стекло не выдержало и осыпалось. Пассажирское сиденье задымилось десятком прожженных отверстий. Все, кто еще секунду назад глядел на автоаварию, втянув головы в плечи, бросились с улицы, словно тараканы от включенного света.

Суворин вскинул скорострельное протонное ружье и

всадил в угол дома длинную очередь. Кирпич брызнул мелкой красной крошкой, нападавшего окутало розово-дымное облако, он спрятался за домом.

«Метров сорок будет, — прикинул расстояние до стрелка майор. — Водителя снял с первого выстрела. Бьет наверняка, держится уверенно, ответного огня не боится, но и не подставляется».

Улица опустела, словно на ней никого и не было. Времени на принятие решения не осталось. Справа от микроавтобуса арка двора, его как будто специально остановили возле нее. Через дорогу сапожная мастерская.

— Выходим, — объявил Ефремов. — Через дорогу мастерская. Бойко, Серегин — тыл и фланги, Суворин, я — фронт, Лукин, ведешь Олланда. Пошли!

Задние двери микроавтобуса распахнулись. Первыми выпрыгнули Ефремов с Сувориным и тут же открыли беглый огонь по вновь появившемуся стрелку. Бойко и Серегин, рыская стволами по окнам и пустой улице, прикрывали тыл и фланги, Лукин, заставляя Олланда пригнуться как можно ниже, подталкивал его к сапожной мастерской.

Майор услышал за спиной вой полицейских сирен, скрип резины по асфальту, и через секунду на улицу въехали две полицейские машины. Дверь сапожной мастерской оказалась закрытой, Лукин ногой вышиб засов, вошел первым. Ефремов на секунду обернулся:

— За дверь!

Суворин втокнул в мастерскую Олланда. Следом за ним ворвались Бойко и Серегин.

Из-за угла дома выскочил стрелок и с той же, что и прежде, невероятной скорострельностью четыре раза выстрелил в майора. Ефремов упал на левый бок, перекатившись, встал на одно колено и нажал на спуск. Он готов был поклясться, что поток протонных пучков из его ружья по крайней мере задел стрелка, если не сказать изрешетил. Но стрелок, словно лодка, скользящая по зеркалу пруда, пересек улицу и скрылся в переулке.

Ефремов обернулся. За спиной, одна за другой, тихо

урча двигателями, стояли две полицейские машины. Из мастерской, низко пригнувшись, показались Бойко и Суворин, но все уже было кончено. Ефремов поднялся на ноги, все еще готовый к схватке, двинулся к месту, откуда по ним вели огонь. Следом за ним, держа правый фланг, шел Суворин. Лукин остался с Оландом в мастерской, Бойко двинулся к полицейским машинам, Серегин продолжал стоять у двери мастерской.

В двух патрульных машинах сидели четыре трупа.

Через пять, может, через семь минут улица была оцеплена двойным кольцом полицейских. Журналисты безуспешно пытались пробиться за оцепление, Оланд и десантники рассказывали полицейским офицерам, что и как случилось, жильцы с любопытством наблюдали за происходящим из окон своих квартир. Подъехал начальник полиции, за ним мэр. Чья-то отвратительная выходка сегодня многим испортила настроение.

— Черт знает что, — растеряно пролепетал Буле. — Бандитский налет на представителя департамента международных и религиозных конфликтов... это политическое самоубийство для любой из конфликтующих сторон. Они только начали договариваться...

— Если вы считаете произошедшее обычной засадой, то вы сильно ошибаетесь, господин мэр, — сказал Ефремов.

— Что вы хотите сказать?

— Что ваши конфликтующие стороны — обычные ополченцы, которым дали в руки оружие, а чаще всего вместо оружия предложили взять палки и камни. Максимум, на что они способны, — идти стенка на стенку. Или все на одного. А что имеем мы? Один человек с иглолучевым пистолетом совершает нападение на представителя департамента международных и религиозных конфликтов, которого охраняют пять десантников. Наш водитель убит с первого выстрела. Когда мы открыли ответный огонь, нападавший не ретировался, а всего лишь ушел с линии огня. Затем он выходит на открытое пространство, под прицельным огнем делает четыре выстрела, и в пат-

рульных машинах четыре трупa. У всех перебита центральная артерия. От стрелка до меня метров сорок, от меня до патрульных машин метров тридцать — тридцать пять. Итого около восьмидесяти.

— Снайпер? Снова маньяк? — предположил Булле. Ефремов покачал головой.

— Он стрелял из иглолучевика. Интервал между выстрелами меньше секунды. Ответный огонь, стрельба в движении. Обратите внимание, что первая машина почти закрывает вторую. То есть стреляя по полицейским второй машины, он целился сквозь стекла первой.

— И что это значит? — спросил Олланд.

— Это значит, что работал профессионал высшей квалификации. Я бы так не сумел.

— С сегодняшнего дня вас будут сопровождать два патрульных броневика, — сказал Родригес.

— Азиз, если кто-то захочет меня убить, он просто взорвет машину.

— Значит...

— В броневике я ездить не стану! — Герхард повернулся к мэру. — Господин Булле, если мое присутствие в городе нежелательно, я могу сегодня же уехать. Так и передайте заинтересованным сторонам.

— Я понял вас, господин Олланд.

Наблюдателю был предоставлен новый автобус и все же навязана охрана. Олланд хотел отказаться, но Родригес настоял на том, чтобы хотя бы сегодня его сопровождали полицейские. На этот день у Герхарда больше не было никаких планов, и он поехал в гостиницу.

Десантники, как показалось Олланду, хоть и отреагировали мгновенно, восприняли нападение достаточно спокойно. Для них это была обычная работа. Чуть ли не выезд на полигон. Отстрелявшись, противник скрылся, десантники перезарядили оружие и приготовились к новому нападению. Герхард знал всего несколько русских слов, но, как ему показалось, Ефремов оценил работу своих бойцов на «хорошо».

Оланд же чувствовал себя не совсем уютно. Всякий раз, когда в него стреляли, он чувствовал себя неудобно...

Микроавтобус неспешно катил по проспекту Де Голля. Спереди шла патрульная машина, еще две ехали чуть позади.

— У вас есть предположения... — начал было Оланд, но Ефремов ответил, не дослушав вопроса:

— У меня есть уверенность. Это был кибер.

— С чего вы взяли?

— Никто из воюющих сторон не выиграет от вашей смерти, скорее проиграет. Нападение совершено одиночкой, а не группой лиц, что нехарактерно ни для ашатов, ни для имлинов. Судя по характеру исполнения, расчет был на точечный удар. В ответ нападавший получил прицельный огонь из протонных ружей. У него была возможность вас подстрелить, по крайней мере теоретическая, когда мы уводили вас с улицы, но стрелок зачем-то убил четырех полицейских, судя по всему, абсолютно случайно здесь оказавшихся. Все произошедшее наводит на две мысли. Или нас с кем-то перепутали, или это была акция устрашения.

Именно об этом Оланд и думал с той минуты, как нападавший скрылся. Ефремов только подтвердил его догадку.

— Значит, вы уверены, что это был кибер?

— Я попал в стрелка, в переулке есть следы крови. По моим предположениям, ранение достаточно серьезное. Но это не помешало ему скрыться. Обычный человек остался бы лежать на асфальте.

Оланд ничего не ответил.

До отеля добрались без приключений.

9 августа

18 часов 17 минут

На захламленном полу давно разграбленного, а позже и сожженного магазина лежали два обезглавленных трупа. Оба мужчины. Никаких документов, никаких личных вещей. Но опознать личности погибших оказалось не-

сложно. Это были тела японских тележурналистов, больше трех месяцев работавших в Пешковце. Головы найти так и не удалось, хотя по приказу Родригеса полицейские обнюхали каждый квадратный сантиметр в радиусе полукилометра.

Как ни старалась полиция, разогнать толпу живших на этой и соседних улицах ашатов она не смогла. А толпа меж тем гудела версиями произошедшего, одна невероятнее другой. Естественно, ашаты склонялись к тому, что такое чудовищное преступление могли совершить только имлинские ублюдки. Зачем? А сумасшедшие. Вчера на рыночной площади еще один имлин сошел с ума и начал стрелять по прохожим из охотничьего ружья. Трех убил, одиннадцать человек ранил. Полиция темнит, говорит, что это был курд, но какой, к черту, курд, если все видели, что это был типичный имлин? Сейчас его прячут в психиатрической клинике округа.

Но были и совсем бредовые варианты. Пара свидетелей вчера и позавчера как будто видела над этим местом летающую тарелку.

По какой-то причине труповоз, вызванный еще два часа назад, до сих пор так и не приехал. Милан Катье и Синт Ален, которых со вчерашнего дня объединили в специальную следственную группу по расследованию особо важных преступлений, стояли чуть в стороне и инструктировали своих помощников, ашатов и имлинов.

Солнце клонилось к горизонту. С севера ползла тяжелая грязно-серая туча, на улице было душно, грядущая ночь обещала грозу. Оланд поднял голову и посмотрел на небо.

У дома напротив под матерчатым навесом на широкой лавке сидел старик грек, бывший театральным администратор, позже хозяин карусели в центральном парке, а ныне продавец фруктов. Торговля шла плохо, и к вечеру он разрешил себе выпить бутылочку вишневого ликера. Откинувшись на высокую спинку, старик мерно покачивал вытянутыми скрещенными ногами и, бесцельно глядя на толпу, курил толстую кубинскую сигару.

Немного уставший за день Оланд решил отдохнуть, а заодно поговорить с местным жителем, похоже не участвующим в общем безумии. Он подошел к греку, завязал разговор, тот предложил присесть рядом и выпить с ним рюмочку ликера. От алкоголя Герхард отказался, но продавцу польстило, что наблюдателя от Евросовета заинтересовало именно его мнение. Мнение, которое перестало интересовать окружающих после того, как он ушел из театра.

Ефремов так и не понял, чем этот старик заинтересовал Оланда, но, стоя со своими ребятами неподалеку, терпеливо ждал Герхарда.

— Нет, уважаемый, — нараспев сказал старик и затянулся сигарой. — Национальная, религиозная, идеологическая нетерпимость здесь вовсе ни при чем. В нашей жизни слишком много мимоходных смертей. В литературе, кино, на телевидении. Все это притупляет чувство ценности среднестатистической человеческой жизни. Для нас это давно стало нормой.

— Жестокость, хотим мы этого или нет, является неотъемлемой составляющей искусства, — сказал Герхард. — Бессмысленно рассказывать о нацистских концлагерях, не показывая чудовищные фото- и кинодокументы массовых казней. Как можно донести до читателя все варварство атомной бомбардировки Хиросимы, если не рассказать о том, как и от чего в последующие годы умирали люди? Не показать фотографии...

— Я говорю о другом, — уточнил бывший карусельщик. — В книгах и фильмах, где в сюжете присутствует смерть, она, как правило, приходит за второстепенными персонажами. И, опять же как правило, как-то так... вскользь. Подумаешь, десяток-другой обывателей по ходу сюжета грохнули. Главный же герой всегда остается жив. Значит, вроде как и не было ее, смерти. Или возьмем, к примеру, теленовости. Зарезали кого-нибудь в переулке — статистика. Окажись погибший... ну, скажем, журналистом — заказное убийство, посягательство на свободу слова. Или вот как эти японцы. Они снимали на нашей

улице документальный фильм о Пешковце, о войне, об ашатах. Значит, кто их мог убить? Только имлины.

— А вы думаете, что это сделали не имлины?

— Конечно, нет. Я два дня назад разговаривал с японцами. Они, конечно, пытались быть предельно корректными, но, как я понял, плевать им было и на ашатов, и на имлинов. Им дали задание отснять материал, и они выполняли свою работу.

Старик снова затянулся сигарой и продолжил:

— Наше внимание не заостряют на смерти того или иного человека. Обычного человека. Но факт смерти более или менее известного господина тиражируется до бесконечности. А кто этот господин? Тот же самый главный герой, один из главных. Все зависит от сюжета. Сейчас, по сюжету, японцы снимали горе ашатов. Их кто-то убил. Сразу ясно, кто это мог сделать. А ответ на самом деле гораздо банальнее. Война.

— Полгода войны, — покачал головой Герхард. — Чтобы такой сюжет закрутить, нужны недюжинные способности.

— Ерунда. Боевик категории «Ц».

— А кое-кто из ваших соседей считает, что тут не обошлось без инопланетян.

— Между прочим, вы напрасно так иронично к этому относитесь.

— Вовсе нет, — пожал плечами Герхард. — Никакой иронии. Но судите сами, насколько маловероятна эта версия.

— Почему? — старик посмотрел на Герхарда. — Потому что не было прецедента? Ни одного инопланетянина не приговорили к пожизненному заключению?

— Хм-хм, — не выдержал Оланд. — Простите. Ваши слова действительно не лишены логики.

— А какой еще логикой можно объяснить происходящее в Пешковце безумие?

— И что же пришельцы?

— Маскируясь под имлинов, убивают ашатов, после чего, прикинувшись ашатами, расправляются с имлинами.

— Я так и подумал, — качнул головой Герхард. — Но зачем? Должна же быть мотивация.

— Кто знает. Может, они изучают наши повадки, реакцию, логику. Планируют заставить нас уничтожить друг друга в глобальном масштабе, а позже захватить ослабевшую от войны планету. — Старик снова затянулся сигарой, взял в руки пустую бутылку ликера, грустно посмотрев на нее, поставил на место и продолжил: — Что до япошек, так за эту работу им платили деньги. Серьезные деньги. А сколько хороших людей сегодня погибли забесплатно... По всем траур держать — я столько не выпью.

«Занятный получился разговор, — думал Герхард. — Если допустить, что подобное не просто в принципе возможно, а даже весьма вероятно, то по крайней мере становится понятно, почему убийства имлинов и ашатов продолжают, когда и те и другие хотят мира. Но это если допустить.

Нет, это не инопланетяне. Происходящее в Пешковце — дело рук человеческих».

11 августа

22 часа 19 минут

Наверное, это было неосмотрительно, но, когда Герхард узнал, что десантники еще не скоро закончат разговаривать с полковником бригады специальных войск, он поехал к мэру без охраны. Разговор предстоял рутинный, назрела необходимость обсудить промежуточные результаты наблюдений. Ефремов не знал об этом и вместе со своими бойцами продолжал излагать полковнику личные наблюдения: насколько опасна-безопасна ситуация в Пешковце. Когда же майор узнал о том, что Оланд уже у мэра, он тут же соединился по видеофону с мэрией. Дежурный секретарь ответил, что господин Оланд десять минут назад уехал. Кажется, собирался в гостиницу. Радиостанция Герхарда молчала. Скорее повинуюсь профессиональному долгу, чем мнимым предчувствиям, Ефремов скомандовал «за мной» и, одолжив машину у дежу-

рившего у входа в гостиницу полицейского патруля, поехал Олланду навстречу.

Новый водитель наблюдателя департамента межнациональных и религиозных конфликтов был молодым испанцем с неиспанским именем Гуннар. К смерти своего предшественника он отнесся философски: жаль, конечно, но ничего не поделаешь. За полгода войны погибло много хороших людей.

Давно стемнело. Микроавтобус Олланда неспешно катил по пустынным улицам, когда на перекрестке у фермерского рынка что-то глухо хлопнуло, и машину пару раз кинуло из стороны в сторону.

Водитель резко вывернул баранку вправо, стараясь увернуться от неожиданно выросшего перед радиатором светофора, и вдавил педаль тормоза в пол. Олланд, уже имевший опыт автомобильной аварии, уперся руками и ногами, вдавливая свое тело в спинку сиденья.

Колесные диски прочертили по асфальту, двигатель поперхнулся и заглох. Микроавтобус замер почти у обочины.

Перекресток был пуст.

— Здорово, — оглядевшись по сторонам, сказал водитель и посмотрел на Герхарда. — Сразу четыре колеса.

Олланд дотянулся до радиостанции, висевшей на поясе, щелкнул выключателем. Радиостанция молчала. Не опуская глаз, Герхард несколько раз включил и выключил ее. Тишина.

По спине прошелся неприятный холодок.

— Кто на этот раз? — тихо сам себя спросил Герхард.

— Ублюдки, кто же еще, — так же тихо ответил водитель, доставая из-за сиденья короткоствольный иголочевой автомат и снимая его с предохранителя. — Если все, что говорят про этих ребят, правда... Они шутить не станут. Разрешите стрелять?

— Запрещаю. Ответный огонь только в случае неминуемой угрозы. И только в воздух.

— Господин Олланд, — осторожно проговорил Гуннар, — ублюдки не люди, а звери.

— Повторяю, стрелять только в воздух.

Откуда-то слева послышалось завывание, плохо сымитированное под звериное. Черт его знает, что сейчас могло напугать Олланда больше — вой стаи волков или десятка ублюдков. Вою слева ответил вой сзади, потом спереди. И снова слева. Гуннар вертел головой, пытаясь что-то разглядеть в ночи, скупо освещенной фонарями.

От удара камня в лобовое стекло Олланд вздрогнул, сжался в комок, прикрывая голову руками. Гуннар лишь втянул от неожиданности голову в плечи, сказал по-испански что-то нехорошее. И тут, словно спелые груши, на автобус посыпались камни. Они били по стеклам, по бортам и крыше, гулко отзываясь эхом от железа. Ублюдки вышли из своих укрытий. Их было десятка полтора, не меньше. Завывая и бросая по микроавтобусу камни, они медленно сжимали полукольцо, которым обступили перекресток.

Открыв дверь, Гуннар вывалился на асфальт, встал на одно колено и, тщательно целясь поверх голов, как можно ниже отправил в разные стороны несколько очередей.

Трудно сказать, в чем была причина того, что это не сработало. Возможно, ублюдки не имели страха или элементарного инстинкта самосохранения, возможно, были уверены, что стрелять по ним никто не станет, а возможно, просто играли на нервах, отступая на несколько шагов после каждой очереди и через пару секунд неспешно делая те же несколько шагов вперед.

Они уже не бросали камни. С неспешной неотвратимостью бульдозера ублюдки подходили все ближе и ближе. Водитель микроавтобуса сейчас расстреляет аккумулятор и вряд ли сможет оказать достойное сопротивление. О пассажирах они даже не догадывались.

Расстреляв два аккумулятора, Гуннар забросил автомат на сиденье.

— Уходите! — тихо прорычал он, доставая из дверного кармана широкий охотничий нож. — Слышите? Уходите к рынку! Ворота всегда открыты. Там сможете затеряться среди рядов. Они на рынок не сунутся.

Водитель обернулся. Ублюдки, улюлюкая и подвывая, неспешно приближались. Испанец приготовился к руко-

пашной. Возможно, на какое-то время он сумеет их задержать. Гуннар не был героем, он был полицейским. А ублюдки были ублюдками. И этим все сказано. Они подходили все ближе и ближе. Гуннар насчитал шестнадцать человек. В руках обрезки труб, ножи, палки, цепи...

И тут подоспели русские.

Выкрикивая команды на местном наречии, стреляя в воздух, щедро сдабривая все это русским матом, десантники с ходу и от души начали метелить растерявшихся ублюдков. Схватка была неравной. Оценив вооружение противника, десантники словно решили развлечься. Не выпуская из рук ружья, они с нескрываемым весельем работали ногами, не упуская возможности садануть по зубам прикладом.

Сообразив, что стрелять по ним в этот раз не будут, а морду набьют однозначно, ублюдки бросились врассыпную. Ефремов поздно сообразил, что не мешало бы взять «языка». Пришлось догонять.

Высказав очень аккуратно, стараясь не нарушить субординацию, Герхарду свое мнение о столь неосмотрительном поступке, Ефремов спросил Гуннара, знает ли он английский. Водитель ответил, что сносно, Ефремов махнул рукой, и они направились к пленному, которого только что приволок Серегин. Бойко вызвал полицейский наряд и новый транспорт для Олланда.

Парнишке на вид было лет шестнадцать. Он сидел на корточках и тихо всхлипывал, утирая рукавом сопли по полам с кровью, а Серегин придерживал его за шею. Увидев идущую на него глыбу в камуфляже, ублюдок дернулся, словно хотел убежать.

— Сиди спокойно, — Серегин сдавил парнишке шею, тот попытался втянуть голову в плечи, айкнул и зажмурился от страха.

— Ты слышал что-нибудь о русских дикарях? — на английском спросил Ефремов и картинно вынул из ножен штык-нож.

Гуннар быстро перевел вопрос на местный диалект. Парнишка отрицательно замотал головой.

— Это я.

Ублюдок перестал всхлипывать и как будто даже перестал дышать.

Олланд промолчал. В другой ситуации он прекратил бы этот балаган и отпустил подростка, но сейчас... Если бы его убили, виновным в его смерти оказался бы майор, потому что обязан был везде сопровождать Олланда и охранять его.

— Как тебя зовут?

— Саиф.

— Где живешь?

— В Басохане.

— Небольшой городишко в десяти километрах южнее Пешковеца, — пояснил Гуннар.

— Кто вас послал?

— Никто.

— То есть вы сами решили напасть на машину наблюдателя департамента межнациональных и межрелигиозных конфликтов Герхарда Олланда? Вы хотели убить его?

— Мы не знали, что в машине будет наблюдатель, — всхлипнул Саиф и, шмыгнув носом, снова растер кровь по лицу.

— Хочешь, чтобы я поверил, что вам было все равно, кого убивать?

— Мы не хотели никого убивать.

— Значит, хотели повеселиться? Пробили машине четыре колеса, а чтобы было совсем весело, прихватили с собой ножи и цепи?

В ответ Саиф лишь замотал головой, и из его глаз снова брызнули слезы. Он сел на асфальт и, обхватив голову руками, беззвучно разрыдался.

— Это правда, — сказал Гуннар. — За последние семь дней подобным образом совершено четыре нападения. А за месяц десятка два наберется. Машины изуродованы или сожжены. Пассажиры ограблены. Мужчины жестоко избиты, женщины изнасилованы.

Ефремов присел на корточки рядом с Саифом и, подцепив его нос холодной сталью штык-ножа, заговорил

бесстрастным голосом маньяка. Саиф, проглотив ком, подступивший к горлу, приготовился умереть.

— Послушай меня, гаденыш. Сейчас ты мне все расскажешь, и я тебя отпущу. Если поверю. А если не поверю, тоже отпущу. Только отрежу что-нибудь на память. Сколько вас приезжает в Пешковец?

— Шестнадцать человек.

— Врешь. Вас как минимум человек двести.

— Это не мы.

— А кто же тогда?

— Другие, — тихо сказал Герхард.

Ефремов посмотрел на Оланда. Герхард, растирая виски, отошел на несколько шагов. Ему и в голову не могло прийти, что та сила, что брала под контроль ночные улицы Пешковца, могла состоять из десятка разрозненных, даже незнакомых друг с другом банд. Незнакомых друг с другом, но объединенных в единую армию народной молвой.

— Кто первый придумал это развлечение? — спросил Герхард.

— Не помню. Месяца два назад, когда война немного утихла, кто-то из наших предложил съездить в Пешковец. Он сказал, что ночью на улицах почти никого нет, городские боятся высунуть нос, даже если подпалить дверь их квартиры. Мы поехали. Разграбили винный магазин и сожгли несколько машин. Начали ездить каждую ночь...

— Неужели не страшно? В городе полно оружия.

— А чего бояться? Ашаты думают, что это имлины, имлины — что ашаты. И те и другие не рискуют ночью ввязываться в драку, а сидят по своим норам. Страх работает на нас.

Когда вдалеке послышался вой сирен, Ефремов отпустил пацана, на прощание ударив его кулаком под дых. Саиф тут же потерял способность дышать, но не способность соображать. Кряхтя и постанывая, словно рыба хватая окровавленными губами воздух, то и дело спотыкаясь, чуть ли не на четвереньках он рванул подальше от перекрестка.

— Вы ударили ребенка, майор, — тихо сказал Герхард.

— Он не ребенок, господин Оланд. Он ублюдок. Возможно, я поступил жестоко. Я хочу, чтобы он понял, что я мог его просто убить. Это поможет ему раз и навсегда отказать от подобных развлечений.

Герхард молча смотрел на майора.

— Я вас еще не поблагодарил. Спасибо.

— Это моя работа. Лучшей благодарностью будет ваша осмотрительность.

— Нет худа без добра, — устало улыбнулся Оланд. — Будь я поосмотрительней, мы могли бы так и не узнать, что ублюдки — это не ашаты или имлины, а банды из пригородов, приезжающие по ночам, чтобы под шумок грабить город...

13 августа

10 часов 47 минут

С раннего утра Герхард Оланд отправился инспектировать склады с гуманитарной помощью. Его интересовало все. Кто на них работает, каковы условия хранения, кто распределяет гуманитарную помощь, каковы правила выдачи. Пострадавшие и беженцы очень часто чувствуют себя брошенными, никому не нужными людьми и очень болезненно относятся к любым, даже самым пустяковым накладкам.

Результатами Оланд остался доволен. Закончив осмотр территории и попрощавшись с представителем мэрии, наблюдатель и его охрана вышли во двор.

Гуннар ковырялся под капотом микроавтобуса.

— Поломка? — спросил Ефремов.

— Хомут подтянул. Господин Оланд, тут вам передали пакет. — Гуннар вытер руки тряпкой и достал из-за пазухи большой, плотно набитый конверт.

— От кого? — спросил Оланд.

— Он не представился. Просил передать лично в руки.

— Но хоть что-то он сказал?

— Сказал, что в этом пакете ответы на все вопросы. — Гуннар протянул пакет Герхарду. — Я спросил, от кого и что передать. Он сказал, что там все, и ушел.

— Не спешите, — Ефремов поймал Олланда за руку и заставил опустить ее.

Герхард укоризненно посмотрел на майора. Взрывчатка в посылке — это уже чересчур. Убить его можно прямо сейчас, посадив на крышу склада снайпера. Без затей и с гарантией.

Бойко достал из кожаного чехла, висевшего на ремне, портативный газо-спектральный анализатор и проверил пакет. Датчики, вмонтированные в тонкий телескопический щуп, показали отсутствие потенциально опасных веществ.

— Чисто, — сказал Бойко, складывая щуп.

Герхард взял из рук Гуннара пакет, прикинул вес, повертел в руках и тут же вскрыл его. В конверте была толстая пачка ксерокопий. «Очередной компромат», — подумал Герхард и бегло просмотрел несколько листов. Так и есть. Ксерокопии... Гриф «Чрезвычайно секретно»... Подписи генералов Сиддди и Паскетта... Олланд не любил доказательства в виде ксерокопий, кроме тех, что он заказывал сам. Слишком велика вероятность фальсификации.

— Машина в порядке, — сказал Гуннар. — Можно ехать.

— Тогда в мэрию, — распорядился наблюдатель.

После ужина Олланд, как обычно, работал с документами в своем кабинете, а десантники отдыхали, играя в карты. Прочитав с десятков листов, Герхард поймал себя на мысли, что в его руках ключ к разгадке Пешковецкого конфликта. Он собрал бумаги в стопку и очень внимательно начал изучать их с самого начала.

Через двадцать минут Герхард поднялся из кресла и начал быстро ходить по кабинету. Действительность оказалась настолько чудовищной, что в нее невозможно было не поверить. Еще более чудовищной, чем он предполагал. Чем можно было предположить.

Олланд вернулся к столу, разложил, на его взгляд, ключевые документы по датам их написания и снова перечел.

25.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Полковнику Отто Мюллеру,
отдел биологических исследований

Прошу предоставить полный отчет об исследовании вещества KЛАК-11, а также дать ответ на следующие вопросы.

- 1. Воздействие вещества KЛАК-11 на животных.*
- 2. Воздействие вещества KЛАК-11 на людей.*
- 3. Необходимая концентрация на квадратный километр.*
- 4. Устойчивость действенной концентрации в воздухе.*
- 5. Время действия вещества KЛАК-11.*
- 6. Возможные варианты нейтрализации вещества KЛАК-11.*
- 7. Побочные действия и необратимые последствия при применении вещества KЛАК-11.*

*Генерал Джон Сиггли,
отдел стратегического планирования*

25.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Полковнику Франсуа Фернандесу,
отдел клонирования и имплантации

Прошу сообщить, на какой стадии находится проект «Стальной воин», а также каким количеством образцов, прошедших полное тестирование, вы располагаете.

*Генерал Джон Сиггли,
отдел стратегического планирования*

27.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Джону Сиддли,
отдел стратегического планирования

На ваш запрос от 25.03.63. сообщаю.

Работа по синтезированию, исследованию и испытанию вещества KЛАК-11, далее Вещество, нами закончена. Принцип воздействия Вещества основан на идентификации отличительных генов отдельных этнических групп по методике прицельного выявления специфических особенностей генетического профиля. Исследуя изменения, произошедшие с добровольцами, можно с уверенностью говорить, что поставленные перед лабораторией задачи появления у человека звериных инстинктов с сохранением всех интеллектуальных, логических, аналитических и иных человеческих признаков — выполнены. Объект не проявляет повышенную агрессивность, за исключением экстренных ситуаций, когда на первый план выходят приобретенные инстинкты. Реакция на внешние раздражители остается прежней.

За время исследования вещества экспериментальным путем нами было установлено:

1. Никакого воздействия на животных Вещество не оказывает.

2. В проведенных нами экспериментах Вещество воздействовало на добровольцев исключительно мужского пола. Наблюдались: многократное повышение зрительной, слуховой и обонятельной чувствительности, увеличение физической силы без наращивания мышечной массы, повышение скорости реакции, поразительные изменения интуиции в сторону улучшения.

3. Рабочая концентрация Вещества составляет: средняя концентрация при резорбции через кожу мг/кг 14.

Средняя концентрация (пероральное введение) мг/кг 5. Средняя концентрация при ингаляции мг/л мин 0,4. Максимальная концентрация пара при 20 °С мг/л 0,46.

4. Устойчивость действенной концентрации в воздухе составляет от 30 до 40 минут при влажности 62%, ветре 2—5 м/с.

5. Время устойчивого действия Вещества в зависимости от внешних факторов варьируется от 241 до 255 дней. Стойкость на местности: летом — от 1 до 5 сут., зимой — от 20 до 45 сут.

6. Способы нейтрализации Вещества на данный момент неизвестны.

7. Побочные действия нами не обнаружены. Необратимые последствия не обнаружены.

Полный отчет по экспериментам с веществом КЛАК-11 будет вам предоставлен в течение двух дней.

Полковник Отто Мюллер,
отдел биологических исследований

27.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Джону Сиддли,
отдел стратегического планирования

Проект «Стальной воин» находится в завершающей стадии. Последние испытания намечены на 23 сентября сего года. В настоящий момент моя лаборатория располагает девятнадцатью опытными образцами. Все они прошли полное тестирование и готовы к использованию. Считаю необходимым сообщить, что взятие киберов на вооружение для использования на Земле до завершения программы лабораторных и полевых испытаний не только преждевременно, но и опасно.

Полковник Франсуа Фернандес,
отдел клонирования и имплантации

27.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Эудженио Паскетту,
отдел стратегического планирования

Предлагаю провести испытание вещества КЛАК-11 в реальных условиях населенного пункта Пешковец, Центральная Европа. Сложившиеся криминогенная, стратегическая и общественно-политическая ситуации благоприятствуют. Характеристики вещества КЛАК-11 прилагаются.

*Генерал Джон Сидгли,
отдел стратегического планирования*

30.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Джону Сиддли
отдел стратегического планирования

Применение вещества КЛАК-11 в населенном пункте Пешковец разрешаю при условии безусловной локальности эксперимента, один-два квадратных километра, не более. Обеспечьте полную секретность всех мероприятий. С момента начала эксперимента каждые 24 часа докладывать мне лично.

*Генерал Эудженио Паскетт,
отдел стратегического планирования*

30.03.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Полковнику Отто Мюллеру,
отдел биологических исследований

Прошу вас подготовить 20 (двадцать) литров вещества КЛАК-11, специфицированного на имлинскую этническую группу, и выдать в распоряжение группы майора Линвиля для операции «Ёж», к участию в которой вы привлекаетесь в качестве научного консультанта и представителя лаборатории-разработчика. В течение 24 часов подготовьте исчерпывающую инструкцию по использованию вещества, а также лично проведите инструктаж по мерам безопасности при работе с веществом. Вся информация по группе майора Линвиля является чрезвычайно секретной и не подлежит разглашению в соответствии с параграфом 161 свода правил секретности для служащих Министерства обороны.

*Генерал Джон Сиддли,
отдел стратегического планирования*

01.04.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Джону Сиддли,
отдел стратегического планирования

Первого апреля сего года, в соответствии с утвержденным планом, моей группой была начата операция «Ёж».

*Майор Линвиль,
бригада специальных операций*

02.04.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Эудженио Паскетту,
отдел стратегического планирования

В связи с неблагоприятными метеорологическими условиями в зоне проведения операции «Ёж» нарушена инструкция о концентрации вещества КЛАК-11, а также возможно незначительное нарушение локальности.

*Генерал Джон Сиггли,
отдел стратегического планирования*

09.04.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Эудженио Паскетту,
отдел стратегического планирования

Существует вероятность выхода из-под контроля ситуации в населенном пункте Пешковец. Использованное ранее вещество КЛАК-11 из-за ряда причин природного характера оказало более массовое воздействие, чем мы предполагали. Чаша весов в ашато-имлинском конфликте искусственно склоняется в сторону имлинов. Считаю целесообразным восстановить национально-политический баланс сил, существовавший до нашего вмешательства. Предлагаю финальную стадию испытаний по проекту «Стальной воин» провести в населенном пункте Пешковец. Программа испытания: предоставление ашатской стороне четырех клонов с имплантированными чипами с целью противостояния измененным людям из числа имлинской общины.

*Генерал Джон Сиггли,
отдел стратегического планирования*

09.04.63**Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено**

Генералу Джону Сиддли,
отдел стратегического планирования

Ваше предложение относительно использования клонов-имплантатов весьма интересно. Разрешаю направить в Пешковец и передать ашатской стороне в качестве противовеса имлинским измененным люгям группу из четырех клонов.

Функции клонов:

Разведка, принятие оперативных решений, планирование, организация и проведение операций по нейтрализации противника, обусловленных программой «Миротворец». Поддержка специальных мероприятий, проводимых ашатами. Обязательное одобрение координатором любой акции с участием клонов-имплантатов. Полная или частичная автономность клонов-имплантатов исключается. В качестве координатора по гражданским прикрытием отправить в Пешковец майора Линвиля. В случае нарушения секретности или даже незначительной вероятности этого — немедленное свертывание эксперимента и полная эвакуация клонов в течение двух часов.

*Генерал Эудженио Паскетт,
отдел стратегического планирования*

09.04.63**Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено**

Полковнику Франсуа Фернандесу,
отдел клонирования и имплантации

Для проведения одного из этапов операции «Ёж» прошу в течение 24 часов передать в распоряжение майора Линвиля группу из четырех клонов-имплантатов, подго-

товленных для проведения локальных операций в городских условиях. Для ликвидации вероятных сбоя в программном обеспечении, а также как представитель разработчика, вы направляетесь в Пешково в распоряжение майора Линвиля. Вся информация по операции «Ёж» является чрезвычайно секретной и не подлежит разглашению в соответствии с параграфом 161 свода правил секретности для служащих Министерства обороны.

Генерал Джон Сиддли,
отдел стратегического планирования

10.04.63

Чрезвычайно секретно
Единственный экземпляр
Копирование запрещено

Генералу Джону Сиддли,
отдел стратегического планирования

Согласно вашему требованию группа из четырех клонов-имплантатов передана в распоряжение майора Линвиля. Настоящим заявляю, что считаю проведение операции в реальных городских условиях преждевременным и опасным. Так как использование клонов-имплантатов начато задолго до завершения финальной фазы испытаний программы «Стальной воин», я снимаю с себя всякую ответственность за возможные нештатные ситуации.

Полковник Франсуа Фернандес,
отдел клонирования и имплантации

Оланд проверил подписи под документами. Они были подлинными. В очередной раз перечел ксерокопии и, откинувшись на спинку кресла, заложил руки за голову. Что называется, расслабься и получай удовольствие. Даже при условии претенциозности подборки... Если операция «Ёж» действительно имеет место...

Герхард рывком поднялся из кресла и выглянул в гостиную.

— Майор! — Ефремов обернулся. — Можно вас на пару слов?

Ефремов положил карты на стол, его место тут же занял Бойко. Олланд исчез в кабинете, майор вошел следом.

— Присядьте за стол, — Герхард показал рукой на свое кресло, — и прочтите бумаги в той последовательности, в которой они сложены.

Майор сел в кресло, устроился поудобнее, взял в руки первый лист, чуть вскинул правую бровь и погрузился в чтение. Вскинутая бровь, пожалуй, была единственной реакцией русского десантника на документы, способные взорвать правительство любой страны.

Пока Ефремов читал, Олланд стоял у окна и молча смотрел на ночной Пешковец. Теперь Олланд понимал: ашато-имлинскими переговорами войну в Пешковце остановить нельзя. Они ее не начинали. Она была спровоцирована с самого начала. Просчитана и спровоцирована.

— Ну что же, — сказал Ефремов, поудобнее усаживаясь в кресле. — Именно об этом я вас спрашивал две недели назад. Если у меня и были некоторые сомнения, то теперь их нет. В городе действительно действует группа киберов. Сколько их, я не знаю, но знаю, что они есть. Сканер на площади, убийца полицейских, почерк при некоторых налетах ашатов... — Майор указал на бумаги. — Вы проверили подлинность?

— Проверил. Насколько это можно сделать из Пешковца. О каком почерке вы говорите?

— Помните налет на «Серебряную Луну»? В гостинице орудовали ашаты, но труп во дворе... Это был часовой. По характеру раны могу утверждать, что это сделал не человек. Точный бросок ножом штурмовика, да еще с такой силой... Это практически невозможно. У черного хода труп с перерезанным горлом...

— В ту ночь многим перерезали горло.

— Этот человек не просто беженец. Он был в унифор-

ме, с оружием в руках, лежал возле пульта наблюдения. Его убили, когда он уже оценил ситуацию и, готовый дать бой, ждал нападения. Но он ждал нападения в лоб, а убийца пришел со спины. Трупы на лестнице... Получается, что кто-то снял часовых, расчистил ашатам дорогу и ретировался. Дальше ашаты, как обычно, устроили бойню. Вот вам и «поддержка специальных мероприятий».

— Вы настаиваете на эвакуации?

— Вам решать, — майор пожал плечами. — Прямой угрозы я пока что не вижу. Одно нападение с участием кибера, пусть показательное, мы отбили. Конечно, лучше было бы взять кибера живым или мертвым.

— Но ведь его невозможно убить.

— Отчего же, — Ефремов искренне удивился. — Кибер обладает повышенной живучестью, а не бессмертием. Он зорче видит, лучше слышит, быстрее передвигается, точнее стреляет, соображает почти со скоростью компьютера и принимает оптимальное решение. В остальном он человек. У него есть голова, которая разлетится как спелый арбуз, если по ней ударить палкой. Если, конечно, череп не заменен титановым дубликатом. У него есть сердце, которое остановится, если в него всадить нож. Если, конечно, оно не подключено к кардиостимулятору. В конце концов, его можно в клочья разнести гранатой, если, конечно, он позволит подойти к нему достаточно близко.

Оланд снова отвернулся к окну. Так дальше продолжаться не может. Ситуация безвыходная. Пешковецкий узел нельзя развязать. Его можно только разрубить. Эта мысль уже несколько дней не давала Оланду покоя, но сейчас он утвердился в ней окончательно.

— Я так понимаю, что ваши планы как наблюдателя несколько меняются, — сказал Ефремов.

Герхард повернулся и, обхватив себя за локти, присел на подоконник.

— Скажите, майор, как вы думаете, в Пешковце есть русские разведчики?

— А как же, — Ефремов как будто даже обиделся. — Зона боевых действий...

— Вы сможете связаться со своим командованием и попросить встречи с резидентом?

— Думаю, что да.

Олланд встал с подоконника и в задумчивости прошелся по кабинету.

— Что вы собираетесь делать? — спросил майор, хотя, похоже, он уже знал ответ.

Если Олланд разнюхал про тайную операцию Министерства обороны, его не оставят в живых. В этой ситуации просить убежища в России не просто логично, но и разумно. Однако напрямую сейчас этого сделать нельзя. Нужен хитрый ход.

— Вы никогда не задумывались, — сказал Олланд, — почему во время холодной войны американские ученые или просто служащие, имеющие доступ к ядерным секретам, передавали информацию о ядерном оружии русским? Чаще всего, заметьте, бесплатно.

— Наверное, они считали, что, если будет существовать баланс сил, ни у одной из сторон не возникнет возможности уничтожить другую, оставшись при этом безнаказанной. Как ни странно, для сдерживания была необходима гарантированная вероятность взаимного уничтожения.

— Они действительно видели в этом гарантию. Когда человек знает, что его смогут достать даже из могилы, он делает меньше глупостей. Если все, что мы видим в Пешковце, опыты военных, то я думаю, они подпадают под статью «Преступление против человечества». Я верю в Бога, поэтому не боюсь умереть. Но я боюсь, что эта информация растворится в воздухе и виновные останутся безнаказанными. Конечно, информация нуждается в детальной проверке, но у меня уже набралось некоторое количество документов, которые мне хотелось бы сохранить при любых обстоятельствах. Если ваше руководство даст «добро», я готов передать вам копии материалов. Ни-

чего не поделаешь — когда тебя не хочет слушать твоя страна, приходится говорить с миром.

Ефремов ответил не сразу.

— Не бойтесь, что мы используем ваши сведения для банального шантажа, когда нам будет необходимо надавить на ваше правительство?

— Главное, чтобы информация не исчезла вместе со мной. А что знают двое, знает и свинья. Так что шантаж не получится.

16 августа

21 час 10 минут

Весь день Герхард сидел в гостинице и перебирал документы: справки городской администрации, служебные записки, бытовые доносы ашатов и имлинов друг на друга. Читал полицейские протоколы, вырезки из газет, смотрел видеозаписи теленовостей полугодичной давности. Он отменил встречу с представителями организации «Врачи без границ», не поехал в мэрию на собрание городского совета, отказался дать интервью CNN. Он даже не поехал на место очередного взрыва рейсового автобуса. И не потому, что Герхарду была безразлична смерть людей. Просто он понял, что ничем не сможет помочь. Ни им, ни тем, кого убьют завтра...

«Что было вначале? — откинувшись на спинку кресла и положив руки на подлокотники, сам себя спрашивал Оланд и сам же себе отвечал: — Вначале была обычная политическая склока. Ничего экстраординарного. Через несколько недель в Министерстве обороны появился рапорт, подписанный оперативным псевдонимом, содержащий информацию о некоем абстрактном городе, в котором складывается благоприятная ситуация для проведения акции «Миротворец». Почти сразу же весьма известный европейский политик пристыдил виновников назревающего конфликта, пригрозил безрадостными перспективами и предложил как можно скорее найти консенсус. Политические игроки местного масштаба оценили ситуацию в нуж-

ном для акции ключе и, имея в виду свои интересы, ввязались в игру. Все абстрактно, все размыто...

Но к концу осени началась дележка мест в городском совете. Встречи с избирателями, митинги, переговоры между партиями, лавина компромата. В спор вмешиваются проповедники. Они вроде бы призывают к спокойствию и примирению, но на деле религиозная нетерпимость только увеличивается. Противостояние все дальше заходит в тупик».

Олланд поднялся из кресла и, заложив руки за спину, прошелся взад-вперед по кабинету. Подошел к окну, остановился, сложив руки на груди. К ночи улицы просто вымирали.

«И тут на рынке происходит инцидент, который все воспринимают как причину войны. Ситуация стремительно раскручивается по спирали. Вечером страшное побоище, на следующий день вооруженные столкновения по всему городу. Дальше беспорядки, поджоги, погромы, взрывы. Через пару недель к политикам как будто бы приходит отрезвление, они делают по шагу назад, призывают своих сторонников к спокойствию, к терпимости и перемирию. Их слова услышаны, в Пешковец на несколько дней приходит мир. Двусторонние встречи, создание согласительных комиссий, приглашение посредников. На следующий день после приезда в Пешковец посредников кто-то совершает погром в имлинском избирательном штабе, а через час происходит погром в ашатском. Бойня вспыхивает с новой, невиданной силой. Сорок шесть дней уличных боев.

И тут происходит качественный скачок. Именно скачок. У имлинов отмечены приступы необъяснимой, почти звериной жестокости, они все чаще пускают в ход зубы. За несколько дней до первого эпизода, зафиксированного полицией, генерал Сиддли запрашивает КЛАК-11. Проходит еще несколько дней, и на стороне ашатов начинает действовать хорошо обученная уличным боям и диверсионной работе группа. Даты в полицейских протоколах снова практически совпадают с датами в документах Ми-

нистерства обороны, в которых предлагается направить в Пешковоц клонов».

На улице вечерело. Подъехавшие полицейские патрульные машины сменили те, что дежурили у входа в гостиницу с утра. Вспыхнули фонари уличного освещения.

Оланд вернулся к столу и снова сел в кресло.

«К июлю война перетекала в фазу регулярных бессмысленных убийств. Политики, подогревавшие толпу в самом начале конфликта, в поисках компромисса идут на незначительные уступки, но это не приносит никакого результата. И ашаты, и имлины обвиняют своих лидеров в тайных переговорах с врагами нации и даже в якобы уже полученных за уступки должностях и взятках. Другими словами, лидеры продали свой народ. Но это не значит, что и народ продал свою душу. И пока тысячи смертей друзей и близких остались неотомщенными, говорить о мире рано. Око за око, зуб за зуб.

Полицейские патрули, последние полгода формировавшиеся в основном по этническим признакам (ашаты и имлины отказывались работать в паре друг с другом) и прикрывавшие преступления своих соплеменников, снова становятся смешанными. Но время упущено».

Герхард включил видеофон и набрал брюссельский номер.

— Здравствуйте, господин Коссо.

— Здравствуйте, Герхард. Как у вас дела?

— Как сажа бела.

— Не понял.

— Это старая русская поговорка.

— Не слышал. Сегодня в Пешковоце снова взорвали автобус?

— Девять человек погибли, семеро получили ранения. Среди погибших есть дети.

— Законы войны не имеют ничего общего с нормальной психикой, но когда из-за споров взрослых страдают дети, это ужасно.

— Война здесь ни при чем, господин Коссо.

Повисла пауза. И не потому, что Герхард не решался произнести слово *заговор*. Оланд уловил в голосе Коссо совсем другое настроение, нежели то, с каким тот командировал его в Пешковоец. Даже взгляд у Микеле стал другим.

— Почему вы замолчали, Герхард?

— Потому что я не знаю, как назвать то, что мне удалось узнать.

— Будем считать, что меня вы уже напугали. А теперь давайте-ка по порядку.

— Я бывал на войнах, вспыхнувших из-за того, что люди не могут договориться между собой. Я бывал на войнах, которые развязывали политики или военные, из-за экономической выгоды или из-за спорных территорий, для получения нового заказа предприятиями военно-промышленного комплекса. Но еще ни разу я не был на войне, которую военные развязали в собственной стране для испытания нового оружия, а политики подыграли им, надеясь половить рыбку в мутной воде.

Коссо опустил глаза, качнул головой. По всему было видно, что он ждал подобного заявления.

— Вы отдаете себе отчет, Герхард?..

— Абсолютно.

— А я в этом не уверен. Мне кажется, что вы немного устали. И немудрено: столько времени провели в центре боевых действий. После Африки мне следовало отправить вас в отпуск, а не в Пешковоец.

— Микеле, на вас уже надавили? — в лоб спросил Герхард. — Вам предложили замять ту информацию, что мне удалось собрать?

— С чего вы взяли?

— Я видел бумаги, подписанные Паскеттом и Сиддли. В том, что в Пешковоце бойня, виноват генерал Сиддли. Это он раздул едва тлеющие угли и все время щедро подбрасывал дрова.

— Вам лучше вернуться, Герхард. Вы забыли главное правило наблюдателя. Беспристрастность.

— Какая может быть беспристрастность, когда я знаю, кто убийца?! — не выдержав, крикнул Герхард.

— Черт вас побери, Оланд! Вам подбросили фальшивку, и вы купились, как ребенок!

— Я проверил подлинность подписей на копиях и сами копии на целостность сканирования, я видел десятки видеозаписей встреч Андерсена и Таклоса с известными политиками, у меня на руках полицейские отчеты. Имея даже зачатки мозга, нетрудно сопоставить все эти данные, и вывод будет только один. Причина войны в Пешковце искусственна. Я готов доказать это в суде.

— Оланд, — спокойно сказал Косо, — вам необходим отдых. Возвращайтесь.

— Вы меня отзываете?

— Да.

— Ну что же... Я вынужден подчиниться. На всякий случай хочу вас предупредить, Микеле... Или тех, кто следит за нашим разговором. Копии всех материалов с моими комментариями я переправил в надежное место.

Герхард замолчал. То, сколь длинной окажется пауза, может сказать о том, насколько он был прав в предположении, что Микеле Косо, руководитель департамента анализа межнациональных и религиозных конфликтов, уже действует по чьей-то указке.

— Так, значит, это правда, что вы искали встречи с русским резидентом... — вздохнул Косо. — Это пахнет изменой.

— Возможно. А участие в заговоре пахнет трибуналом.

— Я ни в чем не участвую. Я пытаюсь выполнять свою работу, Герхард. Не ваша и не моя забота — давать юридическую оценку происходящему. Мы наблюдатели. Мы собираем информацию, анализируем, если возможно, предлагаем пути мирного урегулирования. А кто должен сесть на скамью подсудимых, решает суд. Как я понял, у вас есть какие-то документы. Прекрасно. Возвращайтесь и вместе со своими соображениями передайте их в ко-

миссию при парламенте. Сейчас я позвоню командующему. Через час на военном аэродроме вас будет ждать вертолет. Вылетайте немедленно. До встречи.

— Всего хорошего, господин Коссо.

Олланд отключил видеофон и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

Ну, вот и все. Назад пути нет. Жаль, что ему так и не удалось встретиться с русским резидентом. Если его убьют, документы исчезнут. Сиддли свернет свою программу, в Пешковец введут войска. А Олланда посмертно наградят за мужество, проявленное при выполнении профессионального долга, на аллее Евросовета станет одним бюстом больше. Да! Еще его могут наградить Нобелевской премией мира. А через год Сиддли или кто-нибудь другой продолжают свои эксперименты или начнут новые. Для них люди — ничто. Расходный материал. Тысячи человеческих жизней они с легкостью списывают на издержки. Генералы для обеспечения национальной безопасности, политики ради свободы и процветания нации, проповедники во имя веры. И независимо от того, работает человек на оборону страны, ходит на митинги или на проповеди, до самого последнего момента он и не подозревает, что его уже списали. Принесли в жертву, может быть, действительно великой идее. Только мертвым от этого не легче...

Ефремов не стал задавать лишних вопросов. На сборы ушло не более пяти минут, практически все оборудование пришлось бросить. Отказавшись от водителя-полицейского, наблюдатель от департамента анализа международных и религиозных конфликтов спешно покидал Пешковец, направляясь не на военную базу, а на гражданский аэродром, где, предъявив «чрезвычайное требование представителя Евросовета», рассчитывал воспользоваться одним из вертолетов ООН.

Но даже эта предосторожность не помогла Олланду избежать нападения. На подъезде к аэродрому его микроавтобус был обстрелян. В скоротечном бою два десантника погибли, микроавтобус сгорел, сам Герхард был легко

ранен в правое предплечье. Вместе с машиной сгорели все документы, собранные Оландом в Пешковце. Не осталось ничего. Все шестеро нападавших были убиты. Осмотрев экипировку, проанализировав тактику боя, Ефремов пришел к выводу, что это кадровые военные. Есть такие спецы по ликвидации. Ни документов, ни личных жетонов — даже индивидуальных датчиков им не имплантировали. В случае провала от них обычно все отказываются.

— Как они нас отследили? — спросил Оланд, поглаживая перевязанное предплечье.

— Личные датчики. Это же элементарно, Герхард.

— Информация по идентификации кодов является секретной. Доступ к ней чрезвычайно ограничен...

— Значит, тот, кто хотел вас убить, имеет доступ к самым закрытым секретам.

Выходит, что так. Выходит, что эта группа уже была в Пешковце и, получив команду, незамедлительно ее выполнила. У Герхарда было несколько вариантов эвакуации. Неужели они перекрыли все? Невероятно. Сколько же в Пешковце групп?

Господи...

Они же все время держали ситуацию под контролем, не давая конфликту ни затухнуть, ни разрастись.

— Вот что, господин Оланд, — сказал Ефремов, меняя у ружья аккумулятор. — Давайте-ка мы поступим следующим образом. Вы с моими ребятами двигаетесь вот сюда, — майор достал карту и показал на место, помеченное как сгоревший жилой квартал. — Это в полутора километрах. Сигнал об экстренной эвакуации я дам сам. Что-то не нравится мне, как вам организовали проводы. Ваш разговор по видеофону наверняка перехватили. Не исключено, что на радиосигнал маяка вместо вертолета прилетит ракета. Да и в вертолете может быть кто угодно. Здесь неподалеку должны быть два ракетных крейсера и авианосец «Путин» из второй средиземноморской эска-

ры. Вертолетчиков я знаю в лицо. Если все будет в порядке, мы погрузим убитых и заберем вас.

— Жаль, что не удалось спасти документы, — сказал Олланд и посмотрел на догоравший микроавтобус.

— А может, оно и к лучшему. Доказать вы все равно ничего не сможете, вас же убить могут запросто. А без документов вы не так опасны. Болтайте на здоровье. Мало ли на свете болтунов.

Через двадцать минут в компании взвода морской пехоты Герхард Олланд улетал из Пешковца на русском вертолете, а у его ног лежали два десантника, которые погибли, защищая его от наемных убийц. Именно убийц. Потому что солдат имеет право отказаться от выполнения заведомо преступного приказа. Герхард Олланд был не солдатом вражеской армии, а наблюдателем. Наблюдателем, посланным на войну. Пусть на маленькую. Войны, как известно, не начинаются сами по себе. Войны всегда кто-то начинает...

9 сентября
газета «Фигаро»

Вчера, 8 сентября, около восьми часов вечера по дороге из Парижа в Брюссель в автомобильной катастрофе погибли генералы Эудженио Паскетт и Джон Сидгли. Владелец «Мерседеса», на котором они возвращались с совещания начальников штабов, не справился с управлением, выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с бензовозом. По предварительной информации, причиной аварии стало превышение скорости водителем «Мерседеса» на мокрой после прошедшего ливня дороге. Начато расследование.

ОДИНОЧКА

Комната, большая, светлая... Распахнутое окно прикрыто занавесками. Это хорошо, что в окне ничего не видно, только солнечный свет просачивается сквозь белый тюль. Вряд ли оттуда следует ожидать нападения. В комнате порядок, совсем как при ознакомительном визите. Только на столе стоит тарелка с недоеденным супом.

Во время ознакомительного визита Игнат представлялся санитаром, что в принципе недалеко от истины. Стоял с чемоданчиком в руках, рассеянно оглядывал комнату. Подал пальто старенькой докторше Рине Иосифовне, попытался поухаживать и за хозяйкой, но та шарахнулась как от зачумленного. Игнат тогда решил, что прокололся, но нет, в больнице, освоившись в палате и беседа с Риной Иосифовной, пациентка не вспомнила подозрительного санитаря. Значит, она шарахается таким манером от каждого встречного. Случай запущенный, но не безнадежный.

Неприятно, что Игнат попал именно сюда; значит — бытовуха. Такие дела либо распутываются всего проще, либо не распутываются вовсе. И до последней минуты не знаешь, пустышка тебе выпала или глухарь.

Игнат осторожно понюхал тарелку. Нормально пахнет, картофельный суп с фрикадельками. На поверхности пятнышки жира, на дне морковные кружашки, аккуратно нарезанная картошечка, пара фрикаделек, явно самодельных — в фарш добавлен мелко порезанный укроп. По всему видать, хозяйка — повариха превосходная. У таких суп безопасен.

А вот это уже серьезно — у самой двери на полу валяется неумело выстроганная деревянная сабля. Такие вещи случайными не бывают, особенно у немолодых, одиноких, бездетных женщин. Честное слово, лучше бы там лежал настоящий клинок, отбалансированный и убийственно острый.

Игнат вскинул самострел и шагнул в коридор. Обои в желтый цветочек, под ногами половая доска, выкрашенная багрово-коричневой масляной краской. Ох, как давно не приходилось видеть таких примет! Собственно говоря, подобный интерьер ушел в прошлое лет пятьдесят назад и сохраняется разве что в провинции, где люди до сих пор прозябают в барачных общежитиях коридорного типа.

Как и полагается, в коридоре царил смутный полумрак, лишь отдельные предметы бросались в глаза ярко и отчетливо. Обшарпанный велосипед, висящий на вбитых под самым потолком штырях, — весной его снимут, а место под потолком займут лыжи, которые сейчас небось стоят возле входной двери. Интерьерчик конца пятидесятих — начала шестидесятых годов, а возможно, и более ранний. Сегодня такое только в кино встретишь... И, конечно, Игнату частенько приходилось бывать в подобных коммуналах. Ему еще и не в таких местах бывать приходилось.

Куда теперь? Пройтись по соседям или сразу во двор? А там? Подвалы, чердаки, темные закоулки между гаражей, воняющие кислотой помойки... Все это не столь опасно, сколь противно. Хотя и опасно тоже.

Игнат резко обернулся, вскинул самострел... Никого. А на какое-то мгновение почудилось, будто по коридору несется серый комок — хищный обитатель подозрительно пустой квартиры, а быть может, этим комком кто-то пульнул из-за угла. И неважно, что минуту назад никакого угла не было, коридор кончался, словно обрезанный ножом. Минуту назад не было, а сейчас вполне может быть.

Коридор был пуст, только в торце, где прежде не удалось ничего рассмотреть, обозначились дверь и латунный выключатель на стене. В самых первых электрифициро-

ванных домах висели на стенах подобные механизмы. Гетинакс еще не был изобретен, и корпуса выключателей делали из латуни. Как ни странно, это был очень надежный механизм, хотя, казалось бы, всякого желающего включить свет он должен бить током. Интересно, ловушка или нет?

Подошел, концом самострела повернул выключатель. Разряда не было, механизм работал как новенький.

За дверью, как и следовало ожидать, оказался туалет, такой же древний, как и вся квартира, с бачком, вознесенным под самый потолок.

Игнат покачал головой. Ему не нравилась тщательная проработка деталей, фактура стен и дверей, велосипедный руль, обмотанный бечевкой, четко означенный колер пола. Куда как проще было бы, если бы вокруг была серая невнятица, обрывки сцен и разговоров вперемешку с чудовищами и гадами, лезущими неизвестно откуда. А тут видны потеки старой краски на стене, и пятно в виде тигриной головы, и даже слышен чуть заметный запах хлорки (не было в продаже во времена подобных квартир ни дезодорантов с цветочным запахом, ни даже хлорамин!). Ай да хозяйшюка, этакий заповедник хранить!.. Киношники бы за такое двумя руками ухватились, если бы здесь можно было безопасно снимать.

А сортир всего подробнее проработан — дедушка Фрейд был бы доволен. Фиксация на анальной стадии... Эх, если бы все было так просто, как полагал дедушка Фрейд!

Вокруг что-то ощутимо изменилось. Не было ни шороха, ни подозрительного сквознячка, вообще ничего, но Игнат ясно понял, что события начались и оно, скорее всего, уже здесь. Теперь главное — не вспугнуть и не спровоцировать нападение. Хороший боец не тот, кто первым стреляет, а кто побеждает без пальбы.

Медленно, словно нехотя Игнат повернулся. Сзади стоял мальчик. Белобрысый парнишка, стриженный под челочку. Сейчас такой прически никто и не помнит: вся башка оболванена под машинку, лишь надо лбом оставлен короткий чубчик. И одет мальчишка по моде пятиде-

сятых: рубашка в полоску, широкие штаны чуть ниже колен, держатся на помочах... на ногах — сандалики и гольфы. А ведь верно, носили гольфы в ту далекую эпоху! И загадка была: «У мальчиков и у девочек наблюдается, на «г» начинается». Ответ: «гольфы». Дедушка Фрейд был бы доволен.

— Здравствуй, — сказал Игнат.

— Здравствуйте, — отозвался мальчишка.

— Тебя как зовут?

Обычно с такого рода явлениями можно разговаривать до бесконечности, задавая стандартные, ничего не значащие вопросы и получая столь же содержательные ответы, из которых тем не менее можно вычлениить полезную информацию. Впрочем, расслабляться во время разговора не стоит: нечаянно заденешь болевую точку, и реакция окажется столь неадекватной, что только голову пригибай. Но на этот раз ответа не последовало, мальчишка бочком протиснулся мимо Игната и притворил за собой дверь уборной.

Тоже стандартный ход — дети очень быстро выясняют, что в туалет за ними никто не пойдет и, значит, там они в безопасности. Инстинкт этот сохраняется даже у взрослых; следователи знают, что, когда вооруженный маньяк врывается в квартиру, жертва ищет спасения, как правило, в туалете, хотя и понимает, что хлипкая защелка не задержит убийцу ни на секунду. Интересно, что сказал бы по этому поводу дедушка Фрейд?

Мальчишка, значит, не монстр, а фантом. Или это сама хозяйка? Тогда он вопил основательно — если старушка идентифицирует себя с семилетним пацаном, то все реакции будут нестандартными, и дело, скорей всего, окажется безнадежно глухим.

Впрочем, сабля на полу была деревянной. Если бы хозяйка была мальчишкой, саблю она бы сделала стальной.

А хорош бы он был, если бы, не разобравшись, пальнул в ребенка! После такого можно сразу уходить с рабо-

ты и оформлять инвалидность. Или вешаться, что не сильно отличается от пенсии по инвалидности.

Стоять возле запертой двери можно было до бесконечности. Игнат пожал плечами и двинулся назад по коридору. Пройдя несколько шагов, остановился.

А вот тут прокол... мальчишка одет по-летнему: сандалии, короткие штаны, а велосипед висит на стене, хотя что ему там делать летом? Игнат оглядел стену: велосипеда не было, на вбитых штырях умещались две пары лыж. Вот так, теперь все правильно... А хозяйюшка где-то поблизости, мелькнула придушенная мысль, корректирует окружающее по мере выявления несостыковок. Очень плохо... лучше бы она была полностью беспомощна и воспринимала меня как спасителя. А то ведь незваный гость хуже родного монстра.

Двери городской квартиры выходили не на лестницу, а сразу во двор: наполовину городской, наполовину деревенский, нечто вроде того, что изображен на картине Поленова. Это хорошо, а то лестничные площадки — всегда самое скверное место, именно там тебя могут взять в оборот. Но, с другой стороны, лучше бы уже начались какие ни на есть события, а то хожу почти десять минут, а про окружающее так ничего и не выяснил, кроме самоочевидной вещи, что детство хозяйки приходилось на середину пятидесятых. И еще... солнце, яркие краски, ни намека на угрозу. Может быть, ошибка? Ну как это благолепие может держать в страхе несколько тысяч человек? Злые миры тоже бывают солнечными, но опытный взгляд не обманешь, свет там всегда внешний, сквозь разливы золотистых лучей непременно проступает изнаночная чернильная тьма. Если уж взялся за живописные сравнения, то можно вспомнить картину Куинджи «Березовая роща». Белые стволы, солнце, воздух, напоенный светом, — и чернота, проступающая сквозь этот свет. Говорят, прежде картина такой не была, просто художник пользовался битумными красками, которые темнеют со временем. Вот и этому миру, законсервированному на

полвека, пора бы темнеть, наливаясь незримой угрозой, а он сияет себе, как ни в чем не бывало.

Посреди двора — песочница, сколоченная из крашенных досок. На краешке сидит мальчишка, тот самый, которого Игнат оставил в туалете. Не по возрасту парню куличи лепить, впрочем, он и не играет, просто сидит на краю песочницы. В руках деревянная сабля. А куличиков — полная песочница, кто только налепил... не иначе — дедушка Фрейд.

— Здравствуй, — сказал Игнат.

— Здравствуйте, — отозвался мальчишка в точности как в первый раз.

— Тебя как зовут?

Игнат ждал, что ответа не будет, однако мальчик, не подняв взгляда, ответил:

— Шурка.

Любопытно... Шурка — имя равно мужское и женское. Как же зовут хозяйку?.. Но не Шурка, это точно. Лидой ее зовут! Лидия Андреевна...

— А Лидия где?

Мальчишка посмотрел пристально и ничего не ответил.

Игнат осторожно, стараясь не поломать аккуратные кучки куличиков, присел на край песочницы.

— Ты почему, не пообедав, гулять убежал? Суп остынет.

Молчание.

Игнат покосил глазом. Мальчишки не было. Только деревянная сабля торчит посреди песочной кучи. Самый большой кулич развален надвое.

Черт, и где же здесь опасность? Похоже, что самая большая беда на этом дворе — появление Игната Шомняка с его самострелом. Но ведь не может быть, чтобы он ошибся; темная жуть гнездится именно здесь, посреди солнечного полудня.

Игнат придирчиво осмотрел двор. Где тут может скрыться опасность? Дом, из которого он вышел, — городской, до второго этажа облицован серыми осколками гранита, а выше — обычная старая штукатурка. Единст-

венная парадная — там он только что был и не видел ничего нехорошего. Может быть — проблема возвращения? Выбежала Лида из светлой безопасной комнаты на солнечную улицу, в поленовский дворик, а назад — хода нет, объявилась темная лестница со всеми прелестями, что водятся в таких местах... Но тогда что-то должно гнать домой, а вокруг ни малейшего признака беды. Впрочем, от поленовского дворика остались только трава и дорожка, ведущая к двухэтажным деревянным сараям.

Как там в анекдоте?.. «Явный псих! — Но какая память!» Тем, кому меньше пятидесяти, подобные штучки не представить, а в первой половине двадцатого века деревянные сараи в центре большого города были самым обычным делом. Многоэтажный дом, полсотни коммунальных квартир, в каждой живет от четырех до шести семей. Отопление печное, газ — то ли проведен, то ли еще нет. Скорей всего, нет. А это значит, на кухне кроме огромной дровяной плиты еще и несколько керогазов, керосинок или шумящих медных примусов.

Портит людям аппетит
Гарь от керосина.
Если примус твой коптит,
Значит, ты скотина!

Поэт хорошо знал, о чем пишет. А вот Игнат, пожалуй, зря не заглянул на кухню, прежде чем выходить на улицу. Не исключено, что улица олицетворяет свободу, место, где тебя никто не догонит, а ужас как раз обитает на кухне.

Хорошо, когда квартира дружная. Тогда перед праздниками топится плита, на которой варится студень, а в огромной духовке пекутся пироги разом на всех соседей. А если это не квартира, а недоброй памяти Воронья Слободка? Тогда каждый ковыряется на своей керосинке, а с печами положение и вовсе безвыходное. Три круглые голландки на шесть комнат и коридор. Печь топится со стороны одной из комнат, а обогревает еще и соседнюю комнату и кусочек коридора. Кто ее должен топить и как часто? Проблема... Но главное, где хранить дрова и керо-

син? На чердаке сушится белье, в сыром подвале дрова хранить не станешь, да и места там не хватит. Значит, нужен сарай, а вернее, полсотни сараев, которые надо разместить во дворе.

Сараи в два яруса лепятся вдоль глухой стены и вдоль дощатого забора, отгораживающего дом от переулка. В каждом сарае шесть поленищ колотых дров, шесть бидонов с керосином, еще какой-то скарб. Ох и раздолье для склок и выяснения отношений! Кто у кого керосина отлил, кто спер у соседа полено... А уж с точки зрения пожарной безопасности... удивительно, что город так редко горел. Хотя люди понимали, где живут, и даже местные гопники собирались тайком покурить где угодно, но не в закоулках возле сараев.

Сидеть на краю песочницы можно было долго и при этом не дожидаться ничего. Ясно, что его высчитали, видят, опасаются и просто так, нахрапом, не полезут. Самый неприятный вариант, если беда разумна. С нерассуждающим монстром, который бросается при первой же возможности, гораздо проще. Или он тебя схарчит, или ты выпустишь ему кишки. А тут — нечто разумное, значит, стрелять, не взглянув ему в лицо, никоим образом нельзя. Может быть, оно гробит людей просто оттого, что ему никто не догадался помочь... не людей гробить, конечно, а просто помочь, по-человечески.

Игнат поднялся и направился туда, где сараи, выстроенные вдоль забора, почти смыкались с сараями вдоль брандмауэра. Проехать в эту щель могла разве что инвалидская машинка, на какой в фильме Гайдая раскатывали Вицин, Никулин и Моргунов. Грузовик, на котором привозили дрова, втиснуться туда не мог, так что дрова выгружали посреди двора, а потом перетаскивали в сараи на руках.

На дворе — трава, на траве — дрова...

В дальнем закоулке стоял Шурка и, приспустив штаны, писал на стенку сарая.

— Другого места не нашел? — спросил Игнат.

Понимал, что не стоит этого говорить, но патовую ситуацию нужно было обострять, и Игнат рискнул.

Мальчишка странно изогнулся, оборотился, открыв рот, тихонько взвизгнул и бросился под ноги Игнату, собираясь проскочить низом. Из спущенных штанов мечтой Буратино упруго торчала деревянная, дурно выстроганная сабля.

Можно было не загадывать, что случится, когда самодельный клинок ткнется Игнату в живот или ноги. Деревянные сабли ранят страшнее стальных и уж, во всяком случае, занозистей. Рука сама нажала на спуск самострела.

Недаром говорится: «Мастерство за плечами не носят, а оно всегда при себе», он и сейчас выстрелил не в мальчишку, а в деревяку, что угрожала его жизни. Тонкая серебряная стрелка расщепила сосновую древесину, что-то хрустнуло, мальчик слабо замычал, опрокинулся набок.

Пошатнувшись, Игнат схватился рукой за стену сарая, наклонился, уже понимая, что убил ребенка. Мальчик лежал, выбросив одну руку вперед, он как бы незаметно подползал к Игнату, и вытянутая рука его была неестественно, страшно длинна. Хотя, возможно, так просто казалось оттого, что ног у Шурки не было. Короткие, обычно не достающие колен штанины пусто обвисали, пластаясь по земле. Рядом валялись какие-то щепки, стружки... их становилось все больше, казалось, сейчас стружечная пена полностью поглотит лежащее тело.

В далекие пятидесятые, когда еще не были изобретены ячеистые клетки из макулатурного картона, яйца в магазины привозили в ящиках, наполненных сосновой стружкой. Эту стружку потом жгли на задних дворах продуктовых магазинов, местные мальчишки разгребали прутиками золу, выскивая печеные яйца, которые были гораздо вкуснее сваренных матерью. Порой ненужную стружку отдавали людям на растопку или для набивки матрацев. Так что здесь все в русле времени, ничего удивительного, что возле сарая лежат покуда не прибранные стружки... и когда они скроют мертвое тело, оно обратит-

ся там в случайно забытое яйцо, из которого вылупится безногий ужас.

Игнат ухватил Шурку под мышки, потащил в сторону от множащихся стружек, прочь из узкого грязного прохода, на солнечный двор. На дворе трава, там все должно быть кенно...

— ...правильно... — одернул себя Игнат.

— Кенно, — возразило помраченное подсознание, — или нарно.

«Как же это она меня так уела? Откуда знает?»

Мальчишка открыл мертвые глаза и внятно произнес:

— Катись колбаской по Малой Спасской!

Игнат покачнулся, упал, больно ударившись головой, и впрямь откатился немного, причем не кубарем, а именно колбасой, как и приказал безногий мертвец. Провода натянулись, электроды соскользнули с висков, так что программа аварийного возвращения немедленно вышвырнула Игната в затененную комнату лаборатории.

С полминуты Игнат царапал ногтями пол, будучи не в силах не только подняться, но и вообще сделать хоть что-нибудь. По счастью, на контроле ничего не заметили, никто не прибежал помогать. Трудно сказать, что Игнат ненавидел больше: состояние полной беспомощности в первые минуты по возвращении или услужливую готовность дежурной смены помочь. Ведь того и гляди на руках понесут. А некоторым нравится, когда с ними вот так возятся. Зиновий, говорят, по возвращении долго лежит в прострации, а дежурная смена бегает, только что горшок ночной не приносят... Хотя на то он и есть Зиновий, наша гордость и маяк.

Удивительно другое: Игнат, Зиновий — имена редкие, и такие в их профессии почти у всех. Нет, встречаются, конечно, и Александры с Николаями, но тогда фамилия у коллеги окажется такая, что не сразу выговоришь: Зацепиани или Соловей-Залетный. Шомняк, впрочем, тоже звучит как надо. Один Алешка Иванов простец, но это исключение, которое подтверждает правило.

Игнат размышлял, лежа на полу, прижавшись щекой к холодному линолеуму. Потом собрался, подтянулся на руках и втащил себя на топчан. Надо бы встать, выйти к дежурной смене, но сегодня, похоже, это не получится, так что пусть укол глюкозы делают здесь.

Нажал кнопку вызова, закрыл глаза. Чувствовал, как ему закатывают рукав, колют глюкозу. Доктор — по прикосновениям ясно, что на смене Рина Иосифовна, — быстро нащупала пульс, коснулась лба тыльной стороной ладони, проверяя, нет ли жара. Хотя откуда взяться жару? А пульс в таких случаях всегда за сотню.

— Все в порядке?

— Думаю, — ответил Игнат, не открывая глаз.

Думать — это тоже часть работы. Он туда не за приключениями ходил, и если сейчас не проанализировать увиденное, то весь поход пойдет прахом.

Что в конечном счете произошло? Фиаско он потерпел fullest, сама Лидия Андреевна так и не появилась, но инициатива все время была в ее руках. Причем ударила она лишь однажды, но чуть не насмерть. Вероятно, так же она действует и с остальными людьми, неподготовленными. Он искал надвигающуюся угрозу, копящийся страх, а их попросту не было. Были свет, радость, ностальгия по далекому детству... а потом — один внезапный удар, способный убить или свести с ума. Хороша старушка, ничего не скажешь. И все-таки как она это делает? Ясно, что делает неосознанно, характер у бабушки параноидальный, но сознательно мучить незнакомых людей она не станет.

Отправной точкой была комната, очень похожая на ту, в которой он побывал во время ознакомительного визита. Теперь ищем разницу... Понятно, что в настоящей комнате не было сабли. Впрочем, саблю даже расшифровывать не надо, обычный фаллический символ. А уж в последней сцене, когда она у Шурки из штанов торчала... кстати, именно тогда мальчишка стал агрессивен. Какую роль сыграл этот Шурка в юные годы Лидии Андреевны? Может

быть, затащил малолетку в проход между сараями и надругался над ней? А мы теперь разгребаем последствия.

Нет, это было бы слишком просто, и, главное, сюжет развивался бы не так. В поддержку гипотезы о давнем изнасиловании говорит только разрубленный саблей песчаный кулич. Мальчишка не стал бы запирается в туалете, не избегал бы разговоров, а хитро зазывал бы Игната туда, где можно пустить в ход саблю. Но главное, откуда хозяйка знает, как именно можно расправиться с пришельцем, причем самым жестоким и эффективным способом? Можно подумать, что это не ее кошмар, а мой.

Игнат сосредоточился и вызвал в памяти виденную лишь однажды комнату. Подобной техникой владели многие, называлась она ментальной галлюцинацией. Игнат снова, ссутулившись, стоял посреди комнаты и мог внимательнейшим образом разглядывать вещи, на которые в реальности не обращал внимания. И все-таки они были замечены, отложились в памяти, и теперь их можно перевести в разряд осознанного.

Картинка на стене, не новомодный постер, а раскрашенная фотолитография. «Маленькая кошечка охотно играет с мальчиком», — апофеоз пошлости, современные коллекционеры за такое бешеные деньги платят. Литографированный мальчик лет трех даже отдаленно не напоминает Шурку. Котов во дворе и вовсе не замечалось, так что картинка безвредна, если не считать вопиющего дурновкуся.

Тарелки с супом на столе нет, да и какой может быть суп, когда хозяйка собирается лечь в больницу? Ох как неохота было Лидии Андреевне лечь в стационар, пусть даже для рядового обследования! Рина Иосифовна еле уболтала подозрительную старуху. Обещала после обследования вторую степень инвалидности, а это льготы и прибавка к пенсии. Вот и думай: в больницу неохота, а на инвалидность — так очень даже.

И все-таки супом в комнате пахнет, тем самым, фрикадельковым. Пообедала хозяйка еще до приезда врачей,

посуду помыла и поставила в буфет. Но запах остался, и значит, появление тарелки с супом объясняется по Фрейд как небывалая комбинация привычных впечатлений. В кошмаре непременно должно быть что-то из впечатлений минувшего дня. К сожалению, впечатления старушкины, а кошмар — родной, Игнатов. И у каждого из пострадавших кошмар тоже родной, а Лидия Андреевна как бы вовсе и ни при чем.

На столе лежит книга, вместо закладки торчит кончик рекламного объявления. Игнат прищурился, прочел название на коленкоровой обложке. Все-таки хорошо, что одинокие старушки предпочитают перечитывать классику. Оказалось бы на столе что-то глянцевое — и гадай, имеет ли оно отношение к последним событиям. А так вызвал в памяти давно прочитанный текст и все понял. Ай да бабка! Значит, это не герой романа мальчика убил, а злобный Игнат Шомняк... ловко придумано, бабушка Фрейд был бы доволен. Неужто на совести Лидии Андреевны — кровь неведомого Шурки? Нет, вряд ли... маленькие девочки редко убивают мальчишек. И потом... как там в подлиннике: «Мальчик лежал, выбросив одну руку вперед, другую придавив коленом, одна нога его казалась немного короче другой...» — тут явно творческая переработка, чтобы побольнее ущучить незваного гостя.

— Дело ясное, что дело темное, — произнес вслух Игнат и, стряхнув остатки сосредоточенности, встал. Его еще покачивало слегка, но в целом состояние было нормальным.

Теперь предстояло наводить справки, в первую очередь кто такой Шурка и какую роль он сыграл больше полувека назад в жизни нынешней старушки Лидии Андреевны.

Легко сказать — наводить справки, а закон о неприкосновенности личной жизни куда девать? И без того вся контора работает полулегально. Это ж подумать страшно — соваться не просто в личную жизнь, а в подсознательное, куда и сам человек не осмеливается заглянуть. По закону подобные эксперименты можно осуществлять только с согласия пациента. А Лидия Андреевна никаких

разрешений не давала и давать не собирается. Она со своими кошмарами сжилась, а что полгорода из-за нее пребывает в глубокой депрессии — вещь практически недоказуемая, особенно для самой виновницы. И чуть выползет история за пределы лаборатории, как немедленно объявится какой-нибудь правозащитник и громогласно заявит: «По какому праву вы лезете во внутренний мир пожилой женщины? Нарушение закона налицо, а оснований для вмешательства — никаких. Статистика самоубийств по району?.. частота обращений к психиатрам?.. количество несчастных случаев? Но при чем здесь Лидия Андреевна? Вот и засуньте свою статистику сами знаете куда. За подходящую цену мы вам еще и не такую статистику сварганим».

В результате получается, что работающие в центре — не то благодетели рода человеческого, не то убийцы в белых халатах. Во всяком случае, со времени последнего прокола всякая деятельность центра была прекращена прокуратурой, и то, чем занимался только что Игнат Шомняк, иначе как преступлением против личности назвать нельзя. Причем преступление совершается с особым цинизмом, под самым носом у работающих следователей.

За день своим людям не удалось выяснить ничего. В таких случаях обычно клиента оставляли на несколько дней в покое, но Игнат понимал, что еще раз заполучить Лидию Андреевну в больницу вряд ли удастся, да и неизвестно, что с ними будет завтра — может быть, всех арестуют. Поэтому он решил ближайшей ночью повторить вылазку, а там хоть трава на дворе не расти.

* * *

Комната, большая, светлая... это понятно, теперь так всегда будет. Люди незнающие, слышавшие что-то, но не понявшие ничего, полагают, что такие, как Игнат, шастают по чужим снам. Оно, конечно, случается, что разные сны начинаются с одного зачина, а потом расходятся,

словно тропинки от камня с надписью: «Направо пойдешь...» — но очень немногие видят такие сны и даже помнят, что уже бывали в этой ситуации, знают, какого коня потеряют, если пойдут направо. А при путешествии в подсознание отправная, базисная точка встречается непременно. Конечно, меняться будет и эта комната, символ устойчивости переменчивого мира, но меняется она медленно, за годы. У дедушки Фрейда о таком слова нет, то ли не знал, то ли ему неинтересно было.

А вот мелочи в комнате меняются непременно. Тарелки с супом нет, книги тоже... хотя книга была в реальности, а здесь засветилась жутковатой инсценировкой. На столе лежит неровно отрезанная скибка хлеба и большой пыльный огурец. Дедушка Фрейд немедля сделал бы вывод, и на этот раз ошибся бы; как там, в анекдоте... бывает ведь и просто сон. Хлеб и огурец имеют двоякий, но совершенно не сексуальный смысл: прежде всего, они означают, что Лидия Андреевна дочитала-таки книгу, а во-вторых, ей, искусной поварихе, решительно не понравился больничный обед. И это правильно, нравиться больничным обед не может по определению.

А вот и фаллический символ: на том месте, где валялась увиденная в первый раз сабля, лежит игрушечная жестяная дудка. Ох как давно отечественная промышленность выпускала подобные игрушки, теперь такое только на картинках Пахомова увидеть можно!

Левой-правой! Левой-правой!
На парад идет отряд!

Значит, не удалось взять чужака саблей, и Лидия Андреевна перевооружается. Очень мило, посмотрим, чего можно ждать от дудки. Поднять, что ли, трубу и задудеть? Нет, в комнате нельзя, в базисной точке вообще не следует совершать необдуманных действий. Ты на шумишь не подумавши, а старушка умом повернется. Страшное дело, если в центре мира, где все должно быть неизменно и безопасно, прозвучит жестяной сигнал тревоги. Реакция в

таких случаях непредсказуема. Чужая душа — потемки, даже если в ней царит солнечный день.

Игнат вышел в коридор... нет, прямо во двор. И это был сразу городской двор, безо всякой зеленеющей травки. Хотя солнышко блестит, без этого Лидия Андреевна, видимо, не умеет. И тесный проход между сараями — на месте, приглашает зайти. Просто и навязчиво: в коридоре тебе делать нечего, на лестницу, где, несомненно, обитают мелкие страхи, даже в прошлый раз не пустили, а сюда — милости просим.

На земле перед самым проходом свалена куча дров, причем не поленьев, а старых шпал. Их еще пилить предстоит и колоть. Не позавидуешь тому, кто, позарившись на дешевизну, купил списанные шпалы. Намучается он с ними и пилу заездит вусмерть. Зато горит пропитанная креозотом древесина жарко и дымно.

На одной из шпал, не глядя в сторону Игната, сидит Шурка. Ноги на месте, нормальные мальчишеские ноги, на правой коленке — царапина. В руках у Шурки, конечно же, жестяная дудка. Что и требовалось доказать.

Сейчас от Игната ждут, что он заговорит с парнем, например сделает замечание, что сидеть на плахе не следует, штаны будут испорчены, смоляное пятно никакая стирка не возьмет. Не исключен и другой вариант, что Игнат сразу пойдет в промежуток между сараями и окажется в ловушке. Вряд ли удастся выйти назад через шпалы, как бы деревянные плахи не стали плахой в ином смысле слова.

На дворе — дрова, на дровах — братва, у братвы — трава... Нет, у братвы — труба. Ему, Игнату, труба.

А вот мы сейчас сделаем иначе и подыгрывать бабушке не станем. Не я за тобой буду бегать, а ты за мной побегай!

Игнат развернулся и, пройдя через подворотню, вышел на улицу.

Обычная улочка старого Петербурга, они и сейчас почти не изменились. Даже район угадывается: Петроградская сторона. Если напечатать это название на компьютере, то глупый «Ворд» не поймет написанного и пред-

ложит замену: «Ретроградская сторона». И, между прочим, будет прав.

У стены сидит нищий — безногий калека. Игнат внутренне напрягся: «Начинаются дни золотые...»

Обычный, неприметный дядька... серое, давно не бритое лицо, в которое навеки впечаталось покорное безразличие. Обрубок тела усажен на тележке, махонькой, только поместиться. Вместо колесиков — четыре подшипника, вынесенные с завода. Рядом ручками вверх стоят подбитые резиной калабахи, с их помощью инвалид передвигается: отталкивается от мостовой и едет, куда сила в руках есть. Но сейчас он просто ждет, когда мимо пройдет сердобольный прохожий. Перед нищим на тротуаре мятая алюминиевая миска, должно быть, в нее прохожие кидают копейки. А ведь, судя по эпохе, ноги он потерял на войне. Это в наше недоброе время любой пропойца, по пьянке ставший инвалидом, облачается в камуфлю и корчит из себя раненого афганца, в пятидесятых попробуй искалеченный солдат выползти за милостыней не то что при медалях, но просто в старой гимнастерке — мигом заметут в участок, а следом — в специнтернат, ничем по сути от тюрьмы не отличающийся. И не посмотрят, что был ты героем, а стал калекой. Изувеченный воин не должен смущать граждан победившей страны.

Игнат шел, стараясь не глядеть. Руку в карман не сунул, и без того ясно, что там пусто и подать милостыню давно умершему, живущему лишь в памяти Лидии Андреевны инвалиду не удастся.

Проходя мимо, покосил глазом. В миске у нищего вместо копеек лежали вареные макароны. В последнее время такие снова появились в продаже: толстые, серые... Но прежние макароны еще и разваривались, а остыв, слипались в неопрятный клейстерный комок. Клейстерный или клистирный?.. тьфу, пропасть, опять все не просто так, все с подтекстом самого неаппетитного свойства.

Нищий ел, отлавливая толстыми немытыми пальцами по одной макаронине.

Мимо Игната протиснулся невесть откуда объявившийся Шурка, приспустил штаны и принялся писать прямо в миску, на макароны.

Нищий ел.

подавив рвотный позыв, Игнат быстро пошел прочь. Шагов через пять оглянулся. Шурка продолжал свое занятие. Жестяная дудка была зажата под мышкой.

— Ничего личного, — пробормотал Игнат.

В самом деле, происходящее, скорее всего, не направлено против пришельца. Скажем, Лидочка в детстве страдала ноктоэнурезом. Не опасная, но стыдная для пятилетнего ребенка болезнь. Не было среди маленьких детей большего оскорбления, чем сказать другому, что он ночами рыбу в постели ловит. А дальше абсолютно по Фрейдю происходит перенос: вовсе и не я писаю где попало, а Шурка. Знать бы еще, кто таков этот Шурка, совсем хорошо было бы.

Хуже всего, если никакого Шурки в природе не существовало, а просто Лидия Андреевна компенсированная трансвеститка. В таком случае Шурка — это она и есть... Впрочем, трансвестит бы непременно обустроил свой быт по-мужски, а комнаты, что реальная, что отправная точка подсознания, явно носят следы женской руки. Занавесочки, шкатулочки, картиночки... маленькая кошечка охотно играет с мальчиком. Так что этот вариант можно отбросить.

Оставив позади безногого нищего, Игнат свернул за угол и очутился на шумной улице.

Удивительная вещь — шумная улица! Подобное образование можно встретить в подсознании почти любого человека, хотя иногда это не улица, а, скажем, шумная комната. Ее глубинный смысл — одиночество в толпе и взаимное непонимание. Идешь по дороге или сидишь на диване, кругом куча народу, но никого не видно, сфокусировать взгляд на окружающих не удастся. Звучат голоса, крики, смех, плач, но ничто не касается сознания, все проходит мимо, все на уровне белого шума. Лишь иногда какой-ли-

бо образ впечатывается в память, и потом человек сам не может понять, откуда вылезли неопознаваемые, но отчаянно знакомые запахи, незнакомое, но родное лицо, безумные, но непременно многозначительные слова:

Ходил монах, стремясь от мира непоседицы,
Скрывался он в глуши на дальних берегах,
Хранил монах, хранил червонные медведицы,
Златых медведей где-то там хранил монах.

Зачем тебе это, если ты не поэт, и откуда эта бредятина выползла? А она именно оттуда, с шумной улицы.

Никто из коллег Игната в таких местах бывать не любил. Беспокойства много, а толку — чуть. Но иногда и там можно подслушать или подглядеть нечто важное. В практике Игната один подобный случай был.

Молодой человек, с которым работал Игнат, не был индуктором, не проецировал свои страхи на окружающих. В таких случаях помощь осуществляется только по личной просьбе, но молодой человек и помощи не просил. Он с некоторой гордостью позволил заглянуть в свой внутренний мир, заранее ожидая посрамления психокорректировщика. Игнат не стал его разочаровывать, молодой человек и сейчас верит, что всех посрамил. Вообще-то пациент представлял собой редкий тип — глубоко верующего человека. Как и полагается христианину, был он дуалистом, ставящим дьявола если не на одну ступеньку с богом, то лишь немногим ниже. Везде и всюду видел он происки дьявола, а в подсознании страдальца нечистый царил бесконтрольно, прямо хоть экзорцистов вызывай. В борьбе с внутренним бесом юный подвижник проводил едва ли не все свое время и видел в том смысл жизни. Игнату он дозволил вмешаться лишь для того, чтобы лишний раз убедиться, что молитва ему помогает, а психокоррекция — нет.

Дьявол, царивший в душе христианина, вид имел почти канонический: двухметровое монстрило, состоящее из смоляных потеков черного вара. Монстр оказался напичкано прочь неуязвимым, он срастался, даже будучи разорван-

ным на куски или сожженным в пламени пожара. Игнат проклял создателей «Терминатора-2», с которого явно было срисовано смолистое чудовище. Оно неторопливо гоняло Игната по всем закоулкам бессознательного, никакие ухищрения не могли сбить его со следа.

Тем более не действовал против дьявола самострел с серебряными иглами; любой поп подтвердит, что подобные вещи проходят по части бесовщины и толку от них ноль. Истиной в данном случае является то, что, если имеешь дело с верующим человеком, нужно действовать верой.

В отчаянии Игнат попытался закрестить нечистую силу, но и тут не преуспел. Зато впервые овеществленный комплекс вступил с ним в контакт. Прямо под черепом, неслышно для окружающих зазвучал насмешливый голос: «Не старайся, все равно не поможет. Я же знаю, что ты безбожник».

Игнат бежал по шумной улице, дьявол шагал следом. Если свернуть за угол, противник немедленно выходил из-за этого же угла, сокращая весь отрыв, так что Игнат предпочитал уходить по прямой, наблюдая за черной фигурой, рассекавшей толпу. Будь это собственный бред Игната, можно было бы пойти навстречу опасности и погибнуть в борьбе. Именно таким образом удастся избавиться от застарелого комплекса. Увы, дьявол был порождением чужих страхов, поэтому прямое столкновение не могло дать ничего. Сработает система аварийного возвращения, и Игната попросту выкинет из чужого подсознания.

Улица была полна пешеходов. Они проходили мимо дьявола, ничего не замечая, не делая даже попытки посторониться. Дьявол тоже не обращал внимания на людей; удивительно, как при таком скоплении народа они умудрялись избегать столкновений.

И тут произошло нечто, заставившее Игната замереть. В безликой толпе образовалась пара, обладающая индивидуальностью. Мама и дочка, девочка лет трех. Вернее, в глаза бросалась только девчужка, мама шла, подобно прочим сомнамбулическим фигурам, не видя посланца ада.

А вот девочка... Игнат отчетливо почувствовал, как напряглась малышка, разглядывая идущего навстречу монстра. А когда они поравнялись, девочка протянула руку и пальчиком коснулась черной смолы.

Ух, как исказились смоляные потеки, заменявшие дьяволу лицо! Но он не выдал себя ни единым движением, лишь проводил уходящих долгим запоминающим взглядом. Бес не посмел тронуть ребенка, который держится за руку матери, и отложил свою месть на потом.

Этого было довольно, чтобы Игнат нашел выход из ситуации, казавшейся неразрешимой. Он сходил в церковь, которую посещал пациент, заплатил священнику и попросил подарить усердному прихожанину образ Богородицы, чтобы тот мог молиться Пресвятой Деве о ниспослании душевного покоя. Игнат уже не помнил всего, что напел доброму пастырю, но тот просьбу выполнил, и в душе молодого человека установился мир. Когда Игнат в последний раз заглянул в подсознание пациенту, он обнаружил, что тот ни на секунду не выпускает ладонь женщины, в которой воедино слились Богородица и воспоминание о родной матери. А в особо критических ситуациях он попросту лежал на руках, прикинув к кормящей груди.

Кому-то подобная картина может показаться нелепой и даже похабной, но честное слово, она куда менее кощунственна, нежели одобренное церковью выражение «возлежать на лоне Христовом».

— Вот видишь, — сказал на прощание молодой человек. — Ты не помог, а молитва помогла.

— Неважно, что именно помогло, главное, что помогло, — ответил Игнат.

Ничего больше говорить он не стал, зачем огорчать великовозрастного младенца?

Теперь, оказавшись на шумной улице, рожденной полузабытыми воспоминаниями Лидии Андреевны, Игнат шел, высматривая среди теней нечто живое. И конечно же, упустил, не заметил вовремя.

В какую-то минуту он сошел с тротуара или тот сам

выскользнул из-под ног, так что Игнат очутился на мостовой. И тут же грянул сигнал дурацкой жестяной дудки. Прямо на Игната мчал дребезжащий трамвай. За стеклом смутным пятном белело лицо вагонновожатого.

Игнат попятился, но, споткнувшись о поребрик, упал, отчетливо понимая, что ноги остались на мостовой, как раз там, куда накатывал сошедший с ума и рельсов трамвай. Старые трамваи не умели гудеть, они дребезжали пронзительным электрическим звонком, так похожим на школьный, но этот гудел по-автомобильному, словно кто-то нажимал на грушу, прикрученную к жестяной трубе: «Би-бип!.. Би-бип!..»

«Труба архангела...» — успел подумать Игнат.

Он не помнил, сам включил срочное возвращение или его вышвырнуло, как в прошлый раз. Очнулся уже в лаборатории. Линолеум холодил щеку, тело не желало слушаться. Игнат лежал, чувствуя, как неохотно отпускает его леденящий ужас. В памяти раз за разом возникала наезжающая громада трамвая, пятно лица за лобовым стеклом, цифра шесть в обрамлении сапфировых огней.

Каждый маршрут ленинградского трамвая отмечался своей комбинацией разноцветных сигналов. Двадцать шестой — красный и оранжевый, сороковой — два зеленых огня, а шестерка — два синих. Даже в этой малости чужая память не соврала.

Крутая бабушка, однако. Еще раз его так шандарахнет, и он, пожалуй, больше не осмелится заглянуть в чужую душу. Но откуда она знает, чем надо бить незваного гостя? Неужто тоже смотрит в глубь подсознания, выискивая погребенные страхи? А потом бьет точно и безжалостно. Этак и помереть можно... не старушке, конечно, а Игнату Шомняку.

Шел трамвай четвертый номер,
На площадке кто-то помер,
Не доехал до конца.
Ламца-дрица гоп ца-ца!

В Петрограде в годы нэпа, когда еще и Лидии Андреевны на свете не было, существовало всего четыре трамвай-

ных маршрута. Самый длинный был четвертый. Четверка ходила от острова Голодай до речки Волковки, или, как утверждали остряки, «...по Голодаю, поголодаю и на Волково кладбище!» Об этом маршруте и сложена песенка, пережившая четыре поколения пассажиров.

Интересно, какие огни были у четвертого номера?

Добрейшей Рины Иосифовны, проводившей ночь на сестринском посту, сегодня нет, на отделении дежурит Леночка, а значит, и она, и сестры спят, каждая в своем закутке. На помощь можно и не звать.

Отлежавшись, Игнат с трудом поднялся, отключил приборы и, держась за стенку, поплелся на пост за глюкозой. Сами себе в вену колют только наркоманы, так что сестер все равно придется будить. Никто не ждет, что его вторую ночь кряду вышибет из чужого подсознания в три часа ночи.

За дверью его встретил неожиданно яркий свет и милиционер, сидящий рядом с дежурной сестрой. Совершенно нелепая пара: менту явно хотелось полюбезничать с миленькой сестричкой, тем более что среди мужиков ходят слюноточивые рассказы о сексуальной доступности ночных сиделок. Бедняга не знал, что Людочка относится к той разновидности сексапильных девочек, которые смысл жизни видят в том, чтобы поломать кайф распаленному самцу. Они с большой охотой занимаются рискованным флиртом, но умудряются ускользнуть от жадных объятий в ту секунду, когда, казалось бы, постели не миновать. Так что и Людочка была не прочь поиграть в турусы на колесах, но оба сейчас находились при исполнении, причем по разные стороны баррикады.

— Людочка, — сказал Игнат. — Мне бы глюкозы. Инъекцию делать пора.

Последнее он добавил специально для бдительного стража, мол, никакого ЧП не произошло, во всех делах привычная рутина. Однако обдурить милицейского сержанта не удалось.

— Ну те-ка, что у вас там? — потребовал он, увидав, что на свет появились ампулы и одноразовый шприц.

— Глюкоза, — простодушно объяснила Людочка, демонстрируя коробку.

— Ага, можно подумать, я не знаю, какую именно наркоту глюкозой зовут! Давайте-ка к начальству. И вы тоже, — повернулся он к Игнату.

В кабинете дежурного врача сидело еще двое милиционеров и непремный в таких случаях человек в штатском. Милиция расположилась на диване, штатский за письменным столом, а Леночка... Елена Михайловна — на стуле посреди комнаты.

— Вот, — доложил конвоир, — задержал. Что-то она ему колоть собиралась.

— Елена Михайловна, — взмолился Игнат, нарочито не обращая внимания на посторонних. — Глюкоза нужна, ноги не держат...

Леночка резко поднялась, усадила Игната на свое место, закатала рукав, не глядя, словно с полки, забрала лекарство из рук милиционера, сама сделала инъекцию.

— Люда, идите на пост.

— А вы — останьтесь, — сказал штатский, глядя на Шомняка. Коробочку с ампулами он внимательно осмотрел и оставил лежать на столе.

— Тогда эти пусть встанут, — потребовал Игнат. — Мне прилечь надо.

Подчиняясь кивку штатского, милиционеры встали и заняли позицию у дверей.

— И кто вы тут, пациент или сотрудник? — поинтересовался следователь.

— Санитар, — ответил Игнат, прикрыв глаза и откинувшись на кожаный валик.

— Любопытные у вас санитары, которым среди ночи требуются инъекции глюкозы, — очевидно, это было сказано дежурному врачу.

— А вы к нам пойдете работать? — задала контрольный вопрос Леночка. — Давайте, мы с удовольствием примем са-

нитарами вас и всех ваших сотрудников. А пока вы еще не согласились, у нас будет работать Игнат Кузьмич, даже если по ночам ему придется колоть глюкозу.

— И где же вы, Игнат Кузьмич, прятались?

— Я не прятался, я спал. В лаборатории возле сестринского поста топчан есть, ну я и прикемарил малость, пока тихо.

— Так прикемарил, что глюкоза понадобилась... Замечательно. Давайте посмотрим, что в вашей лаборатории творится.

— Туда без сотрудников нельзя, — быстро сказала Леночка. — Туда даже врачи не заходят.

— А он там спит. Замечательно!

— Я там лаборант на полставки, — пояснил Игнат, — поэтому у меня ключ есть. И потом, я ничего не трогаю, просто сплю.

— Мы тоже ничего трогать не будем. А опечатать вашу лабораторию нужно, чтобы там, не дай бог, еще кто-нибудь спать не улегся. Вы как, идти сможете или без вас опечатывать?

— Смогу.

Все пятеро прошли через отделение и остановились у дверей лаборатории. Дверь была не заперта и открылась, едва следователь потянул за ручку. Игнат включил свет.

Милиционеры в помещение не вошли, остановились в дверях, уважительно оглядывая забитое приборами помещение.

— Впечатляет, — признал следователь. — И чем вы тут занимаетесь?

— Будто сами не знаете, — буркнул Игнат. — Психокоррекцией.

— А вам известно, что несанкционированное проникновение в чужую психику запрещено?

— Так то несанкционированное. У нас все по закону.

— И как вы эту психокоррекцию осуществляете?

— Я откуда знаю? Мое дело — электроды налеплять.

— Красиво врешь, — заметил один из милиционе-

ров. — Одного не учел: пострадавшие твой фоторобот нарисовали и на очной ставке тебя признают, можешь не сомневаться.

— Где это они меня могли видеть? — возмутился Игнат. — Во сне, что ли? Так ментальные образы со снами практически не коррелируют.

— Во как заговорил, лаборант, — заметил следователь. — Профессору так говорить впору. А пострадавшие тебя именно во сне видели.

Игнат добавил в голос злоумышленно-уголовных интонаций и хрипло произнес:

— На пушку берешь, начальник. Каждый лох знает, что, проникнув в подсознание, врач может принять там любой облик, хоть родной мамы, хоть огнедышащего дракона. И вообще во сне меня видели, во сне и ловите.

— Поймаем, не беспокойтесь.

— А как же несанкционированное проникновение?

— А мы с санкции прокурора.

— Боюсь, прокурор не может дать такого разрешения. А то вы влезете в чужую душу в милицейских сапогах и такого там наворотите, что после вас только под тяжелую психиатрию.

— А после тебя?

— Я в чужую душу не лезу. Мое дело — электроды налеплять.

— Это я уже слышал. И про изменение облика я знаю, хотя и не лох. А еще я знаю, что ваш брат старается пользоваться собственным обликом, но малость подкорректированным, покрасивше да посуперменистей. Опять же физические недостатки исчезают. Поэтому на психокоррекцию идут в основном люди убогие, которым не чужие недостатки исправлять, а со своими бы разобраться. В чужом сознании этот специалист прыгает как кузнечик, а наяву без глюкозы ног не волочит. Я понятно излагаю?

— Ничего удивительного, — заметил Игнат, — подобное было всегда, и, думаю, впредь будет так же. Классиче-

ский пример — Сабина Шпильрейн, из пациенток доктора Юнга она прямоком попала в светила психоанализа.

— Понятно. Кто сам ничего не может, тот идет учить и лечить других. Возможно, так было всегда, но впредь так не будет. Закон как раз и охраняет нормальных людей от лечения такими, как вы.

— Послушайте, — сказал Игнат. — Вы меня, кажется, еще не арестовали и даже не предъявили никакого обвинения. Поэтому давайте всю вашу ругань отложим на потом. А пока объясните, на каком основании вы сюда вторглись.

— Объясняться я буду с вашим начальством, а вам, как вы верно заметили, буду предъявлять обвинения.

— Прямо сейчас, в четвертом часу утра?

— Почему бы и нет? Вы не дома, а на работе. Простите за каламбур, у вас сейчас рабочая ночь. Опять же, взяты с личным, в лаборатории...

— Я здесь спал. Так что инкриминировать мне можно только нарушение правил внутреннего распорядка.

— Это вы на суде объяснять будете.

— Тогда отметьте в протоколе, — зло сказал Шомняк, — что в лаборатории меня никто не видал, поскольку ваш сотрудник не за коридором следил, а, пользуясь служебным положением, вел фривольные разговоры с дежурной медсестрой. И не забудьте отметить, что вся аппаратура в лаборатории выключена.

— Не вся, — следователь вытащил приборчик, более всего похожий на обычный наладонник, и указал на светящийся зеленый огонек. — Видите, индикатор говорит, что здесь и сейчас что-то включено. И я, кажется, знаю, что именно.

— Можете выбросить ваш индикатор на помойку. Я лично все здесь обесточил еще с вечера.

— С вашего позволения, я пока обожду это делать. А вы, в свою очередь, подумайте, не желаете ли вы в чем-либо признаться? Чистосердечное признание... в общем, не мне вам объяснять.

— Чистосердечно. признаюсь, — с невинной улыбкой, ответил Игнат, — что, проснувшись, я не успел сходить в туалет, и если не сделаю этого сейчас, то могу описаться.

В памяти невольно возникла алюминиевая миска с макаронами и струйка мочи... Путешествие в чужое подсознание долго не отпускает исследователя, так что неподготовленный человек порой не может отличить, где его собственные мысли, а где наведенные образы. Не только врач действует на пациента, но и пациент действует на врача; в психологии и психиатрии это особенно заметно.

— Сейчас сходите. И все же, повторяю, не хотите ли в чем-либо признаться?

— Кто повторяет, — произнес Игнат поговорку времен детства Лидии Андреевны, — тот в уборную ныряет.

Опять фиксация на анальной стадии. Психологи, особенно молодые и энергичные, любят твердить, как далеко продвинулся психоанализ со времен Фрейда, но все же истины, открытые патриархом, то и дело напоминают о себе. Недаром любимая прибаутка Игната Шомняка: «Дедушка Фрейд был бы доволен».

— Замечательно... — дребезжащим голосом произнес следователь. — Сейчас сдадите вашу технику, подпишете протокол и можете отправляться нырять, куда захотите.

— Техника не моя, а казенная. Угодно — опечатайте помещение, а утром беседуйте с руководством больницы. А меня оставьте в покое.

— Нет, господин лаборант, технику вы все-таки сдадите, — следователь шагнул вперед и резко дернул Игната за борт пиджака. — Это у вас что за портупья? Ну-ка, быстро снимайте пиджачок... Я-то вздыхаю, ах, бедняжка, ходит горбатый, потому, наверное, и в психокорректировщики подался, а у него на спине целый арсенал...

— Какой арсенал? Это усилитель биотоков...

— Вот его-то нам и надо. А говорил, все обесточено. Смирнов, сними молодого человека крупным планом. Потом оформим изъятие, и боюсь, что в туалет вам придется нырять уже под конвоем.

Только теперь Игнат обратил внимание, что один из милиционеров держит в руках кинокамеру.

— Это мой личный прибор, к психокоррекции он не имеет никакого отношения.

— Вы это суду говорить будете. А пока попрошу сдать всю электронику.

— От жук, — проговорил любвеобильный страж порядка, прежде карауливший медсестру. — Знаем мы, как он тут спад.

Спорить, ругаться, доказывать не имело смысла. Игнат присел на край топчана, распустил ремни португали, потом начал расстегивать штаны. Следовательно с усмешкой следил за представлением. Милиционер продолжал кино съемку до той самой секунды, когда Игнат окончательно избавился от ремней и обе ноги, больше ничем не закрепленные, с грохотом упали на пол.

— А... это чего?.. — растерянно пробормотал следователь, глядя на огрызок человека, сидящий на топчане.

— Это протезы, — любезно объяснил Игнат. — Как видите, у меня нет ног. Вы потребовали, чтобы я сдал всю технику. Вот, пожалуйста, можете вносить в опись.

— Протезы я не требовал... — следователь чувствовал себя крайне неудобно. — Только прибор.

— Без усилителя протезы работать не будут, так что забирайте все. Я теперь могу идти или вы все же собираетесь взять меня под стражу?

Не дожидаясь ответа, Игнат скатился на пол, подтянулся на руках и, ухватившись за край двери, выволок себя в коридор. Сейчас ему очень не хватало тележки на подшпниках и обшитых кожей чурбачков, что заменяли ноги нищему, сохранившемуся в воспоминаниях Лидии Андреевны. Крайне удачно добрая старушка продемонстрировала незваному гостю, что его ждет.

— Игнат Кузьмич! — всполошилась медсестра. — Я сейчас коляску...

— Спасибо, Людочка, — сказал Игнат.

Игната устроили на койке в коридоре. Елена Михай-

ловна хотела поместить его в одну из палат, но Игнат воспротивился. В конце концов, он не больной, а лежа в коридоре, он мог хоть как-то быть в курсе событий.

Милиция опечатала помещение лаборатории и отбыла. К Игнату следователь не подошел, никаких документов не предъявил, ничего подписывать не заставил, так что у Игната пропала прекрасная заготовка: «подписка о невыползе». Оно, впрочем, и лучше — нечего дразнить красным словцом власть имущих.

Зато днем Игнат несколько раз видел Лидию Андреевну. Рина Иосифовна, выполняя обещание, таскала старушку ко всем специалистам подряд. Окулист и иридодиагност, хирург и травматолог, психолог и психиатр, геронтолог и... разве что педиатру Лидию Андреевну не показывали. Были сделаны кардиограмма и энцефалограмма, томограмма и... один главврач знает, что еще. На массаж Лидия Андреевна согласилась, только узнав, что массажист женщина, зато на физиотерапию (ей назначили электрофорез коленных суставов) пошла с готовностью.

Сейчас в любой из поликлиник
Лучи лечебные Франклина,
Озокерит и Д'Арсонваль —
Опять загадочный словарь...

Как и подавляющее большинство пожилых женщин, Лидия Андреевна страсть любила лечиться, а пуще того — обследоваться, так что сейчас она была более чем довольна и на время оставила свою подозрительность. Однако долго держать ее в больнице было нельзя, еще одну ночь, максимум две. А лаборатория опечатана, и начальство, вместо того чтобы заниматься делом, бегаёт по служебным кабинетам, выбивая справки о непринадлежности к семейству верблужьих.

Значит, оставалось действовать на свой страх и риск, причем безо всякого технического обеспечения. А это значит, что, проникнув в чужое подсознание, Игнат будет не вооружен, да и покрасивше ему не быть, и посуперменистой. Хотя, если вдуматься, то ни арбалет с серебряны-

ми иглами, ни сверхреакция в прошлые разы ему не помогли. Зато будет полезно посмотреть, что попытается сделать с ним Лидия Андреевна, увидав, что незваный гость уже без ног. Все беды и опасности, таящиеся в подсознании, заключены в комплексах. Безногого не напугаешь видом нищего калеки. Значит, Лидии Андреевне придется демонстрировать еще что-то из своего арсенала.

Смешно, он рассуждает так, словно старушка — исчадие ада и нарочно мучает жителей окрестных домов, проецируя на них свои ночные страхи, а с явившимся психологом сражается не на жизнь, а на смерть. На самом деле она даже не понимает, что происходит, чувствует лишь, что кто-то оказывает на нее давление, и готова обвинять в этом весь мир. Прежде такие бабушки верили в сглаз и порчу, потом в козни инопланетян, сегодня, благодаря болтливости журналистов, модным стало обвинять психотехников. Послушаешь разговоры в городском транспорте, непременно услышишь расхожую фразу: «Он меня зомбифицирует». Или напротив: «Он комплексы на меня проецирует». Проецируют такие, как Лидия Андреевна. Зомбифицирует Игнат. А закон, как всегда, коряв. Запрещается вторгаться в чужое подсознание — и все тут. Так Лидия Андреевна и не вторгается, она его издали грязью забрасывает, причем не только без злого умысла, но и вовсе неосознанно. А Игнат — с умыслом. Значит, его надо хватать, не пущать, а если упорствовать станет, то и в кутузку волочить.

Живо представилось, как двое ментов, ухватив Игната под руки, волочат его по асфальту в направлении пресловутой кутузки.

Разнузданная фантазия — общая беда всех психокорректировщиков. Ничего не поделаешь: сапожник без сапог, или, говоря по-умному, профдеформация.

Проторенной дорожкой в чужую голову лазать несложно. Лидия Андреевна, размякшая от массажа и электрофореза, уснула сладко и быстро, так что вскоре Игнат уже находился в отправной точке подсознания.

А ведь хороший человек Лидия Андреевна. Очень многие могут похвалиться, что в душе у них уютно и солнечно. Ей бы не страхи проецировать на окружающих, а эту доброту. Наверняка есть и такие люди. Любая мама даже во сне защищает своего ребенка, так что никакой дьявол не смеет тронуть того, кто держится за мамину руку. Значит, обязаны быть и те, кто дарит мир и спокойствие не только родным, но и всем окружающим, иначе род людской очень быстро изведет сам себя. Проще всего было бы сказать, что у таких людей нет комплексов или они сумели их изжить. Сайентологи именно на этом и паразитируют. Врут, конечно, не бывает живого человека без шрамов на душе. А люди, дарящие добро, — бывают. И очень жаль, что Лидия Андреевна не из таких.

На этот раз комната показалась очень высокой, потолок с лепным штукатурным бордюриком царил на непредставимой высоте, и лишь через пару секунд Игнат сообразил, что это кажется ему оттого, что он смотрит почти от самого пола. Игнат сидел на квадратной тележке, а рядом стояли два подшитых кожей чурбачка с деревянными ручками, точь-в-точь такие, что видел он у безногого нищего и о каких вспомнилось, когда он под растерянными взглядами милиции выползал в больничный коридор. Что ж, ты этого хотел, Жорж Данден, вот и получи замену ног, соответствующую времени и месту.

Ухватил калабахи, взвесил в руке. Вроде и не оружие, а все поспокойней, не с пустыми руками. Такой по лбу огреешь — глаза в разные стороны выскочат. Жаль, что серьезному противнику он сейчас до лба не дотянется.

Ну, поехали... к деду по репу...

А милиция небось следит, не встал ли Игнат Шомняк со своего одра, не прокрался ли в лабораторию. Эх, пинкертоны, вам меня еще ловить и ловить. Игнат Шомняк лежит на койке и не шелохнется. Будить и не пыгайтесь, все равно не добудитесь. Все тело, даже отсутствующие ноги, свело как при каталепсии. Утром опять глюкоза понадобится. Любопытно, какой наркотик на жаргоне на-

зывается глюкозой? Надо было у сержанта спросить, жаль не догадался...

В коридоре темновато, доски пола крашены коричневой краской, у стен совсем новенькой, а в центре уже подвытоптанной. Надо же, какие вещи замечаются, когда едешь в инвалидской тележке, отталкиваясь кожаными подбойками калабах от крашеного пола.

Дверь наружу. Поторкал — заперто. А как же он в прошлые-то разы выходил? Хотя в прошлые разы попробовали бы его не выпустить — он бы эту дверь с полтолка высадил. Замочная скважина под большой ключ с одной бородкой. Массивная вещь, спасает от честного человека и пьяного дебошира. Домушник такой замок в полминуты откроет с помощью куска гнутой проволоки. А вон и ключ, висит на гвоздике. Был такой обычай в коммунальных квартирах: вешать общий ключ около двери. А то позвонит кто в дверь, так что, рыться в карманах пальто, выискивая связку ключей? За это время гость всю квартиру звонками взбудоражит.

Ключ висит метрах в двух от пола, чтобы шаловливые детские ручонки не достали. К сожалению, сейчас его ручонки тоже на такую высоту не дотягиваются.

Прикатил обратно в комнату. Так и есть, сабля валяется на старом месте. По-пиратски зажал деревянный клинок в зубах, вернулся ко входной двери. Приподнялся на культипках, зацепил кончиком сабли ключ. С третьей попытки ключ упал на пол. То-то, знай наших!

А Лидочка с ним играет... препятствия всякие готовит, а потом подглядывает, как он с трудностями справляться будет. То есть не сама Лидочка, а ее подсознание, та пятилетняя девчонка, что сидит в непомерно подозрительной пенсионерке. Эх, Лида, что же с тобой приключилось в пять лет, во времена солнечного детства, что до сих пор из светлой комнаты растекается окрест непроглядный ужас, которого с лихвой хватает на несколько тысяч человек?

Проще всего было бы собрать воедино все фаллические символы, которых тут предостаточно, вспомнить,

что замуж Лидия Андреевна так и не вышла, отбывши жизнь в одиночестве, и сделать вывод, что в пять лет Лида, как теперь принято говорить, стала жертвой сексуальной агрессии. Проще говоря, кто-то ее изнасиловал среди дворовых сараев. Скорей всего, тот самый Шурка... жаль, не удалось узнать, кто это такой. В этом случае надо вызывать детского психолога, который выводит из шока изнасилованных девчонок. И что этот специалист будет делать со старухой?

К тому же в гладких стандартных построениях видна некая неправда. Сейчас у Игната в руках тот самый фаллический символ, что торчал промеж ног у Шурки, а Лида на это никак не реагирует, демонстрируя обычное перекладывание вины. Мама не велела ключ трогать и дверь открывать, так это и не я вовсе, а страшный безногий дядька на тележке приехал, ключ взял и дверь открывает. Нет, милая, тут все двери твои, не позволишь, черта с два я эту дверь открою без применения агрессивных методик.

Вставил ключ в замочную скважину, повернул... Тьфу, черт, дедушка Фрейд, отвернись хоть на минуту! Должны же быть на свете обычные действия безо всякого сексуального подтекста... Хотя, когда бродишь по подсознанию старой девы, будь готов к тому, что там все с подтекстом.

Отворил дверь.

Лестница. Темная. Один пролет уводит вниз, второй — наверх. Ступени из серого пудожского известняка. Таких уже семьдесят лет не делают, с тех пор как пудожские каменоломни были полностью выработаны во время строительства Волховской ГЭС. А в старых домах такие лестницы и сейчас стоят, стоптанные тысячами ног.

Ловушка. Наверх не подняться, вниз спускаться — тоже невелико удовольствие, задницу о каменные ступени отбивать. Значит, сегодня бродим по квартире. И ищем хоть что-нибудь, способное пролить свет на причины происходящего. Должно же среди этой идиллии быть нечто, доводящее окружающих до сумасшествия и петли. Как было бы хорошо встретиться с овеществленным комплек-

сом, принявшим облик отвратительного чудовища, этакой ехидны. Вступить с ним в бой и победить, принесся освобождение в первую очередь тому человеку, чье подсознание породило монстра. Дешево и сердито, не надо даже быть психологом, нужно просто уметь отличить монстра от сформированных в подсознании концептов, которые тоже порой принимают причудливые и угрожающие формы. Чужая душа не полигон, стрелять во все, что движется, нельзя.

Впрочем, те люди, чей сонный разум порождает чудовищ, обычно соглашаются на сотрудничество. Им невыносимо жить, таская в душе ад, созданный собственными фантазиями. У Лидии Андреевны ничего подобного нет, неудивительно, что она столь решительно отказалась от психокоррекции. И милицию наверняка вызвала она сама.

Моя милиция бережет мой душевный покой от посягательств безногого Шомняка.

Игнат запер входную дверь и даже умудрился повесить на место ключ. Поехал по коридору, внимательно вглядываясь в двери. Было в дверях нечто неуловимо ненастоящее, они словно ускользали от взгляда. Если пол и противоположная стена с обшарпанными обоями были грубо вещественны, то на дверях взгляд сфокусировать не удавалось. Дело знакомое: квартира коммунальная, и потому наличествует ряд дверей. Но соседи и тем более их жилплощадь не оставили в памяти неизгладимого следа, и потому дверей как бы и нет. Значит, и ждать оттуда нечего и некого.

Подъехал к туалету. Уже издали было заметно, что там горит свет. Узкая полоска под дверью, и крошечная искра у края филенки. Очень удобно проковыряно, сидя на горшке, можно рассматривать коридор, а можно и наоборот, подкравшись к двери, кинуть нескромный взгляд на то, что происходит в туалете. И главное, взрослые дырочку не заметят, разве что встанут на четвереньки.

Иногда все-таки полезно переменить точку зрения и глянуть на мир снизу вверх.

Игнат подъехал, осторожно потянул дверь.

Заперто.

— Шурка! — раздался из-за тонкой двери детский голосок. — Не смей подглядывать без разрешения!

Вот и нашлась добрая старушка Лидия Андреевна. Чудовище, правда, покуда не объявилось, но это уже полдела. Но до чего хорошо Лидочка сформулировала фразу: «Не смей подглядывать без разрешения!» А с разрешения, значит, подглядывать можно. Тут уже был бы доволен не только дедушка Фрейд, но и все школы, занимающиеся детской сексуальностью.

И еще можно сразу отбрасывать гипотезу об изнасиловании Лиды. Случись такое в ее детстве, реакция была бы совершенно иная. А что касается Шуркиной сабли и его же привычки мочиться в самых неподходящих местах, то тут все понятно. Шурке лет семь, Лиде — чуть меньше. В этом возрасте в детях бушует неизбывное любопытство к собственным половым органам, но того более к противоположному полу. В детских садах среди воспитанников старших групп непременно существует особый ритуал взаимной демонстрации своих тел. Возмущенные воспитательницы, застав детишек за этим интересным занятием, гневно восклицали: «Что еще за глупости?» — но преуспели только в одном: ритуал, да и сами половые органы, стали называться «глупостями». Мамы и бабушки такие вещи называют письками, но дети знают, что на самом деле это — глупости. И, бывало, детсадовский ябеда кричал: «Вера Степановна, а Сéreжка глупости показывает!»

Так что ничего страшного он не обнаружил, удивительно только, как Лидия Андреевна умудрилась застрять в наивном пятилетнем возрасте. И что делать дальше? Без разрешения в туалет не сунешься, а если и сунешься, то, скорей всего, там никого не окажется. Дело самоочевидное, можно и к Юнгу не ходить. Значит, будем обследовать кухню. Хорошо бы найти варенье или сгущенное молоко, тогда Лида точно вылезет. Наверняка варенье брать не разрешается, но если кто-то другой первым начал, то Лидиной вины тут нет.

Сам Игнат рос в те времена, когда варенье уже не считалось чем-то удивительным. Початая банка всегда стояла в буфете. Однажды мама услышала подозрительную возню на кухне и, не отрываясь от телевизора, крикнула:

— Игнат, не трогай варенья!

— Я его не трогаю, — ответил четырехлетний Игнат басом. — Я его ем.

Вот и сейчас бы найти перевязанную бечевкой баночку клубничного варенья и подманить на клубничку пятилетнюю Лиду. Тьфу, черт, при чем тут клубничка? Вишневое варенье или черничное!

Варенья на кухне не нашлось. То ли вовсе не было, то ли спрятали его слишком высоко. Вот недотепы, спички надо прятать в недоступных для детей местах, спички, а не варенье!

А так кухня как кухня. Шесть маленьких столиков, по числу семей. На каждом примус и бутылка с голубоватым денатуратом. Канистрочки с керосином стоят в дальнем углу, там же, где лежит десяток поленьев и стоит общее мусорное ведро. Дровяная плита, которую топят только перед календарными праздниками, в остальное время она застелена старой клеенкой и используется как стол равно всеми жильцами. Напротив плиты — раковина с медным краном. Никаких смесителей нет, горячую воду покуда не провели. Посреди кухни — еще один общий стол, за которым в праздничные дни собираются гости. В комнате гостей не примешь, туда, если семья большая, и хозяйева с трудом втискиваются, поэтому все дни рождения празднуются на кухне, и соседи первые среди приглашенных. И уж, конечно, нет никаких холодильников или тем паче микроволновок. Фанерный ящик, приделанный к стене за окном, и авоська с продуктами, вывешенная в форточку, вот и вся бытовая техника.

Игнат окинул взглядом отдельные столики, потом подъехал к общему большому столу и заглянул под свисающую клеенку.

— Это нечестно, — сказала Лида. — Я тут в домике.

— Ну и сиди в своем домике, раз ты такая трусиха. Трусы-трусы-трусики — продаем задаром по штукам и парам!

— Ничего я не трусиха! — Лида показала на свет и замерла, уставившись на Игната.

Игнат ждал, боясь все испортить одним неправильным словом.

— Это что с тобой?.. — произнесла Лида чуть слышным шепотом.

Игнат пожал плечами, словно признаваясь в застарелой вине.

— Это тебя трамваем так?

Игнат кивнул.

— А мама сказала, что тебя трамваем совсем задавило! — вдруг закричала Лида пронзительным, дрожащим голоском. — Насмерть задавило! А я знала, что не насмерть! Ну, может, ноги отрезало. Так подумаешь — ноги! У дяди Феди, который на улице сидит, тоже ног нету, немцы ему ноги оторвали — и ничего! Ты не бойся, я тебя все равно не брошу... — Лида замерла, пытаясь сообразить, откуда выплыли эти слова, но, ничего не вспомнив, быстро, захлеб договорила: — Ты только больше никуда не пропадай, а то я тебя ищу-ищу, а тебя нету.

— Не буду пропадать, — сказал Игнат.

— Я тебя возить везде буду на тележке. Вот и получишь, будто ноги у тебя немножечко есть. А если мальчишки начнут дразниться, я буду им мстить. Ты знаешь, какая я вредная!

— Да уж знаю.

— Шура, а ты взаправду на меня не сердисься?

— Нет, конечно. Чего мне сердиться?

— Честное слово?

— Честное-пречестное!

— Тогда повторяй за мной: «Честное слово, красная звезда, Сталина и Ленина обманывать нельзя!»

— Кто повторяет, — отчеканил Игнат, — тот в уборную ныряет!

— Нырнула бы я, — радостно отпарировала Лида, — да очередь твоя!

Это было как пароль, кодовая фраза, по которой осуществляется взаимное узнавание: «Ты свой?» — «Да, я свой!»

Они переглянулись и расхохотались так, что, будь квартира и впрямь коммунальной, все соседи сбежались бы, желая выяснить, что случилось.

* * *

В эту ночь никуда Игната не вышвыривало, так что обошлось без глюкозы. Распростившись с Лидой, Игнат повозился немного, привыкая к настоящему телу, и крепко заснул, отложив осмысление похода на завтра. Знал только одно: он все сделал правильно, хотя что именно он сделал, еще предстояло понять. А заснуть удалось легко и спокойно, потому как к настоящему телу и привыкать особо не пришлось. Вот и ответ, почему психокорректировщики предпочитают свой облик любому дракону и супермену. Дракон, конечно, крут, но потом нужно возвращаться, втискиваясь в собственное тело, а это после драконовой туши бывает очень нелегко.

Утром, еще до завтрака и обхода, к Игнату подседа санитарка Клавдия Ивановна — сотрудник незаменимый в смысле сыска. Была у нее замечательная особенность — знать все и обо всех. За глаза Клавдию Ивановну звали Первый Отдел и к ее помощи прибегали, когда кто-то из корректировщиков не мог сразу разобраться с тем, что встретилось ему в работе. Тогда обращались к Клавдии Ивановне, и та в скором времени приносила наивернейшие сведения о самых интимных сторонах жизни пациента. Занималась она этим из любви к искусству, а деньги получала за то, что меняла на постелях белье, относила с поста в лабораторию корзинку с анализами, а заодно и полы мыла, поскольку уборщицы на отделении не было.

— Ну что, узнала я про твоего Шурку, — жарким ше-

потом начала она доклад, — район старый, есть у кого спросить. Эта самая Лидия, она еще молодая, сорок восьмого никак года. Тоже стыдоба, здоровые бабы, им бы работать и работать, а они инвалидность оформляют! Я вот блокадница, а работаю. А Шурка, про которого ты спрашивал, это ейный брат. На год, что ли, старше самой Лиды. Да ты знаешь, после войны народ, соскучившись, плодиться начал, что зайцы по весне, вот и шли дети погодками. Только Шурке не повезло в жизни, помер он еще мальцом, трамваем его зарезало. Место поганое на Максима Горького, там железная ограда вдоль самых путей, и случись что, в сторону не отпрыгнешь...

— Знаю это место, — подтвердил Игнат. — Там еще шестой трамвай ходит.

— Во-во! А Шурку, — Клавдия наклонилась к самому уху, — говорят, родная сестра убила. Разбаловались на переходе, начали толкаться, и она брата прямо под колеса и пихнула. А мать не уследила. Во как бывает!

— Понятно, — проговорил Игнат, ожидавший чего-то подобного. — То есть мальчика прямо на Лидиных глазах убило.

— А как же! Сама она и угробила мальчика, а теперь с другими счеты сводит.

— Спасибо, Клавдия Ивановна! Вы мне очень помогли. Теперь я понимаю, что происходит, и знаю, как надо действовать.

— Лечить небось начнешь...

— Непременно.

— А будь моя воля, я бы ее не в больницу, а в тюрьму!

— Что вы, Клавдия Ивановна, ей же пять лет было! Маленьких не судят.

— Было пять, а теперь уже шестьдесят!

— А срок давности?

— Это у вас, добреньких, срок давности. Перед богом срока давности нет. Убила — пожалте к ответу.

— Вот она и отвечает. Думаете, с чего она к нам попала?..

— А я бы такую еще и в тюрьму! — Клавдия Ивановна

поднялась, протерла шваброй пол под Игнатовой кроватью и добавила уже иным тоном: — А, что обо мне говорить!.. Бодлива корова без рогов ходит.

Еще одна загадка души человеческой. На словах Клавдия Ивановна всех бы поубивала, а на деле — мухи не обидит. Вот бы посмотреть, что у нее в подсознании скопилось за семь десятков лет! Одно можно сказать наверное: солнечной комнаты там нет, детство Клавдии Ивановны пришлось на войну и блокаду.

Игнат полусидел-полулежал, приподняв изголовье на максимально возможную высоту. Читал книгу, которую принесла Рина Иосифовна. А что еще делать, если лишился ног и без посторонней помощи не можешь даже перебраться с кровати на каталку? Больной — тот же заключенный, подписку о невыползе с него можно не брать, он и так под арестом.

Несколько раз Игнат видел Лидию Андреевну, которая бегала между палатой и ординаторской, получая нужные справки и собираясь домой. А ведь энергичная пенсионерка, по сути дела, заперта еще надежнее, чем безногий доктор. Пожизненное заключение в одиночной камере — наказание страшней, чем смертная казнь. Внешним взором видим стержовзную старуху, а внутри неприкаянно бродит пятилетняя девочка, кружит по солнечной комнате, по коридору, где на стене висят лыжи и велосипед, по кухне, где все спички от детей спрятаны, по двору с дровяными сараями, по пустой шумной улице... Заглядывает в самые недозволенные маленьким девочкам закоулки, ищет, но находит только пустоту. Всюду следы Шурки: вот его сабля, вот его дудка, вот раздавленный сандаликом песочный кулич... Но самого Шурки нет. Напрасно подглядывать в потайную дырочку — что там делается в туалете?.. — бесполезно часами сидеть, затаившись под столом. Никого нет в туалете, лишь журчит только что спущенная вода; никто, забывшись, не зайдет на кухню, хотя варенье опять съедено.

Потому и не сложилась собственная жизнь Лидии Андреевны. Какая может быть личная жизнь, если всякая

мысль о мужском начале заглушена оглушающим трамвайным звонком.

Нет, нет, нет!.. Глупости все это!

Ну что, дедушка Фрейд, ты доволен?

Пятилетняя Лида не верит в непоправимость случившегося пятьдесят пять лет назад. Уже одиннадцать пожизненных сроков она отбыла в светлой одиночке, но все еще не верит. Лишь по ночам, когда разум засыпает, на одно мгновение приходит... не мысль, не воспоминание, а отчетливое ощущение, как железные колеса кромсают ее общее с Шуркой тело. Тогда Лида бежит и прячется под стол, а люди, живущие по соседству с брэнной Лидиной оболочкой, корчатся от расплзающейся солнечной жути, впадают в депрессии, режут вены, неосознанно умножая зло.

Показать бы все это строгой Клавдии Ивановне — какие еще тюремные сроки назначит она давней преступнице?

Игнат отложил книгу, подтянул к кровати кресло-качалку. Надо бы как-то пересесть и съездить до туалета. Мисочку с нищенскими макаронами сюда никто не принесет.

Пересесть не удавалось, коляска норовила отъехать в сторону, а то и вовсе перевернуться.

— Вам помочь?

Поднял взгляд. Так и есть, рядом стоит Лидия Андреевна.

— Если не трудно, придержите немного коляску, чтобы она не отъезжала.

Ухватился руками за поручни — оп! — перекинул тело на коляску. Теперь развернуться — и все в полном порядке.

— Зачем вы так! Я бы позвала кого-нибудь, перенесли бы вас.

— Ничего, силушка в руках покуда есть!

Мне мама в детстве выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
Я не смотрю кино, я не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо!

Бисмарк сказал, что из каждого свинства можно извлечь ломтик ветчины. Даже из отсутствия ног.

— Вас куда отвезти?

— Собственно говоря — никуда. Просто в постели лежать сил больше нет. Надоело хуже горькой редьки.

— Это вас в Афганистане покалечило?

— Нет, — честно ответил Игнат. — Авария. Но все равно больно.

Ноги Игнат потерял в экспедиции. Надо было суметь заехать в края, где, кроме их «Урала», на сто километров ни единой машины, и попасть под собственный «Урал»! Они только приехали и разбивали лагерь, на ощупь, почти в полной темноте. Водитель решил передвинуть машину, чтобы фарами подсвечивать работающим, и, не заметив, наехал на Игната. Наехал на скорости три километра в час. Запомнился толчок и неспешно наваливающаяся на ноги тяжесть. Боли не было, боль появилась потом, когда Игната все на том же «Урале» везли в больницу. Боялся остаться на всю жизнь хромым, а остался вовсе без ног. До сих пор его бросает в дрожь, когда он слышит безнадежный диагноз: «синдром раздавливания».

— Знаете, — сказала Лидия Андреевна, — вы очень напоминаете моего брата. У меня брат был, старший, он умер уже давно, так вы на него похожи.

Игнат молча кивал, вздыхал сочувственно. В таких случаях слова не нужны.

— Вы тут тоже обследуетесь?

— Вообще я тут работал, еще вчера. В центре психокоррекции. Но теперь нас закрывают, помещение вон опечатали, даже протезы не позволили взять. Вот и лежу без ног, не то пациент, не то сотрудник, не то подследственный...

— Да что ж они, звери? Протезы-то за что отняли?

— Работа такая. А протезы вернут, зачем они им?

— И куда вы теперь?

— Не знаю. Пристроюсь где-нибудь через общество инвалидов.

Они еще долго говорили о всяких незначущих вещах, потом Лидии Андреевне принесли выписку, и она уехала, оставив Игнату на прощание большое яблоко.

Вечером приехал следователь, а вместе с ним руководитель центра профессор Гуцин. Опечатанное помещение открыли, Игнат на своей коляске въехал туда сразу за Гуциным. Хмурый следователь вручил ему протезы, которые так и лежали на топчане, где оставил их хозяин.

— Вам извиниться передо мной не хочется? — спросил Игнат.

— Если честно, то совершенно не хочется. Не знаю, как вы добились, что единственный неоспоримый свидетель... да какой свидетель — пострадавший! — забрал назад свое заявление и теперь отказывается от собственных показаний. Но вы-то знаете, что преступление имело место! И будьте уверены, рано или поздно я вас поймаю!

— Понятно. Пэрэат мундус, фиат юстициа.

— Что?

— Это по-латыни. Я думал, латыни учат не только медиков, но и юристов. Фраза по вашей части: «Погибни мир, но свершись правосудие». Так вот, я не юрист, я врач. На юстицию мне плевать, а миру погибнуть не дам. Работа у меня такая — людей спасать.

Они расстались недовольные друг другом.

Гуцин нервно ходил по лаборатории, бесцельно щелкая тумблерами обесточенных приборов.

— Вот какие дела, Игнат Кузьмич. Пронесло нас, можно сказать, по самой кромочке. Придется хотя бы на некоторое время несанкционированные корректировки оставить. Я все понимаю, и что такие люди всего опаснее для окружающих, и случаи их — самые интересные, но видите, что творится. Пересажают нас всех, кому от этого хорошо будет?

— А вы знаете что сделайте? — предложил Игнат. — Издайте приказ, запрещающий сотрудникам нарушать закон о неприкосновенности личной жизни. И если что, и вы, и весь центр окажетесь ни при чем.

— Вы думаете, у меня такого приказа не издано? Я его еще год назад подписал. У меня за вас душа болит. Посадят в тюрьму, что тогда?

— А тогда ничего. — Игнат придвинул протезы и начал прилаживать их к культяпкам ног. — Я и без того всю жизнь в тюрьме, в одиночной камере. Санкционированные исследования как прогулка по тюремному двору, а там — настоящее. Ну, вроде как сбежал я из своей одиночки. А что закон нарушен, так побег из тюрьмы всегда противозаконен. Так что не переживайте за меня.

— Легко сказать... меня же совесть заест, самому после такого психокоррекция потребуется. Впрочем, об этом мы потом побеседуем, а сейчас идите домой, отдохайте после нервотрепки...

— Погодите! — возмутился Игнат. — У меня вчера был выходной, вот я и провалялся весь день на койке, на неделю вперед выспался. А сегодня у меня дежурство.

Он мог бы сказать, что ему нечего делать в замусоренной холостяцкой берлоге, которая называется его квартирой, куда не заглядывает солнце и где никогда не пахнет картофельным супом, но Гуцин все понял и без объяснений.

— Хорошо, — сказал он, — оставайтесь. Но случай вам сегодня достанется простой и совершенно легальный. Можно сказать, прогуляетесь по тюремному дворику.

* * *

Подвал или катакомбы, серая мгла, под ногами хрустящая пыль, с низкого потолка свисают лохмотья паутины. Очень много паутины, по всему видать, пациент страдает арахнофобией. Случай простой, достаточно показать пациенту, что жуткий паук уязвим, с ним можно биться и в конце концов расправиться, и кошмары больше не вернуться. Хотя паук может — и даже должен! — быть ядовит. Так что чепчиками его не закидаешь и шапки в воздух бросать рано.

— Меня подожди!

Игнат обернулся и увидал Лиду. Девочка подбежала и остановилась рядом с Игнатом, отдыхиваясь и часто шмыгая носом. В руке была знакомая деревянная сабля.

— Думал, я тебя не найду, да?

— Зачем ты здесь? Тут опасно. Я сейчас на работе, а потом приду к тебе.

— Я с тобой, — твердо заявила Лида. Она оглядела темный подвал и добавила: — Ничего себе работа у тебя! Тут знаешь сколько мыть нужно, пока чисто станет? Вот погоди, я ведро принесу и половую тряпку. Думаешь, я пол мыть не умею? А паутину веником обмету.

— Тихо! — шикнул Игнат, вскинув самострел.

Прямо перед ними стена взбугрилась воспаленным фурункулом, и оттуда полез огромный, Игнату по плечо, паук. Тварь замерла, выбирая добычу, и, как обычно, мгновение безудержного страха растянулось, заливая душу липким холодом. Немногие бойцы способны противостоять первобытному ужасу. И если хоть тень сомнения окажется в душе, победа будет за монстром.

Игнат навел самострел, но прежде, чем серебряная игла сорвалась в полет, между охотником и зверем возникла Лида.

— Не тронь Шурку! — крикнула она и ткнула деревянной саблей, распоров паучью брюхо.

МЕДСЕСТРА

Когда зыбкий вальс мельтешащих ветвей, хоровое гудение моторов, свист не по-зимнему теплого ветра, блуждающие по окраинам предметного мира стихотворные строки, привкус, оставшийся во рту после наркотических грибочков, да еще свисающие с заснеженных деревьев лианы, похожие на мерзлые веревки, спутались в сплошную какофонию, грозящую разорвать сознание на куски, Стефана сняли с рейса и сдали в больницу на острове Мархен. Караванный врач умыл руки: Трансматериковой компании не нужны лишние трупы и лишние проблемы.

Стефан пытался протестовать, хотел объяснить им, что на Мархене его ждет гибель. Прямо пойдешь — будешь жить-поживать, налево пойдешь — свою гибель найдешь. Прямо по курсу Кордея, до нее три дня пути, а слева — захудалый островок с населением в десять-пятнадцать тысяч душ, и капитан каравана, посоветовавшись с врачом, решил избавиться от занемогшего пассажира. Мол, через неделю мимо пройдет, в соответствии с графиком, следующий караван с Сансельбы, и тогда его заберут, если к тому времени он оклемается.

Лепатра могла бы за него заступиться, сказать, что нельзя ему на Мархен, но чокнутая ведьма то ли уже забыла о своем пророчестве, то ли не пожелала вмешиваться в развитие событий. Чокнутая, что с нее взять.

Невнятно лепечущего пациента уложили на носилки и вытащили из душного пассажирского фургона наружу. От восхитительно свежего воздуха закружилась голова.

Не смей дышать, не смей смотреть, вздохнуть — и тут же умереть... Хорошо? Или опять мура, которую сегодня запишешь, а назавтра скомкаешь и выбросишь?

Двое караванных грузчиков, меша шнурованными сапожищами истоптанный снег, понесли Стефана к береговому воротам. На периферии маячила рокочущая громада головной таран-машины с гусеницами в человеческий рост и наполовину выдвинутыми дисковыми пилами страшных размеров. Сравнить неумолимый рок с таран-машиной? Не ново, кто-то уже сравнивал. Да поймите же, не надо ему на Мархен, он хочет доехать до Танхалы! Окружающие ничего не понимали. Облака, подгоняемые западным ветром, гуртом ползли в сторону Кордейского архипелага, и на этом плывущем сером фоне кружили всполошенные птицы. Стефан в последний раз попытался сказать, что не хочет здесь оставаться, и потерял сознание.

Очнулся в кровати с провисающей панцирной сеткой. Блекло-голубые стены, белая дверь. Пахло давно не стиранным бельем, лекарствами и супом. На соседнем койко-месте кто-то с перебинтованной головой лежал под капельницей, напротив старик с одутловатым лицом хлебал из тарелки с такими шумовыми эффектами, словно озвучивал для театральной постановки свиноферму в час кормежки. Четвертая кровать пустовала, из постельных принадлежностей там был только полосатый матрас в желтых пятнах.

Около себя Стефан тоже обнаружил капельницу с пустым стеклянным резервуаром. Возле внутреннего сгиба локтя две красные точки: выходит, он уже получил медицинскую помощь. И самочувствие вроде бы в норме, но это еще ничего не значит. Лепатра предсказала, что на Мархене он встретит свою погибель — значит, в этой больнице его запросто могут уморить.

Пришла пожилая санитарка, повозила по полу мокрой шваброй, демонстративно кряхтя и обзывая обитателей палаты лежебоками, пачкунами и увечной командой. Ста-

рик с ней переругивался, но диалога не сложилось: каждый бубнил свое, и два встречных словесных потока утекали, не пересекаясь, в бесконечность. Забинтованный не реагировал. Стефан притворился спящим и тоже не реагировал. Санитарка внушала ему страх: возможно, это и есть Погибель?

Позже медсестра с увядшими синеватыми веками и ярко накрашенными губами сунула каждому по градуснику. Ей было лет сорок пять или, может быть, около трехсот — смотря к какому подвиду она принадлежит, В или С. Температура тридцать шесть и два, но у него и в дороге не было жара.

Перед сном покормили невкусной кашей и сладковатой пародией на компот с одной-единственной серой виноградиной на дне стакана. Понятно, в конце зимы не попикуешь, и его путевая страховка не предусматривает приятных излишеств. Опасаясь травануться, Стефан половину каши оставил на тарелке и подозрительную виноградину не тронул.

Утром другая медсестра, молодая, но страшная, как целая орда кесу, снова принесла градусники. Он старался не смотреть на ее бледное лицо с выпирающими скулами, огромным подбородком, неожиданно миниатюрным носиком и игрушечным ротиком. Вдруг это она его погубит? Забудет выжать из шприца пузырьки воздуха — и вот тебе закупорка сосуда.

Вслед за ней появился врач, солидного вида мужчина с усами щеточкой и культурной речью. Уже с третьей фразы перешел на «ты», но дал понять, что по отношению к себе никакой фамильярности не потерпит. Стефану было все равно. Лишь бы не застрять в этой больнице надолго, а для этого нужно, чтобы доктор поскорее его выписал.

— Что употребил?

— Грибы какие-то сушеные. Я не мог отказаться, меня угостила колдунья, у которой не все дома. Если такую обидеть, может и порчу навести, и проклясть, а на что она

обидится, заранее не угадаешь, сумасшедшая ведь. Думаю, если б я ее гостинец выбросил, было бы хуже.

— Что за колдунья?

— С Сансельбы, она ехала этим же рейсом. Назвалась Лепатрой. Полное имя, наверное, Клеопатра, фамилии не знаю. Она с самого начала ко мне прицепилась, всю дорогу приставала поговорить.

— Грибы как называются?

— Не сказала. Похожи на засохшие картофельные очистки.

Врач расспрашивал об ощущениях, выслушивал ответы и что-то записывал, под конец сказал:

— Ну что ж, подлечим — и поедешь дальше. Тебе плохо не только из-за грибочков. Ты много общался с душевнобольной колдуньей, это само по себе дурной фактор, особенно для людей с неустойчивой психикой. Избегай таких контактов. Я выпишу тебе лекарства, на Мархене их не достать, купишь потом в Танхале. В столице есть все.

Стефан поблагодарил за советы, пообещал избегать и принимать. Он решил быть покладистым пациентом, чтобы его из вредности не решили продержат тут подольше. Пусть Лепатра помешанная, ее предсказания не стоит пропускать мимо ушей. Даже наоборот... Он слышал, как раз у таких способности к предвидению иногда обостряются, и они выхватывают из надвигающегося хаоса вероятностей то, что для всех остальных окутано непроглядным туманом.

Лепатра ехала в другом пассажирском фургоне, но положила глаз на Стефана на первой же стоянке.

Ватный вечер. Вереница застывших посреди редколесья механических монстров. Температура около минус пяти по Цельсию, моторы заглушили, и наконец-то можно окунуться в драгоценную тишину. «Драгоценная тишина» — Стефан записал это огрызком карандаша в замасленный блокнот, чтобы потом где-нибудь использо-

вать, но на следующий день решил, что эпитет слишком вычурный.

Тягучий шум заснеженного Леса, время от времени — цветными вкраплениями на серо-белом фоне — звуки, издаваемые птицами и осторожным зверьем, да еще человеческие голоса.

Вдоль остановившейся автоколонны рассыпались охранники: у одних карабины, у других автоматы, и все при мечах — если из-за кесейских чар огнестрельное оружие откажет, начнется махач. *«При первом сигнале тревоги пассажир обязан занять свое место в фургоне согласно билету и во всем подчиняться офицерам охраны»*. Правда, ходят слухи, что в последнее время кесу перестали нападать на караваны Трансматериковой компании, но это же слухи, и это же кесу!

Караванщики, весело переключаясь, раскладывают костры, пассажирам тоже не возбраняется подышать свежим воздухом и до наступления темноты посидеть у огня.

Стефан уставился на свои ботинки — желтые с изумрудно-зелеными рантами и бежевыми шнурками, последний крик богемной моды на Сансельбе. Ему показалась занимательной мысль, что снег под ногами, хоть и лежит здесь черт знает сколько лет, никогда еще не соприкасался с такими ультрастильными предметами, это стоит где-нибудь обыграть.

— Не туда смотришь.

Насмешливый и слегка визгливый женский голос, хрипловатый, как будто простуженный, заставил его обернуться.

Перед ним стояла чокнутая, это он понял в первый же момент. Пальто с разными пуговицами: одна из розового стекла, вторая из потускневшего серебра с филигранью, еще две усыпаны игристыми стразами, пятая сделана в виде ракушки, и последняя — деревянная. Взъерошенный воротник из шкурки неведомой зверушки, которая при жизни, должно быть, страдала лишаем. На тонкую шею намотан желто-розовый газовый шарфик. Лиловые

шаровары с начесом, старые меховые боты. Перчаток нет, но хрупкие кисти с нервными пальцами не выглядят озябшими. Головного убора тоже нет, жидкие светлые волосы распущены по плечам. Губы, бледные, но полные и немножко навыворот, растянуты в лягушачьей улыбке. Веки толстые, припухшие, а глаза с почти бесцветной радужкой, словно выполосканные в нескольких водах, блестят, как стразы на пуговицах.

— Меня звать Лепатрой. Идем к костру, чего стоять без толку.

И он пошел за ней, как на привязи.

Подойдя к ближайшей куче хвороста, Лепатра ткнула пальцем с обломанным ногтем — и вспыхнула пламя. Тогда Стефан понял, что она не просто умалишенная, но еще и чародейка. Хорошо, если тихая... Впрочем, так и оказалось, Лепатра почти не колдовала, только языком молола. Будь она буйной, ее бы свои же коллеги куда-нибудь упрятали, а в крайнем случае вмешались бы Высшие. Несмотря на эти оговорки, парни из каравана быстренько ретировались к соседнему костру.

Странная дама не заметила их бегства: ее внимание было целиком приковано к Стефану. После нескольких минут разговора она огорошила его пророчеством насчет поджидающей на Мархене гибели.

— Я не знаю, что такое Мархен, — возразил Стефан, стараясь не поддаваться накатившему тревожному зуду.

— Плохое место. Скучный островок. Не заворачивай туда. Если проедешь мимо, все у тебя сложится, как мечтаешь.

— Я туда не собираюсь. Я еду в Танхалу.

— Я тоже, — осклабилась колдунья. — Скоро наступят интересные времена, не хочу пропустить... Этой весной крови прольется больше, чем талой воды. Ты кто по роду занятий?

— Поэт. Немного драматург.

— Тогда почитай стихи, я люблю.

Лепатра уставилась на него с восторженным ожида-

нием, и он не заставил себя упрашивать. Не так уж много у него было благодарных слушателей. Если посчитать, чуть больше десятка, главным образом оставшиеся на Сансельбе родственники и хорошие знакомые. Ну, еще собратья по литературному кружку, однако там интерес к чужому творчеству специфический, и критикуют друг друга нещадно.

Полоумной колдунье стихи «жуть как понравились», и после этого Стефан общался с ней на каждой стоянке, хотя правильнее было бы держаться от нее подальше. Иногда она изрекала необычные вещи. Например, насчет того, что Лес погружен в летаргический сон.

— Скоро настанет весна, и он проснется.

— Нет, — убежденно помотала головой Лепатра. — Этот Лес спит всегда, уже целую вечность, и будет спать еще столько же, если его не разбудят. Чтобы он проснулся, надо оживить его окаменевшее сердце.

— И что тогда будет?

— Все раскроется и зацветет, как распускаются набухшие почки. Я тебе что по секрету скажу... — Колдунья огляделась, нет ли кого рядом, и перешла на сиплый шепот, приблизив лицо, точно собиралась целоваться: — Они украли каменное сердце! Взяли себе, как будто оно ихнее. Смотри не проболтайся, а то убьют.

— Кто — они? — спросил он тоже шепотом.

— Тс-с-с, лучше вытряхни из ушей то, что я тебе сейчас сказала, — безумная лягушачья улыбка стала шире, взгляд затуманился — как в тот раз, когда она напроорочила ему погибель. — Чтобы разбудить Лес, нужны трое, и один из них должен все забыть, а второй — вернуться живым из Страны Мертвых, а третья должна остаться собой. Как ты думаешь, кому из них придется труднее всего?

— Второму, — подняв воротник куртки, а то за шиворот падали снежинки, решил Стефан. — Тут и думать нечего.

— А вот и нет! Всякое бывает... Говорят, кесейские шаманки знают окольную тропу из Страны Мертвых, по которой можно приводить умерших обратно, только ни-

кто из наших до сих пор не выведал, как они это делают. Знание у них тайное, а главный постулат — дух сильнее плоти. Об этом молчок, а то я с тобой что-то разболталась... — Сумасшедшая хихикнула, зачерпнула ничуть не озябшей рукой немного снега и начала лепить комок. — Труднее всего придется третьей. Скажешь, это просто, в нашем-то мире остаться собой? Да хоть на себя посмотри: разве ты — это ты?

— А кто я тогда?

— С миру по нитке, вот кто. Припомни сам, сколько раз ты под кого-то подстраивался, кого-то копировал, говорил не то, что думал, чтобы кому-то понравиться, и даже думал не то, что мог бы думать, лишь бы не остаться в одиночестве? Нет, ты давно уже не ты... И на меня посмотри: разве я такой должна быть? — Она грустно шмыгнула носом и выронила недолепленный снежок. — Мы себя потеряли, пиши пропало... А ей нужно пройти сквозь эту жизнь, оставаясь собой, как горячий нож сквозь масло, иначе Лес так и не проснется.

— А может, и не надо, чтобы он просыпался? — заметил Стефан, покосившись на стену вековых деревьев в густеющих студеньих сумерках.

— Кому-то не надо, но если этот Лес не разбудить, ему все чаще будут сниться кошмары, я не вру, а то, что ему снится, сбывается на самом деле. Те, кто прикарманил каменное сердце, не пропадут, они-то свою долю силы заграбастали, худо будет всем остальным. — Пробормотав эти соображения торопливой невнятной скороговоркой, Лепатра добавила: — Не езжай на Мархен. Только туда ступишь — ровно муха на липучку попадешь, и тогда уж тебе не уйти от гибели.

— Мне туда незачем, — цепеня то ли от усиливающегося холода, то ли от дурных предчувствий, возразил Стефан.

— Тогда хлебни настоечки из моей фляжки и почитай еще стихов. У тебя про звезды небесные что-нибудь есть?

Как она слушала! Надо сказать, это держало его сильнее всякой ворожбы.

После обеда маленькая бойкая медсестра поставила ему капельницу. Она улыбалась молодому пациенту и кокетливо сдувала с лица выпущенную из-под косынки пегую прядь, пальчики двигались ловко и умело — он даже боли почти не почувствовал, но все равно испытывал обморочную дурноту. Погибель где-то рядом. Он уже приклеился, как муха к липучке, и теперь осталось только дожидаться, когда случится страшное. Может быть, все, что с ним происходит, — один из тех кошмарных снов погруженного в летаргию Леса?

Медсестра надула губки и ушла. Стефан слышал, как она рассказывает за дверью палаты своей товарке, что незжий пациент боится уколов, а потом они начали перемывать кости какой-то Эфре Тебери, судя по обмолвкам, тоже здешней медсестре. Лежа под капельницей, Стефан узнал, что Эфра эта — распоследняя шлюха и половая тряпка, парней со всего Мархена к себе сманивает и считает себя красавицей, потому что похожа на куклу из витрины галантерейного магазина, хотя ничего особенного в ней нет. Девчонок спугнул врач, заглянувший посмотреть пациента с забинтованной головой, до сих пор ни разу не приходившего в сознание.

— Лекарств нет, хоть шаром покати, — пожаловался он Стефану, который, выворачивая шею, с беспокойством поглядывал в его сторону. — Если б у нас было все, что нужно, мы бы и тебя поставили на ноги за один-два дня. Нас почти не финансируют, страховые перечисления не покрывают расходов. Перебиваемся, как можем. Одна надежда на претендентов.

— На кого? — переспросил Стефан, обуреваемый неясными страхами.

— Претенденты на Весенний престол. У них скоро начнется первый этап предвыборных состязаний, а пока они совершают турне, выступают перед народом. Если кто-нибудь из них сюда завернет, можно рассчитывать на партию медикаментов или на денежное пожертвование. Наш губернатор уже разослал им письма. Посмотрим, что

из этого получится, — врач расстроено хмыкнул, словно не верил в успех губернаторского проекта.

Откинувшись на подушку, Стефан тоскливо уставился в беленый потолок. Нетрудно догадаться, что его здесь убьет: отсутствие необходимых лекарств и элементарных антисептических средств.

Из нахлынувшей дремы его вывело ощущение переполненного почти до боли мочевого пузыря. Капельницу уже убрали. Стефан попытался встать, но голова закружилась, его повело, и он испуганно распластался на казенной постели. Все понятно, вставать еще рано, а то долбанешься о дверной косяк или о металлическую спинку кровати — вот тебе и погибель. Надо попросить «утку».

— Сестра! — позвал он слабым голосом. — Сестра, извините, пожалуйста!

— Не ори, деревня, — проворчал старик. — Хочешь поссать — позвони, кнопка вона, возле тебя.

Стефан нажал на кнопку звонка, вскоре после этого отворилась дверь... И он поплыл в вихрях мерцающего звездного тумана, потрясенно глядя на вошедшую девушку в белом халате. Он никогда не видел такой совершенной красоты. Может быть, на самом деле он еще не очнулся и ему снится сон во сне?

— Эфра, он ссать хочет, — разрушил очарование момента сосед. — Давай, шевелись, к ядрене...

Пятый день, Стефан все еще жив. По расчетам, караван, который должен забрать его с Мархена, появится послезавтра, если не случится непредвиденных задержек. Уговорить бы Эфру уехать вместе с ним в Танхалу. Все бросить и уехать, ей же терять нечего, но она не может оставить больную мать.

— Я только из-за мамы до сих пор живу, — радужка ее сине-серых глаз напоминает ледяные узоры на окнах. — Иначе давно бы уже... И всю эту дрянь захватила бы с собой. Я даже спланировала, как это можно сделать: прийти с гранатой, дождаться, когда все соберутся, — и выдер-

нуть чеку. И посмотреть напоследок на их лица, чтобы они успели понять, что это я их убиваю. Но мама тогда останется совсем одна, а у этих скотов тоже есть и родители, и братишки-сестренки, и все их претензии выплеснутся на нее, понимаешь? Если просто вколоть себе что-нибудь, ей тоже будет плохо. А если я сбегу, они же на ней отыграются! Дверь сломают, в квартире напакостят... Или толкнут ее на улице, на гололеде — и все. Они сказали, если я поеду в Танхалу подавать в суд, мама за это поплатится — мол, ее не трогают, пока все шито-крыто.

— Разве нельзя что-нибудь придумать? — чувствуя себя безнадежно несчастным, спросил Стефан.

— Придумай. Если сможешь забрать отсюда нас обеих, поедem с тобой хоть в Танхалу, хоть на край света. Только учти, у мамы артрит, гипертония и больное сердце. Надо, чтобы в дороге ей не стало хуже. На переезд нужны деньги, у нас их нет.

— Я достаю. Продам парикмахерскую и вернусь за вами.

...На третий день Стефан смог встать с постели и прогуляться по коридору. Врач предположил, что Лепатра вытягивала у него жизненную энергию — возможно, бессознательно — и это подорвало защитные силы организма, но теперь, вдали от нее, он быстро пойдет на поправку. Порекомендовал сходить к знахарке — потом, в столице. На Мархене хороших знахарок давно уже нет.

Стефан слушал вполуха, мысли были заняты Эфрой. Вечером, собравшись с духом, подстерег ее в «холле» — помещении с обоями в сиротливый цветочек, скрипучими пружинными креслами и солянкой из пожелтелых журналов на рассохшейся этажерке — и, дико смущаясь, предложил почитать стихи.

Они устроились у окна, за которым растворялся в сумерках расчищенный от снега больничный двор. Мимо шаркали обитатели палат, несколько раз прошли туда-сюда, нарочито громко хихикая, давешние медсестры.

— Хорошие стихи. Ты с Сансельбы или с Кордеи?

— С Сансельбы, из Милаги. В Танхале умерла моя тетя и оставила в наследство парикмахерскую. Я давно хотел туда поехать. Скоро весна, будут праздники, карнавалы, новые тенденции в искусстве... Ну, я, в общем, тоже рассчитываю чего-нибудь добиться в столице.

Он продолжал смущаться и смотрел на облезлую этажерку, лишь время от времени взглядывая на Эфру. Глаза как будто покрыты изнутри морозными узорами. Длинные загнутые ресницы пепельного цвета и такие же брови. Волосы, наверное, светлые, но они наглухо упрятаны под объемистой белой косынкой с красным крестом. Пленительные — слово архаичное, но такое подходящее! — черты лица.

Долго бы просидели, если б дежурная докторша не турнула из холла: Стефана — в палату, а Эфру — какие-то пробирки мыть.

Вчера поздоровались, как друзья, опять пошли в холл, и состоялся тот разговор. Она рассказала кое-что о себе. То, о чем сплетничали медсестры, оказалось правдой: у нее действительно куча любовников. Сначала был только один, бывший одноклассник, но он поделился своей радостью с приятелями, и тем тоже захотелось.

— Их можно понять, — ляпнул Стефан.

Не надо было так говорить, но это он осознал уже задним числом.

— По-моему, их сможет понять только другая такая же мразь.

— Нет, подожди, я объясню, что я имел в виду... — надо было срочно исправлять положение, а он барахтался под ее взглядом, словно тонул в стылой проруби. — Сейчас ведь зима, внебрачные связи под запретом, а людям все равно хочется любви... Это после, когда наступит весна, можно будет флиртовать и гулять, сколько угодно, а зимние законы подавляют человеческое естество, поэтому любовь принимает такие неправильные формы, и тут больше всего виноват общественный уклад... Я по себе знаю, как это, когда хочется, а пойти некуда...

— Тогда можно взять картинку соответствующего содержания, закрыться в комнате на ключ и поработать руками. Честное слово, это более достойный выход, чем калечить на гормональной почве жизнь другого человека.

Стефан густо покраснел. Во-первых, он иногда так и делал, а во-вторых, его огорошило то, как просто Эфра рассуждает о стыдных вещах. Хотя она же медик, профессия накладывает отпечаток.

Несмотря на замешательство, он продолжал отстаивать то, что считал своей точкой зрения:

— Я не спорю, здесь все это приняло уродливую форму, но сама по себе чувственная любовь — это прекрасно. Сама по себе, несмотря на внешние формы...

— Да ты, что ли, совсем дурак?

— Подожди, я сейчас объясню... В больших и средних городах, несмотря на зимние запреты, есть подпольные бордели, они промышляют полуофициально, власти берут с них взятки и не мешают, наступит весна — они вообще развернутся. А в маленьких поселениях на отшибе, вроде вашего Мархена, если это не практикуется, люди ищут другой выход. Я думаю, если бы ты иначе к ним относилась, ты бы стала для них вроде королевы, они же видят, что ты красивая... Я вот что имел в виду, когда сказал, что их можно понять...

— Тогда желаю тебе самому когда-нибудь оказаться на моем месте, — глядя ему в глаза, холодно отчеканила Эфра.

Вторично огорошенный, Стефан смотрел на нее и моргал, понимая, что они, считай, уже поссорились. Почти поссорились: еще пара реплик — и обратной дороги не будет.

Тягостную паузу разорвал — нет, поправил себя Стефан, скорее пронзил, ввинчиваясь на бешеных оборотах в вечернюю тишину, словно тонкое ледяное сверло, — отдаленный визг, от которого кожа покрылась мурашками.

— Кесу, — заметила Эфра.

Будничным тоном, словно речь шла о визите почтальона.

— Что делать?..

— Сиди. Ничего не делать. Здесь мы в безопасности, они в больницу не полезут.

— Ты уверена? У них, что ли, такие благородные принципы?

— Не знаю насчет принципов, но они, как и люди, предпочитают здоровую пищу. За маму я тоже не беспокоюсь, она старенькая и сразу видно, что больная. Если есть выбор, они таких не трогают, а выбор у них — весь Мархен в ассортименте.

Этот безучастный циничный тон ужаснул Стефана даже больше, чем ее страшноватое пожелание.

— Не жалко?

— Кого там жалеть? Тех, кто меня не пожалел? Этих скотов могли бы остановить их близкие: родители, родственники, знакомые, наша малозаметная полиция, наш пропойца-губернатор... Могли, но не захотели. Так что желаю кесу приятного аппетита.

Она прохладно усмехнулась. К боевому визгу серых убийц прибавились крики людей и звуки выстрелов, но из окна был виден только больничный забор да уютные заснеженные крыши двухэтажных домов на другой стороне улицы.

— Могут пострадать не только взрослые, но и дети.

Стефану очень хотелось добиться от нее нормальной человеческой реакции.

— Ты считаешь детей добрыми ангелочками? Когда я иду по улице, они обзывают меня шлюхой и забрасывают снежками, а сопляки тринадцати-четырнадцати лет лезут с похабщиной, чем они лучше взрослых?

— Они просто ничего не понимают. У тебя рано или поздно будут свои дети...

— Сомневаюсь.

— Вдруг потом, когда все изменится, ты все-таки решишь их завести?

— Если ты думаешь, что женщина, которой неоднократно заливали во влагалище водку, после этого способна к деторождению, ты большой оптимист.

Стефан переменялся в лице и несколько секунд молчал, наконец пробормотал:

— Тебе надо отсюда уехать... Я помогу.

Они так и не поссорились.

Сегодня его выписали. Наплыв раненых после нападения автохтонов, коек не хватает, а у него самочувствие более или менее сносное, да и страховка третьеразрядная — необходимый минимум.

Персонал больницы был охвачен возбуждением двойного сорта. С одной стороны, работа в авральном режиме, все сбиваются с ног, с другой — подоспела хорошая новость. Проходивший мимо караван забросил на островок почту: из двадцати с лишним претендентов на Весенний престол, которым разослал письма губернатор-пропойца, шестеро откликнулись и пообещали посетить Мархен в ходе своих предвыборных турне. Причем один из них — по слухам, кандидат из пятерки самых перспективных — может нагряться сюда в ближайшие дни. Радовались все, кроме Эфры, ей было все равно.

В ожидании попутного каравана Стефан снял комнату в центре города, подальше от береговой стены, которая, судя по ночной заварушке, не являлась для кесу непреодолимым препятствием.

Эфра жила на той же улице. Несмотря на поздний час, он подстерег ее у подъезда и теперь уговаривал бежать в столицу.

— Если я уеду, может пострадать мама, — шуря свои удивительные морозные глаза, возразила Эфра. — Был случай, одна девчонка пообещала свидание такому же скоту, потом передумала, а тот с двумя приятелями встретил ее отца, который возвращался из мастерской, и так испинал, что он полтора месяца пролежал у нас в больнице, вышел инвалидом. И отец девушки, и те ублюдки были пьяные, под суд никого не отдали — решили, дело житейское. То, что в больших городах считается за криминал, у нас повседневная жизнь.

— Ты ведь не такая, как все, — подавленно заметил Стефан.

В горле щипало, и все казалось безнадежным.

— У меня хорошая мама. Она раньше историю в школе преподавала, хотя смысла в этом не было никакого. Таких скотов надо держать в рабстве и пороть каждый день, чтобы пикнуть не смели, а не давать им человеческие права, как тебе или мне, тогда можно будет нормально жить.

Стефан начал спорить, хотя это, наверное, тоже было ошибкой. Эфра нарисовала слишком страшную и безрадостную картину, и ему хотелось убедиться, что на самом деле все не так плохо. Может быть, на самом деле эти парни в нее влюблены и ведут себя грубо, потому что не умеют иначе? Она же потрясающе красивая! Стройная, полногрудая, с точеной шеей и тонкой талией, да еще шелковистые платиновые волосы — такие длинные, что коса толщиной в руку свисает ниже пояса. Конечно, каждому захочется... Стефан пытался объяснить ей, что праздник чувственной любви все-таки лучше зимнего воздержания, и если бы научить этих ребят правильно выражать свои чувства, всем стало бы хорошо.

— Пусть тебе самому будет так хорошо, — отчужденно произнесла Эфра, когда он закончил излагать свои пу- таные соображения.

— Не надо так говорить, прошу тебя... Твои слова режут, как ножи. Я тебя люблю по-настоящему, ты для меня богиня красоты, и я бы что угодно отдал, чтобы ты была со мной!

— Да? Тогда убей тех, кого я скажу. Отдай мне их дрянные жизни.

— Я не могу убивать...

— А говоришь — «что угодно», — передразнила Эфра. — Не швыряйся словами.

— Я заберу вас отсюда, обещаю. Даже если продать парикмахерскую за полцены, денег на переезд хватит. Все будет хорошо, вот увидишь.

Их прервал громкий стук в дверь. Возбужденные голоса на лестничной площадке, пьяный смех.

— Мама, не выходи! — крикнула Эфра. — Сиди у себя, я сама открою.

Стефан остался в маленькой комнате с книжными полками на одной стене и вышивкой, изображающей летнее озеро, на другой. Хоть он и пытался выгораживать «этих ребят» — главным образом для того, чтобы успокоить ноющую в душе боль, — встретиться с ними лицом к лицу ему совсем не хотелось. Дадут бутылкой по голове или запинают в темной подворотне — вот тебе и погибель.

— Эфра, не курвись, пошли е...ся! — доносилось из коридора. — Че, давай, скорей собирайся, а то поддверью нассым!

Веселое ржание, дурашливые вопли.

«Я же не могу взять пистолет и перестрелять их, это же люди, а не кесу, меня отправят на каторгу! Несмотря на здешнее беззаконие, если я их убью, с меня спросят по закону, потому что я приезжий».

Ему больше не хотелось их оправдывать, и в душе клокотала ярость, разбавленная ощущением собственного бессилия — словно варево в кастрюле, которое местами бурлит, а местами слегка колышется, стянутое жирной пленкой.

Он ушел оттуда минут через десять после Эфры. Попрощался с ее мамой, пряча глаза.

Убийство исключено, холодным оружием он владеет так себе и стреляет посредственно. Обязательную для всех здоровых юношей подготовку в Гражданском ополчении он, конечно, прошел, но то была не жизнь, а малина: его сразу определили в отдел пропаганды при штабе — кропать вирши, поднимающие боевой дух, типа «шла пехота мимо Лесу, а навстречу злые кесу», и дальше наши побеждают. За художественный уровень до сих пор стыдно.

Одноименный с островом городок готовился к приему высокого гостя. Замазывали известкой ругательные слова на заборах и на штукатурке неказистых строений, забрасывали рылым лежалым снегом мусорные кучи. Пятна крови, оставшиеся после набега кесу, не стали трогать:

пусть кандидат в верховные правители увидит воочию, что захоластный, но опрятный Мархен находится в бедственном положении.

Стефан наблюдал за превращением помойки в сутроб из окна закуской, куда завернул пообедать. Кусок в горло не лез, к тому же кофейный напиток ему приготовили без сахара. Бурда бурдой, но сладость позволяет вообразить, будто пьешь настоящий кофе, а сейчас никакая игра воображения не поможет.

— Красноглазые суки все подчистую слизнули, — объяснила клиентам хозяйка закуской. — Они сюда не за человечиною приходили, дичи и в Лесу вдосталь бегают. За сахаром, за сгущенкой, за конфетами, сучары подлые... И ведь знали, где что брать, все у них заранее было задумано! Вон, вишь ты, дверь у нас вышибли.

К разговору присоединились другие посетители. Один со знанием дела сообщил, что кесу занимались грабежом, разбившись на группы, причем на склад с зимним стратегическим запасом продовольствия вломилась самая большая, в составе которой были чародейки. Разорвали охранные заклинания и уволокли то, за чем пришли, так что сластей даже на складах не осталось. И ведь как орудовали, дрянь лесная: покуда отряд прикрытия отвлекал внимание гарнизона, остальные напали на гаражи, захватили машины и довели добычу до восточных ворот, а за береговой стеной погрузили на своих грыбелей — и были таковы. Судя по всему, у них имеется подробный план Мархена — раз так, не обошлось без предательства.

Кто-то заметил, что план могли нарисовать со слов пленников, пропадают ведь людишки время от времени.

Как есть предательство, напористо возразил первый, отхлебнув пива. Надо было откусить себе язык, но не выдавать, где в Мархене гаражи и столовки, что дороже — своя шкура или народные интересы? Теперь даже почетного гостя нечем будет угостить.

Да ну, усмехнулся другой, уж губернатор угостит, до его особняка за высоким забором серые твари не добрались.

Зато нам беда, горестно заметил еще один участник разговора, как же теперь без сахара самогон гнать?

Стефан смотрел на улицу за оклеенным пожелтевшими полосками окном. На виду остался только ворох смерзшегося тряпья, наполовину заваленный грязноватыми комьями снега, да торчал наружу обрубок заляпанной чернилами скамьи — на спор ее, что ли, разрубили? Мобилизованные на уборку горожане трудились не покладая рук.

После обеда пошел бродить по Мархену. Дым котельных пачкал ясное небо, громады обшарпанных продуктовых складов с гирляндами блестящих сосуллек по карнизам напоминали зачарованную цитадель (отчасти так и есть — только благодаря консервирующим чарам припасы хранятся там по многу лет, до нового потепления). Жилые домишки смахивали на старых забуддыг с уголовным прошлым. Остановившись, Стефан вытащил блокнот, записал все эти образы. Он еще отомстит Мархену... По своему отомстит. Всякий здесь живущий будет стыдиться своего дрянного острова.

Когда начало темнеть, ноги сами принесли его к больнице. Вестибюль набит битком — домочадцы, родственники, девушки и приятели пострадавших в ночном ЧП, ходячие больные в бинтах и застиранных пижамах. Клубы вонючего сизого дыма застыт табличку «Не курить». Кто-то в голос причитает, кто-то ругается матом, кто-то неадекватно смеется, дежурная регистраторша за перегородкой, похожей на магазинный прилавок, силится перекричать тех, кто насаждает с вопросами и передачами. Стефан попытался на правах вчерашнего пациента просочиться внутрь, но видали здесь таких, и пришлось ему отступить.

Отошел к холодному иссиня-черному окну. Как будто за стеклом кусок того самого космоса, который бороздят корабли жителей Земли Изначальной — параллельного измерения, доступного для контактов только летом, когда открываются порталы. Надо будет непременно побывать на Изначальной. Добиться известности, стать обеспеченным и влиятельным литературным мэтром (времени хва-

тит, вся весна впереди, целых восемь лет!) — и вместе с Эфрой посетить историческую родину человечества, увидеть все тамошние чудеса: океаны, пустыни, компьютеры, невероятные летательные аппараты...

Кто-то пихнул его в бок. Мужчина с рукой на перевязи и женщина с грубоватым лицом кирпичного оттенка беспардонно отгеснили Стефана от окна. У мужчины был суматошный прыгающий тенор с бабьими нотками, у его жены — зычный прокуренный бас. Они костерили врачей и кесу, вслух мечтали: вот бы долгожданный политик догадался привезти на Мархен хотя бы грузовик сахара! Стефану хотелось нахамить им, но он сдерживался. Однозначно ему достанется, он ведь чужак. И Эфра среди них чужая, потому все так и сложилось. *Чужаков здесь рвут на части, это проза, а не страсти...* Записать. Полезу за блокнотом.

Эфра задержалась на полтора часа — ассистировала в операционной, но Стефан все-таки дождался ее в опустевшем вестибюле. Кажется, на ее прекрасном бледном лице промелькнуло что-то напоминающее короткую радость. Он не был уверен. Освещение приглушили, слабый мутновато-желтый свет даже коричневые диванчики у стены и облезлый прилавок регистратуры превращал в зыбкий вероятностный антураж, только моргни — и все пропадет, что уж там говорить о выражении человеческого лица.

Прогулка по морозным улицам. В кармане пистолет — и что будет, если навстречу попадутся кесейские лазутчицы или те подонки, которые издеваются над Эфрой? Хоть бы никто не попался... Они дошли до ее дома, благополучно избегнув неприятностей.

Мама Эфры разогрела ужин, спросила у гостя:

— Правда же, у нее красивые волосы? Она хочет их обрезать, а я прошу, чтобы не резала.

— Правда! — с энтузиазмом подтвердил размякший Стефан.

Уже знакомая комната с вышитым летним озером на стене над кроватью. Камыши, кувшинки, зеленая трава,

желтое солнце... Рассматривая пейзаж, Стефан случайно задел стоявший на краю комода лакированный стаканчик с карандашами и всякой мелочью, содержимое разлетелось по полу.

— Извини, — в первый момент он испугался, словно натворил что-то непоправимое. — Сейчас я все соберу...

Стаканчик закатился под платяной шкаф с остатками переводных картинок на дверцах. Смущенно улыбаясь, Стефан опустился на колени, попытался нашарить убежавший предмет. Что-то есть... Картонная коробка без крышки. Он ее вытащил, чтобы не мешала, мельком взглянул на содержимое... И замер, судорожно сглотнув.

Слипшаяся куча пластилиновых человечков, каждый пронзен булавкой.

Стефан отдернул руку, поднял взгляд на Эфру:

— Что... Это что?..

— Это я пыталась их убить. Ничего не вышло. Чтобы такой способ сработал, надо обладать хотя бы каплей магической силы, а во мне ее нет. Видимо, совсем нет, на их счастье.

Голос звучал ровно и невесело.

— Я тебя отсюда увезу, — стоя на коленях и глядя на нее снизу вверх, горячо пообещал Стефан. — Обязательно увезу, и тебе не придется больше ничего такого делать.

Сансельбийский караван появился в тот самый день, когда его ожидали, ближе к полудню. Стефан, с утра дежуривший с чемоданами в караулке западных береговых ворот, сперва не отличил отдаленный рокот множества машин от сонного (если верить Лепатре, летаргического) шума зимнего Леса, но сидевший возле железной печки сержант неожиданно встрепенулся: «Во, едут!» — и оказался прав.

Из бойницы просунули наружу шест, на котором трепыхались сигнальные флажки: «есть почта» и «есть пассажиры».

Стефан предъявил бумагу, подписанную капитаном

предыдущего каравана, и его определили в фургон на свободное место.

Стоило бы сказать Мархену «прощай» и порадоваться, что никакой гибели так и не приключилось, но его не отпускало изнуряющее напряжение: он должен кровь из носу вернуться и забрать отсюда Эфру!

Огибая островок, караван прошел мимо северных береговых ворот, где кипела работа — вешали громадный транспарант: *«Валеас Мерсмон — наша светлая надежда»*.

Прилипший к окошку Стефан отметил, что транспаранта на самом деле два: на одном имя претендента, на втором лестная характеристика. Видимо, чтобы сэкономить холстину и краску, если Мархен почтят своим присутствием еще и другие кандидаты в Весенние Властители.

В Танхале он как будто окунулся в цветной сон с избытком подробностей и непредсказуемо изменчивой обстановкой. Бывают сны, в которых нужно поскорее сделать что-то важное, и ты целиком этим поглощен, а вокруг столько интересного, удивительного, заслуживающего внимания — мозаика, на знакомство с которой жизни не хватит.

Столица Стефана ошеломила: тянется во все стороны до бесконечности и за каждым углом преобразуется, словно в каком-нибудь из тех снов. Если с другими большими городами, вроде родной Милаги, все понятно — есть деловой центр и прилегающие к нему приличные кварталы, есть районы поплотнее, есть трущобы и окраины, то Танхала в общепринятую схему не укладывалась. Такое впечатление, что «центров города» здесь пруд пруди. Одно слово — Столица, ни с чем не спутаешь.

Словно в отместку за несостоявшуюся гибель, на него посыпались неприятности. Сначала таксист, опознав в нем приезжего, заломил несусветную цену, потом Стефан, решившись дойти до нужного места пешком, заблудился в путанице манящих булыжных переулков, потом какая-то уличная мелюзга высмеяла его сансельбийские

ботинки, и вдобавок у одного из чемоданов начала отрываться ручка.

Он остановился возле длинного линияло-фиолетового дома с лепными масками горгулий, которые хмурились, скалились, высовывали гипсовые языки, и размышлял, чем бы примотать подлую ручку, потому что Эфра ждет и надо мчаться ей на помощь, а не шарашиться с чемоданами по этому умопомрачительному лабиринту, когда знакомый визгливый голос спросил:

— Ну что, встретил свою погибель? Говорила тебе, не ездь на Мархен!

Лепатра выглядела все так же: пальто с коллекцией дорогих пуговиц и свалывшимся воротником, кокетливый газовый шарфик, вздутые на коленях шаровары с начесом, старушечьи боты. Блеклые волосы свисают сосульками, на вывернутых губах поселился герпес, а в выкаченных бесцветных глазах светится жадный интерес — словно у лягушки, заметившей комара.

— Здравствуйте. — Стефан растерялся, потом опомнился и задал давно созревший вопрос: — Что вы называете погибелью? Меня могут убить?

— Сам в петлю полезешь. Приклеился, как муха к липучке, — сумасшедшая хихикнула. — Видать, судьба у тебя такая.

— Что я должен сделать, чтобы избежать погибели? Или чего не делать? Вам же не трудно сказать?

— Не ходи туда, когда позовут. Это будет не вправду, а западня. Только все равно же пойдешь, и все окажется наоборот, и ты полезешь в петлю, но не посмеешь и передумаешь, вот... — хлопая редкими белесыми ресницами, захлеб затараторила полоумная колдунья. — Но это будет не погибель, а напасть. Погибель случится после, когда сочинишь сказку в стихах, и еще пьесу для театра, и еще книжку для школьников, и все перевернешь, зато денег заплатят — курам не клевать!

— Значит, я добьюсь известности? — оторопело уточнил Стефан.

— Можно и так сказать.

— А про что я сочиню сказку?

— Про свою медсестру.

— Что вы о ней знаете?!

Оставив вопрос без ответа, Лепатра присела на корточки и жалостно запричитала:

— Ой ты, чемоданушко, ой, не холит тебя хозяин... Ну, не плачь, не тужи, сейчас полечим, сейчас полечим...

Стефан не успел рассмотреть, что произошло с наполовину оторванной ручкой: как будто она сама собой срослась — и уже как новенькая.

— Вот! — колдунья выпрямилась, сияя. — Вылечила вещь!

— Что вы знаете про Эфру?

— А ничего не знаю, — она махнула костлявой бледной кистью, рассеянно глядя вдоль улицы. — Чую только, что наврешь и не будет в твоей сказке ни намека на то, что было взаправду. Зато соврешь — дорого возьмешь, да... Потопала я, пожалуй.

— Подождите! Спасибо вам за чемодан. Раз так, вы не поможете мне поскорее добраться до Малозеркальной улицы?

— Ну, это совсем просто, — колдунья хитренько прищурилась. — Слушай внимательно, что скажу... На той стороне книжная лавка, зайди туда и купи красивую карту города, а потом поверни за этот угол — там ходит трамвай, с пересадками доедешь хоть куда.

— Спасибо, — пробормотал Стефан обескураженно.

Он-то ожидал еще одного чуда.

Парикмахерскую он продавал, как в бреду. Нашел по объявлению в газете агентство из тех, что берут на себя и оформление наследства, и продажу мелких предприятий, хваткие агенты все устроили. Вероятно, надули его при этом на энную сумму. Не имеет значения, главное — скорее, скорее, скорее... Квартиру в хорошем кирпичном

доме на той же Малозеркальной улице Стефан оставил за собой: будет, куда привезти Эфру с ее мамой.

Вырученные деньги позволили снарядить мини-караван до Мархена и обратно. Хватило в обрез, но дальше все образуется: он предложит свои пьесы в столичные театры, пойдет со стихами по издательствам, а Эфра сможет устроиться на работу по специальности, хорошие медсестры везде нужны. В мархенской больнице говорили, что она лучшая операционная сестра — хладнокровная, исполнительная, аккуратная. Бесчувственная, как кукла, зато всегда сохраняет самообладание. Стефан уже успел понять, что под ее кукольной бесстрастностью скрывается такая ненависть — мороз по коже, но когда Эфра окажется в другой среде, это постепенно сойдет на нет, и все у них будет хорошо.

Он опасался нападения кесу, и когда караван среди бела дня остановился посреди заметенного снегом Леса, душа ухнула в пятки, но ему объяснили, что все под контролем. Трансматериковая компания платит местным племенам дань за проезд по их территории — сахаром, сгущенкой, тканями и нитками, всякой галантерейной мелочью. Дополнительные расходы, но безопасность пассажиров и груза превыше всего.

«Я, выходит, в том числе сгущенку и стеклянные бусы для серых тварей оплатил... — удрученно подумал Стефан. — Не имеет значения, главное — спасти Эфру!»

Караван добрался до Мархена засветло, и он сразу помчался на знакомую улицу. Даже если Эфра на работе, ее мама должна быть дома. Наверное, обрадуется... Он поможет упаковать вещи, потом шофер прямо к подъезду подгонит грузовик — и пусть кто-нибудь попробует помешать! Охранники из Трансматериковой согласились присутствовать для острастки и помочь влюбленному пассажиру выволить из беды красивую девушку.

Дверь облита какой-то подсохшей дрянью, наискось накорябано похабное слово с грамматической ошибкой.

Решив, что эти подонки обозлились из-за него, Стефан в течение некоторого времени стучал, повторяя сры-

вающимся голосом: «Откройте, это я!» — пока не заметил, что замок выбит. Неужели тут побывали кесу?.. Он похолодел, но потом резонно подумал, что серые туземки, хоть и водится за ними всякое страшное, не пишут на дверях нецензурных слов на языке людей.

Здесь покуражилась самая обыкновенная человеческая слякоть — достаточно толкнуть незапертую дверь, зайти в квартиру и посмотреть, чтобы в этом убедиться. Стулья поломаны, книги и мелкие вещи разбросаны, растоптаны, с треснувшей люстры свисает женский лифчик. На полу грязные следы, окурки, осколки битой посуды. Все комнатные цветы исчезли. На стенах вонючие желтые потеки — ну как же без этого?!

Колени у Стефана не то что дрожали — ходили ходунком, словно внутри были разладившиеся шарниры. Он присел на край дивана, хотя и понимал, что надо бежать — в полицию, в больницу? — и выяснять, куда делись Эфра и ее мама. Господи, что же здесь случилось?.. Взять себя за шкуру, поднять с дивана — и бегом в больницу... Сил не было, только озноб и ужас, да еще совсем не к месту заныло в животе.

Он попытался встать, но тяжело уселся обратно, ослабевшие ноги не держали. Потом заскрипела дверь, послышались тяжелые шаркающие шаги, и на пороге встала, заполнив собой весь дверной проем, пожилая женщина с узлом волос на макушке, закутанная в цветастую шерстяную шаль.

— Из полиции сказали, чтобы тута больше не шастали и не озоровали, так что, молодой человек, уходи. А то мы все, соседи, недовольные. Не сральник тут, а жилое помещение, и мы рядом живем.

— Что это? — с трудом вымолвил Стефан. — Где они?

— Уехали.

— Как уехали, почему?..

— Потому что подфартило. Ядвига Тебери отдала мне алоэ, герань и укроп в ящичках, а фиалки — в двадцатую квартиру, тетя Еза давно на них зарилась. Квартиру не

знаю, будут продавать, нет, ничего не сказали. И кто теперь тут приберется — вишь, наши ребята что натворили? Набезобразничали, дело молодое.

— Извините, я прямо сейчас уйду, только скажите, пожалуйста, куда они поехали? — взмолился Стефан.

— Так в столицу небось. Эфра глянулась этим столичным господам, которые к нам, горемычным, приезжали. То ли самому господину претенденту, то ли кому из его свиты. Скорее самому. Тот, сказывают, как побывал в больнице, сразу ее приметил, вызвал для разговора наедине, и она после этак заявляет главному врачу: я у вас больше не работаю. Он говорит, как так, по закону положено за два месяца предупреждать, а она говорит, подите вы все к черту. Вот так прямо и сказала без стыда и зазрения совести, люди слышали, и фырк домой, и они с матерью давай собираться. Только самое нужное и ценное захватили. Ядвига к соседям постучала, сказала, берите цветы. Опосля подъехала машина, обе сели и укатили. Даже не рассказали нам, соседям, что и как. Видать, золотые горы эти господа Эфре посулили! Ядвига — бывшая училка, воспитанная, а Эфра — бесстыдница распущенная, и до свидания никому не сказала, хотя мы все тут с пеленок ее знаем, — тараторя без умолку, женщина подошла вплотную и теперь колыхалась над ним, обдавая волнами душевного тепла, словно живая печка. — Ты смотри, сама срамная девка, а туда же, племянника моего хаяла, мерзавцем обзывала, а племяш у меня послушный, дверцу шкафа на кухне починил, я тогда ей сказала: в другой раз так его обзовешь — я те в глаза наплюю, и чтоб тебе ни дна ни покрышки...

Стефан понял, что это содержательное повествование затянется хоть на полчаса, хоть на час, и поднялся с дивана. Нервная дрожь прошла. Колени, перед тем размякшие, как тесто, вернулись в свое обычное состояние. Тетка шла следом, дышала в затылок и продолжала тянуть свое:

— Люди болтают, этот претендент колдун, а я уж который день без сахара чай пью, так мог бы, еще наша ко-

тельная недавно была на ремонте без горячей воды, мог бы сахара людям-то привезти, и помойку из-под моего окна вот бы выгрести хоть на улицу, хоть на соседний двор, а то со всех дворов сюда тащат, я и говорю, пришел бы господин претендент посмотреть на нашу помойку, а то никому ничего не надо...

Стефан выскочил на площадку, нетвердо сбежал по лестнице — и задохнулся от морозной синевы густеющих зимних сумерек с серебряными искорками звезд.

Не дождалась. Совсем немножко не дождалась, хотя он вернулся за ней, как обещал.

Может быть — эта мысль показалась ему и пугающей, и спасительной, — Эфру увезли силой, попросту похитили? Но, с другой стороны, в этом случае она не стала бы посылать к черту больничное начальство... Она уехала с ними добровольно. Предпочла бедному поэту претендента на Весенний престол — влиятельного, богатого, еще и колдуна. Обычная история. До скрежета зубовного обычная. Стефан чуть не вlepился лбом в фонарный столб — на этой улочке они стояли не по линейке, а как придется, словно решили разбрестись в разные стороны. На глазах закипали слезы. Желтые квадраты окошек и заборы, здесь и там заляпанные известкой (напоминание о визите важного гостя-подеца, укравшего чужую возлюбленную), в иные моменты становились кристально отчетливыми, а потом снова расплывались.

— Ты, чмо, че тут ходишь?!

Стефана толкнули. Потеряв равновесие, он чуть не полетел в грязный сугроб, из которого торчали обломки гнилых досок и мерзлый сапог с разинутой зубастой пастью.

Три пьяные рожи.

— Че, тот самый тухляк, который к нашей общей телке клинья подбивал? Он же уехал, а тут ходит... Че тебе у нас на Мархене понадобилось?

— И ботинки, как у пидораса! Гля, какие ботинки позорные! — подхватил второй.

— У нас на Сансельбе все носят такие ботинки, — по-

нимая, что его могут забить насмерть и потом, скорее всего, даже расследования не будет, пробормотал Стефан. — Я приехал за документами, которые забыл в больнице, сейчас поеду обратно.

— А сучку нашу ты, че ли, с той важной шишкой свел, что она вместе с мамашей умотала, не прощаясь? Ты же щас ходил к ней домой? Отвечай, ходил, блин? — парень с мутным взглядом сгреб его за грудки.

— Ходил, и она меня бессовестно обманула, — Стефан начал импровизировать, мысленно прощаясь с жизнью. — Я же думал, тут ее застану, а она куда-то уехала... А я денег ей привез, не нужны мне теперь эти деньги... — он дрожащей рукой нашарил в кармане и бросил на утоптаный снег кошелек. — Ничего мне больше не надо, пойду в проруби утоплюсь, все они одинаковые!

Мархенских подонков это заявление обескуражило. Один подобрал кошелек, заглянул внутрь и радостно сообщил:

— Че, много тут, живем!

Другой, выпустив куртку жертвы, наставительно сказал:

— Псих, что ли, из-за траханой телки топиться? Другую найдем... Пойди лучше выпей!

Посмеиваясь, они двинулись дальше, повернули за угол. Их гнусавые невнятные голоса постепенно затихали вдалеке.

Стефан сморщился и тоже пошел своей дорогой. К северным береговым воротам. Лучше не слоняться по этой чертовой дыре, а переночевать в фургоне, чтобы с первыми лучами солнца отправиться в обратный путь. Перестрелять бы всю эту гопоту... Видимо, он только что на волосок разминулся со своей погильею. Не растерялся, подыграл им, а теперь на душе мерзко. Таких надо убивать на месте, а не подыгрывать... Ну и пакостное чувство, как будто совершил предательство. Как будто потерял частичку себя.

В ушах звенели слова сумасшедшей колдуньи: «Разве ты — это ты?»

Столица закружила Стефана грохочущей разноцветной каруселью. Танхалийцы спешили, целеустремленно шагали, слонялись и неспешно прогуливались по улицам, разъезжали на трамваях и в такси, скребли лопатами тротуары, сидели в трактирах и кофейнях, катались с огромных ледяных горок на площади Белой Звезды перед дворцом Зимней Госпожи, собирались на митингах послушать посулы и программные заявления претендентов на Весенний престол. А еще, безусловно, влюблялись, и мысль об этом отзывалась в душе болью: Эфра не дождалась, не захотела совсем немножко потерпеть, предпочла неустроенному мечтателю практичного политика... Вот когда Стефан станет знаменитым, она об этом пожалеет, да будет поздно!

Деньги закончились, не считая куцего остатка в банке на черный день. Можно было продать доставшуюся в наследство квартиру и купить взамен что-нибудь подешевле, но его сразу очаровала Малозеркальная улица. Модерновая лепнина по карнизам, облезлый, но величественный бронзовый дракон на вывеске антикварного магазинчика в цокольном этаже дома напротив, волшебные сверкающие витрины уплывшей в чужие руки парикмахерской и зеркально-стеклянной мастерской. Стефан давно мечтал поселиться в похожем местечке.

Он устроился расклейщиком афиш в Новый Квадрозсхатологический театр на Малиновой площади, с дальним прицелом показать главному режиссеру свои пьесы, и целыми днями мотался по городу. Kleil, где придется. Платили гроши, но зато в преддверии смены времен долгого года и, соответственно, смены власти в Танхале едва не каждый день можно было урвать бесплатной кормежки. По традиции кандидаты в верховные правители угощали народ, демонстрируя свою щедрость и заботу, а кто будет жмотиться — тот заранее проиграл.

Претендент на Весенний престол Онор Шуйбе, подкупающе улыбчивый молодой человек (подвид С, как минимум сто пятьдесят лет), потчевал собравшихся экономны-

ми булочками величиной со спичечный коробок и обещаниями разобраться с городским освещением.

Его соперник Маркел Ногельшан раздавал дешевые ореховые конфеты и брошюру Санитарной службы «Как уберечь свое жилье от незваных гостей» — с обложки на Стефана гипнотически уставилась фасеточными глазами личинка, высунувшая голову из дыры в диване с подлокотниками-валиками.

Максимилиан Келлард, стриженный под ноль крепыш в грязно-белом зимнем камуфляже, напал на «безыдейное пораженческое искусство»: тех, кто лишен боевого духа и правильной точки зрения, нечего допускать до театра или кинематографа. Не то чтобы он в открытую угрожал кому-то репрессиями, но давал понять: став Весенним Властителем, он не будет мириться с таким положением вещей, когда штатские балаболы самовыражаются кто во что горазд. Неуютно было его слушать, а еще неуютней — сознавать, что он вполне может выиграть предвыборные состязания: и харизма есть, и сторонников целая толпа. Но зато люди из его команды кормили всех желающих такой вкусной солдатской кашей с маслом... Стефан ел кашу, в душе не соглашаясь с Келлардом.

Зарплаты он до сих пор не видел как своих ушей. То ли действительно были затруднения, то ли дирекция театра не гнушалась экономить на вспомогательном персонале. Давно бы ушел, но его держала надежда: вдруг они наконец-то прочитают его пьесу — обещали ведь! — и увидят, что это намного лучше, чем то фуфло, которое у них на сегодняшний день идет. Да и с работой в столице было туго: наплыв беженцев с окраинных островов, разоренных набегами кесу. Максимилиан Келлард был не так уж не прав, когда громил нынешнее зимнее правительство за из рук вон плохую организацию обороны от лесного агресора и процветающее в армии штабное разгильдяйство.

А третья причина — Стефану не хотелось ни в контору, ни за прилавок, ни в мастерскую, ему нравилось чувствовать себя вольной городской птицей и с утра до вече-

ра бродить по Танхале, каждый день открывая новые уголки необъятной столицы. Если бы еще и есть не хотелось... Он-то согласился бы питаться одним танхалийским воздухом, пьянящим, как старое пряное вино, однако у желудка было на этот счет свое мнение, не совпадающее с хозяйским.

Сквозистая ограда большого катка. От скольжения пестро разряженной публики по молочному льду, от голода и от ветра, швыряющего в лицо несъедобную белую крупу, кружится голова. Голод не тетка, мозги не проест, и нечего ему поддаваться... Посетителей катка можно сравнить с зимними насекомыми, которые слетаются вместе для своих странных ритуалов, и вся жизнь для них — это самозабвенное скольжение, они живут, пока танцуют. Записать и переложить в рифму, но не сейчас, а то пальцы совсем озябли — даже очередную афишу упустил, и ветер поволок свою шуршащую добычу вдоль ограды, словно заляпанного краской перекидника, раньше срока выпавшего из спячки. Тоже записать.

Идущие навстречу прохожие жевали пирожки — и один, и второй, и третий... Вокруг них витал чудесный аромат свежей выпечки. Если каждый встречный с пирожком — значит, где-то впереди их раздадут задаром. Логично?... Голодное брюхо радостно взвыло — ему, скотине этой, нет дела до прерванного творческого процесса.

Оскальзываясь на вылизанном ветрами белом тротуаре, Стефан устремился в ту сторону, откуда валил сытый народ. Скорее, скорее, пока бесплатное угощение не закончилось... Лишь бы оно и взаправду оказалось бесплатным.

За катком располагался торговый квартал: резные деревянные павильоны под затейливыми крышами, аляповатые вывески, меж фонарных столбов протянуты гирлянды истрепанных разноцветных флажков вперемежку с пучками сверкающей мишуры.

— ...Скоро весна, и наша команда всех накормит! Пожалуйста, подходите, угощайтесь! — зазывал юноша в театральном плаще с вышитыми подснежниками.

Ухоженное смазливое лицо, мочки ушей проколоты, однако на поясе дуэльный меч, и дерзкие глаза агрессивно прищурены — сочетание любопытное, но Стефану сейчас не до колоритных типажей. Только до жратвы, только до нее, родимой...

— Где?! — он в упор уставился на парня голодными собачьими глазами.

— Там, — тот с легкой улыбкой показал на скопление пряничных домиков.

На центральной площадке торгового квартала толпился народ. В самой гуще, на невысоком помосте, стояла девушка в крытом серебряной парчой жакете с опушкой из белого меха, в венке из живых цветов поверх шапочки, с перекинутой через плечо толстой косой. Она-то и оделяла пирожками, доставая их из объемистого расписного короба. Не глядя ни в лицо девушке, ни на окружающих, Стефан протиснулся вперед, протянул руку:

— Можно?.. А можно два?..

Тепленькие. Только теперь он поднял голову, чтобы поблагодарить, — и встретил взгляд морозных сине-серых глаз. Слова застряли в горле. Он так старался не думать о ней — и на тебе, столкнулся лицом к лицу! С яблочным повидлом... Зубы сами рвали нежную выпечку, в то время как сердце тоже рвалось на части.

Его оттерли от помоста, он снова попытался пробиться поближе.

«Разве она похожа на весеннюю девушку? — мелькнула растерянная мысль. — Скорее зима, готовая все вокруг заморозить! И взгляд такой, словно она раздавала бы эти пирожки с большим удовольствием, будь они не с повидлом, а с ядом. Все равно ее взяли на эту работу... Понятно почему. Понятно, чего господин претендент от нее хочет. Она такая красивая, что не имеют значения ни ее мысли, ни выражение глаз, и в этом ее трагедия...»

Его толкали, ругали, пихали локтями, но Стефан едва чувствовал тычки.

Наконец последний короб опустел, Эфра спустилась

по лесенке, шурша атласным подолом. Столпившимся мужчинам хотелось посмотреть на нее вблизи, привлечь к себе ее внимание. Пусть она молчала, даже не улыбалась — роившихся вокруг помоста кавалеров это не расхолаживало.

Сбоку вынырнул юноша в плаще с подснежниками, взял ее под руку и потащил прочь с площадки, лавируя среди жаждущих познакомиться, словно те были деревьями или колоннами. Он сорвал с головы девушки венок и бросил в толпу — отвлекающий маневр сработал, началась дележка чуть не до потасовки, а парень с Эфрой свернули в закоулок между двумя магазинами.

Стефан пристроился за ними, на ходу объясняя:

— Я же за тобой приехал, как обещал... Я продал парикмахерскую, чтобы забрать вас оттуда, почему ты не дождалась?.. Я без тебя не могу...

Дверь в торцовой стене. Он сунулся следом, кто-то вытолкнул его обратно, и тут Эфра, неожиданно обернувшись, попросила:

— Пропустите, я его знаю.

Полутемный коридор, лестница на второй этаж. Уютное кафе с мебелью светлого дерева, кремовыми стенами и люстрой в виде букета стеклянных лилий. В своих мечтах Стефан допоздна засиживался в таких кафе и писал стихи за столиком в дальнем углу.

Здесь дальний угол отгорожен ширмой, расписанной золотыми павлинами, и за ней, похоже, кто-то есть, а в маленьком зале посетитель один-единственный — черноволосый парень лет двадцати восьми, с худощавым смугловатым лицом городского хищника и парой ножей на поясе. Окна от пола до потолка выходят на площадку с опустевшим помостом и до сих пор суесящимся народом.

Увидев Стефана, обладатель ножей вопросительно заломил бровь.

— Знакомый Эфры, — объяснил его товарищ.

Тот смерил гостя изучающим взглядом и слегка мотнул головой в сторону ширмы с павлинами, с выражени-

ем недоброго веселья на некрасивой, но живой и артистичной физиономии киношного злодея.

— Нет, — словно услышав невысказанную вслух реплику, возразила девушка. — Не из тех. Это поэт с Сансельбы, он был на Мархене проездом, лечился в нашей больнице. Его зовут Стефан. Можно, чтобы его тоже угостили обедом?

Стефана захлестнула жаркая волна благодарности — Эфра поняла, что он давно не ел, и хочет его накормить! — но в то же время предыдущий обмен странными взглядами и полунамекками оставил ощущение смутной тревоги: что имелось в виду, какой опасности он избежал, кто у них спрятан за ширмой?

— Угостить голодного поэта — святое дело, — усмехнулась «злодей». — Располагайся. Меня зовут Бранд, а это Дик.

Благодарно кивая — какое счастье встретить в большом городе хороших людей! — Стефан пристроил у стены свою сумку с пачкой афиш и банкой клея, повесил куртку, подбитую поеденным молью мехом саблезубой собаки. Куртка так себе, плебейская, зато за ботинки не стыдно.

Официант принес первое. Больше никто не появился — видимо, команда поддержки претендента арендовала кафе целиком, и посторонних сюда не пускают. Стефана разбирало любопытство: кто же в таком случае сидит за ширмой, кто там чуть слышно шепчется и звякает ложечками? Но главное не это, а изумительный суп из цветной капусты на мясном бульоне, целую вечность не ел ничего вкуснее!

— Ты пишешь эпиграммы? — поинтересовался Бранд.

— Я лирик, — выцеживая из наклоненной тарелки в ложку последние капли, возразил Стефан. — Иногда тянет на клоунаду, но сатира — не моя область.

— Подумай, вдруг получится. Нужны эпиграммы на претендентов, в первую очередь на Келларда, ставленника военных радикалов. Ты что-нибудь о нем слышал?

— Программа у него хуже ядовитого слизня на рулоне туалетной бумаги, а каша мне понравилась...

— У тебя что, одна еда на уме? Если пойдешь к нам, будешь каждый день завтракать, обедать и ужинать. Нам нужен хороший поэт-сатирик.

Пока Бранд говорил, официант собрал пустые тарелки, а Дик извлек из кармана и вдел в уши длинные серьги в виде изогнутых клинков, усыпанных рубинами. Теперь он стал похож на юного лесного демона, как их изображают на картинках, хотя на самом деле в Лесу не водятся никаких человекоподобных демонов. Запомнить, готовый образ.

— Я не пишу о политике.

— Речь не о том, чтобы ты работал за кусок хлеба, — по-своему истолковал его несговорчивость Бранд. — За каждый стих будешь получать гонорар, а бесплатное трехразовое питание — это подарок нашего руководителя всем, кто работает в его команде. Чтобы мысли не жратвой были заняты, а делом.

— Я не могу, — печально и немного напыщенно возразил Стефан. — Если я возьмусь за политический заказ, ничего хорошего не получится. Уже проверено, в ополченческих лагерях меня в этом смысле эксплуатировали. Как в том анекдоте про ведро самогона: ну кисонька, ну еще капельку... Если вас интересует, могу предложить что-нибудь лирическое, про весну.

— Извини, нам пока не до лирики. Сейчас начинается большая драка — незаметная для непосвященных, но достаточно жесткая. Главным образом между Мерсмоном и Келлардом, остальная шушера не в счет. Когда начнутся состязания, они один за другим повылетают, и останутся только два серьезных претендента. Если выиграет Келлард, проиграют в том числе такие, как ты.

— Я не то чтобы не хочу, я просто не могу, потому что во мне этого нет, — безнадежно вздохнул Стефан.

Как объяснить такие вещи человеку, далекому от литературного творчества? Он попытался подобрать образное сравнение, чтобы проиллюстрировать самую суть, но тут вербовщик взглянул на сидевшего сбоку «лесного демона» и закатил глаза к стеклянным лилиям:

— Ага, опять... Послушай, сколько можно? Стоило мне на две-три минуты отвернуться... Живо снимай.

— Ты про что?

— Сам знаешь про что, — передразнил Бранд. — Лорд сказал, что в следующий раз за бижутерию тебя пришьет.

— Почему нельзя? Красиво же...

— Потому что келлардианцы и так на нас карикатуры рисуют, а если мы будем выглядеть как на их дебильных картинках, это не добавит нам популярности в глазах определенной части населения, усвоил?

Поджаристые котлеты с картофельным пюре, и все щедро посыпано рубленой зеленью. Должно быть, так кормят в райских столовых тех, кто хорошо себя вел в этой брэнной жизни... Стефан набросился на второе в одиночку, в то время как Бранд и Эфра уговаривали своего младшего сподвижника не испытывать судьбу.

— Когда ты героически сцепился с тремя келлардианцами, лорд потом залечил порезы, но если он сам тебе лицо разрисует, не поможет никто. Будь умницей, не нарывайся. Это моя личная просьба, понял?

— Разве что я окажу первую помощь, — добавила Эфра. — Антисептиком обработаю, швы наложу — и все, я ведь медсестра, а не колдунья.

Убедили. Дик с угрюмым видом снял рубиновые сережки.

— Дай сюда, чтобы исчерпать вопрос, — Бранд протянул руку. — Потом верну.

— Я тебе, что ли, сам за себя не отвечаю? — прошипел Дик.

— Иногда нет.

— Хорошо, выбирай оружие.

— Помнишь условие лорда? Дуэли между своими — до первой крови. А эту красоту отдай лучше мне.

— Сначала мы должны победить, а потом сможем жить так, как нам хочется, — снова поддержала Бранда Эфра.

Дик упрямо закусил губу и стал похож на обиженного подростка, у которого взрослые отбирают любимую цацку.

Заскрипела отодвигаемая ширма, и Стефан невольно повернул голову в ту сторону.

Дамская компания в капорах с непроницаемыми черными вуалями. Все понятно... Он ощутил смесь жалости, отвращения и вины, как всегда, когда сталкивался с уродливыми женщинами. Это же неправильно, несправедливо, женщины должны быть красивыми, и никак иначе...

На двух сдвинутых столиках — вазочки из-под десертов, блюда, чашки. Бедняжки ели за ширмой, чтобы никто не увидел их лиц.

Спохватившись, он отвел взгляд. Таращиться вот так — верх бестактности. Вдобавок он уже пропустил кое-что интересное: серьги исчезли, и неизвестно, остались они у законного владельца или Бранд на правах старшего конфисковал украшение.

— Скоро пойдем, — обратился к безликим дамам Бранд. — Посмотрите пока в окно, сестренки.

Те столпились перед окном. Жакеты и длинные юбки в темных тонах делали их похожими на монашек.

— Мои кузины, — доверительным тоном объяснил парень Стефану. — Приехали с Лаконоды, из самого дремучего захолустья. В свободное от политики время показываю им Танхалу, а то, если отпустить одних, заблудятся, ищи потом... Летом, они еще совсем девчонками были, понесла их нелегкая в Лес, и нарвались там на рой вьюсов. Ну, представляешь... Теперь замуж никто не берет, хотя приданое вполне себе нормальное.

У Стефана зародилось подозрение, что этот тип беззастенчиво навязывает ему своих обиженных судьбой родственниц — не всех скопом, конечно, а какую-нибудь одну на выбор — но его не интересовали богатые невесты, ему нужна была Эфра.

— Мне надо с тобой поговорить, — попросил он, отчаянно глядя на нее поверх стакана с компотом. — Хоть полчаса, пожалуйста!

— Сестренки, пошли, — позвал Бранд, поднимаясь из-за стола.

Дик тоже встал, с угрюмым и вызывающе независимым видом. Не иначе украшение у него все-таки отобрали.

Кузины окружили столик. Судя по их облику, Стефан полагал, что они окажутся неловкими, бестолково суетливыми, но те двигались, как скользящие тени, с грацией танцовщиц. Дразнящий запах духов, на черных вуалях вышиты крохотные серебристые снежинки.

— Эфра, ты с нами пойдешь?

Неизъяснимо нежный голосок. Стефана охватил новый приступ жалости: несчастные девочки стараются по мере возможностей производить на окружающих приятное впечатление.

— Я задержусь, — Эфра осталась сидеть. — У меня тут разговор. Может быть, потом присоединюсь к вам. Куда вы собираетесь?

— В Марсенойский парк, — подмигнул Бранд. — Полюбуемся на нашу будущую резиденцию.

— Разве в Весенний дворец сейчас пускают? — удивился Стефан.

— Нет, но мы вокруг погуляем.

Как будто победа их принципала — дело решенное.

— Тогда, наверное, до свидания, — улыбнулась Эфра. — Вечером я сопровождаю господина Мерсмона в Клуб Энергетиков, и перед этим еще прическу делать.

— Ты обещала нам подарки с Мархена, — вкрадчиво напомнила одна из кузин. — Не забудешь? Мы все очень ожидаем...

— Еще бы я об этом забыла! — лицо Эфры озарила улыбка, напомнившая Стефану сверкание льда под холодным зимним солнцем. — Я сама жду не дождусь того дня, когда смогу отдать вам свои подарки. Устроим вечеринку и все вместе повеселимся.

— Эфра, ты прелестная и полезная, — тихо прозвенел хрустальный голос другой кузины. — Счастливо оставаться, будем ждать нашу вечеринку с дарением.

Шелест тяжелых темных юбок. Примирительная реп-

лика Бранда, которую Дик, похоже, оставил без ответа. Внизу хлопнула дверь.

— Почему эти девушки так странно разговаривают? — пробормотал Стефан, непонятно чем встревоженный.

Как будто увидел сон, в котором вроде бы и нет ничего страшного, но в то же время остается ощущение кошмара.

— Жеманничают. На Лаконоде такая мода. Будьте добры, две чашки кофе.

Последняя фраза была адресована официанту, невзрачному мужчине средних лет, похожему на затюканного конторского служащего.

— А ты видела их лица? — спросил Стефан почему-то шепотом, неизвестно чего опасаясь, словно вторгнулся на запретную территорию и отлично это сознавал.

— Видела. Ничего особенного, хотя невоспитанный народ будет глазеть, так что без вуалей на улицу лучше не выходить. Ну, и комплексуют, конечно. А я в больнице на всякое насмотрелась.

Ответ Эфры рассеял его дурацкие смутные страхи. Слишком много новых впечатлений за раз, вот и накатило, никаких Лепатриных грибочков не надо.

— Я ездил за тобой на Мархен. Чуть-чуть опоздал. Там... Ваша квартира...

— Не имеет значения, — поняв его с полуслова, безразлично отозвалась Эфра.

— Ну, все разорили, а ты ведь обещала кузинам Бранда какие-то подарки.

— Эти подарки никуда с Мархена не уйдут. А уйдут, так поймем.

Снова сгустилось ощущение жути. Как будто вылили за шиворот ледяное желе и оно медленно ползет вдоль цепающего позвоночника.

— Несколько банок осеннего грушевого варенья, — добавила девушка. — Они хранятся не дома, а на складе с консервирующими чарами. У нас там арендована кладовка, оплачено вперед.

Никакого желе. У него просто ум за разум заходит! Или не ум, а эмоции, но результат тот же самый.

— Эти ребята, Бранд и Дик, теперь будут драться на дуэли?

Стефан чувствовал, что его повело вокруг да около, но не решался заговорить о главном.

— Ничего страшного. Оцарапают друг друга и помирятся.

Мужчина, похожий на стареющего клерка, поставил перед ними две чашки черного кофе.

— Я тебя люблю, — выдавил Стефан, глядя на чашку, а не на Эфру.

— Помнишь, ты сказал, что тех подонков можно понять? Я тебе никогда этого не прощу.

— Я же тогда объяснил, что я имел в виду! Что они потянулись к красоте, и можно было, наверное, взять их под контроль, помочь им исправиться... Если бы ты захотела разбудить в них хорошее...

— Таких исправит только пуля или нож. Или зубы кесу.

— Я их не оправдываю! Я просто объясняю, почему я так сказал...

— Обрати внимание, они считаются нормальными. Знаешь медицинское определение нормы, из психиатрии? Это среднестатистическая закономерность — то, что характерно для большинства индивидов. Они таких умных слов не знают, но с гордостью называют себя нормальными парнями. И такой мрази действительно много. Если доходит до суда, к ним относятся снисходительно, как будто какая-то круговая порука — чего ты хочешь, это же наша норма! А по-моему, их надо загонять в резервации и держать там подальше от женщин, памятников архитектуры и домашних животных. Или отдавать кесу в порядке товарообмена, потому что лучше какое угодно зло, чем такая норма.

— Нет, Эфра, подожди... Я же их не оправдываю...

— Оправдываешь, а потом виляешь. — Она поднесла к изящно очерченным полным губам фарфоровую чашечку

ку, отпила и продолжила: — Пусть ты и поэт, а те обыватели и судьи, которые их покрывают, рассуждают примерно как ты. Выискивают что-то общее с собой, умиляются — и дальше поехало по накатанной дорожке.

— Нет, подожди...

— Наверное, вам кажется, если вы будете их жалеть и выгораживать, они вас при случае тоже пожалеют. Ага, надейтесь... Встретите свору таких ублюдков в темном переулке — все равно забьют и бросят подышать на морозе, да еще от души посмеются. Эта ваша так называемая норма ведет себя как раковая опухоль. Разрастается, дает метастазы, давит на соседние клетки, а больной, то есть общество, пытается убедить себя, что дела обстоят как надо — мелкие болячки, можно не обращать внимания. Они стараются уничтожить все, что не похоже на них и живет по-своему. Дика видел? Лорд подобрал его полгода назад в Вергемеше. Это причем даже не окраина вроде Мархена, а небольшой кордейский городок, от столицы двести шестьдесят километров. Дик умирал в местной больнице, его избили на улице. Он никого не убил, не изнасиловал, не предал, ничего не украл — он всего-навсего не похож на них. Его било человек десять. Черепно-мозговая травма, разрывы внутренних органов, множественные переломы. Местные власти не стали заводить уголовное дело, хотя весь Вергемеш в курсе, кто в этом участвовал. Мальчишке девятнадцать лет, и провинился он только в том, что не хотел превращаться в раковую клетку.

— Как же удалось его вылечить? Никаких следов не заметно...

— Лечить было бесполезно, лорд его исцелил.

Ого... На такое способны только маги высшей пробы. То, что Мерсмон рвется в верховные правители, нетипично. По традиции колдуны такой весовой категории держатся в стороне от политики.

Вслед за мимолетным удивлением в душе возник болезненный отклик на несправедливость:

— Подлость какая... В смысле, ситуация с Диком. И ничего нельзя сделать, чтобы их притянули к ответу?

— Пока ничего, но когда взойдет на престол Весенний Властитель, он сможет потребовать расследования. Или, наоборот, замять другое уголовное дело, а то Бранд рвался в этот Вергемеш, но ему велели дожидаться весны. Пей кофе, остынет.

— Кстати, почему лорд? Это же несуществующий титул.

— Его ребята между собой так называют, он не возражает. А за «шефа» одному недогадливому бедняге досталось по-страшному, это слово ему не нравится, на всякий случай прими к сведению.

— У Бранда кузины со странностями, тебе не кажется?

— С чего ты взял? — неожиданно заинтересовалась Эфра. — Что тебе показалось странным?

— Ну... — Стефан вздохнул, обрадовавшись смене темы. — Если бы я был режиссером, а они — моими актрисами, я бы сказал, что они гонят совершенно не то.

— Сможешь сказать, что было не так?

— Разговаривают как-то неправильно, это сразу цепляет. И двигаются, словно какой-то хищный кордебалет!

Эфра вытащила из кармана записную книжку и с деловитым видом что-то пометила. Стефан тоже достал свой блокнот и записал про «хищный кордебалет», пригодится.

Встретившись глазами, одновременно усмехнулись, и он, приободрившись, рискнул снова вернуться к главному:

— Я продал парикмахерскую, чтобы увезти вас с Мархена. Съездил туда со специальным караваном, а вас уже нет. Извини, что я говорил, что их можно понять. Это как бы немного не я... Пожалуй, ты права насчет раковых клеток, но у меня с ними ничего общего. Я тебя люблю по-настоящему.

— Не обижайся, но никакой вашей любви мне даром не надо. А эти девочки, кстати, неплохие танцовщицы, выступают в масках. Приехали покорять столицу. Если наша команда победит, их возьмут в придворную труппу.

— Нельзя жить без любви! У нас с тобой все будет по-другому.

— Мне даже думать об этом противно. Сразу, знаешь ли, ассоциации... Это к тебе лично не относится, но ниже пояса я теперь словно каменная. Обледенелый камень. Держись от меня подальше.

У нее и в глазах поблескивал лед. Сине-серые узоры на стылом стекле.

— Неужели нельзя ничего сделать, чтобы ты поняла, что бывает по-другому? — жалким голосом спросил Стефан. — Чтобы ты смогла полюбить...

— А оно мне нужно? — Эфра неприятно усмехнулась. — Мысль о так называемой любви не вызывает у меня ничего, кроме рвотного рефлекса. Не знаю, что должно случиться, чтобы стало иначе. Наверное, что-то невозможное. Такое, во что я давно уже не верю.

— А твоя мама как себя чувствует? — поинтересовался он безнадежным тоном, прекрасно понимая, что его Эфра к разряду «невозможного» не причисляет.

— Неплохо. Лорд ее подлечил, и смена обстановки пошла на пользу, и то, что за меня больше не надо переживать.

— Я бы зашел к ней в гости, если она будет не против. Не дашь мне ее адрес?

— Не дам, — отрезала Эфра. — Не думай, что ко мне можно подобраться обходным путем.

— Да я... — он смешался, словно пойманный с поличным.

— Имей в виду, я выхожу замуж.

— Что?.. Как?.. За Бранда или за Дика?

— При чем тут они? За господина Мерсмона. Я его официальная любовница, а в будущем стану женой. Послушай доброго совета, не надо за мной увиваться, а то нарвешься на такие неприятности, какие тебе и не снились.

Стефан потрясенно моргал, застигнутый врасплох ощущением дикого противоречия. Наконец ему удалось подобрать слова и выстроить из них более или менее связный вопрос:

— Ты же сказала, что никого не любишь, а собралась замуж, зачем тебе тогда замуж?.. Разве ты его любишь?

— По крайней мере, уважаю и готова служить ему верой и правдой.

— А как же то, от чего тебя тошнит? — напомнил он запальчиво.

Девушка слегка пожала плечами, с невозмутимым выражением на лице, только в узорчатых морозных глазах мелькнуло затаенное торжество.

«Так она же не спит с ним! — осенило Стефана. — Видимо, этот фрукт решил дождаться, когда у нее пройдет. Влиятельный, безусловно богатый, еще и колдун. Бедный поэт против него — как лесная букашка под гусеницей таран-машины. Ага, потом запишу... Неужели Эфра пошла к нему ради обеспеченной и безопасной жизни? Или ради мести, чтобы натравить его на тех ублюдков с Мархена? Два разных сюжета, и оба вполне пригодятся, если я все это переживу. Как будто окружающий мир превратился в печальную серую тучу... Тоже записать».

— Эфра, он же борется за корону Весеннего Властителя, а Весенний не должен быть женат, — глотая слезы, напомнил поэт. — Ему полагается крутить любовь со многими девушками, а то народ не поймет, традиция ведь!

— Не беда, поженимся летом, когда он снимет корону и станет гранд-советником, а до тех пор я буду первой фавориткой, — возразила Эфра деловым тоном, как будто речь шла о работе регистраторши или машинистки.

— Он ревнивый? — тревожно хлопая ресницами, заинтересовался Стефан.

— Не то слово, — от мечтательно-мстительной, почти угрожающей усмешки, озарившей на мгновение лицо девушки, ему стало не по себе. — Да, если что-нибудь надумаешь насчет эпиграмм, приходи сюда, это наше кафе. Господин Петерсон будет в курсе, — она кивнула на дверь, из-за которой доносился плеск воды. — Заплатят хорошо, не беспокойся. Больше, чем заплатили бы у других кандидатов.

— Я подумаю.

Он никогда не писал эпиграмм, считал это занятие бессмысленным злобствованием. И зачем нужны деньги, если отношения с Эфрой, не успев начаться по-настоящему, рассыпались бесформенной снежной кучей... Собрать и слепить заново? Но для этого нужно обоюдное желание, в одиночку ничего не получится.

— Мне пора, — она встала, набросила на плечи сверкающий белым мехом и серебряным шитьем жакет. — Выслушай внимательно, что я сейчас скажу. Ты хотел мне помочь, только поэтому предупреждаю. Прими к сведению с первого раза, повторять не буду. Если вдруг я назначу тебе свидание...

— Значит, надежда все-таки есть? — встрепенулся поникший Стефан.

— Ни в коем случае не приходи, — сухим тоном, не глядя ему в глаза, продолжила Эфра. — Беги как от огня, понял?

— Почему?..

— Я же сказала, второй раз повторять не буду. Прощай.

Он ринулся следом, чуть не налетел на дверной косяк, шатко спустился по лестнице следом за ней. Успел увидеть, как мелькнул край юбки из блестящего голубого атласа и захлопнулась дверца автомобиля.

Уже потом, забрав из кафе свою куртку на собачьем меху и сумку с афишами, на улице, среди зябкой пляски снежинок, Стефан осознал, что не далее как полчаса назад выпил чашку *настоящего* черного кофе. Неслыханная роскошь, в конце-то зимы, а он проглотил драгоценную жидкость как воду, не ощутив ни вкуса, ни аромата.

Зарплату не платят, а если о ней заикнуться, директор театра уставится на тебя с таким выражением, точно увидит клубок личинок или трехногую курицу, выдержит томительную паузу, чуть-чуть переигрывая, и наконец спросит: «А что ты, милый мой, сделал для того, чтобы у нас появились деньги?»

Стефан, положим, мог бы отчитаться: он расклеивал по всему городу афиши новаторского квадроэсхатологического спектакля «Магдалина на земле и на небе», вдобавок предложил свою пьесу, которая намного лучше провальной «Магдалины», — сами виноваты, что до сих пор не посмотрели. Но все равно гушевался, как и все остальные.

Кормился он где повезет, словно неприхотливая городская птица. Потерял верхнюю пуговицу от куртки, зато нашел на улице хорошую теплую перчатку.

Все чаще его искашала мысль: а не написать ли на пробу две-три эпиграммы? Как минимум полноценный обед... Но каждый раз получалась такая графомания, что стыдно было кому бы то ни было это показывать. Предвыборная ругань — не его амплуа.

В душе роились совсем другие стихи — печальные, неистовые, пронизанные серебряными напевами метели, заметающей следы Эфры на стылом тротуаре.

Из-за той мархенской истории Эфра перестала быть собой, превратилась в заледеневшее изваяние, но, может быть, когда она прочитает стихи, которые посвятил ей влюбленный поэт, случится чудо и все выправится? Он верил в силу слова и в то же время в глубине души чувствовал, что никакие слова тут не помогут.

«Она столкнулась с этими человеческими отбросами и теперь видит вокруг только одно, не замечая всего остального. Как будто на свете нет ничего, кроме помойки. Ей надо было родиться в большом городе, тогда бы все вышло иначе. Здесь бы нашлось, кому за нее заступиться, и она бы не разочаровалась в любви. Надо было сказать ей об этом, а я, как всегда, крепок задним умом... Когда пишешь, можно сколько угодно исправлять и менять каждую строчку, а в споре что произнес вслух — уже не отредактируешь. Слово не воробей, не вырубешь топором. Господи, есть-то как хочется... Сделать, что ли, еще одну попытку? *Обещаньями да кашей всех накормит радость наша, выдвигенец-пустобрех...* Ага, пальцем в небо!»

Если бы Максимилиан Келлард был пустобрехом, все

было бы не так страшно. Да только Стефан нутром чувствовал: когда этот парень дорвется до власти, он и впрямь заведет те порядки, о которых говорит в своих пламенных речах, из самых лучших побуждений, и придется ходить по струнке, пока лето не наступит.

И все-таки, если честно, ужас как хотелось написать эпиграмму не на Келларда, а на его главного соперника, присваивающего чужих девушек! Ворваться и прочитать ему сардонический стих, морально размазать по стенке подлеца, посягнувшего на возлюбленную поэта, и хорошо бы Эфра при этом присутствовала... Он, впрочем, понимал, что дальше фантазий дело не пойдет. Ссориться с колдуном будет только законченный псих. Если вспомнить, как Бранд и Эфра стращали своего младшего товарища «лордом», нрав у этого деятеля однозначно не ангельский, так что наяву Стефан воздержится от прямого конфликта, разве что балладу напишет.

Ни совести, ни чести не имея, злой чародей шныряет по Коргее, и вздрагивают все, кому он снится, дорога привела его в больницу...

Ритм задан, можно работать дальше.

Тут Стефан хихикнул, хоть и было ему на ветру да на холоде не до смеха. Если судить по Эфре и Дику, Валеас Мерсмон насобирав людей к себе в команду главным образом по больницам, из жертв криминальных происшествий. Готовая тема для эпиграммы. А с другой стороны, сильный ход: вылечить умирающего, взять под защиту затравленного, подарить вторую жизнь... Как там сказала Эфра: «буду служить ему верой и правдой»?

Да, она ведь еще кое-что примечательное выдала: «Лучше какое угодно зло, чем такая норма».

Стефан несколько раз повторил про себя эту фразу, и ему стало жутковато. Он боялся за Эфру — и самой Эфры тоже боялся. Еще боялся, что никогда больше ее не увидит, и боялся новой встречи. Боялся, что она не захочет с ним разговаривать, и боялся, что она опять скажет что-нибудь, наводящее оторопь. Боялся, что между ними ни-

когда ничего не будет, и боялся мучительных взаимоотношений, от которых потянет в петлю или в прорубь.

Эфра — его Погибель, это яснее ясного. Может быть, ему суждено умереть от страха?

В который раз пошарил в карманах, в расчете на завалявшийся обломок галеты или подсолнечное семечко, но там было пусто. Разве что щепотка крошек... И то хлеб. Остановившись, чтобы ни крупицы не потерять, бережно донес добычу до рта, разжевал... Тьфу ты, это же остатки Лепатриных грибочков! Впрочем, не имеет значения. Наркосодержащий гриб тоже еда.

Усыпанные алмазами вечерние закоулки завели его в бетонное ущелье, из конца в конец продуваемое бесноватым ветром. Далеко наверху мерцают колючие звезды, месяц прячется за мглистым облаком.

Лицо ломит от холода, пальцы постепенно немеют, а окоченевшие ступни как будто сделаны из ледяного стекла, пронизанного ноющими нервами. Так и околеть недолго.

На соседней улице теснятся лачуги с сахарными крышами, из труб поднимаются дымки. Давным-давно зачерствевшие пряничные домики, зубы обломашь. Дальше в потемках глыбится что-то покрупнее — как выяснилось при ближнем знакомстве, древнее кирпичное строение в несколько этажей.

Неправдоподобно перекошенное крыльцо. Табличка на обшарпанной парадной двери ловит заблудившиеся звездные лучи и притворяется, будто на ней ничего не написано. Возле подвального окошка клубится пар. Там можно отогреться.

Обойдя дом сбоку, он увидел прилепившуюся к торцу деревянную клеть с вывеской и неплотно прикрытой дверью. Внутри громоздятся коробки, тюки, перевернутые вверх тормашками стулья, связки журналов, куча веников. С заднего двора сквозь покрытое наледью окно сочится свет фонаря.

Стефан уселся на пол возле батареи парового отопле-

ния. Пусть вениками и старыми журналами не поужинаешь, по крайней мере, от обморожения он спасен.

Не сразу уловил, что он тут не один. За развалами хлама кто-то копошится. Сторож? Крысы? Еще один продрогший бродяга?

— Эй, извините, кто здесь? — севшим с мороза голосом поинтересовался Стефан.

Шорохи как отрезало. Настороженная тишина.

— Я не вор, я просто промерз до костей, погреюсь и уйду, — заговорил он снова, трясаясь от остаточного холода и от опасения, что его сейчас без церемоний вытолкают на улицу. — Прошу прощения, что вошел без спросу. Я расклейчик афиш из театра на Малиновой площади.

— А я — убоище, — отозвался тонкий, но решительный голосок.

Да, вот так-то, подумал Стефан, понимая, что дальше бороться бесполезно. Так и приходит, как в том старом-престаром анекдоте... Раз уж тебе напророчили встречу с Погибелью — не отвертись.

Пришибленно уточнил:

— Мое убоище?

— Еще чего! — неожиданно возмутились за тюками. — Я не твоя, а мамина с папой. А будешь маленькую девочку обижать, кирпичом по башке получишь!

Шорох, что-то стукнуло, потом в полосе слабого желтоватого сияния, льющегося из ледяного окна, появилось существо небольших размеров, в меховой шубке и валенках с калошами. Из-под завязанной под подбородком шапочки торчат две косички с огромными бантами. Круглая мордашка сердито насуплена.

Если это человеческий ребенок, ей должно быть лет семь-восемь, а если Погибель — кто же ее знает...

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Стефан.

— Ищу чего-нибудь. Сторож пошел водку пить, а дверь запереть забыл. Сам дурак.

— И что же ты ищешь? Умиравших поэтов?

— Нет, что-нибудь путное. Шарфик или теплую шаль для мамы. Это склад ненужных вещей.

— Значит, я попал по адресу. Нищий поэт, которого отвергла возлюбленная, — самая ненужная на свете вещь.

— Ты, что ли, болеешь или пьяный?

Существо подошло ближе. Стефан увидел, что оно и правда сжимает в шерстяной лапке обломок кирпича.

— Что ж, совершай то, зачем явилась! Тебя ведь недаром называют убоищем?

— Про меня взрослые так говорят. Мы уехали с Ваготы, нам здесь негде жить. Нас отовсюду прогоняют: уходите со своим убоищем, ищите другую квартиру. А я же не нарочно...

— Я тоже не нарочно сказал, что их можно понять, а она сказала, что никогда мне этого не простит. Она попала в странную компанию: хищный кордебалет, лесной демон, который носит рубиновые серьги в виде клинков-полумесяцев, и еще один опасный парень с глазами убийцы. Представляешь, она с ними заодно! Их лорда я не видел, но, по-моему, жуткий тип, иначе быть не может. Он ее у меня украл. Хочешь, я почитаю тебе стихи?

— Хочу! — убоище уселось на тюк напротив и приготовилось слушать. — Я люблю, когда мне читают!

Привкус во рту поганый после грибочков, хоть и была всего щепотка, зато никаких сценических комплексов.

— *Весеннее иль зимнее творенье — в твоих глазах волшебные узоры...*

Он продекламировал весь цикл, посвященный Эфре, с выражением, с драматическими паузами, пришептывая и подвывая. Благодарная аудитория положила кирпич на пол и после каждого стихотворения хлопала в ладоши, как в театре. Толстые вязаные перчатки приглушали хлопки.

— Здорово! — одобрила она, когда Стефан закончил свое выступление. — Это про меня, ага?

— Нет. Я посвятил эти стихи самой красивой девушке Долгой Земли.

— Так я же самая красивая! Видел мои бантики? У меня еще один под шапкой на голове. Эти белые в красный горошек, а еще есть красные в белый горошек, мы их тоже с собой взяли, и красные с блестящей каемкой...

— Сандра! — донесся с улицы встревоженный женский выкрик. — Сандра, ты где?!

— Я здесь!!! — заверещала обладательница бантиков, так что у Стефана чуть не лопнули барабанные перепонки, и вполголоса добавила: — Это меня мама ищет.

Заскрипел снег под торопливыми шагами, распахнулась дверь, он разглядел на пороге невысокую округлую фигуру.

— Сандра, сейчас же выходи! Ты почему убежала без спросу и зачем сюда забралась?

— Прибарахлиться хотела, — слезая с тюка на пол, буркнула Сандра. — Ты же продала свою шаль, а я тебе другую искала, а там одни пальта и штаны.

— Нельзя брать чужое!

— Это не чужое, это ненужное! Так на вывеске написано.

— Мало ли что написано. Эти вещи люди сдают и покупают за деньги. Пойдем-ка отсюда, пока нас не нарутали!

Ушли. Так и не использованный по назначению обломок кирпича остался лежать на полу. Стефан понял, что получил отсрочку.

Интересно, его теперь тоже продадут за деньги? Кому-нибудь из претендентов на Весенний престол, чтобы писал политические эпиграммы... Он подтащил тюк с тряпьем поближе к батарее, устроился на мягком, свернулся калачиком.

Из мутного, хотя довольно приятного забытья его вырвало жалостливое бормотание:

— Ой, вещички мои бедные, на полу в пыли валяетесь, не пожалели вас хозяева, отдали в чужие руки... Ничего, сейчас всех вылечу, как новенькие станете! А ты чего тут разлегся?

Открыв глаза, Стефан увидел знакомое бледное лицо

с вывернутыми губами и припухлыми веками. Поблескивали в ледяном свете разномастные пуговицы, а концы прозрачного шарфика свисали, точно крылья мертвой стрекозы.

— Вам без шапки не холодно?

— Не о том спрашиваешь, — хихикнула сумасшедшая.

— Что мне угрожает? Где моя погибель?

— Это не одно и то же. — Лепатра снова хихикнула. — Теперь вижу. Тебя по-хорошему предупредили, а ты не слушаешь. Длинные белые волосы. Стекло не разобьется.

— Какое стекло?

— Дверь из цельного стекла. Ты по ней стулом со всего маху, а она не разобьется, заговоренная потому что. Стул сломаешь, ирод, из-за своего страха безвинную вещь загубишь. А этот охламон разве станет лечить вещь? Он людей-то не жалеет, не то что вещи бессловесные. На помойку велит выбросить.

— Меня? — нервно ежась, уточнил Стефан.

— Какого тебя — стул! А стеклу ничего не сделается. После этого захочешь умереть, потом передумаешь. Но это будет не погибель, а злая напасть. Погибель приходит изнутри. Наврешь за деньги, по указке ворюг, через это потеряешь свой дар и сопьешься втихую.

— Я никогда так не поступлю. — Стефан энергично помотал головой и осел на расползшуюся кучу тряпья, когда темная комната с сияющим, как ледяной фонарь, окном попыталась завертеться вокруг собственной оси.

— Может, и не поступишь, — вздохнула Лепатра, присаживаясь рядом. — Я иногда вижу то, что может быть, а может не быть, оно еще не вылепилось, только предполагается. У меня и сестрица была такая. Да... Уж она была и красивая, и прозорливая, и проклятья отводить умела, а все одно не убереглась. А тебе сказано же — не ходи туда!

— Куда?

— Туда, где дверь из стекла. Тогда не обидишься на весь мир. Эти ворюги, кроме денег немереных, посылат

тебе изменить прошлое — будто они сделают так, что с тобой на самом деле этого не случилось, и ты ухватишься, как дурак за дутые акции. Взаправду ничего они в прошлом не поменяют. И рады бы, да нельзя, только память тебе, болезному, чуток подправят. Закон запрещает, но они потому и зовутся Высшими, что стоят выше закона, выше добра и зла. Ради благих целей, сиречь интереса своего шкурного, что угодно вытворят, как сестрицу мою старшенькую когда-то убили. Цель оправдывает средства — слышал небось?

— Вы говорите опасные вещи, — заметил Стефан, частично трезвея.

Высшие — запретная тема. Известно только, что это маги покруче всех прочих, особенные, бессмертные, все-сильные. О них нельзя говорить плохо. О них лучше вообще не говорить, не любят они лишней огласки. А уж обзывать их ворюгами и обвинять в «шкурном интересе»... Лепатра полоумная, ей все сойдет с рук, но с него-то будет спрос как с нормального.

— Вспомнила я наконец, зачем сюда приехала. За смертушкой своей... Шестьсот лет живу на свете, вещи лечу, никому глаза не мозолю, и где у меня ум, где разум, где что — сама не знаю. Не могу так больше, невтерпеж.

— Шестьсот?.. — он уставился на нее недоверчиво. — Не может быть. Вы, наверное, забыли. На вид вам тридцать пять, если вы подвид В, и не больше трехсот, если С.

— Пальцем в небо, — колдунья радостно ухмыльнулась. — Когда мне было столько, сколько ты сказал, я молодильного зелья хлебнула, через то и не меняюсь. Госпожа Текуса, наша с сестрицей Изабеллой старая учительница, остерегала: не прельщайтесь, девки, молодильным зельем, хуже станет, красу девичью сохраните, а разум потеряете. Я от Текусы потом ушла, не по профилю мне было у нее учиться, она ведь была лесная ведьма, и Изабелла тоже лесная, а я обыкновенная, с уклоном в вещную магию. На складах работала, по консервирующим чарам, а рецепт молодильного зелья переписала тайком,

еще когда ходила у Текусы в ученицах. Набрала ингредиентов, состряпала, выпила, и лет через полтора в голове давай все мешаться... Уж Изабелла не сделала бы такой глупости, она была умница-разумница, но все равно умерла молодой, когда с ворюгами поспорила. А я до сих пор живу, никому не мешаю... Невмоготу больше, устала. От старости мне не помереть, поэтому надо или сгореть в огне, или чтоб меня убил знающий колдун, который всю мою силу до капли выпьет — и ему польза, и мне свобода. Иначе стану нежитью неприкаянной, буду маяться да людей по ночам пугать, а я разве злая? Только на тех злюсь, кто вещи портит, но караю по мелочам — тот локоть ушибет, этот булку вниз маслом уронит. Мне надобен такой, кто убьет меня без огня, но по правилам. Надо найти Изабелиного сынка-охламона, этот справится. Он теперь в столице живет, говорят, далеко пошел, стал важным господином. Я уж к нему ходила, да его дома не случилось, а сторожа меня на порог не пускают. Велела передать, что тетя Клепа в гости приехала. Страсть как хочется побывать у него дома — с мебелью познакомиться, с чашками-блюдцами потолковать, малые вещицы приглубить...

Ее высокий надтреснутый голос становился все тоньше и наконец прервался, как будто иссяк. Стефан подумал: хоть она и ищет смерти по собственной воле, все-таки ей страшно. А вторая мысль — это ведь готовый сюжет для сказки, поучительная получится история, для младшего и среднего школьного возраста. Нужно только дожидаться, когда Лепатру кто-нибудь посадит на поезд в один конец, в соответствии с ее пожеланиями, чтобы никаких недоразумений после публикации.

Сидели в молчании, спиной к источнику тепла, он слушал ее сипловатое, но ровное дыхание. Словно спишь с открытыми глазами. Вдруг колдунья встрепенулась:

— Ладно, ступай отсюда. У меня много дел — надо творить добро, все вещички недужные вылечить, чтобы новехонькими стали. То-то люди поутру удивятся...

— Здесь недавно побывала погибель, — спохватив-

шись, сообщил Стефан. — В этой самой комнате. Назвалась убоищем, но суть одна и та же, правда? Вот на этом самом месте она стояла.

— Где? — Колдунья с сопением потянула носом воздух. — Ага, что-то чую... Ты ошибся, это была не погибель. Другое существо. Здесь, в столице, много всяких ходит.

— У нее был с собой кирпич! Ну, чтобы по голове... Она его забыла — вон, видите, валяется.

Опустившись на четвереньки, Лепатра по-собачьи обнюхала пол и уважительно заметила:

— Сильная сущность... Посильнее любой погибели.

Напуганный ее поведением — это уже классический дурдом! — к тому же согревшийся и мало-мальски пришедший в себя Стефан поднялся, с трудом расправляя затекшие мышцы.

— Я пойду, всего хорошего. Вы не знаете, здесь не будет рядом какой-нибудь ночной забегаловки, чтобы дали кусок хлеба?

— Будет, еще как будет! — тоже выпрямившись, торопливо закивала колдунья. — Иди по улице на запад, на перекрестке повернешь на север — в ту сторону, где котельная, на другом перекрестке налево, а дальше сам поймешь, куда заходить. Там щедрые люди пируют. До отвала наешься и посмотришь заодно.

— На что посмотрю? — озадаченно уточнил Стефан.

— На то, что тебе не вредно увидеть.

— А меня туда пустят?

— А ты умом пораскинь, чтобы пустили. Ну, иди, иди. У меня здесь много работы... С веников начну, им горше всех в этой жизни досталось, а я их сейчас золотыми-новенькими сделаю...

Стефан опасливо обогнул зашевелившуюся кучу дражных веников, выбрался наружу и послушно двинулся в указанном направлении.

Дома вздымались темными тушами, и ему казалось, что он крадется мимо стойбища гигантских животных — вроде ископаемых мамонтов, которые когда-то обитали

на Земле Изначальной, — дремлющих в морозной дымке. Лишь бы не проснулись... А вот и фабрика, производящая белый пар, без которого зимняя ночь потеряет половину своего очарования. Записать?.. Воздух кусачий, только снимешь перчатки — тысячи крохотных ледяных зубов вонзятся в незащищенную кожу. Лучше просто запомнить.

Миновав котельную, Стефан завернул за угол и увидел цивилизацию: фонари, витрины, припорошенные снегом урны. На первом этаже большого здания призывно сияли арочные окна, обрамленные поверху подмигивающим неоновым узором. Оттуда доносилась музыка, вдоль тротуара выстроились автомобили.

Остановившись около ночной фурии, которая в упоении скребла деревянной лопатой тротуар, превращая его в сплошную скользанку, он вежливо поинтересовался:

— Простите, что здесь за праздник?

— Шоферюги из Трансматериковой гуляют, — буркнула дворничиха. — А чего им не праздник, если денег полные карманы?

Транспортная монополия, обеспечивающая бесперебойную связь между всеми четырьмя архипелагами — Кордеей, Сансельбой, Лаконодой и Магараном, — это лица, это отдельное государство в государстве. У них, говорят, последний чумазый механик обеспечен не хуже, чем банковский менеджер среднего звена, и еды, само собой, навалом. Желудок завел свою обычную песню: прямо сейчас умру, если мы чего-нибудь не перехватим, — и Стефан крадучись вошел в отделанный темным деревом, белым мрамором и благородным вишневым бархатом вестибюль, благо в дверях никого не было.

Повертел головой. Угощаются наверху, туда ведет широкая закругленная лестница с ковровой дорожкой. Но здесь тоже кто-то есть: за тропическим растением, похожим на громадного зеленого дикобраза в кадке, звучат голоса. Ага, о политике, о чем же еще! Далась она всем, эта политика.

— ...Наплевать, против вы или нет, Келлард всех на-

учит жить как надо, пикнуть не посмеете! — доносился из-за куста с бледно-салатовыми бутонами в гуще перистых листьев свирепый девичий голос. — А вас и нужно учить, особенно тебя, и тебя тоже! По-хорошему не захотите, пинками научат! Что, не нравится?!

— Мне точно не нравится, — возразил вежливый юношеский голос.

— Ха, можно подумать, Келлард таких, как ты, будет спрашивать!

— А из тебя такой агитатор, что скорее всех распутаешь.

— Ха! — снова презрительно фыркнула девчонка. — Да для Келларда и для тех, кто его поддерживает, твое мнение значит меньше, чем вон тот окурок в цветочном горшке!

— Надеюсь, его не выберут. Если бы у меня было право голоса, я бы проголосовал против твоего Келларда.

— А у тебя такого права никогда не будет, ты нищий неудачник. А у меня оно когда-нибудь будет!

— Да хватит вам, — вмешался третий голос, более взрослый и рассудительный. — Нашли из-за чего ругаться.

Заинтригованный Стефан осторожно выглянул из-за растения. Они стояли в закутке под лестницей. Спина к нему — рослый плечистый парень в парадной форме Трансматериковой компании. Светлые волосы коротко острижены, сильные обветренные кисти рук: сразу видно, караванщик. Другой, совсем мальчишка, лет на пять моложе Стефана, стоял вполоборота. У этого точеный профиль, длинные темные волосы на затылке завязаны в хвост, удлиненные к вискам глаза. Романтическая наружность — мысленно сфотографировать и сохранить, согдится для какого-нибудь описания. На нем были вытертые джинсы и просторный серый свитер домашней вязки. Значит, тут не закрытая корпоративная вечеринка, куда посторонним вход заказан, и за компанию с «шоферами» гуляют их близкие и знакомые.

Вывод заставил Стефана воспрянуть духом: затесать-

ся, сойти за своего — и наконец-то набить желудок! Никто не поймет, что он приبلуда с улицы.

Девушка, ратовавшая за Келларда, непримиримо сверкала глазами и на своих кавалеров, и на куст в кадке, и на выглядывающего из-за него случайного очевидца. Высокая, красивая, пышные русые волосы распущены по плечам, но одета странно для особы, приглашенной на светское мероприятие. Поверх бежевой водолазки — летняя камуфляжная гимнастерка лесного пехотинца, к нагрудному карману небрежно прицеплена алмазная брошь. Солдатские штаны с накладными карманами заправлены в старомодные дамские сапоги, украшенные декоративными пряжками со стразами. Одежда вылинявшая, застиранная — сразу видно, с распродажи.

— Келлард — самый лучший, а если кто-то думает иначе, нам не по дороге!

— Вир, если честно, я действительно думаю иначе... — примирительным тоном начал караванщик.

— Значит, ты просто высокооплачиваемый обыватель!

После этого убийственного определения Вир сорвалась с места и ринулась в гардероб, а светловолосый метнулся было за ней, но потом передумал. Увидев лицо этого парня, Стефан непроизвольно отшатнулся: жуть какая, сплошное месиво белесых рубцов. Глаза, нос, брови, губы — все на месте, пропорции не нарушены, но кожа так изрыта, что без содрогания смотреть невозможно. Вероятно, его покусал какой-то пакостный лесной гнус, как сестренка Бранда, но не будет же мужчина носить вуаль.

А глаза у него хорошие. Это Стефан отметил сразу, не смотря на отталкивающее впечатление от изуродованного лица.

— Ушла... — беспомощно констатировал караванщик, когда его пассия, набросив на плечи грязновато-белый армейский полушубок, пулей вылетела на улицу.

— Завтра вернется, — заметил зеленоглазый парнишка в сером свитере. — Она от тебя по семь раз в неделю уходит, а потом возвращается.

Он не усматривал в случившемся ничего драматического и, похоже, даже обрадовался, но старался свою радость не афишировать.

— Эй, Залман! — еще один сотрудник компании, с коротко подстриженной черной бородкой и хмельным взглядом, перегнулся через перила лестницы. — Идем, а то все пропустишь. Девочки мадам Эмеральдины сейчас будут танцевать на столах!

— От меня только что Вир ушла, — пожаловался Залман.

— Забей на нее, — коллега покачнулся и ухватился за мраморные перила. — Ты извини, я чисто по-дружески, но чего тебя так тянет на эту милитаристку? Давай, пошли, сейчас начнется! И ты, студент, иди сюда, у них под юбками ничего нет...

Студент слегка пожал плечами и вопросительно посмотрел на товарища. Тот махнул рукой — мол, все равно. Когда они проходили мимо Стефана, тот рассмотрел, что за эмблема у Залмана на рукаве: след звериной лапы и поверх нее, наискось, ветка с листьями. Вот он, значит, кто... Чернобородый караванщик облапил обоих за плечи — должно быть, для того, чтобы самому не упасть. Все трое скрылись за изгибом лестницы, где угадывалась полость зала и звучали выкрики, музыка, звяканье вилок, витали запахи вина и вкусной еды.

Нацепив мину человека, который здесь на законных правах, в то же время в душе испытывая мандраж, Стефан завернул под лестницу. Гардеробщица, похожая на пожилую мышь, вязала варежку. Он с уверенным видом перебросил через стойку свою битую молью куртку на меху саблезубой собаки, (ничуть не хуже списанного солдатского полушубка). Взяла, словно так и надо.

Потом зашел в туалет, умылся, пригладил торчащие вихры, почистил мокрыми ладонями потертый бархат сансельбийского богемного камзола и отправился наверх. На лестнице курили несколько мужчин в парадной форме компании.

Стефан обмер (сейчас за шкуру да на улицу), но все-таки выдавил:

— А где Залман и студент?

— Там они, — один из «шоферюг» (судя по эмблеме, офисный работник) кивнул в сторону сверкающего арочного проема.

Народу полно, и вряд ли все друг друга знают. Стефан разжился чьей-то почти чистой тарелкой, навалил побольше всяких деликатесов, таким же образом прибрал к рукам бокал с остатками спиртного на доньшке, налил туда из кувшина что-то оранжевое с мякотью, забился в угол и набросился на еду. Жевать помедленнее, не глотать кусками, а то нехорошо станет. И не чавкать, культурный же человек... Тыквенный сок с примесью портвейна. А после надо бы втихаря завернуть в салфетки побольше бутербродов с копченой колбасой и рассовать по карманам.

Насытившись, осоловев от еды, он откинулся на спинку стула. На него никто не обращал внимания. Компания рядом взахлеб, с пьяным восторгом припоминала какую-то поломку, из-за которой все могли сгинуть в лесной глуши, но кривая все-таки вывезла; если не считать предлогов и междометий, едва ли каждое десятое слово было цензурным. На сдвинутых в центре зала столах отплясывали, высоко вскидывая ноги, разбитные девчонки в широких юбках с цветной бахромой. Неожиданно Стефан увидел своих якобы знакомых — Залмана и студента в сером свитере. Те сидели не слишком далеко от него, о чем-то разговаривали, их голоса тонули в общем гомоне.

«Один из них должен все забыть, а второй — вернуться живым из Страны Мертвых».

Эта мысль пришла сама собой, и Стефан потряс головой, прогоняя неожиданно сгустившееся наваждение. Не про них же Лепатра говорила... Или про них?.. Это все ее грибочки, он до сих пор не протрезвел до конца.

Налил в опустевший бокал красного сока, на поверку оказавшегося клубничным.

Поблизости вспыхнула ссора, два здоровенных лба

опрокинули столик и схватились за ножи. Их соседи загонили, повскакивали, кто-то кликнул охрану. Залман, секунду назад мирно беседовавший с товарищем, одним махом оказался рядом, оба ножа звякнули на паркете, парни даже опомниться не успели, а он скрутил и того, и другого — какие-то приемы, Стефан в этом не разбирался — и дружелюбно попросил:

— Ребята, утихомирьтесь!

Видно было, что это человек очень сильный и вдобавок по-кошачьи ловкий.

Подоспели приятели драчунов, растащили их в разные стороны. Миротворец вернулся на свое место. Девчонки, прервавшие танец, опять полезли на столы.

— Во, видали? — с довольным смешком спросил кто-то из компании, по соседству с которой примостился Стефан. — Это наш дикарь, Залман Ниртахо. Лучший следопыт Трансматериковой компании! Дорогу находит звериным чутьем, даже если звезд не видно и компасы врут.

— Тот самый, который, говорят, вырос в Лесу?

— Ну! — подтвердил первый. — Его мать ехала с караваном, на них напали кесу, и ушло всего несколько человек, на таран-машине прорвались. Машина потом гробанулась, ни до Кордеи, ни до Лаконоды не доехать, но им попался островок, построили дом с частоколом, обосновались — так и жили, пока проходивший мимо караван их оттуда не снял. Это в стороне от трассы, поэтому нашли их только через двадцать лет. Или, не дай соврать, через восемнадцать... Короче, в середине зимы, тогда еще в газетах об этом писали. Залмана Трансмать сразу взяла под крыло, пока военные своими загребущими лапами не дотянулись, такие парни всем нужны. Говорят, хорошие следопыты — они вроде лесных колдунов, только без магии.

— Это, что ли, на него подавали в суд за самосуд?

— Ага! Только не хрен, Трансмать своих не выдает. Он тогда круто накуролесил, спибся с бандой гопников, типа за друга заступался, и гадов этих больше десятка положил. В одиночку, заметь, про него точняк можно кино

снимать! Жалко, физией для кина не вышел... И дерется как зверь лесной — видели, ага? Знай наших ребят из Трансматериковой компании! Хороший парень, один недостаток — непьющий. Потому что в дикости вырос, не приучен, если хлебнет родимой — ему сразу худо становится. И привыкать не учится, это, я считаю, недостаток... Ну, пошли, наливаем... Эй!.. Эй, как тебя, пить будешь?

— Буду, — Стефан подставил свой бокал с остатками клубничного сока.

Что-то крепкое. Пищевод, а потом и желудок наполнился горьким огнем, в ушах зарокотали невидимые моторы, на глазах выступили слезы.

«Эфра, вот же кто тебе нужен! Вот оно — то невозможное, что могло бы перевернуть твою замороженную душу! Дикарь с первобытной логикой и тяжелыми кулаками. Он не стал бы говорить, что их можно понять, не стал бы маскировать свое бессилие интеллектуальными рассуждениями. Он бы просто пошел и убил их. И был бы прав: хорошее беззаконие против плохого закона. Даже не так... С законом-то как раз все в порядке, по статье эти мархенские мерзавцы получили бы пожизненную каторгу — если бы не коррумпированность местной полиции и не обывательская трусость, помноженная на круговую поруку. Закон даже рядом с Мархеном не валялся, так что имело бы место хорошее беззаконие против плохого беззакония. Верно тот шоферюга заметил, как в кино. За это мы и любим такое кино... А что у героя с лицом не все в порядке, так для Эфры, подозреваю, это дело двадцать пятое, сказала ведь она про кузин Бранда — «ничего особенного». Если они встретятся, для меня не останется никакой надежды. То есть вообще никакой. Ага, влюбляешься, и душа трепещет от невыразимой красоты, и пронзительные слова сплетаются в стихотворные строчки, а потом приходит вот такой дикарь с дубиной на плече, р-р-раз — и все пропало...»

Ему подлили еще, он с благодарностью проглотил пылающую горечь. Залман и студент исчезли из поля зре-

ния, зато Стефан подружился с соседями, начал читать им свои стихи, его хлопали по плечам и хвалили. В один из моментов он обмер, потому что увидел в глубине зала *стеклянную дверь*, прежде не замеченную, — вдруг та самая и вот-вот случится страшное?.. Так и сидел ни жив ни мертв, а потом началась потасовка, сцепившиеся парни со всей дурости врезались в стеклянную плоскость — и со звоном посыпались осколки.

От сердца отлегло, он опять начал с выражением декламировать, доверчиво глядя на расплывающиеся пьяные лица и не интересуясь тем, слушает его кто-нибудь или нет.

Бутербродов, которые Стефан распахал по карманам, хватило почти на неделю. Его одежда пропахла дорогой копченой колбасой, и голодающие коллеги по Квадрозсхатологическому театру ему завидовали, хотя завидовать было нечему.

Он наконец-то вспомнил, зачем Лепатра всучила ему свои ядовитые грибочки: мол, пожуешь — и на какое-то время обретишь способность видеть тайные связи между вещами, причем не те, которые есть, а те, которые будут. Ее интересовали исключительно вещи — одушевленные (как она считала) рукотворные предметы, но на взаимоотношения между людьми предвидение тоже распространялось.

Стефан мог бы голову на отсечение дать: в мутном половежье событий, имен, сущностей, не оформившихся возможностей Эфру и дикаря-следопыта с изуродованным лицом неумолимо несет навстречу друг другу. И помешать этому нельзя.

А для него там нет места. Его Эфра предаст глазом не моргнув, потому что он для нее такой же, как все остальные, а ко «всем остальным» у нее крайне жесткий счет. Зло порождает зло, от этого никуда не денешься. В душе скреблось тоскливое предчувствие, что он еще заплатит за «их можно понять». Надо было сначала думать, потом рассуждать.

Лучше не искать встречи с Эфрой. Лучше вместо это-

го поискать новую работу, а то у него крепло подозрение, что режиссер раз за разом обещает прочитать пьесу «буквально на следующей неделе» единственно ради того, чтобы Стефан и дальше продолжал расклеивать афиши бесплатно.

Все-таки не удержался. Якобы невзначай, мороча самому себе голову, очутился около стадиона Зимних Утех, где претенденты на Весенний престол принародно состязались в танцах на льду. А что, потенциальных зрителей тут полно, и афишные тумбы в окрестностях имеются.

Возле входа вывешен список имен. Вот они, под номером 14: Валеас Мерсмон и Эфра Тебери.

На галерку пускали без билетов. Стефан нашел свободное место возле изрезанных перил, втиснулся, сумку с подотчетным имуществом поставил перед собой, чтобы не увели под шумок.

Демонстрировать свои таланты на предвыборных выступлениях полагается кандидату, задача партнерши — послушно скользить вместе с ним и не падать. Одну пару освистали, у них получилось наоборот: дама вертится в пируэтах, а кавалер-претендент катится рядом, словно манекен на коньках. Парламентарий, предприниматель, уважаемый экономист, но из игры он с треском вылетел — верховный правитель должен быть совершенством и живым примером во всех отношениях. Как чемпион на собачьей выставке. Стефан вначале решил, что сравнение в самый раз для эпиграммы, но потом спохватился: это будет уже не высмеивание отдельно взятого деятеля, а дискредитация государственной системы как таковой.

Келлард отплясывал лихо и зажигательно под бравурный марш, и девчонка была ему под стать. Келлардианцы на трибунах восторженно ревели.

А потом появились те, ради кого Стефан сюда пришел, — и началось волшебство. Танец завораживал, как будто Мерсмон и Эфра плели мерцающую паутину, исподволь опутывающую всех, кто на них смотрит. Вернее, это Мерсмон плел паутину, а Эфра играла роль прекрас-

ной куклы, но от нее большего и не требовалось — выбирают ведь Весеннего Властителя, а не Зимнюю Госпожу. Сверкали стразы на серебристых костюмах, струились распущенные белые волосы — у него до пояса, у нее до бедер. Музыка то текла, как медленная вода, в которой отражаются нездешние звезды, то срывалась в головокружительные завихрения, и в одном темпе с ней двигались танцоры. Когда они остановились, несколько секунд царил тишина, потом раздались выкрики и овации.

«Это потрясающе... — подумал Стефан, двигаясь посреди общей давки к выходу. — Какое-то нечеловеческое очарование... И все-таки я бы предпочел Келларда, не будь он таким самодуром и солдафоном в вопросах искусства. Очарование власть предержащих должно быть человеческим, а то из этого неизвестно что выйдет... У них *длинные белые волосы*. У обоих! Все, как говорила Лепатра, и яснее ясного, что эта парочка меня ухайдакает, если я не буду держаться от них подальше».

Несмотря на здравую мысль, ноги понесли его не к трамвайной остановке, а к парковочным площадкам на задворках Зимних Утех. Может быть, его ослепила липкая белизна зимнего полдня, а щекочущие лицо снежинки помешали выбрать правильную дорогу? Ветер подталкивал в спину, и Стефан пошел в ту же сторону, куда тащились разбухшие тяжелобрюхие облака.

Вокруг машин претендентов полицейское оцепление, посторонних не пускают, особенно таких, кто в облезлой куртке на собачьем меху, но он утлядел в толпе Бранда и полез к нему через сугробы, зовя по имени и размахивая руками, чтобы привлечь внимание.

— У меня есть хорошие эпиграммы! Вам нужны политические эпиграммы?!

В его сторону заинтересованно повернулись все головы одновременно. Застигнутый врасплох, Стефан оробел — по колено в сугробе, с хозяйственной сумкой через плечо, в сбившемся набок полосатом шарфе.

К нему двинулись двое полицейских. Поскорее вы-

бравшись на тротуар, он зашагал сквозь снегопад прочь отсюда, к трамваям. Преследовать не стали, и на том спасибо. И Бранд, и Эфра сделали вид, что знать не знают этого психа с полной сумкой эпиграмм. Постеснялись... Может, оно и к лучшему?

Несколько дней спустя он узнал, где эта шайка собирается раздавать свои пирожки в следующий раз (из объявления, поверх которого с мстительным чувством налепил афишу), и отправился туда, по дороге проговаривая про себя все, что надо сказать Эфре, и что она скажет в ответ, и что он скажет ей после этого.

Крупной рынок со всех сторон окружали многоэтажные дома цвета лежалого городского снега, и с их нумерацией что-то было не так — словно нарочно поменялись местами, чтобы отвести глаза непрошеному гостю. Не поддаваясь на их уловки, штаб-квартиру мерсмонианцев Стефан все-таки отыскал — в доме номер 29, который боком, наискось, втиснулся между номерами 25/1 и 34.

Двухэтажная пристройка, внизу пекарня, наверху благотворительная, как сообщает табличка, организация.

Лестница с узенькими перилами выглядела до того казенно, что Стефан ощутил оскомину. В углу площадки между этажами громоздился хлам, оставленный прежними арендаторами. Глобус Земли Изначальной напоминал блекло раскрашенный мячик. Какие-то цветные обрезки, чернильница в виде улитки.

Дверь из крашеного дерева, не *стеклянная*, иначе сразу повернул бы назад.

Помещение из тех, что регулярно переходят из рук в руки. Видно, что команда поддержки Валеаса Мерсмона обосновалась тут недавно и тоже надолго не задержится.

Беленые стены с плакатами Санитарной службы, живописующими весеннее нашествие личинок на человеческое жилье. Местами кто-то пририсовал личинкам карикатурные физиономии, смахивающие на мужественное

квадратное лицо Максимилиана Келларда. На окнах жалюзи. Несколько больших коробов с пирожками.

Людей довольно много — здесь и Бранд с выводком изящных безликих кузин, и Дик с подбитым глазом (кто его на этот раз — келлардианцы или свой же шеф за нарушение дисциплины?), и еще какие-то личности. Эфра среди них сияла, как жемчужина среди россыпи речной гальки. Длинное приталенное пальто небесного цвета с воротником-стойкой. Распущенные платиновые волосы ниспадают, словно подвенечная фата.

Едва Стефан переступил через порог, как его руки бессильно повисли, ноги налились неподъемной тяжестью и приросли к полу.

Негромкий обмен репликами.

— Пустите его, — сказал кому-то Бранд. — Он не из этих.

Стефан вновь обрел свободу.

«Охранные чары порога, неслабенькие такие... Ничего себе благотворительность!»

Вслух он жаловаться не стал.

— Я принес эпиграммы, как вы спрашивали. Тут несколько штук, не посмотрите?

Редактору постеснялся бы показывать такую муру, другое дело — все эти рыцари с большой политической дороги, у них интерес специфический. А если честно, ему нужен был только предлог, чтобы оказаться около Эфры.

— Здравствуй... Я никогда не устану повторять, что я тебя люблю.

— Их можно понять, ведь так? — недобро усмехнулась Эфра.

— Да я же сто раз объяснял, что я имел в виду!

— Не кричи. Все, что относится к вашей так называемой любви, я давно выдрала из своей души и выбросила на помойку. Только поэтому я осталась человеком, несмотря на то что со мной было на Мархене. Во мне, может быть, кое-чего не хватает, но зато и дряни никакой нет. Я, к твоему сведению, медсестра, а не шлюха. В нашей боль-

нице говорили, что вполне себе в хирурги гожусь — вот я и решила проблему, как хирург.

Ее слышали все присутствующие. Неужели все они в курсе насчет тех ужасных подробностей ее биографии?

— Не подходит. — Бранд вернул ему листки. — Не то, что нам нужно.

— Ага, — машинально кивнул Стефан, приблизительно такого ответа и ожидавший. — Эфра, можно с тобой поговорить две минуты наедине? Я объясню...

— Нельзя.

Она уселась на стул, Бранд собрал и отвел в сторону всю массу ее блестящих белых волос, а Дик расправил и застегнул позади большое золоченое оплечье, усыпанное переливчатыми стразами нежной окраски. Эфра во время этой процедуры сидела как ни в чем не бывало, хотя от робких прикосновений Стефана ее, помнится, коробило, и она сразу отстранялась с недовольной гримасой. А Бранду с Диком, получается, можно, словно они ее братья и с ними она чувствует себя в полной безопасности.

Стефана огорошила эта несправедливость, а потом он с легкой оторопью отметил, что кузин Бранда с прошлого раза стало вдвое больше, как будто эти девушки в черных вуалях размножаются вегетативным способом. Или, что вероятней, новые понаехали — но сколько же их всего в таком случае? Он косился на «сестренку» с иррациональным испугом, а те, словно что-то уловив, начали придвигаться поближе, окружили его шелестящей темной толпой.

«Спокойно... — еще больше струхнув, подумал Стефан. — Здесь ведь нет *стеклянной двери*...»

— Пойдем кормить народ? — спросила Эфра, поднимаясь со стула.

Великий Лес, какая она была красивая!

— Разговор на полторы минуты, пожалуйста, — умоляюще выдавил Стефан.

— Ладно. Полторы минуты и ни секундой больше. Я, между прочим, на работе. Спускайтесь, я вас догоню.

Забрав часть коробов с пирожками, вся компания по-

валила по лестнице вниз. Возле приоткрытой двери остался Бранд с двумя кузинами. Стефана нервировало их присутствие, причем боялся он именно «сестренки», а не парня с насмешливым смугловатым лицом записного дуэлянта и головореза.

— Эфра, я тебя люблю...

— Спасибо, я уже это слышала. Что-нибудь еще?

— Подожди, дай же с мыслями собраться... Когда мы говорили о Мархене, ты сказала, что лучше любое зло, чем такая норма. Насчет зла — это неправильно. Неужели ты не видишь вокруг ничего, кроме зла?

— А ты можешь привести пример чего-то другого?

— Я недавно видел нормального человека. По-настоящему, по-хорошему нормального... В каком-то ресторане, я туда поесть на халяву зашел, теперь даже улицу не вспомню.

— Только одного? — с сарказмом уточнила Эфра.

— Ну...

Он замялся, не зная, что на это сказать, и тут услышал с лестницы знакомый дребезжащий голосок:

— Ох, вещички мои горемычные, ох, как люди вас обидели, никчемными обозвали, на пол бросили... Сейчас всех полечу, краше прежнего станете!

— Клеопатра, оставь эту рухлядь, — с терпеливой досадой произнес низкий мужской голос.

— А ты, охламон, не мешай! Ничего-то ему не жалко...

— И на кого похож твой нормальный человек? — поинтересовалась Эфра с ироническим прищуром.

— Он некрасивый. В темном переулке испугаешься.

— Мне без разницы.

Она, конечно, хотела сказать, что ее не интересует, кого там видел Стефан и какие впечатления вынес, но на самом деле — когда они с тем парнем встретятся, ей будет без разницы, как он выглядит. Не хотел ни слова о нем говорить, и зачем только сболтнул... Впрочем, эта встреча все равно состоится, от Стефана ровным счетом ничего

не зависит. Он вздохнул и сник, между тем у него за спиной Бранд с кем-то вежливо поздоровался.

— И кто опять нашему Дику фингал поставил? — любопытствовал обладатель низкого завораживающего голоса.

— Я, — сознался Бранд. — Пospорили сегодня утром... Уже помирились.

— Присматривай за ним получше.

Эфра обогнула Стефана, он повернулся вслед за ней.

Видимо, это и есть Валеас Мерсмон, один из лидирующих кандидатов в Весенние Властители, главный конкурент Келларда. Высокий, в дорогом университетском пальто с пелериной. Черты худощавой физиономии слишком резкие и жесткие, но длинные светлые волосы обманчиво смягчают настораживающее впечатление. Подчеркнуто штатская прическа — это, как и покрой пальто, должно импонировать тем, кто не желает засилья военщины, а среди избирателей, преодолевших социально-имущественный ценз, таких немало. Взгляд холодных голубых глаз... Нет, не тяжелый и не пронизывающий, но что-то вроде, Стефан затруднялся подобрать точное определение: словно сбивающий с ног удар шквалистого ветра. От такого человека непонятно чего ждать. Зато сестренки Бранда терлись около него с кошачьей грацией, едва ли не мурлыча под своими вуалями.

«Да точно ли у них там человеческие лица? — холодея, подумал Стефан. — Словно демонессы какие-то...»

Мерсмон негромко поинтересовался, кто он такой.

— Поэт с Сансельбы, — объяснил Бранд. — Принес эпиграммы, но они никуда не годятся. Это он был в сутробе около стадиона Зимних Утех. Парень со странностями, боится моих кузин... Эфра его знает.

— Стефан — мой поклонник, — глядя из-под полуопущенных пепельных ресниц, безразличным тоном произнесла Эфра.

Повинуясь знаку принципала, Бранд со своими кузинами исчез за дверью. С лестницы доносилось приглу-

шенное бормотание Лепатры, занятой любимым делом. Личинки с рожицами Келларда тарасились с плакатов на тех, кто остался в комнате.

— Я люблю Эфру, — упрямо заявил Стефан, морально готовый к тому, что его сейчас или побьют, или высмеют.

— Эфра, этот молодой человек тебе нужен? — небрежно кивнув в его сторону, как будто речь шла о платье или безделушке, осведомился Мерсмон.

— Нет, — с ожесточением ответила девушка. — Одни делают мерзости, другие изо всех силенок доказывают, что их можно понять и в этом якобы нет ничего плохого. Мне мог бы понравиться тот, кто убил бы их без разговоров, как Санитарная служба уничтожает всякую пакость. Если позволите, я пойду раздавать пирожки.

«Разве так общаются влюбленные? — подавленно подумал Стефан, когда она удалилась, на прощание присев перед претендентом в полуофициальном реверансе. — Это же не любовь, а какая-то непонятная игра, красивая и холодная, как их танец на льду...»

Сглотнув, он заговорил с поползновением на вызов:

— Я понял так, что Эфра — ваша невеста, а сами кавалера ей сватаете?

— У красивой респектабельной женщины должен быть кавалер, весенние традиции обязывают... Вас напугали эти лицедейки с Лаконоды?

Он промолчал, только принужденно усмехнулся. Теперь, когда «хищного кордебалета» в поле зрения не было, недавние страхи показались ему дурацкими — словно он тронутый, вроде Лепатры.

— Прекрасно, так и должно быть, — кивнул претендент. — Мы готовим большое театрализованное представление, и девочки будут изображать злых демонов. Входят в образ.

«По-моему, уже вошли».

— А сценаристы вам не нужны? — спросил Стефан вслух со слабой надеждой.

— У нас уже есть сценарий.

— Эпиграммы не получились, ваш помощник прав, это не мой жанр, но я мог бы предложить что-нибудь другое...

Он не успел взять заказчика в оборот. Послышались шаги, неплотно прикрытая дверь распахнулась.

— Вылечила имущество, — сообщила Лепатра с удовлетворенным усталым вздохом. — Сходите, сами поглядите!

— Зачем ты меня искала?

— Так я же тетя Клепа твоя... — сумасшедшая жалобно захлопала бесцветными ресницами. — В гости приехала... Не рад? Хотя ты, Вал, всегда был бессердечным охладомом, даже на материных похоронах не заплакал. Стоял, будто каменный, и ни слезинки. А теперь завел дружбу с ворюгами, которые твою матушку убили... — она печально покачала головой.

— Не с теми, — процедил ее собеседник. — Я общаюсь с другой группировкой.

— Они все одинаковые. Вал, что ты здесь делаешь? Ты же лесной колдун, таким, как ты, в Лесу лучше, чем в городе. Это я — городская ведьма, мне надобно, чтобы вокруг водилось побольше всяких разных рукотворных вещей, а ты, помню, говорил, что когда-нибудь построишь себе замок посреди дремучей чащобы и будешь там жить, как тебе хочется. Наверняка у тебя давно уже есть такой замок, так чего в нем не живешь?

— Самое интересное происходит в Танхале.

— Власти захотел, — грустно подытожила Лепатра. — Да ведь? А мать тебя предупреждала: берегись власти пуще беды! Умная была у тебя мать.

Стефан, молча слушавший их диалог, понимал одно: для «Вала» явление тети Клепы — скоропостижная политическая смерть. Другие кандидаты обеими руками ухватятся за тот факт, что у конкурента наличествует умалишенная родственница. Обрушат на него лавину фельетонов и карикатур, да еще психиатрической экспертизы потребуют — вдруг он сам тоже того? В два счета вышибут из игры. Выход один: ликвидировать и родную тетку,

и случайного свидетеля. На окнах жалюзи, с улицы никто не увидит... Стефан решил, пока они выясняют отношения, потихоньку ретироваться к двери — и обнаружил, что не может пошевелиться. Словно его трепещущую душу поместили внутрь деревянного истукана. Чертов претендент раньше его все просчитал... Он теперь может только слушать, смотреть и цепенеть от смертного ужаса.

— Вал, ты ведь уже понял, чего мне от тебя надобно? — помолчав, кротко спросила чокнутая.

— Понял.

— Вот и ладненько, а то не могу я сама, огня боюсь. Когда нож медленно пронзает сердце, оно тоже не сладко, но все не так больно. Я перед тем еще грибочков дурманных пожую... Забирай мою силу, владей на здоровье. Вот, глянь, я и ножик ритуальный для этого дела принесла.

Расстегнув пальто, она вытащила из-за пазухи небольшой сверток.

— У меня есть.

— Да кто ж усомнится... Ты небось уже совершал такие обряды, и вовсе не с согласия тех, чью силу выпивал до дна, по глазам твоим бессовестным вижу. Только ты уж тетку родную уважь, убей меня этим ножом. Мы с ним подружались, я обещала, как подойдет срок, угостить его своей кровушкой. Нехорошо бессловесную вещь обманывать.

— Хорошо, пусть будет этот.

— Дозволишь пирожок напоследок съесть? Они у тебя сдобные да румяные, с повидлом яблочным...

— Ешь, — разрешил Вал.

Колдунья подошла к одному из оставленных в комнате коробов, откинула крышку, запустила внутрь по локоть руку с грязными обломанными ногтями — видимо, чтобы вытащить из серединки пирожок потеплее.

Превратившийся в истукана Стефан смотрел отчаянными глазами на кандидата-убийцу. От гибели его отделяет совсем крохотный промежуток времени — наверное, меньше часа. Но ведь Лепатра пророчила другое, и нет здесь никакой стеклянной двери!

Полоумная колдунья уселась на стул, откусила от пирожка, с набитым ртом заговорила:

— Странные дела ты задумал, Вал. Все бы тебе вверх тормашками перевернуть да по-своему переиначить... Охламон ты как есть, вежливые слова говорить научился, а внутри все такой же, каким был пятьсот лет назад. И вот чего не уразумею: как ты ухитрился остаться молодым? Ты же молодильного зелья не пил, я бы почувствовала. От тех, кто этой радости хлебнул, за десять метров шибает молодильной магией, как от бочки с прокисшими яблоками. Значит, нашел что-то другое, ишь какой ловкий... А эти твои девочки в черных вуалях — разве они люди?

— Неужели заметно? — он усмехнулся, слегка приподняв светлую бровь.

— Я же старая городская ведьма, если что-то городу чужое — печенками чую. Понаехали тут серые кошки лесные, и никто не чешется... Нашел, кого в столицу позвать! Ох, натворите вы дел, и много хороших вещей будет зазря испорчено и поломано, и много людских слез прольется... Ты, Вал, тоже горя хлебнешь и слезы прольешь.

— Я? — презрительная интонация человека, услышавшего заведомую ерунду.

— Ты, ты... — Лепатра сочувственно вздохнула, прожевала кусок и продолжила: — Враги тебя плакать не заставят, да горе заставит. Заплачешь, когда принесут тебе труп — битый, страшный, в кровиче...

— Какой труп? — мрачно процедил Вал.

— Не знаю, — колдунья смотрела на него беспомощно и виновато. — Честно... Знала бы — сказала бы, чтобы ты, если сумеешь, избежал беды. Мои предвидения — они кусочками, словно картинку вдоль и поперек ножницами настригли. Иногда целая горстка кусочков, иногда только один. Бывает, самой интересно, что там до или после, но никак не могу разглядеть, сколько ни силюсь... Вот, еще один кусочек вижу. Девочка из магазина. Когда она к тебе придет, у тебя земля под ногами заколеблется.

— Из какого магазина? — тем же мрачным тоном уточнил ее собеседник.

— Ох, Вал, не ведаю, только это будет всем магазинам магазин! Больше одного этажа, вещей на полках полным-полно, видимо-невидимо, и все новенькие, счастливые, красиво разложены, и чего там только нет, вот бы мне по такому магазину погулять, с каждой вещицей поздороваться, все руками потрогать, и чтобы не прогоняли...

Она замолчала, пригорюнилась, потом запихнула в рот остатки пирожка.

Мерсмон повернулся к Стефану.

— Не хочешь умирать? А я, пожалуй, не хочу тебя убивать. Если меня сейчас обвинят в убийстве на почве ревности и заведут уголовное дело — репутация пропала. Положим, все равно ничего не докажут, но для келлардианцев эта история будет сущим подарком, поэтому давай оставим тебя в живых. Ты ведь не возражаешь?

Он издевался, но Стефану было все равно. Главное — жить. Кивнул бы в ответ, если бы мог пошевелиться. Между тем Лепатра вороватым движением выхватила из короба еще один пирожок.

— Я кое-что изыму у тебя из памяти, — колдун взял его жесткими пальцами за подбородок. — Эта противозаконная операция в твоих интересах. Если хочешь, можешь сопротивляться.

— Д-да... — выдавил Стефан, пошатнувшись.

Он снова мог разговаривать и двигаться, и ноги подкашивались от ужаса.

...Очнулся оттого, что били по щекам. Он сидел на стуле, а над ним стоял Валеас Мерсмон, претендент на Весенний престол, собственной персоной. Разброд в голове, дурнота, непонятное ощущение только что пережитой катастрофы.

— Вы когда в последний раз ели? — спросил политик.

— Не помню...

— У вас был голодный обморок. Поешьте хотя бы пирожков. Где-то здесь должны быть термосы с чаем...

Он открыл дверцу шкафчика, белую, под цвет стены, с криво наклепленным плакатом Санитарной службы. На плакате личинка-Келлард грызла мешок с крупой.

Стефану подумалось, что политическая сатира — инфантильный жанр, вроде школьных дразнилок. Потом вспомнил, что Эфра его отвергла. Сознание он потерял из-за только что пережитой личной трагедии, а вовсе не от голода!

Растягивать общение со счастливым соперником, который решил блеснуть благородством, нисколько не хотелось. Стефан умял четыре пирожка, выпил стакан горячего сладкого чая, сухо сказал «спасибо» и «до свидания».

На лестнице чуть не запнулся о Лепатру. Та сидела на ступеньках и тоже что-то жевала.

— Что вы здесь делаете? — удивился Стефан.

— Ем последний пирожок.

— Почему последний? Там еще много осталось...

Пожав плечами, он протиснулся мимо. Посреди лестничной площадки стоял новенький яркий глобус Земли Изначальной. Стефан давно о таком мечтал, но нельзя же хватать все, что под ноги подвернулось.

— Бери, бери, он ничей, — разрешила Лепатра. — На память обо мне.

Валеас Мерсмон остановился у нее за спиной и тоже сверху вниз смотрел на Стефана.

«Присвоил мою девушку и еще утаивался... Вот назло тебе возьму и спрашивать не буду!»

С глобусом под мышкой он вышел на улицу. Такое впечатление, словно ему приснился кошмар, но никаких подробностей в памяти не осталось — ничего, кроме неприятного осадка. А теперь еще битых два часа добираться пешком домой на Малозеркальную — сквозь пиковую толкучку и зимнюю слякоть, под свист ветра, пляшущего в кривых танхалийских переулках...

* * *

Летнее солнце льет свой горячий золотой мед на крыши Птичьего Стана, и хочется верить, что так будет всегда. Первый год осени — это, можно считать, все еще лето.

Стефану не хотелось прощаться с долгим летом, но разве кто-нибудь его спрашивает? Двенадцать лет назад ему и с Танхалой прощаться не хотелось, а все равно выселили в принудительном порядке, как и всех остальных. Мол, после Темной Весны людям там жить нельзя. Разве что побывать на экскурсии. Туристов с Земли Изначальной туда все лето возили — организованными группами, с гидами, под охраной. Под конец, когда Стефан начал получать хорошие гонорары, он несколько раз присоединялся, хотя и влетало в копеечку, хотя и бередила душу покинутая Танхала, похожая на странный слоистый сон.

Новая столица Долгой Земли занимала три полуострова — Касиду, Птичий Стан и Тяngu, плюс кусок внутренней территории, который раньше никак не назывался. У нее до сих пор не было имени. Столица — и все, и так понятно.

За короткое время пришлось построить громадное количество жилых домов, предприятий, складов, конторских зданий, неприятельных и похожих друг на дружку. Стефана это зрелище угнетало. Впрочем, его окруженный клумбами особнячок, в отличие от окрестных многоэтажек, все-таки обладал собственной физиономией.

А кроме того, по большому счету, его угнетало вовсе не это. Он чувствовал себя как опустевшая бутылка, из которой без остатка выцедили игристое вино.

Нечего было соглашаться.

Примерно два года назад (не по долгианскому, естественно, а по староземному счету) к нему пришла некая Виринея Одис из Комитета по нравственной реабилитации общества. Предложила написать сказку, пьесу, поэму — все что угодно, лишь бы о Темной Весне и в том ключе, какой желателен для Комитета.

Она хвалила его талантливые произведения, намекала

на могущественные силы, которые заинтересованы в определенной художественной интерпретации весенних событий, обещала достойную оплату — по-настоящему достойную, без дураков! А Стефан в ту пору перебивался кое-как, писал на заказ поздравительные и рекламные стишки. В общем, долго уговаривать не пришлось, он задал внутренним протест и сказал «да».

И было что-то еще... Какая-то болезненная психологическая проблема, и эта Вирина тактично предложила стопроцентную помощь, но тут Стефан затруднялся — и впрямь так было или ему теперь кажется.

Задавать лишние вопросы он остерегался. Борец за нравственную реабилитацию госпожа Одис внушала ему безотчетный страх. Суровая молодая амазонка с чеканными чертами красивого лица и вызывающей стрижкой под ноль, как у лесного пехотинца. Стефан ловил себя на том, что готов встать перед ней по стойке «смирно», словно перед сержантом в ополченческом лагере для подростков.

Брезжило смутное ощущение, будто он уже видел эту девушку раньше, когда жил в Танхале. Вестибюль дорогого ресторана? И она ссорится с какими-то парнями, а после выскакивает на залитую неоном улицу, накинув на плечи грязновато-белый полушубок? Возможно, правда, возможно, игра воображения. Он даже на полстолько не был уверен в реальности этого воспоминания. Как известно, в конце Темной Весны было применено магическое оружие массового поражения, и память каждого стала похожа на калейдоскоп, который долго трясли, так что выпавший в конечном счете узор может не иметь ничего общего с действительностью.

Как бы там ни было, пресловутую сказку по заказу Комитета Стефан сочинил.

Жила-была добрая волшебница, и родился у нее злой сын, тоже волшебник. Звали его Мерсмон. Страшен был его облик: лицо как у мертвеца, волосы косматые, пальцы скрюченные и когтистые, изо рта торчат клыки, как у саблезубой собаки. Разговаривая с людьми, он рычал от

злости и щелкал зубами, так что даже человек неробкого десятка его пугался.

Пуще всего хотелось ему власти, и вот он притворился честным и справедливым, обманом втерся в доверие к народу и стал Весенним Властителем Долгой Земли. Наступила кошмарная пора, негаром ее называли Темной Весной. Мерсмон еще раньше заключил тайный союз с кесу и нередко привозил их в столицу под видом молчаливых девушек в черных вуалях, чтобы они все разведали, запомнили и освоились. А как сделался верховным правителем — привел в Танхалу целую кесейскую армию, людскую же армию разоружил и разогнал, отдав недовольных на съедение серым разбойникам. Начал он всех притеснять и угнетать, неугодных казнил, а нарядный и светлый Весенний дворец приказал перекрасить в черный цвет изнутри и снаружи.

Ни люди, ни колдуны, ни Высшие ничего не могли сделать против Темного Властителя, потому что был у него Камень Власти, дающий своему обладателю великую силу, перстень с этим волшебным камнем он берег пуще зеницы ока.

Однажды встретил злой правитель Эфру Прекрасную — добрую и скромную девушку с острова Мархен — и влюбился без памяти. Не хотела она выходить замуж за Темного Властителя, но он все равно взял ее в жены, потому что никто не мог ему перечить. Вскоре после свадьбы совершил он еще одно чудовищное злодеяние: велел доставить во дворец всех парней с острова Мархен, которые раньше ухаживали за Эфрой, и отдал их на съедение кесу из своей темной гвардии. Несчастных пленников, напрасно умолявших о пощаде, растерзали на глазах у Эфры, а она стояла и смотрела, ни слова не проронила, и слезы, падавшие из ее правого глаза, превращались в алмазы, а из левого — в жемчужины.

Добрая красавица чахла в черном дворце, и никто из смельчаков не мог ее спасти, пока не пришел Залман-герой. Мать его, когда была в тягости, заблудилась в дрему-

чем Лесу и там, на поляне, родила, а сама умерла. Залмана вскормили и воспитали дикие звери, и не было ему равных в бою. Когда они с Эфрой грут грута увидели, вспыхнула в их сердцах настоящая любовь.

Пришел бесстрашный герой к Темному Властителю и вызвал его на поединок. Долго они сражались, наконец Залман могучим ударом меча разбил на куски Камень Власти в перстне у злого узурпатора. Рассвирепев, тот обезоружил его с помощью черного колдовства и приказал бросить в темницу, а на следующий день и его, и Эфру казнили. Да только недолго кровавый правитель радовался победе: без Камня Власти потерял он свою прежнюю силу. Восставший народ и добрые волшебники при поддержке Высших победили его, опутали несокрушимыми магическими цепями и заточили, плененного, в Кесуане, в горном замке, а его серых союзниц и приспешников-людей истребили.

После этого жителям пришлось покинуть Танхалу, отравленную злыми чарами, так как на много миль вокруг Мерсмоновой тюрьмы, от Кесуана до южной оконечности Коргеи, отныне распростерлись страшные гиблые земли.

Стефан написал на этот сюжет пьесу, несколько баллад, сценарий для фильма, поэму для взрослых и поэму для школьников. Все под контролем Комитета. Он, в общем-то, понимал, какие цели преследуют заказчики. Внутренне недовольным, что поголовное выселение из Танхалы было единственно разумным решением. Оправдать новый закон, предписывающий женщинам, которые по тем или иным причинам носят маски либо вуали, по первому требованию представителей власти открывать лицо — ради общественной безопасности, а то излишняя деликатность может привести к беде, прецедент уже был. И так далее.

Заплатили без обмана, очень достойно, и в придачу Стефан в одночасье стал мэтром, признанным на всех четырех архипелагах. Мало кто догадывался, как скверно у него на душе. Настигла-таки его погибель. Как будто его

об этом предупреждали, только он уже не помнил, кто и когда.

После этой идейно правильной сказки он больше не мог написать ничего *живого*. Пржнее мастерство никуда не делось, а некоего неуловимого мерцания не хватает. Словесное произведение либо *живет*, либо нет, причем с художественным уровнем это напрямую не связано: текст может быть с огрехами — но *живой* или, наоборот, безукоризненный с ремесленной точки зрения — и безжизненный, как тщательно выполненный раскрашенный муляж вместо настоящей виноградной кисти. Вот такие литературные муляжи и выходили из-под пера у Стефана в последнее время (с тех самых пор, как связался с Комитетом), и он ничего не мог с этим поделать.

Его ошибка заключалась не в том, что он подменил быль вымыслом, а в источнике этого вымысла. Он ведь собирался историю о тех же самых персонажах рассказать иначе, по-своему, со всеми запечатлевшимися в душе полутонами, загадками и контрапунктами.

«Нам этого не надо, — осадил его госпожа Одис, куратор от Комитета. — Мы готовы платить за социально полезное искусство, а не за вредоносную упадочническую дребедень».

И он капитулировал.

За террасой с раздвижными решетками (защита от медузников, те изредка залетают в город, хотя свет фонарей их отпугивает) простирался газон с бестолковой ярко-зеленой травой. Стрижка под ноль, как у госпожи куратора, зато никакая живность крупнее богомола не спрячется в таинственной путанице стеблей — нет там никакой путаницы.

«Все это ради нашей безопасности, — подумал Стефан, усаживаясь с чашкой чая в свое любимое плетеное кресло. — Комитет защищает наши умы и устои, чтобы не случилось второй Темной Весны... Но кто защитит нас от Комитета?»

Недавно построенные дома по ту сторону дороги осле-

пительно белели под полуденным солнцем, а выше облачный крокодил с разинутой пастью преследовал двух облачных улиток. Возле бортика, отделяющего тротуар от газона, остановилась ладная загорелая девушка в укороченных джинсах до колен и красной майке с неразличимым на расстоянии рисунком, она смотрела то ли на клумбы с анютиными глазками, то ли на Стефана.

Поклонница. Или начинающее дарование с тетрадкой стихов. Или представительница какой-нибудь молодежной организации, включившей в план своих мероприятий на ближайший месяц встречу с писателем. Вокруг Стефана теперь постоянно увивалась публика такого сорта. Выполнив заказ Комитета, он утратил некую безымянную волшебную субстанцию, ускользнувшую, как мерцающая вода сквозь пальцы, зато приобрел весомый социальный статус.

Заметив, что он тоже на нее смотрит, девушка помахала рукой и крикнула:

— Здравствуйте! Не угостите чаем, а то жарко?

— Заходите! — крикнул в ответ Стефан. — Крыльцо с той стороны!

Почему бы и нет?

Вблизи гостя оказалась симпатичной особой: широко расставленные глаза цвета темного шоколада смотрят озорно и улыбочиво, и в карманах обрезанных джинсов не припрятано никакой тетрадки.

— Недавно я прочитала ваш сборник «Морозные очи», — сообщила она, мягко ступая по устилающим коридор циновкам. — Я узнала эти стихи, я уже их слышала, в вашем собственном исполнении. В конце зимы, мне тогда было восемь лет, мы с вами однажды встретились в лавке подержанных вещей, которую хозяева забыли запереть на ночь. Не помните?

После финального сражения в конце Темной Весны и примененного тогда магического оружия прошлое Стефана стало похоже на вид из запотевшего окна: что-то есть, но что именно — с уверенностью не скажешь, одна-

ко эту встречу он помнил очень хорошо. Словно посреди затянутого туманом стекла остался незамутненный кружок, и за ним картинка — яркая, отчетливая, все детали как на ладони.

— Вы — девочка-убоище?!

— Надеюсь, что теперь уже нет, — она засмеялась. — По крайней мере не для всех. Меня зовут Сандра Янари.

У нее на майке сражались две полудевы-полумашины с огромными фасеточными глазами. На солнце картинка играла серебрящимися радужными переливами и становилась объемной.

— Сувенир с Изначальной?

— Угу. Я прожила там полтора года, побывала на Луне и на Марсе. И три с половиной раза побывала замужем, их кратковременные брачные контракты — это хоть стой, хоть падай.

Он налил ей холодного зеленого чая с мятой и лимонной цедрой.

— Я рад, что вы пережили Темную Весну.

— За это спасибо человеку, о котором вы написали сказку.

— Мерсмону?.. — Стефан невольно отшатнулся и понизил голос.

— При чем тут он? Я говорю о Залмане Ниртахо. Через некоторое время после того, как мы с вами познакомились, он пустил нас к себе жить. У него был большой двухэтажный дом в Картофельном переулке, места хватало всем. Я знала и Залмана, и Эфру. Они были совсем не такие, как вы их описали. Из Эфры вы сделали карамельную сказочную героиню, ничего общего с этой стервой.

— Не надо, — Стефан просительно стиснул обеими руками чашку. — Не говорите о ней плохо.

— Из-за нее пострадали два дорогих мне человека. Один погиб, другой сейчас находится в лечебнице для душевнобольных, так что я бы о ней еще не то сказала... Ладно, не буду. Вы ее, наверное, любили?

— Да, — он сцепил пальцы в замок, мучительно на-

хмурился. — Она не была доброй, но ее можно понять, хотя я сейчас уже не помню, в чем дело... Сандра, вы пьете коньяк?

— Не откажусь.

— Тогда подождите... Для такого разговора нужен не чай.

Ни одного лимона в доме не нашлось, он достал несколько апельсинов, нарезал ломтиками копченую колбасу. Ему давно хотелось с кем-нибудь поговорить на эту тему, но не с комитетчиками же, озабоченными пресловутой «нравственной реабилитацией», и не с почитателями, охваченными щенячьим восторгом. Сандра была собеседником в самый раз.

— У нас с Эфрой так и не было близких отношений. Она только один раз назначила мне свидание, но это закончилось плохо. Я не помню, что произошло. Помню только, что там была стеклянная дверь, и ощущение дикой паники — а больше ничего. Такое впечатление, что нас застукали и она убежала, а я не успел. Что-то скверное со мной случилось, и, наверное, хорошо, что я об этом забыл.

— Как минимум спустили с лестницы, — сочувственно кивнула Сандра. — Но вы остались живы и здоровы, и переживать теперь незачем.

Облачный крокодил над крышами жилого массива потерял верхнюю челюсть, а улиток так и не догнал. Стефан подлил еще коньяка и себе, и госте.

— Зря я пошел на то свидание. Меня предупреждали насчет стеклянной двери. Одна чокнутая колдунья, которая ходила по городу и лечила поломанные вещи. Видите, вон там, в стенной нише, стоит глобус? Ее подарок. Он валялся в куче мусора, а она превратила его в новый. Представьте себе лягушачье лицо, мешковатые шаровары с начесом, пальто с разными пуговицами — одна розовая, другая деревянная, третья блестящая... Ее зовут Лепатра. Вы ничего о ней не слышали? Жалко... Я бы написал о ней сказку, но вдруг ей не понравится, с колдуньями шутки плохи.

— А вы спросите у нее разрешения.

— Я уже давно ее не видел. Не знаю, куда она делась. Может, уехала на Сансельбу, или на Лаконоду, или на Магаран, а может, спятила окончательно и до сих пор живет в Танхале, прячется в заброшенных домах.

— О Мерсмоне вы все-таки написали сказку, да еще какую!

— Так он же в магических оковах...

Улыбка получилась немного бледная: у Стефана мелькнула мысль, что, вырвись Темный Властитель из своего узилища на волю, наверняка захочет разобраться с автором сказки.

— Вы хорошо помните Темную Весну?

— С пятого на десятое. Вас, Эфру и Лепатру я помню хорошо, кого-то похуже, что-то перепуталось, много размытых пятен... То же самое может сказать каждый.

— В вашей сказке много неточностей. Весенний дворец никогда не красили в черный цвет.

— Я опирался на фольклор — устные байки и песни, вы наверняка их слышали. Кстати, Эфра в этих опусах такая же, как в моей истории, народная молва превратила ее в добрую красавицу и заступницу.

— А Залмана зачем похоронили?

Теперь Сандра смотрела на него в упор.

— То есть как — зачем... — пробормотал Стефан в замешательстве.

— Он ведь не умер. Судя по всему, драка с Мерсмонном действительно имела место, но он остался жив. Его потом нашли в одной из камер кесуанского замка — в бинтах, в гипсе, с разбитым лицом, но казнь, о которой вы написали, так и не состоялась. Сейчас он в психиатрической лечебнице с амнезией.

— Сандра, сделайте поправку на законы жанра! Людям нужен доблестно погибший герой, а не пациент психлечебницы. Простите... Ваш знакомый послужил прототипом для литературного персонажа, и в этом нет ничего плохого, честное слово.

— Это была работа на заказ?

Вопрос застиг его врасплох. Следовало что-нибудь сказать, а он молчал.

Девушка понимающе кивнула, словно ответ был произнесен вслух.

— Чего вы добиваетесь? — вздохнул Стефан.

— Я просто хочу разобраться, что произошло на самом деле. Я ведь была еще маленькая, вокруг взрослые со своими тайнами, а я тогда не все могла понять и правильно объяснить. Как будто я жила внутри ребуса, который так и не разгадала, что-то в этом роде.

Теперь уже он понимающе кивнул, с грустью подумав:

«Ей бы мои проблемы... Я нарушил тот единственный запрет, который людям нашего цеха нарушать нельзя, и сам накликал свою погибель. Я потерял себя. Если постараться, этого никто не заметит, и теперь до самого конца придется притворяться, что со мной все в порядке».

Плывущий по небу крокодил распался на несколько частей, и уже было видно, что это улитки — точь-в-точь как те, которых он преследовал. В облачном зверинце больше не осталось хищников.

— Извините, если я вас чем-то задел. Люди нуждаются в красивых легендах, от этого никуда не денешься. Еще по рюмочке?.. Если не секрет, что за душевное расстройство у вашего друга?

— Я же говорила, амнезия.

— А у кого из нас не амнезия?

— У него не такая, как у других. Он все забыл. Вообще все. И это продолжается, он адекватный и не слабоумный, но не помнит, что с ним было месяц назад. Врачи пытаются хотя бы с этим что-то сделать, чтобы выписать его из больницы.

То ли коньяк ударил в голову, то ли отраженный новыми белыми постройками солнечный свет в силу какого-то природного фокуса стал нестерпимо слепящим, до режущего глаза сверкания, но Стефан зажмурился и оторопело потряс головой.

— То есть он все забыл?.. Постойте... Раньше вы ска-

зали, что один умер, а другой в лечебнице, или наоборот, потому что это первый должен все забыть, а второй — вернуться из Страны Мертвых... То есть кто-то у вас ушел, как говорят кесу, в Страну Мертвых?.. Сандра, пожалуйста, не молчите! Да или нет?

— Это был наш с Залманом друг. Он погиб тогда же, в конце Темной Весны. Подробности неизвестны, но без Эфры там явно не обошлось. По-моему, хватит вам пить.

— Подождите... — выговорил поэт заплетающимся языком. — Эт-то важно... Вот скажите, Сандра, вы могли бы, несмотря ни на что, остаться собой? Что бы ни творилось, что бы вам ни предлагали, как бы вас ни пытались подловить... Могли бы?

— Да разве я могу быть не собой, а кем-то другим?

Ее ответ почему-то вызвал у Стефана вспышку немотивированной бурной радости.

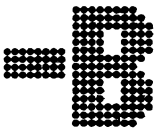
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Когда воротимся мы в Портленд,
Нас примет Родина в объятия.
Да только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда.

Булат Окуджава

се у нас будет, Машенька, — шептал Василий, обнимая подругу за плечи и склоняясь к ее уху. Девушка сидела на простом деревянном стуле в лаборатории, без энтузиазма разглядывая пляску зеленых кривых на маленьком экране осциллографа. — Синее море, белый пароход... Уедем в теплые страны, будем отдыхать целых полгода.

— Отчего только половину? — вздохнула Маша. Ее рыжие волосы рассыпались по плечам, от них пахло дорогими итальянскими духами. — Так все надоело, Звягин, если б ты знал! И устала я. От лицемерия, лжи. На работу — как на праздник, домой — как в тюрьму...

Василий скрипнул зубами.

— Потерпи немного. На полгода — потому, что мне работать надо, милая. Столько дел впереди. Но для начала — вернуться, приобрести нужные акции, ну и Диму твоего нейтрализовать, конечно... Акции — на первое время, потом с деньгами проблем не возникнет. А сейчас нам деньги понадобятся. Смокинг для Стокгольма и то купить не на что.

— Смокинг... Тебе есть нечего, — заметила Мария. — Я, кстати, ватрушек принесла. В пакете. Забыла совсем.

График работы Маши не отличался строгостью. Собственно, она приходила в институт, когда хотела, и уходила, когда ей было удобно.

— Спасибо, любимая. Ватрушки — хорошо. Главное, помни: скоро все будет по-другому!

Василий отошел от Маши, снял с гвоздя в стене пакет и достал сверток с ватрушками. Сдобный запах наполнил комнату. Есть хотелось очень сильно. Высокий, спортивного сложения ученый отличался хорошим аппетитом — который не всегда удавалось удовлетворить, особенно в последнее время.

— И без уголовщины, Звягин, — попросила девушка. — Знаю я тебя. Тихий, тихий, а потом как выдашь что-нибудь...

— Преступными методами можно решить проблему и здесь, — жуя, ответил Василий. — Только вероятность, что поймают, гораздо выше. Ни к чему мне кого-то убивать или калечить. Достаточно, чтобы он не встретил тебя.

— Не встретил меня, — эхом отозвалась подруга.

* * *

Ах, если бы и в самом деле год назад наивная и доверчивая Маша не встретила Дмитрия Маковского! Солидный мужчина на черном джипе всего-то спросил у девушки дорогу — но не поехал на важную встречу, а отменил ее ради новой знакомой. Эффектный жест... Маковский многое делал эффектно. Если бы он не вскружил бедной девушке голову, не очаровал красивыми речами, не внушил симпатии богатыми подарками — не вышла бы Маша замуж за мужчину двадцатью годами старше себя за два месяца до того, как появился в ее жизни молодой, красивый, обаятельный и такой умный и понимающий Василий. Поняла она, что поторопилась, да поздно — Дмитрий

Олегович отпускать жену не собирался, а повернуться и уйти от него не получалось.

Бизнес Маковского был не совсем легален, а точнее, совсем нелегален, и под его началом ходили матерые преступники. Узнай Дмитрий Олегович, что его жену обнимает симпатичный кандидат наук, — и... Что «и», наверняка сказать было сложно — Маковский отличался непредсказуемым характером, — но вариант физического устранения соперника, а заодно и изменницы исключать не следовало.

— Через три дня, — прожевав четвертую ватрушку, сказал Василий. — Если мне привезут нужные катушки и они не сгорят — через три дня.

В дверь постучали. Потом открыли ее. На пороге стоял муж Маши — среднего роста, несколько полноватый, с внимательными водянистыми глазками. Он широко, хотя и несколько глумливо улыбался. За его спиной маячил крупный мужчина — то ли телохранитель, то ли партнер по бизнесу. Вообще-то регулярно услугами охраны Дмитрий Олегович не пользовался, но часто разъезжал по городу с «группой силовой поддержки».

— Привет, Маковский, — девушка покраснела, хотя Василий стоял на безопасном расстоянии от нее и продолжал есть. У Маши была не очень хорошая привычка называть мужчин по фамилиям, но они, как правило, не обижались. — Ты чего стучишь?

— Вдруг помешаю? — осклабился Дмитрий. — Общий привет. Как жизнь, Василий?

— Спасибо, нормально. Здравствуйте.

— Ты, я слышал, что-то необычное придумал? Можно даже сказать, гениальное? Маша рассказывала, — пояснил Маковский, проходя в лабораторию и без приглашения усаживаясь на стул Звягина. — Мне даже интересно стало. Дай, думаю, загляну.

Звягин удивленно воззрился на незваного гостя. Они встречались с Маковским и прежде — Дмитрий Олегович договаривался с руководством института, чтобы его суп-

руге разрешили собирать здесь материалы для диссертации по философии. Тема касалась разработок на переднем крае точных наук, и лаборатория Звягина как нельзя лучше отвечала требованиям исследований. Руководство института после некоторой спонсорской поддержки без лишних возражений разрешило Маше работать, да еще и платило ей ставку лаборантки. Но, поспособствовав супруге в устройстве на работу, Маковский всего лишь пару раз за весь год заехал за ней в конце рабочего дня и никогда не вступал в разговоры с «подопытными кроликами» — так он, по словам Маши, называл ученых-физиков, с которыми она работала. Вообще научная деятельность собственной жены предпринимателя, похоже, веселила.

— Ну да, ну да, — прервал затянувшееся неловкое молчание Маковский. — Ты, Звягин, я так понял, машину времени сконструировал? И тебе на нее денег не хватает?

— Машина времени существует только в романах, — удивляясь высокопарности своего тона, заявил Звягин. — Я строю пространственно-временной преобразователь. Идея его проста и доступна. На самом деле удивительно, что никто не пришел к ней раньше.

— Да вы присаживайтесь, — обратился к супруге и ученому Маковский. — Ешь ватрушки, Звягин, не стесняйся. Вкусные? Маша ватрушки отлично печет. Хочешь, я Соловья за чаем пошлю? Или за чем-нибудь покрепче?

— Чайник здесь есть, — заявила Мария. — Я поставлю. А пить на рабочем месте нельзя.

— Ну и ладно. Ставь чайник. Так что же, Василий Петрович, расскажете мне о своей работе?

Звягина в первый момент поразило, что Маковский знает не только его имя, но и отчество — хотя вполне понятно, Маша вряд ли называла его дома Васей. С другой стороны — почему нет? Или Дмитрий уже приставил к нему частного сыщика? Тоже вероятный вариант.

— С какой целью интересуетесь?

— Чью, и поинтересоваться нельзя? — не слишком по-доброму усмехнулся Маковский. — Думаешь, если я тор-

гую, в других вещах не разбираюсь? Я, между прочим, политех закончил. Не бойся, идею не украду. А помочь вполне могу.

— Политех дает хорошее образование, — пробормотал Звягин. — Я спрашиваю потому, что Марию интересуют одни аспекты нашей работы, а вас могут интересовать совсем другие.

— Так и расскажи обо всех. Правда, я слышал, что современные открытия делаются институтами, а не талантливыми одиночками. Так?

— В целом — так. Только пространственно-временной преобразователь — устройство ненамного сложнее колеса или электрического генератора. Для его постройки нужен определенный уровень технологий, но принцип прост. Преобразователь едва ли сложнее обычного бытового телевизора или, скажем, механических часов.

— Да ну?

— Именно, — включилась в разговор Маша. — Основные великие изобретения человечества в области физики легко перечислить. Каменный топор, лодка, колесо, паровой двигатель, электрический генератор, увеличительное стекло, ракетный двигатель, атомный реактор. Восемь чудес, которые изменили нашу жизнь. Мы стоим на пороге девятого открытия — по сути такого же простого и всеобъемлющего. Во всяком случае, так утверждает Василий. Я не слишком сильна в тензорном исчислении и не понимаю выкладок Звягина. Но и древние не умели рассчитать момент инерции колеса — что не мешало им ездить на повозках.

Спутник Маковского — то ли по фамилии, то ли по прозвищу Соловей — продолжал топтаться на пороге. На лице его читалась скука. Видя, что о нем забыли, он робко кашлянул.

— Ты пойдешь в машину, Соловей, — предложил ему Дмитрий. — Мы тут сами разберемся.

Фраза Звягину не понравилась, но то, что мордovorот убрался, плохим признаком назвать было нельзя.

— Теперь Василию нужно всего лишь собрать действующую модель преобразователя, — продолжила Маша громче — закипающий электрический чайник сильно шумел. — Все расчеты он проделал, есть только некоторая нехватка в материалах. Ему нужны проводящие катушки разной мощности и подключение к подстанции — на сто киловатт мощности.

— Сто киловатт? — хмыкнул Маковский. — Приличная мощность. Впрочем, смотря для чего. В промышленных масштабах мелочи, вопрос легко решаем. Катушки, не иначе, хотите с золотыми проводами миллиметрового диаметра?

— Вы разбираетесь в физике, — хмыкнул Звягин, впервые почувствовав некоторую симпатию к мужу Маши. — Но вольфрам все же предпочтительнее. Сила тока может оказаться очень высокой.

— Что ж, оно и дешевле. Проволока такая продается?

— Конечно. На современных рынках можно найти что угодно.

— Действительно... Просто я не торгую вольфрамовой проволокой.

— Неудивительно. Кому, кроме меня, она в этом городе нужна?

— Занятно, занятно, — хмыкнул Маковский. — Ну, будем считать, что расчеты верны и машину вы соорудили. Что же сможет делать ваш преобразователь? Перемещать предметы в будущее?

— И в прошлое, — прищурившись, заявил Василий.

— А как же причинность?

— Континуум, — заявил Звягин. — Связность. События можно изменять. Сейчас. В будущем. И в прошлом. Просто люди еще не привыкли к тому, что могут влиять не только на настоящее и будущее, но и на прошлое. Однако это столь же обыденно, как звонить по телефону. Любой звонок, по сути, изменяет положение вещей в мире. И это никого не удивляет.

— Не любой, — ухмыльнулся Дмитрий Олегович. —

Моя первая жена могла сделать десять ничего не значащих звонков в течение часа. Хотя нет, на десять звонков ей нужно было часа три...

— Так и в прошлое можно попасть, ничего не меняя, — заявил Василий.

Маковский поднялся, подошел к осциллографу, постучал пальцем по экрану. Лицо его приняло брезгливое выражение.

— Не верю я тебе, Звягин, — сообщил он. — Помому, задурил ты моей жене голову, а теории твои на практике работать не будут. Перпетуум мобиле хочешь построить? Да что там вечный двигатель — эта штука покруче будет... Но давай будем следовать элементарной логике. Дам я тебе денег на золотые катушки...

— На вольфрамовые, — желая возразить хоть здесь, поправил Василий. Тон коммерсанта его возмутил, но он счел за лучшее не замечать оскорбления — в конце концов, рыльца у них с Машей были в пуху...

— Организую подключение к подстанции — вопрос, кстати, тоже приличных денег стоит, но, как я уже говорил, вполне решаемый, — продолжил Дмитрий. — А ты вернешься в прошлое и меня убьешь. За полгода до того, как мы вот сейчас с тобой разговариваем.

— Зачем же за полгода? — невпопад спросил Василий. — То есть зачем мне вас убивать?

Маковский с удивлением воззрился на него.

— Мы проводим мысленный эксперимент, Звягин. Я дал тебе денег, а ты меня шлепнул. Черная неблагодарность. Такое бывает в жизни, особенно когда имеешь дело с женщинами. Скажем, не ты киллеров нанял, а Мария. Она меня разлюбила в последнее время...

— Глупости говоришь, — сквозь зубы процедила Маша.

— Ладно, оставим лирику — кто-то захватил твою машину, вернулся и устранил меня. Каким же образом тогда ты получишь деньги на машину? Откуда она возьмется в будущем?

Василий тоже встал — чтобы Маковский не нависал

над ним, отыскал три чистые чашки — теперь, когда Маша работала здесь, чистые чашки в лаборатории перестали быть редкостью, — бросил в них пакеты с заваркой и залил кипятком.

— Противоречий нет, — сообщил он. — Тогда в будущем я не получу никаких денег и преобразователь не будет построен. Мировая линия изменится и станет другой.

— Ну, как это? — расхохотался Маковский. — А на чем ты прибыл в прошлое?

— Ни на чем. Аппарат переместит только меня. Сам он останется здесь. А появление одного человека в прошлом — не такое уж заметное явление. Люди появляются, люди исчезают — и никто этого не замечает. Даже сто человек прошлое не изменят. И тысяча. Но если все же изменят — на связность это не повлияет.

Коммерсанта, похоже, больше всего заинтересовал факт перемещения в пространственно-временном континууме без «машины времени». Он заинтересованно спросил:

— То есть, построив аппарат, ты исчезнешь из нашего мира? И все? С нашей точки зрения это будет выглядеть так?

В глазах Маши зажглись огоньки тревоги. Будучи философом, она рассматривала глобальные модели — и, поскольку Звягин говорил ей, что жизнь можно изменить, она в это верила. А представляла себе грядущие изменения так, что она засыпает в одной жизни, а просыпается совсем в другой. И нет рядом опостылевшего Маковского, а есть преуспевающий Звягин, влюбленный в нее нобелевский лауреат. Сейчас она взглянула на проблему под другим углом зрения, и увиденное ей не понравилось.

Василий на мгновение замялся.

— Мысленные эксперименты не помогут. Теория темпоральных преобразований гораздо непривычнее и сложнее для понимания, чем, скажем, теория относительности Эйнштейна. Как может быть, что два космических корабля, движущихся относительно нас со скоростью в

двести тысяч километров в секунду навстречу друг другу, сближаются со скоростью меньшей, чем триста тысяч километров в секунду? Просто так этого не понять, нужно считать. И уже расчеты дают нужный результат. В темпоральной физике тоже нужно просчитывать каждое изменение. Задействовать логику бесполезно, ибо логика — система представлений, работающая при линейном течении времени.

— То есть ты задействуешь мощность в несколько киловатт и мир изменится? — продолжал забавляться Маковский. — Возьмешь с собой атомную бомбу, взорвешь ее в прошлом, сотрешь с лица земли город — и мы все умрем, так и не поняв, что случилось?

— Скажите, а если я взорву эту бомбу прямо здесь и сейчас, вы поймете, что случилось? — спросил физик. — Разница лишь в моменте применения. Если мы имеем средство изменить мир, почти неважно, когда его задействовать. Любые преобразования, которые могут произойти с миром, локальны и ограничены во времени скоростью распространения света. Мы изменяем только пространственно-временной континуум в пределах радиуса событий. Вы знаете, что такое радиус событий?

— Примерно, — Маковский кивнул.

— И мир, когда мы воздействуем на него, изменяется не полностью. Любое воздействие распространяется всего лишь со скоростью света — в лучшем случае. А Вселенная огромна. Поэтому ничего удивительного во временных изменениях нет. Вас же не удивляет, что камень можно перетащить с места на место, дерево — пересадить, дом — снести, человека — убить? В случае действия темпорального преобразователя изменения происходят во времени. Никаких отличий.

Дмитрий Олегович вновь хмыкнул.

— Ладно, отойдем от философии — пусть Маша на досуге подумает, что к чему. Ей по работе положено. Мы — практики, верно?

— Да, — не стал спорить Звягин.

— И ты утверждаешь, что твоя машина времени не проникнет за тобой в пространство? — уточнил Маковский. — А только перебросит тебя? И сама останется здесь?

— Именно так.

— А как я тогда узнаю, удался ли эксперимент?

— Узнаете, — хитро усмехнулся Василий. — Или нет. Дуализм — неотъемлемое свойство континуума.

— Вот как? — осклабился Маковский. — Ну-ну. Я дам тебе денег, ученый. Сколько захочешь. Точнее, сколько надо на машину. Делай хоть золотые катушки. Они ведь здесь останутся. И точка подключения к подстанции мне пригодится. Супермаркет у вас на первом этаже открою. Или мастерскую какую-нибудь. Руководство института не прочь мне в аренду первый этаж отдать. Можно сказать, мечтает об этом.

* * *

Вечером в лабораторию привезли все, что нужно, и даже то, что было вовсе не нужно. Катушки, транзисторы, реле, синхронизаторы, мотки кабелей, новые компьютеры... Пользуясь случаем, Василий заказал материалы в двойном количестве. Маковский не жалел денег и оплачивал счета без разговоров. Подключение к подстанции обещали сделать на следующий день, к вечеру. Но электрики уже наметили, где пройдет высоковольтный кабель.

Когда начало темнеть, приехала Маша.

— Маковский меня отпустил, — сообщила она.

— Совсем? — Василий, потерявший связь с реальностью после того, как почти все преграды, мешающие его работе, устранились, словно по волшебству, продолжал верить в сказку.

— На вечер. Долго остаться не смогу, естественно. Помоему, он что-то заподозрил.

— Мне тоже так показалось.

— Может быть, он хочет тебя подставить? — спросила девушка.

— Я не подписывал ни одного документа.

— Иногда этого и не нужно. Ты же согласился взять материалы, деньги?

— Застрелить меня он мог, не оформляя это столь затейливо.

— Наверное, — вздохнула Маша. — Мне как-то не по себе...

— Мне тоже, — признался Звягин. — Дима оказался не таким негодяем, как я его представлял.

— Нет, он много хуже, — кладя руку на колено Василия, заявила девушка. — На него просто что-то нашло. Может быть, события будущего возмущают пространство настоящего?

У Марии имелась своя идеалистическая теория относительно темпоральных преобразований, которыми занимался Василий, которая никак не стыковалась с его результатами, о чем Звягин ей не раз говорил. Машу это не смущало — она была философом.

— Связность так не проявляется, — вздохнул Звягин. — Кстати, я, наверное, в первый раз не стану ничего изменять. Или стану... Аппарат-то я с собой возьму, но подключить его к источнику энергии будет затруднительно. Вот если бы заказать на деньги твоего Маковского портативный ядерный реактор, как на спутниках...

Маша нахмурилась.

— Смотрю, тебе понравилось чужие деньги тратить. А мне наша затея все больше не по душе.

— Диму жаль стало?

— Нет. Но как-то все неправильно получается.

— Все будет правильно и хорошо, не беспокойся. Маковского я не обижу. Лишь бы он нас не обидел.

— Поеду я домой. Пока, — Мария провела по щеке Василия пальцами, быстро повернулась и вышла из лаборатории.

Василий повернулся к стенду, на котором собирал ап-

парат, и начал бодро свинчивать катушки. В принципе, выдолбить первую лодку было сложнее, чем собрать темпоральный преобразователь. Трудозатрат это требовало больших, запчасти и инструменты взять было неоткуда. Да и никакого научного обоснования у древних строителей не имелось — закон Архимеда открыли спустя тысячи лет. Звягин же был уверен — его «лодка» поплывет.

* * *

На запуск темпорального преобразователя пришло всего лишь несколько коллег Звягина да Маша. Прессу не приглашали, независимых экспертов — тоже. Пробный старт, проверка работы всех узлов. Правда, Василий выставил шкалу времени на смещение в прошлое на год. Чтобы получилось так получилось.

По всем прикидкам, мировая линия жизни Василия в результате работы аппарата должна была измениться так, чтобы он занял бы свое место в прошлом — никаких двойников, никаких парадоксов. Расчеты показывали, что будет именно так, — хотя поверить в это было сложно. Картина выглядела заманчивой: повзрослевший на год он, проверенный в работе аппарат, счастливая Маша и никакого Маковского.

— Я вернусь. Мы все вернемся, — сбивчиво проговорил Звягин, занимая место в кресле преобразователя. — Запомните этот день, коллеги.

— Жми на газ, — предложил профессор Васнецов, добродушно улыбаясь. Он был уверен, что ничего из опыта Василия не выйдет, хотя ошибку в выкладках найти не мог.

— Прощай, Маша. На всякий случай — прощай, — сказал Звягин и активировал программу запуска преобразователя. Спустя секунду с пронзительным хлопком кресло ученого и часть аппаратуры исчезли.

Профессор Васнецов протер очки, протянул:

— Да... Ну и дела... Не ожидал!

— И что теперь? — спросила Маша. — Куда он делся?

В глазах девушки стояли слезы.

— Бороздит пространство и время, — ответил на ее вопрос вошедший в лабораторию Маковский. Он выглядел победителем. — Жаль, я не успел к отбытию. Насколько я понимаю, опыт не удался? В противном случае мы бы жили уже в другом мире?

— Может быть, мы в нем и живем? — подал голос Коля Петрейко, который остался без научного руководителя. — Только пока ничего не заметили?

— Маловероятно, — покачал головой Маковский. — Великий изобретатель Звягин отбыл в неведомые края, а мы остались здесь. Увы. Ну, ничего, коллеги разберутся. Маша, пойдем?

— Куда? — тихо спросила девушка.

— Домой. Или ты хочешь ждать возвращения Звягина? Он сейчас вне времени, и если не вернулся сразу, пусть и постаревшим на годы, то вряд ли вернется позже. Финита.

Супруги вышли в коридор. Маша некоторое время сдерживалась, потом разрыдалась и бросила:

— Ты знал!

— Что знал? — спросил Дмитрий Олегович.

— Что все так выйдет!

— А как вышло? Мы остались с тобой и сохраним нашу счастливую семейную жизнь на долгие годы, а твой друг отбыл в лучшие миры. Надеюсь, с ним все будет прекрасно. Но это — предмет трансцендентный, мы никогда не сможем выяснить, как поживает Василий, нашел ли свое счастье. Главное, меня он моего не лишил. И цена вопроса оказалась на удивление низкой.

— Ты внес какие-то изменения в конструкцию аппарата? — Маша внутренне похолодела.

— О чем ты, рыбка? Понятия не имею, какие катушки и зачем он громоздил. Физику я изучал давно, о темпоральных преобразованиях слышал только три дня назад. Я всего лишь дал твоему Звягину денег, чтобы он оставил тебя в покое. Подключил его аппарат к источнику энер-

гии. Каждый получил, что хотел. Звягин — возможность проверить свои теории, пронзить пространство и время. Я — мир в семье. Ты ведь была к нему равнодушна? Не спорь, я знаю. Но вот теперь я здесь, а его нет. И ты будешь счастлива. Будешь, поверь.

Маша продолжала плакать.

— Поедем на Мальдивы, — продолжил Маковский. — Там — вечное лето, океан. Тебе и правда нужно отдохнуть. Если разобраться — зачем тебе эта диссертация?

* * *

Цвет стен в лаборатории изменился, некоторые предметы прыгнули на другие места, а некоторые возникли там, где их не было. Аппарат же стоял на месте как влитой — пространственный синхронизатор работал великолепно, вся техника, которую Звягин захватил с собой, опиралась не на тот преобразователь, что остался в точке старта, а на бетонную основу. Людей в лаборатории не оказалось. Еще бы — Василий переместился в момент времени, соответствующий глубокой ночи, как и было задумано. Правда, лампы дневного света почему-то горели.

— Получилось! — прошептал Звягин. — Получилось.

В этих двух «получилось» было все: утверждение «я велик», твердая надежда на Нобелевскую премию, возглас «мы богаты!», восторг первооткрывателя. Он действительно переместился! Преобразователь работал!

Немного смуцало то, что салатového цвета стен лаборатории Василий совершенно не помнил. Здесь не красили стены уже лет пять. Он что-то перепутал? Смещение во времени привело его в будущее? Достаточно было не учесть один знак, заменить «плюс» на «минус», что при обработке тензоров случается довольно часто, и система сработала бы в обратную сторону. Неужели он ошибся? Управляя лодкой, совсем несложно заблудиться. Если он сам сравнивал темпоральный преобразователь с лодкой

или колесницей, может ли быть, что он проложил неверный курс?

И еще одно — аппарат. Звягин вдруг понял, что вместе с ним переместилось не только кресло резервного темпорального преобразователя, не только запасное оборудование, но и тот аппарат, который осуществлял преобразование. Или он находился здесь, когда осуществился перенос? В случае перемещения в будущее аппарат, естественно, имел все шансы тоже переместиться туда — своим ходом, в естественном потоке времени.

Поднявшись из кресла, Василий подошел к полке с книгами. Знакомые издания, ни одного нового. Выглянул в окно и вздрогнул: площадка перед институтом ярко освещалась огнями вывески, разглядеть которую сверху он не мог. Ясно было одно: на первом этаже теперь располагался магазин. Что говорил Маковский о точке подключения к высоковольтной линии? Собирался открыть в случае неудачи Василия супермаркет? Не он ли это?

Ключи, паспорт, деньги — все осталось в карманах. Паспорт должен был пригодиться в любом случае, и в прошлом, и в будущем. Выдан документ больше пяти лет назад. Если возникнут какие-то недоразумения — чем паспорт стал хуже, что объективно постарел на год? Или помолодел? Разве что в него не проставили какие-то отметки — но это уже мелочи...

С замиранием сердца Звягин подошел к двери. Она была заперта. Ключ подошел.

Темный коридор, темная лестница, неработающий лифт. Вахтер Юрий Яковлевич к появлению Василия отнесся спокойно. Многие в институте работали по ночам. Юрий Яковлевич только глаза от газеты поднял, посмотрел, кто спускается, — и вернулся к чтению.

— Доброй ночи! — пожелал Звягин.

— До свидания, Василий Петрович, — отозвался вахтер.

Вход в супермаркет располагался в двадцати шагах от входа в институт. Большая стоянка для автомобилей на

месте пустыря, двери на фотоэлементах, круглосуточный режим работы. Значит, все-таки будущее? Мимо скучающего охранника и полусонной продавщицы Василий прошел к полкам, взял пакет молока. Продукт был произведен спустя две недели после первой активации темпорального преобразователя. Невероятно! Еще несколько товаров подтвердили, что он сместился в будущее, а не в прошлое, и не так далеко, как предполагал.

— Все равно хорошо, — радостно сообщил полкам с продуктами Василий. — По крайней мере, эта штука работает. А я нашелся! Скоро найдусь. Маша, наверное, сильно переживает.

В супермаркете он купил бутылку шампанского и открыл ее, выйдя на улицу. Пену стряхнул на фундамент института физики, отхлебнул из горлышка и зашагал к стоянке такси. Воздух пах тополиными почками и свежей травой.

Водитель старенького автомобиля не вполне четко определяющейся марки попросил за подвоз сто рублей. По ночному времени — совсем немного. Хотя ночь заканчивалась — наступал рассвет.

* * *

Звонить или посылать сообщения Маше было глупо и даже опасно. Поэтому Звягин просто подъехал к ее дому, присел на скамейку в сквере и, прихлебывая остатки шампанского, принялся ждать. В семь утра из подъезда появился Маковский — наверное, и правда много работает, если вынужден вставать в такое время. Сев в приехавший десятью минутами ранее джип, он укатил в неизвестном направлении. Но подниматься Василий все равно не хотел, да и магнитного ключа от подъезда у него, понятное дело, не было. Поэтому он достал телефон, набрал номер Маши.

Голос девушки был сонным и недовольным.

— Привет, это я, — сказал Василий. — Соскучилась?

— Что? — голос девушки звучал испуганно.

— Выйди во двор.

— Зачем?

— Потому что я не хочу заходить к тебе в квартиру. Да и ты всегда была против.

Не отвечая, Маша положила трубку. Не было ее довольно долго. Наконец рыжеволосая красавица в черном сарафане вышла из подъезда и начала озабоченно оглядываться по сторонам. Василия она словно и не замечала.

Тот поднялся навстречу девушке, подошел, широко улыбнулся и сказал:

— Привет!

Маша воззрилась на него с удивлением.

— Здравствуйте. А вы, собственно, кто?

Голос девушки был таким родным — и в то же время интонации казались совершенно чужими. Пахло от Маши все теми же итальянскими духами. Звягин опешил.

— Ты, наверное, волновалась? Извини.

— Это вы сейчас звонили? — спросила Мария.

— «Вы»? — еще больше удивился Василий. — Ты что, Маша? Что случилось?

— Извините, я не могу вас узнать, — тон девушки стал приобретать раздраженные нотки, лицо исказилось. — Потрудитесь представиться.

— Звягин. Василий Звягин.

— Мне это ничего не говорит, извините. Откуда у вас мой номер? Что вы хотели?

— Если ты не знаешь — зачем вышла на улицу?

— Ошиблась. Мне показалось, звонит другой человек. — Девушка осеклась. — Ты от Маковского, парень? Проверяешь меня?

— Нет, Маша, я не от Маковского. Что за шутки? Скажи лучше, какое сегодня число. Я у таксиста постеснялся спрашивать.

— Вы идиот? — процедила Маша. — Убирайтесь отсюда, или я вызову охрану.

Она бегом вернулась в подъезд и захлопнула за собой

дверь. Василий пребывал в полной прострации. Что же получается? Маша его не знает? Он все-таки попал в прошлое, где девушка уже вышла замуж за Маковского, но еще не знает его?

А срок годности на товарах? Наверное, он что-то перепутал... А появившийся в здании института магазин?

Или за Машей следят? Или она за что-то обижена на него и не хочет узнавать? Может быть, в мире произошли какие-то изменения, о которых он не знает? Может, он сам их сделает — несколько позже по личному, субъективному времени? А сейчас столкнулся с последствиями?

Домой. Надо отдохнуть, разобраться, что к чему. Может быть, все совсем не так плохо.

* * *

Шампанское, такси... На радостях Звягин на время забыл, что еще не получил Нобелевскую премию. Да и выгадать какие-то деньги на разнице курсов акций, скорее всего, не удастся — что-то в мире шло не так. Чтобы играть по новым законам, нужно знать их. А его теоретические построения хотя пока и не рушились, отчетливую картинку дать не могли. Поэтому в целях экономии Василий решил идти домой пешком. Каких-то три километра. По дороге можно поразмыслить.

Жить в изменчивом мире оказалось вовсе не так комфортно, как в мире статичном, где никто не мог отправиться в прошлое и будущее и вытворять там все, что угодно. Как получилась, что его любовь, мечта всей его жизни, рыжеволосая красавица Маша его не знает и знать не хочет? Не испортил ли он своим утренним визитом к ней дальнейшее развитие их отношений? Может быть, Маша явится в институт сегодня? А он пропустит этот момент и их жизнь пойдет совсем по-другому? Это еще полбеды, можно выскочить в момент времени еще за полгода до сегодняшнего дня — и уж тогда все будет от-

лично... Но супермаркет! Откуда на первом этаже института супермаркет?!

После шампанского захотелось есть. Василий решил купить в гастрономе колбасы и хлеба, и ноги сами понесли его к магазину «Три семерки», расположенному на первом этаже кирпичной девятиэтажки в двух кварталах от его дома.

Магазина на месте не оказалось!

Звягин протер глаза, осмотрелся по сторонам. Дом — тот самый. Киоск с газетами — в наличии. А магазина нет. И, похоже, никогда не было. На первом этаже — самые обычные квартиры!

Но этого ведь не может быть! Да, «Три семерки» оборудовали на месте нескольких квартир — но это было лет семь, а то и десять назад. Выходит, его занесло в прошлое гораздо дальше, чем он рассчитывал? Но Мама — она ведь не была здесь девочкой! Сестра? В квартире Маковского? Нет, ерунда, ерунда! И магазин в институте... Впору вводить термин «торговый парадокс» — магазин, существующий уже семь лет, исчез, а супермаркет, которого не было, появился. Взаимоисключающие в линии прошлое — будущее события! Или он выпил слишком много шампанского натошак?

Девятиэтажка Звягина выглядела как и прежде. Кодовый замок подъезда открылся, когда Василий нажал на кнопки «2», «5» и «6», — код ему нравился, два в восьмой степени — легко запомнить. Ключ к двери в квартиру подошел. Ну, хоть замки за время его отсутствия не сменили.

Захлопнув дверь, Василий снял пиджак, бросил его на стул и услышал в глубине квартиры шорох. По спине пробежал холодок. Воров Звягин не боялся — красть у него было особенно нечего. Прочие злоумышленники тоже вряд ли захотели ему повредить. Да и шорох был хозяйский, не робкий и не случайный. Выходит...

Василий почувствовал, что волосы у него на голове шевелятся. Вот сейчас он сам выйдет навстречу самому себе. Иррациональный страх терзал его. Значит, он все-

таки попал в будущее? Ибо в прошлом таких событий не происходило! Но и сам он недавно объяснял Маковскому, что темпоральная физика полна сюрпризов — логика здесь уместна только в сочетании с математикой. Мировые линии нужно просчитывать, а не угадывать, нелогичное на первый взгляд может оказаться единственно правильным.

И все же встреча со Звягиным из прошлого или из будущего страшила, хотя глупо бояться себя самого. Напротив, у себя можно спросить что угодно, вдвоем удастся решить любую проблему. Или подобное интеллектуальное усиление ничего не даст? Ведь мысли его теперешнего и его будущего в какой-то степени будут повторяться! Или все же нет?..

Вопросы Василия остались без ответа. Из спальни вышла молодая полная женщина в короткой, гораздо выше колен ночной рубашке. Выглядела она мило, хотя красавицей ее назвать было нельзя. Светло-русые, слегка волнистые волосы до плеч, несколько веснушек, аккуратный носик, голубые, немного прищуренные после сна глаза.

— Вася, — радостно улыбнулась девушка. — Что же ты не позвонил, поросенок?

Звягин не нашелся что ответить. Женщина подошла вплотную и прижалась к нему. Это было приятно, но неожиданно. Тем более что имени незнакомки, по-хозяйски расположившейся в его квартире, Василий не знал. От вопросов он старательно воздерживался, хотя на языке их вертелось очень много.

— Получилось? — спросила женщина, недвусмысленно подталкивая его в сторону спальни.

— Да, — признался Василий.

— Здорово! — воскликнула незнакомка. — Далеко забрел?

— И сам не знаю, — совершенно честно ответил Звягин, мучительно размышляя над тем, как узнать имя девушки и выяснить, что она здесь делает. Впрочем, чтобы

ответить на последний вопрос, тензорных преобразований проводить было не нужно — хватало простой логики.

— Почему ты меня не обнимешь? Я соскучилась! — женщина попалась настойчивая.

Звягину не оставалось ничего другого, как обнять ее. В конце концов, он не мог не одобрить свой собственный выбор...

* * *

К вечеру Звягину удалось выяснить довольно много — например, он узнал, что женат и что жену его зовут Лена, а на календаре — двадцать восьмое мая. Год был все тот же — ни на год в прошлое, ни на год в будущее он не сместился. Но целостная картина мира так и не сложилась.

По всей видимости, он попал в недалекое альтернативное прошлое. Причиной этого могла стать комплексная составляющая, которой он пренебрегал в вычислениях, полагая, что комплексная мировая линия в природе не реализуется. Но, похоже, зря... Темпоральный преобразователь не только мог перемещать предметы во времени и пространстве, но и служил окном в параллельный мир. Или множество миров? Сколько линий вероятностей открывала комплексная функция? Две? Четыре?..

Над этим Василий размышлял весь день. Ел суп, приготовленный Леной, и думал. Слушал бубнеж телевизора в гостиной — и думал. Жевал макароны по-флотски — и снова размышлял. Причем не только о том, как сказывается на его теории наличие параллельных веток времени и пространства, куда и откуда они ведут, но и о том, где, в каких условиях лучше решать эту проблему.

Можно было остаться здесь — регулярное питание, ласковая жена... Но здесь его не знала и не любила Маша и, как ни крути, он занимал чужое место. Вернется из странствий во времени Василий из «комплексного» мира, рывкнет: а что ты здесь делаешь? И ведь правда, этот мир — не его, здесь он чужой.

А может быть, Василий отсюда сейчас обнимает Машу

в его мире? Есть ли разница? Он это или не он? Ревновать к своему двойнику из параллельного мира — не все ли равно что ревновать к себе вчерашнему или завтрашнему? Пожалуй, так. Но все равно как-то не по себе. Логика и привычки, будь они неладны. Если просчитать мировые линии Звягина-один и Звягина-два, наверняка оказалось бы, что в некотором смысле это один и тот же человек. Во всяком случае, Звягины из параллельных миров отличаются не более, чем Звягины образца прошлого и будущего года.

Утешало то, что вернуться можно было в любой момент. Благодаря щедрости Маковского Василий получил два комплекта оборудования и один взял с собой «в прошлое». Резонная предосторожность, если учесть, что сам преобразователь остался в точке старта, генерируя нужное поле. Достаточно подключить аппарат к источнику питания, и возврат гарантирован. Но теперь и переподключаться было не нужно. Ведь в лаборатории, куда он прибыл, уже имелся аппарат — точно такой же, как у него, и это имело четкое объяснение.

Ведь если Звягин из этого мира отправился в путешествие во времени, он, вполне естественно, оставил аппаратуру здесь. Значит, резервное оборудование бросать не придется! Славно, очень славно... Вполне возможно, что действия двух Звягиных вообще синхронны. Он отправился в этот мир, здешний Звягин — в его. Хотя вряд ли. Не мог же второй Звягин сразу же пойти к Маше, если банально не был с ней знаком?..

Нет, нужно инвертировать задаваемую компьютером программу тепморального перемещения и возвращаться домой. Нобелевская премия Звягину гарантирована в любом случае. А там и Маковский не помеха. Маша будет его — во что бы то ни стало.

К вечеру Василий собрался в институт. Пару раз в разговоре с нынешней женой Леной он прокололся, не смог ответить на самые элементарные вопросы. Жена из другого мира теперь посматривала на него с подозрением.

А коллеги? С ними тоже будет нелегко общаться. Домой, только домой... Тем более что, хотя Лена была очень мила и старалась быть любящей женой и хорошей хозяйкой, готовила она просто ужасно...

* * *

Вечером в лаборатории вновь никого не оказалось, что обрадовало Василия — лишние разговоры совершенно ни к чему. Он имеет беспрепятственный доступ к рабочему месту, у него под рукой темпоральный преобразователь, и даже не один, энергии хватает — так чего еще надо?

Звягин достал из ящика письменного стола свои рукописи и углубился в их изучение. Если здесь действительно другой мир, другому Василию Звягину могли прийти в голову интересные мысли, с которыми полезно будет ознакомиться. Если нет и отличия этого мира порождены изменениями пространственно-временного континуума, он изучает собственные расчеты — но это тоже полезно. Может быть, удастся найти ошибку, понять, что же все-таки произошло, отчего он не переместился на год в прошлое, как планировал.

Расчеты ничего не давали. Схемы казались верными, преобразования были четко выверены, оборудование в тестовом режиме работало отлично — словом, было совершенно неясно, отчего преобразователь переместил его не туда, куда планировалось.

Ночные часы пролетали незаметно. За полночь телефон в лаборатории начал звонить. Василий не брал трубку, но почему-то был твердо уверен, что звонит неожиданно обретенная жена. И факт этот возмущал его до глубины души. Надо же, можно сказать, только познакомились, а она уже требует, чтобы он являлся домой вовремя! Нет, так дело не пойдет...

— Инверсия спасет положение, — прошептал Звягин. — Я здесь ничего не терял, а если моя мировая линия мешает вернуться назад Василию из этого времени —

вдвойне нехорошо. Он-то, наверное, к жене стремится. А я хочу к Маше...

Вспомнив о своем возможном двойнике, Звягин похолодел. Он сообразил, что, если Василий Звягин из этого времени или из этого мира отправился в путь в том же пространственно-временном континууме, что и он, — а такое развитие событий наверняка имело место, — то их мировые линии могли интерферировать. В результате интерференции точки входа-выхода в континуум могли оказаться совсем другими. Хорошо еще, что его не выкинуло в другие пространственные координаты! Оказаться посреди океана, в джунглях, над пропастью, а то и где-нибудь в космосе было бы, пожалуй, похуже, чем ошибиться на неделю-другую во времени. Процесс интерференции еще нужно было изучить и просчитать.

— Будет вам работа, будет, — шептал Василий, вспоминая коллег-физиков. — Мы еще такого наворотим... Можно сказать, что я изобрел колесо — и сколько автопромышленников разбогатеют на моем открытии!

Широта открывающихся перспектив манила, кружила голову, заставляла сердце биться чаще. Новый мир. Новая реальность. Новые условия жизни. И начало всему этому положил он.

Неужели одному человеку и впрямь под силу изменить мировую историю? Повернуть жизнь людей на путь, который позволит им выбирать — в самом широком смысле этого слова? И пусть у него пока не все получается. Вряд ли первая лодка поплыла сразу так, как нужно...

Звягин ввел в компьютер инвертированную программу и нажал на клавишу пуска. Свет померк. Аппарат встряхнуло. В воздухе запахло гарью.

* * *

Когда глаза привыкли к темноте, Звягин увидел, что по-прежнему находится в лаборатории. Но как она выглядела! Разбитая мебель, лужи на полу, искореженная аппа-

ратура... Посреди погнутых конструкций возвышались лишь блоки резервного преобразователя, которые он захватил с собой в путешествие и которыми ему пока не пришлось воспользоваться.

Что же произошло? Пожар из-за недоброкачественной катушки? Пространственный сдвиг из-за рассинхронизации? Или все прозаичнее и аппаратура просто кем-то уничтожена?

Василий подошел к выключателю, зажег свет — как ни странно, лампы загорелись — и увидел, что больше всего пострадал стол. Тетради с расчетами сгорели, доски были изломаны. По станине темпорального преобразователя, похоже, лупили кувалдой, причем слабо представляя, зачем это делают. Нет, пространственный сдвиг здесь ни при чем — аппарат разрушали люди. Причем делали это так, как первобытные люди разрушали бы лодку: пробили дыры в нескольких местах, выше и ниже ватерлинии, сделали зарубки на бортах, а потом опалили, тогда как достаточно было проделать одну большую дыру в днище.

Электрощит высокого напряжения сохранился — только кабель, ведущий к преобразователю, изрубили в куски. Звягин порадовался собственной предусмотрительности — резервный аппарат имел собственный кабель, причем достаточно длинный.

Открывать дверь ключом не пришлось — она болталась на одной петле, замок был выворочен с корнем. Такое развитие событий в настоящем, прошлом или будущем нравилось Звягину все меньше. Он подошел к окну, выглянул. Темно. Супермаркета не видно... Значит, он вернулся домой?

Крадучись, Василий прошел не к главной, а к пожарной лестнице, начал спускаться... И на площадке между третьим и четвертым этажом едва не столкнулся с человеком, который стоял в темном углу и курил. Или поджидал кого-то.

Бежать было поздно — и Василий сделал вид, что во-

все и не крадется к выходу, а идет по своим делам, но человек его окликнул:

— Эй, Звягин! Ты, я вижу, совсем страх потерял?

Несмотря на грозный смысл высказывания, мужчина широко улыбался, и физик узнал его — это же Виталий Усанов, его товарищ еще с университетских времен! Сейчас, правда, они совсем мало общались, Виталий даже работал вроде бы в соседнем здании — но вот, курит среди ночи в институте.

— Привет, Виталий! А ты что так поздно?

— Отчего же мне не задержаться? Работаю. Ты лучше расскажи, что за скандал сегодня вышел?

Вопрос был очень интересным, и Звягин сам хотел бы получить на него ответ. Тем более что его это касалось напрямую.

— А сам ты что слышал? — спросил Василий.

— То, что ты сбежал с молодой женой какого-то бандита-богатея, — хмыкнул Усанов. — И он приезжал на разборки. Всю твою лабораторию разнес.

Звягин сперва даже не стал задумываться о «разборках». Его занимал вопрос: может ли такое быть? Если он и в самом деле сбежал с Машей — как ему это удалось? В будущем? Ему только предстоит сбежать? И зачем он потащил любимую женщину в неизведанное?

Или он опять не дома, а в чужой временной ветке, в мире, порожденном действием преобразователя? Усанов, работающий в их институте программистом, своим присутствием говорил в пользу этой версии...

Но и Маковского сбрасывать со счетов не стоило. Для него нет разницы, этот или другой Звягин сбежал с его женой — поэтому ухо нужно держать востро. Василий придал лицу удивленное выражение — ему показалось важным сделать вид, что информация для него новая, а сильно стараться для этого не пришлось — и спросил:

— А охрана? Милиция? Сотрудники, в конце концов? Ему что же, позволили крушить аппаратуру?

— Долго ли умеючи? — спросил Усанов. — Они ведь не заявляли на входе, что собираются разрушить твой аппарат и заодно убить тебя. Бандитам, в отличие от честных граждан, и комендантский час не помеха.

Действительно... Вахтер задержит честных граждан, а настоящих бандитов не остановит. Тут как с продажей оружия. Преступник, когда ему понадобится, ствол достанет, а честный человек всегда останется безоружен.

— И что, поймали меня? — спросил Звягин, через силу улыбаясь.

Сигарета выпала из рук Виталия, лицо вытянулось.

— Так у тебя все же получилось?

Ага, университетский приятель в курсе его работок. Ну, секрета, конечно, не было, но Василий не помнил, чтобы товарищ прежде интересовался его работой. Усанов из его времени занимался только программированием, от теоретической и экспериментальной физики давно отошел.

— Получилось, — признался Василий. — Я не уверен, попал ли туда, куда надо.

Виталий протянул руку и пощупал рукав пиджака Звягина.

— Надо же, — тихо прошептал он. — Из другого мира. Вот так встреча, друг!

— Все-таки другой мир? — сердце Звягина замерло. — Почему ты так полагаешь?

— Разные моды колебаний пространственных объектов. Степени свободы предметов. Комплексные функции, — бойко начал перечислять Усанов. — Почти невозможно попасть туда, куда планировал. А в твоём мире что же, не вычислили всего этого?

— Вычислили?! Да я сам занимался всеми расчетами! И аппарат строил сам. Спасибо, что директор хотя бы не запрещал.

— У нас-то ты тоже строил все сам. Однако тебе помо-

гали. А ты прихватил девушку — Машу, кажется — да и ходу отсюда! Я бы тоже свалил, откровенно говоря, но ты другу не предложил.

Василий был ошарашен. Выходит, его занесло туда, где он получил признание, хотя бы частичное? Но все равно в этом мире что-то не так! А казалось, если убедить окружающих в своей правоте, в гениальности своих догадок — никаких преград не останется. Но нет, другой Звягин почему-то сбежал отсюда...

— А что... Зачем бежать? Здесь так плохо?

— Хорошо там, где нас нет, — загадочно усмехнулся в густые усы Виталий. — Ладно, Звягин, мне работать надо. Удачи тебе. Только помни — Мак не будет замораживать ся, ты его жену увез или не ты. Пристрелит, и вся недолга.

— Мак?

— Ну да. Бандит этот. А ты что, незнаком с ним?

— Если он и предприниматель Маковский — одно и то же лицо, то знаком.

— Фамилия его мне неизвестна, но похоже, что так.

— Мне он денег давал. На аппарат. Спонсорская помощь, так сказать.

— Не знаю, кто кому и чего давал. Если ты ему еще и денег должен — совсем нехорошо. Эх, Василий, предложил бы я тебе у себя перекантоваться, да семья, и голову под пулю подставлять совсем не хочется. А домой ты не ходи. Ни к чему.

— Спасибо, Виталий, — совершенно искренне поблагодарил Звягин. — Я, честно говоря, собирался. Что я здесь, женат, кстати?

Усанов вновь посмотрел на товарища вытаращенными глазами.

— А... Ну да... Нет, не женат, насколько я знаю. Разве что тайным браком.

— Уже хорошо, — кивнул Василий.

Не хватало еще, чтобы у Лены были из-за него проблемы. Она добрая, милая и ласковая, хотя готовить совсем не умеет.

* * *

Вахтер за стеклом около «вертушки» спал. Впрочем, ночью Юрий Яковлевич часто позволял себе вздремнуть. Большинство людей ночью спят, и институтский вахтер не был исключением. То, что он спит на работе и не лежит в кровати, а сидит на мягком стуле, Юрия Яковлевича никогда не смущало. В конце концов, не банк же он охраняет?

Звягина в его теперешнем положении отсутствие служебного рвения у вахтера полностью устраивало. Он тихо повернул вертушку — она не скрипела и не щелкала, потому что об этом заботился Юрий Яковлевич, которому лишние звуки, прерывающие сон, были ни к чему, — проскользнул мимо большой стеклянной двери. Свежий ночной воздух приятно бодрил.

Никакого супермаркета на первом этаже института действительно не оказалось — во всяком случае, вывеска не переливалась разноцветными огнями над входом, и окна зияли темнотой. Освещенность вообще была крайне слабой, даже на дороге за парком не горели фонари. Поэтому Василий едва не наткнулся на танк.

Бронированная машина была большой, стояла прямо на асфальте и пахла машинным маслом и дизельным топливом. Она явно не являлась музейным экспонатом.

Танки в городе никогда не сулили ничего доброго. Неприятно удивленный Звягин хотел проскользнуть мимо, когда с брони его окликнул молодой, почти мальчишеский голос:

— Ну, куда пошел, куда? Не положено!

— Так я... Домой, — пробормотал Звягин.

— Вот чудак-человек! — даже с некоторым разочарованием произнес молодой солдатик. — А комендантский час? Не пушу.

— То есть как?..

— Да так! Остановит тебя патруль, спросит — откуда. Выяснится, что ты мимо моего поста проходил, — тут мне

и десять суток ареста, а то и что похуже. Так что смотри — еще шаг, и я стрелять буду!

— В самом деле?

— А то! Возвращайся-ка обратно, пока я в комендатуру не сообщил. Я ведь по-хорошему, дядя.

— Хорошо, — не стал спорить Звягин, которого слегка развеселило обращение солдата.

Комендантский час? Танк у входа в научно-исследовательский институт? Или танк здесь потому, что имеется просторная площадка, а до университета — двести метров? Куда ни кинь, всюду клин... Однако же любопытно!

— Юрий Яковлевич! У вас газеты есть? — обратился Василий к вахтеру.

Тот встrepенулся, сонно воззрился на Звягина.

— Газеты? Нет газет. Я книги читаю.

И зачем-то показал Василию книгу, в обложке которой преобладали оранжевые тона. «Кодекс чести», — прочел Звягин. Мужчина на обложке говорил по сотовому телефону и одновременно размахивал длинным клинком. Причудливое сочетание... Но ведь прошлым вечером вахтер читал именно газеты — Звягин четко помнил. Впрочем, что значит «прошлым вечером»? Может быть, это было совсем в другое время. Или в другом мире, что еще вероятнее.

— А телевизор вы не смотрите?

— Запрещено на посту, — твердо ответил вахтер. — Вас домой не пустили? Оно понятно, до конца ночи — никуда. Вы лучше к себе поднимитесь, подремлите. Или на пятый этаж — там диван в конце коридора. Если не занят...

— Спасибо, — поблагодарил Василий и побрел наверх. Нет, что-то совсем не так. Нужно отсюда убираться. Не зря здешний Звягин сбежал вместе с Машей, не побоялся рискнуть жизнью любимой. Танки на улицах и бандиты, которые врываются в институт и громят лабораторию, — это чересчур. Особенно в сочетании.

* * *

Диван был не просто занят — на нем было многолюдно. Четыре сотрудника института бесцеремонно распивали в коридоре института спиртосодержащие жидкости. Какие именно, сказать было сложно, потому что на маленьком столе громоздились пластиковые бутылочки без этикеток. А то, что пили физики не лимонад, становилось ясно по их поведению.

Всех мужчин, присутствовавших на пятом этаже, Звягин в свое время встречал, а доктора наук Дмитрия Амелина даже неплохо знал.

— Звягин! — обрадованно улыбнулся Дмитрий, узнавая коллегу. — Тебя еще не убили?

Такая простота Василия покорила.

— Должны были? — мрачно спросил он.

— Собирались, — уверенно кивнул Амелин. — При чем такие люди, что слов на ветер не бросают. Присаживайся, пообщаемся.

Места на диване не осталось, и освободить его никто не спешил. Звягин просто прислонился к стене рядом.

— Как идет прорыв сквозь пространство и время? — хихикнул крупный бородатый мужчина — кажется, по имени Павел.

— Прорвался, — коротко ответил Василий.

— Хорошо, — заявил высокий худой мужчина с большим куском соленого огурца в руках. — А мы здесь празднуем повседневность. Домой не пустили — вот и празднуем. И пусть рестораны закрыты — нам хорошо под родным кровом.

— Что случилось-то? — спросил Звягин. — Отчего танк перед институтом?

Амелин расхохотался.

— Не прикидывайся, Василий! Ты еще скажи, что явился из другого мира, другой временной плоскости...

— Почему плоскости? — насторожился Звягин.

— А как тебе будет угодно? Из параллельного мира?

— Может быть и так.

Хохотать принялись все. Настроение компании было веселым, нашелся бы только повод посмеяться.

— На что только не пойдут люди, чтобы спастись от ответственности за соращение чужих жен, — всхлипнул бородач. — Только Мак от физики далек, он насчет параллельных миров не поймет. У него интересы совсем другие.

Заявления почти незнакомого человека показались Василию оскорбительными, но не драться же с пьяным? Он повернулся и пошел прочь.

— Не обижайся! — кричал ему вслед Амелин. — Ты у нас настоящий национальный герой! Кому еще так повезло, Звягин? Чья жизнь столь ярка? Выпей с нами!

— Идиоты, — пробормотал Василий. — Повезло... Я работал!

Потом он понял, что они говорили вовсе не о создании темпорального преобразователя, а о Маше, и ему стало вдвойне противнее. И еще он вспомнил, что прежде Амелин совсем не пил. Мир, в который он попал, слишком отличается от того, где он родился? Или на днях случилось что-то поистине ужасное?

* * *

Отлучаться из хорошо знакомого института в беспокойный город, по улицам которого ездят танки, было глупо. Оставаться — еще глупее. Звягин знал по крайней мере несколько путей, по которым можно было нелегально покинуть здание. Вылезти на крышу и спуститься по пожарной лестнице. Долго, наглядно и опасно, но вполне реализуемо. Вылезти из окна второго этажа на козырек и спрыгнуть вниз — на первом этаже все окна зарешечены... Да и запасной выход обычно заперт изнутри — не на замок, а на щеколду, которая для надежности обмотана медной проволокой. Туда Василий и отправился.

Никто запасной выход не охранял. Звягин легко размотал проволоку, отодвинул запор, приоткрыл тяжелую

металлическую дверь и выглянул наружу. Начинало сереть, ничего подозрительного с торца института не наблюдалось. Путешественник во времени вышел, прикрыл за собой дверь, побрел вдоль кустов. Он на свободе! Но куда теперь направиться?

Если по центральным улицам ездят танки, в переулках вполне могут бродить патрули. Наверное, стоит все же дождаться утра...

Тишину ночи разорвал бодрый топот. По аллее кто-то бежал. Не очень большой и тяжелый, скорее всего — женщина. Может быть, ей нужна помощь?

Василий выглянул из-за куста. Девушка в спортивном костюме с перевязанными красной лентой длинными темными волосами трусила по аллее. Да ведь он ее знает! Лика, студентка-старшекурсница, которая подрабатывала в библиотеке. Похоже, девушка просто совершала утреннюю пробежку, а не убегала от кого-то. Выходит, не все потеряно? Если люди бегают по утрам для своего удовольствия и здоровья, это вселяет какой-то оптимизм — пусть на улицах стоят танки и дежурят солдаты.

— Лика! — окликнул девушку Звягин.

Спортсменка шарахнулась в сторону, потом остановилась, проговорила, переводя дыхание:

— Василий Петрович? Вы меня напугали.

— Извините. Разве сейчас не комендантский час? Почему вы бежите?

Лика рассмеялась.

— Для бодрости и здоровья. Говорят, очень полезно. Комендантский час уже десять минут как закончился.

В подтверждение девушка продемонстрировала пластмассовые электронные часы. На табло мерцали цифры: пять часов десять минут.

— А какое сегодня число, Лика?

— Двадцать первое, — не смутившись, ответила девушка.

— Месяц? — продолжал настаивать Звягин.

— Май, — все так же спокойно ответила Лика.

— Год? — задал основной вопрос Василий.

— Такой же, какой был вчера, Василий Петрович. — Лику нахмурилась. — Вы это бросьте. Специально меня здесь поджидали?

— Нет, конечно. Зачем?

— О ваших подвигах слава по всему институту разнослась. Только со мной этот номер не пройдет.

На мгновение Звягину стало обидно, что с симпатичной темноволосой Ликой у него ничего не предвидится, потом он отогнал мысль как абсурдную. Он никогда и не собирался за ней ухаживать! Если он попал в другой мир, то живший тут Василий Звягин отличался от него? Или мир — тот же самый и во всем виноваты слухи? А может быть, ему еще предстоит увлечься Ликой? Она того стоила...

— И все же, Лику, расскажите, отчего на улицах танки, — попросил Звягин. — Пожалуйста!

— Говорить о танках — скучно и неинтересно, — объявила девушка. — Но кое-что я вам и правда расскажу. Когда я сворачивала на аллею, к институту подъезжал черный джип. Явно бандитский. В салоне кто-то очень громко разговаривал по телефону. Я слышала крики, что он теперь точно этого козла поймает. Как вы думаете, кого имели в виду, Василий Петрович?

— Откуда мне знать? — смущенно ответил Звягин.

— Ну, тем лучше. Я побежала. Мне на работу рано, а еще нужно выкупаться и переодеться.

Девушка повернулась и быстро растворилась в тумане. Талия ее была выше всяких похвал. Соблазнительное видение купающейся Лики на миг предстало перед глазами Василия. «Наверное, я и правда озабоченный идиот», — подумал он мгновение спустя. Хотя, может быть, ученому просто было страшно и одиноко?

Итак, за Василием Звягиным объявлена настоящая охота. Наверное, кто-то видел его в институте и позвонил Маковскому. Что же делать? Идти в милицию? Смешно... Лучше уж сразу броситься под танк. Эх, может быть, Ма-

ковского на волне революционных перемен прижмут? Слабая надежда. Такие всегда остаются «на коне».

Шум двигателя со стороны института вывел Звягина из состояния задумчивости. Джип, что же еще? Черный силуэт вынырнул из тумана. Фары были выключены, за тонированными стеклами ничего не видно.

Похоже, водитель заметил физика — он прибавил скорость и понесся прямо на Звягина. Василий недолго думая бросился в кусты и побежал обратно — к институтскому двору. Здесь, по крайней мере, росли кусты, стояли какие-то лавочки. На пустыре его догнали бы сразу.

Джип, не снижая скорости, врезался в кусты, изломал, подмял их под себя и помчался дальше. Хорошо, что Звягин не был идиотом настолько, чтобы убежать по прямой. Да, решимости бандитам не занимать, если они совсем не жалеют дорогую машину — на кусты и людей им, понятное дело, наплевать.

Хорошо, что бетонную скамейку на джипе не переедешь и не протаранишь. Василий перепрыгнул через такую, вновь нырнул в кусты, обдирая руки и лицо. Пиджак уже был разорван в нескольких местах. К запасному входу. Самое разумное решение.

Стекло бешено ревающего джипа опустилось, оттуда высунулась рука с пистолетом. Раздался грохот выстрела.

Попасть в кого-то из автомобиля на ходу не так-то просто, а когда этот кто-то еще и прячется за кусты — практически невозможно. Поэтому стрельба — психологическое давление на убегающего, психологическая разрядка для догоняющих. Звягин прибавил ходу. По дорожке вдоль стены джип не проедет — кусты не позволят. Если поперек зеленые насаждения можно одолеть на вездехе, то вдоль — очень вряд ли.

Вот и вход. Василий юркнул внутрь, с трудом прикрыл тяжелую металлическую дверь. За здешними петлями никто не следил, поэтому они скрипели и не хотели поворачиваться. Не жалея кулака, Звягин забил в нужный паз тяжелую щеколду. Спустя несколько секунд раздался

страшный грохот. В дверь выстрелили. Вроде бы пуля не смогла пробить железо — надежно строили двадцать лет назад, металла не жалели... Но дожидаться, когда дверь вышибут, например из гранатомета, физик не стал. Вверх, в лабораторию!

Сердце выпрыгивало из груди — Звягин мчался по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Внизу грохотали выстрелы — бандиты что-то не поделили с военными? Надеются пробить дверь?

Вперед, вперед! Только бы не отключили электричество!

Ворвавшись в лабораторию, Василий сорвал крышку с щита электропитания, рискуя получить удар током, набросил кабель резервного темпорального преобразователя на клеммы. Должно получиться...

Компьютер грузился слишком долго. Внизу уже грохотали шаги. Бандиты, военные, коллеги? Какая разница... Бежать. В спокойное прошлое, туда, где все просто и ясно. Лет на сорок назад. Дальше уже и не надо.

Сенсор активации программы переноса преобразователя Звягин нажал, когда дверь сорвалась с петель под чьим-то ударом. Первая автоматная очередь прошла над головой путешественника во времени.

Второй не последовало. Василий перенесся.

* * *

Ощущение было такое, будто из-под Звягина резко вырвали кресло. Он опрокинулся на спину, больно ударившись о камни мостовой. В теории исчезновение кресла, как и любого другого предмета, прежде составлявшего обстановку комнаты — ее «пространственно-материальное наполнение», — было не только возможно, но и вероятно. Сейчас пропала сама комната, и пейзаж вокруг стал неузнаваемым. Испытывать подобные ощущения на практике было не слишком приятно.

Преобразователь калибровался на привязку в про-

странстве, и с линией горизонта все было нормально — иначе Звягин мог оказаться в нескольких метрах над землей или, того хуже, под землей. Но, возможно, некоторое пространственное смещение все же произошло?

Вокруг стояли мрачные каменные дома. Асфальт отсутствовал — улица была выложена брусчаткой. Людей вокруг не наблюдалось. Серело — то ли вечер, то ли раннее утро.

Звягин поднялся на ноги, огляделся еще раз. Когда-то он ездил в Ригу, и старый город произвел на него сильное впечатление: узкие улочки, старинные дома, величественные соборы. Здешняя атмосфера чем-то напоминала рижскую: пахло сыростью, было мрачно, но чисто.

В какой стороне институт? Где его дом? Или здесь нет ни института, ни дома — вообще ничего? Если автоматная очередь разбила электрический щиток, когда преобразователь работал, экстратоки или недостаток энергии вполне могли сбить программу и отправить его или в далекое прошлое, или в неведомое будущее.

Василий постарался запомнить место, в котором оказался — такие данные всегда могут пригодиться впоследствии, — и побрел по улице. Встретить кого-то хотелось, но одновременно было страшно. Кто выйдет ему навстречу? Средневековый крестьянин или рыцарь в доспехах? Одичавший робот или совершенно не похожий на человека мутант? Казалось бы, глупые мысли, на мир нужно смотреть проще и не нагромождать причудливые предположения там, где можно обойтись простым объяснением, — но сама обстановка располагала.

Звягин миновал один двухэтажный дом, второй, свернул на более широкую улицу. Здесь от маленького каменного сарайчика к трехэтажному дому тянулась какая-то проволока. По виду — электрическая линия или, может быть, телефонный кабель. Наблюдение Василия обнадежило, а зря. Из-за сарайчика неожиданно вышел бородастый мужчина в черной рясе, с накинутым на голову капюшоном, и закричал во все горло:

— Прыгунец! Прыгунец!

Сердце Василия упало, он развернулся и побежал. Глупее ничего и придумать было нельзя, но сам тон монаха, или кем был тип, который ему встретился, говорил о многом. Примерно так сам Василий кричал бы: «Бешеный пес! Бешеный пес!»

Сзади загрохотали кованые железом сапоги.

* * *

Убегать можно тогда, когда знаешь, куда и зачем бежишь. Звягин не представлял этого совершенно. Улочки, переулки, широкие и узкие, мощные и грязные, светлые и темные. Кое-где у подъездов домов зажглись фонари — то ли газовые, то ли электрические — не поймешь, светили они тускло. Людей же на улицах совсем не было. А если Василий и замечал вдали какой-то силуэт, то сразу спешил свернуть в другую сторону.

Преследователи, в отличие от Звягина, знали город, но чем им могло это помочь? Ведь сам путешественник во времени понятия не имел, куда и зачем бежит. Так что сократить путь и перегородить ему дорогу не представлялось возможным.

Очередной переулок — и Василий вылетел на сравнительно открытое место, к реке. Что-то очень неприятное было то ли в набережной, то ли в самой реке... Прыгнуть в воду, переплыть на другой берег? Те, в сапогах, следом, наверное, не полезут. Приглядевшись внимательно, Звягин понял, что ему не понравилось. Вода в реке была практически стоячей и слегка светилась зеленью.

Из соседнего переулочка вывалились двое людей в черных рясах с дубинками в руках. Бородатые лица, на головах войлочные шапки, похожие на шлемы. Там, откуда он примчался, тоже грохотали шаги. Можно было попытаться бежать вдоль реки, но сердце выскакивало из груди. Да и в чем смысл плутать по темным улочкам незнакомого города, без цели и надежды?

— Стой! — грозно прокричал человек с дубинкой. —
Хуже будет!

— Стою, — отозвался Василий. — Сдаюсь.

Двое бородачей подбежали, грозя дубинками.

— Только попробуй дернуться! — пригрозил один.

Скоро к ним присоединились еще трое мужчин в черном. У одного на плаще — наверное, это все-таки был плащ, а не ряса — была пришита вдоль ворота узкая белая лента. Наверное, он был старшим, потому что поинтересовался:

— Прыгунец?

— Не знаю, что это значит, — ответил Звягин.

— Значит, дальний прыгунец, — заявил мужчина. —
В застенок его! Никодим, оформишь.

Самый низкорослый из преследователей, полноватый Никодим, одышливо проворчал:

— По-русски разговаривает хорошо — не такой уж дальний.

Звягин только сейчас сообразил, что все действительно говорят по-русски. Значит, не Рига? Может быть, Новгород или, скажем, Владимир? Но не было в старых русских городах таких вот узких каменных улочек! А в новых городах — тем более.

— Может, и лазутчик, — не стал спорить старший. —
Да какая разница? Вяжите его, инквизиторы разберутся.

Руки Василия завели за спину и связали веревкой. Не синтетической, пеньковой. Это, пожалуй, оказалось самым странным впечатлением за последнее время. Танки, зеленые светящиеся реки, люди в черных рясах — они далеко. А веревка — вот она, на руках. Ее чувствуешь... Веревка была более чем реальна.

* * *

Подвал, в который заперли Звягина, освещался масляной лампой-коптилкой. Других узников тут не имелось. Да и на улицах города людей встречалось мало — ученый

попал то ли в далекое прошлое, то ли в будущее. Скорее второе — слишком правильным был язык солдат. Явно не по-старославянски они говорили. Но откуда тогда масляные лампы и веревки, рясы и мощные улицы? Нефть закончилась? Общество деградировало?..

Ученого развязали и не били, но и не поили, не говоря уж о том, что не кормили. А есть после беготни очень хотелось...

Оказавшись в камере, Звягин ощутил, как на него накатывает нечеловеческое одиночество. Он оказался один на один с враждебными людьми в незнакомом городе, там, где его родственники и друзья еще не родились или давно умерли, а может быть, и не жили никогда... Кому он здесь нужен? И что теперь нужно ему? Вернуться домой? Но каждое возвращение преподносило новые неприятные сюрпризы. Прав был Платон, и с каждой минутой мир становится хуже, отходит от совершенства. Нельзя дважды войти в одну реку, нельзя обратить события вспять!

Сколько Василий сидел в подвале, он не понял. Может быть, пару часов, а может, и целые сутки. Мобильный телефон, так же как и паспорт, и деньги, и ремень, у него отобрали, да и батарейка на мобильнике села. Посмотреть, ловится ли здесь сеть, путешественник во времени сразу не догадался, а теперь уже было поздно. Несколько раз Василий пытался задремать на сколоченной из грубых досок лавке, потом метался от стены к стене, снова садился...

Мучения его прервал приход двух стражников. Одеты они были в такие же черные рясы, как и все здесь, на Звягина смотрели без интереса. Они принесли узнику воду в стеклянной бутылке. Посудина была настолько универсальной, что могла использоваться и в семнадцатом, и в двадцать третьем веке. Отчего нет? По многим параметрам стекло превосходит пластик. А если нефть закончилась, пластик дорог...

— Какой сейчас год? — поинтересовался Василий у молчаливых стражей, когда бутылка с водой опустела.

— Тебе все расскажут, — мрачно буркнул один из них. — Потом.

— Или не расскажут, — хмыкнул другой. — Вопросы здесь задают тебе, понимаешь?

— Понимаю, — не стал спорить Звягин. — И все же? Какой год? Неужели это тайна?

— Триста двадцать седьмой от открытия законов движения планет, — смилостивился первый страж.

— То есть? — Звягину стало по-настоящему жутко. — А от Рождества Христова? Или от Сотворения мира?

— Ты что, идиот? — спросил второй стражник. — Вселенная родилась после Большого взрыва. А сколько лет прошло с тех пор, мы еще не вычислили. Во всяком случае, с нужной степенью точности.

Подивившись глубоким познаниям стражников в устройстве Вселенной при полной отсутствии исторической эрудиции — нельзя же знать только современный календарь, — Звягин задумался. Если под «законами движения планет» подразумевались законы Ньютона, то вычислить год вполне можно. Когда великий англичанин опубликовал свои законы? Пожалуй, в семнадцатом веке. А точнее? Эх, легко попрекать стражников плохим знанием истории — он сам не помнил, когда жил Ньютон! С точностью до ста лет, примерно. И если так, то здесь тоже конец двадцатого — начало двадцать первого века. Откуда тогда эти рясы? Почему на улицах нет асфальта?..

* * *

В течение нескольких суток — может быть, целой недели — ничего не происходило. Время Звягин определял по скудным тюремным кормлениям. Ему все-таки стали давать еду — сухари, чеснок и микроскопические порции сыра. В масляную коптилку заливали масла, но очень не-

много. Время от времени лампада гасла, и Василий часами сидел в темноте.

Ученый постоянно был голоден, поэтому не мог понять, дают ли ему завтрак, обед и ужин или кормят один раз в день. Стражники на вопросы не отвечали, только поглядывали на узника неодобрительно, и Василий постепенно принял факт своего заключения как должное. Может быть, он и правда в чем-то виноват? Выбраться из подвала надежды не было, оставалось надеяться на чудо.

Если голод мучил не очень сильно и настроение немного поднималось, Звягин пытался делать какие-то расчеты. В уме, делая пометки на стенах. Но, прямо скажем, никакой пользы от этого не имелось.

Когда в камеру явился сухой старичок — его черная ряса была без капюшона, зато с высоким белым воротником, а голова оставалась непокрытой, — Звягин остался спокоен. Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами, и Василий отчего-то принял старика за адвоката. Встрепенулся он лишь тогда, когда старик спросил:

— Вы физик?

— Да, конечно. Но какое это имеет значение? Все утверждают, что я прыгунец, а я даже не знаю, что это значит.

Старик рассмеялся, достал из складок одежды несколько коробков, соединил их вместе — и, о чудо, в его руках засветилась настоящая электрическая лампочка. Ватт на тридцать, но по сравнению с коптилкой — словно звезда.

— Я сам физик, — объявил старик. — А по совместительству — инквизитор Высшего совета. Зовут меня Пантелеем Григорьевичем.

Ну, что же, инквизитор Пантелей Григорьевич, физик, который в подтверждение своих слов зажигает при помощи аккумуляторов электрическую лампочку, — что же здесь удивительного? Звягин решил, что переживать по этому поводу совершенно не стоит.

— А вы, наверное, издалека? Какую мощность задействовали для механизма перемещения? — поинтересовался Пантелей Григорьевич.

— Рабочая нагрузка составляла около ста киловатт, пиковая была несколько выше, — отозвался пораженный Звягин. Выходит, здесь разбираются в механизме темпоральных перемещений? Значит, не все потеряно!

— В свечах это сколько будет? — спросил инквизитор.

— Не знаю. Как определяется мощность свечи?

— Мощность теплового потока по всем направлениям от горящей восковой свечи толщиной в палец.

Звягин задумался, пытаясь вычислить значение мощности. Не так трудно на самом деле. Свеча дает примерно столько же света, сколько лампочка в двадцать ватт. Или десять. До тридцати, конечно, недотягивает... А соотношение видимого света и теплового излучения, наверное, в данном случае непринципиально, хотя свеча, скорее всего, излучает в инфракрасном диапазоне сильнее лампочки. Но ведь и в обычной лампе накаливания указывается потребляемая мощность, а не сила светового потока.

— Кстати, как вас зовут, молодой человек? — спросил Пантелей Григорьевич.

— Василий Звягин.

Физик только сейчас понял, что его даже об имени ни разу не спросили. Он просто сидел и ждал, ждал неведомо чего.

— Хорошее имя, — кивнул инквизитор. — И фамилия вполне. Не обманываете?

— Зачем?

— Всякое случается... — старик усмехнулся. — Пойдемте вверх. Здесь душно.

Предложение выйти из опостылевшей камеры настолько обрадовало Василия, что он тут же забыл о мощности, о лампах и о том, что нужно задать инквизитору сотню важных вопросов.

* * *

Кабинет инквизитора Высшего совета выглядел весьма и весьма своеобразно. Высокие потолки, стрельчатые застекленные окна — и множество столов и полок с наваленными на них разнообразнейшими предметами. Были здесь стеклянные шары, мотки разноцветной металлической проволоки, колбы, реторты и даже, кажется, кошачьи шкурки. Собственно, то, что это шкурки, было очевидно, а других животных с подобной расцветкой Звягин не знал.

На самом широком столе — относительно свободном от хлама — лежал мобильный телефон Василия. Похоже, Пантелей Григорьевич изучал его перед тем, как пойти за узником.

— Итак, ваши координаты были весьма и весьма далеки от наших, — заявил хозяин кабинета, когда Василий скромно присел на краешек предложенного жесткого стула. — Что же привело вас сюда, молодой человек? Нужда? Преступление? Тяга к знаниям? Приговор суда? Говорите как на духу — только это вам поможет. Если я выясню, что вы лжете, вас выкинут на самую окраину мира, туда, где земля плавится под ногами, а каждый зеленый куст стремится вас догнать и пожрать.

Угрозы инквизитора выглядели какими-то детскими, но натолкнули Звягина на мысль вновь задать вопрос о времени, в котором он оказался.

— Какой сейчас год? Умоляю, скажите. Ведь я сам не знаю, как здесь очутился.

Пантелей Григорьевич опустил в свое кресло, с интересом взглянул на Василия и тихо сказал:

— А разве это имеет значение?

— Еще бы! Я хочу вернуться домой!

— Домой? — еще больше удивился инквизитор. — Значит, вы не беглец? Может быть, вас вышвырнули сюда недоброжелатели?

— Я сконструировал темпоральный преобразователь, — заявил Василий, постепенно осознавая, что ин-

квизитора это нисколько не впечатлит. Тот прекрасно понимал, что перед ним путешественник во времени, и не испытывал по этому поводу восторга.

— Похвально, — без особой радости заявил Пантелей Григорьевич. — И что? Пустили его в ход, не разобравшись, как он будет работать?

— В теории все было ясно. На практике результаты оказались совершенно отличными от расчетных.

— Вот как? — усмехнулся инквизитор. — Но если теория расходится с практикой, значит, теория неверна. Не так ли?

— Конечно.

— И что говорит ваша теория? Или философия? Чем вы руководствовались?

— Математическими расчетами.

— О, как любопытно! — похоже, инквизитор действительно заинтересовался. — Давно мне не попадались прыгунцы из такой дальней дали. Может быть, у вас и компьютеры есть?

Слово «компьютеры» было произнесено Пантелеем Григорьевичем странно, по-деревенски и прозвучало как «кампутеры».

— Конечно, — Василий слегка удивился. — Именно компьютер и рассчитывал траекторию перемещения. То есть измененную мировую линию. Не вручную же вычислять?..

Инквизитор неожиданно расхохотался — тихо, но радостно.

— А отчего не вручную? У вас, наверное, и электричество получают с помощью огромных колес? Генераторов, да?

Звягин воззрился на Пантелея Григорьевича с удивлением.

— Да, пожалуй. Я не инженер-электрик, но, полагаю, генераторы представляют собой подобие огромных колес.

— И вся планета опутана сетью проводов? — продолжал веселиться неведомо чему инквизитор.

— Проводов хватает. А у вас электрического освещения нет?

— Повсеместно — нет. Наша цивилизация идет по пути совершенствования, мы уделяем больше внимания людям и их внутреннему миру, а не науке. Хотя все взаимосвязано, глупо это отрицать...

Похоже, тема была интересна инквизитору. Уговаривать его рассказать о развитии науки в этих краях не пришлось. Спустя пять минут Василий с удивлением узнал, что первые физики здесь не разрабатывали теорий, а опирались исключительно на результаты экспериментов. Если в прошлом Звягина работали алхимики, то здешних ученых можно было назвать алфизиками — они упорно соединяли проволочки, натирали кошачьими шкурками стеклянные шары, крутили магниты и катушки с проводами — и запоминали результаты действий, не всегда находя им нужное объяснение. Да, в конце концов были открыты и законы Ньютона (которые вывел вовсе не Ньютон), и уравнения Максвелла (которые не слишком широко использовались за ненадобностью) — но сама физика все же больше походила на магию. Потрешь шарик, соединишь пластины, ударишь молотом по наковальне — и загорится лампочка, сдвинутся детали хитроумного механизма, проскочит между контактами искра, от полумагического передатчика полетят к таким же полумагическим приемникам радиоволны...

И, самое главное, с помощью алфизики здешние ученые построили темпоральные преобразователи уже больше сотни лет назад. Да и не только они — обитатели соседних миров, каковых оказалось множество, также преуспели в путешествиях во времени. По плоскости времени, как заявил Пантелей Григорьевич.

— Почему по плоскости? — решил перебить рассказчика Василий. — Ведь время — изменение всего лишь одной координаты. Не двух.

— Не двух? — удивленно поднял брови инквизитор. — Вот вам и математика, вот и компьютеры. А подумайте немного вам в голову не приходило?

— Над чем? — спросил слегка обидевшийся за науку Звягин.

— Над тем, как и почему течет время. Все ведь на самом деле очень просто. Наши философы поняли это задолго до постройки первых преобразователей, тогда, когда даже не было открыто устройство атомного ядра. Подумайте немного сами.

Василий улыбнулся.

— Я думал над этим всю жизнь — разве мне помогут еще несколько минут? И пришел к выводу, что есть вопросы, на которые нельзя дать четкого ответа. Таковы уж свойства четвертой координаты пространственно-временного континуума. Если обратиться к теории относительности...

— А, так вы и теорию относительности знаете? Тем лучше, тем лучше.

Слышать такое от старика в рясе довольно простого покроя, который наверняка работает по ночам при свете масляной коптилки, было как-то обидно, но Звягин смолчал. Пусть расскажет. Потешит настоящего физика псевдонаучными сказками. Почему течет время... А почему электрон — электрон? И что представляет собой пространство?

— Значит, вы постигли суть времени? — уточнил Звягин.

— Разумеется. А какие у вас есть теории на этот счет?

— Время сжимается и растягивается, и при определенных условиях его можно обратить, — максимально коротко и просто ответил физик. Он скромно умолчал о том, что механизм для обращения времени придумал сам, хотя повод для гордости имелся, что и говорить.

— Э, нет. Обратить время нельзя, — неожиданно заявил инквизитор. — Можно изменить себя, двинуться куда-то во времени, но никак не изменить само время. Зна-

чит, вы так и не поняли, почему время течет? А ведь все очень просто.

— Я весь внимание, — заявил Звягин.

— Мы сами выбираем время, — заявил Пантелей Григорьевич.

* * *

Теория, изложенная инквизитором Высшего совета, не была подтверждена никакими расчетами и выглядела полностью умозрительной — или, может быть, Пантелей Григорьевич так о ней рассказывал?

Согласно местным воззрениям, время представляло собой вовсе не ось, а комбинацию продвижения по двум осям, или, если обобщить, плоскость. Каждый раз, когда существует возможность выбора, когда события могут развиваться так или иначе, реализуется движение по одной из осей. Да — направо, нет — налево, если можно применить понятия «право» и «лево» к осям координат времени. Причем не только выбор людей двигает время. Любое событие микромира порождает точно такую же возможность выбора и, соответственно, ветвление времени. Перешел ли электрон с одной орбиты на другую, когда ему представилась такая возможность? Произошел ли распад атома? В любом случае порождается выбор, и в бесконечной Вселенной, на плоскости времени существует и тот, и другой вариант.

Когда Звягин возмущился тем, что каждое микроскопическое событие, которых происходит в секунду не миллион и не миллиард, а миллиарды миллиардов, порождает, согласно этой теории, мириады новых миров, Пантелей Григорьевич нисколько не смутился:

— Если время дискретно, каждую секунду существуют мириады миров на оси — согласно вашей теории. Ведь согласись, мир сейчас — совсем не то, что мир вчера. Но и этот, и тот существовали в пространстве, следовательно, есть в реальности: в настоящем, прошлом или будущем. Так в чем разница, линейно количество вариантов Все-

ленной или квадратично? При условии существования двух координат времени бесконечность миров более высокого порядка — только и всего. А миры не нанизаны на ось, а распределены по плоскости. Каждый человек выбирает, куда двинуться на плоскости, говоря «да» или «нет», делая шаг или даже глядя в ту или иную сторону. Или выбор делается за него — что случается гораздо чаще. Но на плоскости реализуются все возможные события. Устроенный так мир гораздо более полон. И люди в нем существуют вечно, проживают все возможные жизни.

— Поэтому вы и верите в Бога? — спросил Василий. Собственно, сама должность Пантелея Григорьевича указывала на то, что он живет в теократическом обществе. — Из-за полноты мира и его совершенства?

— Верить или не верить в Бога — личное дело каждого, — ненавязчиво ответил инквизитор. — А вот то, что неправильный выбор ведет в ад, самоочевидно, не так ли?

— Неправильный выбор чего? — удивился Звягин.

— Да чего угодно. Когда события следуют постоянно в одном направлении, когда человек выбирает зло — он оказывается ближе к одной из осей. В тех самых мирах, где земля плавится под ногами, где действуют странные законы природы. Существа, живущие в тех мирах, ужасны, а люди — злы. Нетрудно догадаться — ведь они тоже выбирали не тот путь.

— А наш путь лежит посредине? — спросил Звягин, припоминая, что он слышал о какой-то философской доктрине, утверждающей, что всего должно быть в меру — и горя, и радости, и успехов, и бед.

— Середина временной плоскости — понятие относительное. Кто вычислит нужный путь? Да и получится ли не сворачивать с него? — раздумчиво проговорил инквизитор. — Может быть, вы жили в гораздо лучшем мире, чем наш, уважаемый Василий. Может, несмотря на все наши попытки, мы дальше от идеальной оси мира. Но, кстати, плоскостью дело не ограничивается. Как только в действие вступает темпоральный преобразователь, есте-

ственный выбор нарушается, и объект перемещается в третьем измерении, на неестественную временную плоскость. Впрочем, такой теории придерживаются не все — некоторые полагают, что в действительности временных осей лишь две и в третьей нет совершенно никакой нужды. Я сам пока не пришел к окончательному выводу.

— А во второй временной оси необходимость есть? — спросил ошарашенный Звягин.

— Естественно, — ответил инквизитор. — Ведь, если бы события развивались «по прямой», линейно, не существовало бы никакой свободы воли человека. Все события оказались бы раз и навсегда предопределены. Но это не так. Мы действительно имеем возможность выбора. И пожинаем его плоды.

— И принцип неопределенности оправдан, — прошептал Василий. — Эйнштейн утверждал, что Бог не играет в кости. И действительно не играет. Он реализует все варианты. Но мы — играем.

Пантелей Григорьевич поднялся с кресла, подошел к книжному шкафу и вынул оттуда большой том. Страницы в нем были бумажными, а не пергаментными, что сильно обрадовало Звягина — кое-какие достижения техники здесь все же имелись. Мир «средней линии» не казался безнадежным.

— Мы, однако, отвлеклись от основного вопроса, который я призван решить, — заявил инквизитор. — А именно что с вами делать, Василий Звягин. Похоже, злонамеренности в ваших поступках не имелось. Стало быть, ваши действия попадают под тридцать четвертую статью кодекса о перемещениях. Суд решит, как квалифицировать ваше появление здесь, а я буду ходатайствовать о вашей невиновности. Но чем вы сможете заняться, если суд даст вам свободу? Что вы умеете?

— Я хорошо знаю физику. В некоторой степени — химию. Хотите, научу вас делать асфальт... Бензин. Расскажу об устройстве двигателя внутреннего сгорания...

— Зачем? — удивленно поднял брови старик.

— Чтобы были хорошие дороги. Чтобы можно было быстрее перемещаться из города в город...

— Зачем? — еще раз спросил инквизитор. — Это поможет людям стать совершеннее? Мне отчего-то так не кажется. Да и перемещаться достаточно быстро мы умеем. Для этого обычно используют вертолеты.

Василий перестал удивляться. Неестественная временная плоскость, что с нее взять?

* * *

Довольно скоро выяснилось, что по местным меркам Звягин ничего не умеет. Его навыки в программировании никому не были нужны, потому что компьютеры мало того что не использовались, но и находились под негласным запретом. По словам инквизитора, компьютеры буквально пожирали время — ведь тактовая частота мощного вычислительного устройства позволяет сделать миллиарды почти осознанных выборов в секунду, что не проходит для человека даром. Работая за компьютером, он смещается относительно остального мира, который пребывает в блаженном неведении и тихом покое.

Знания Звягина в области теоретической физики впечатлили Пантелея Григорьевича — более того, некоторые теории он счел весьма интересными и поучительными, о них местные ученые и не слышали, — только прыгунцам категорически запрещалось преподавать в школах и университетах. Мир и так меняется с каждой секундой, и нет нужды изменять его революционно, прислушиваясь к пришельцам из иных плоскостей. На практике в условиях развития местной техники знания Звягина ничего не стоили. Ведь здесь не было ни ускорителей, ни электростанций, ни даже обычных телевизоров, а принципа действия устройств дальней связи, применяемых инквизиторами, не понимал сам Василий.

— Я могу эмигрировать? — спросил Звягин, когда понял, что мир, в который он попал, не для него.

— Куда?

— В другую временную плоскость.

— Теоретически — да. Практически — не знаю, — ответил инквизитор. — Строительство преобразователей пространства и времени у нас запрещено. Применение — тоже. Может быть, вам удастся найти контрабандиста, который переправит вас в неведомые края, — но, скорее всего, там будет еще хуже. Вернуться домой вам никогда не удастся. Исходная точка затерялась в плоскостях, ее уже не отыскать.

— Но могу я пыгаться?

— Законом это запрещено. А за вами, как за пришельцем из чужого мира, несколько лет будет вестись пристальное наблюдение — если суд решит, что вы неопасны для общества, и выпустит вас из тюрьмы. Поэтому я не советовал бы строить темпоральный преобразователь самостоятельно — закон един для всех.

— Что же мне делать? — спросил Звягин.

— Я поручусь за вас, и вы займетесь общественно полезным трудом. Поверьте, жить здесь довольно приятно... Если бы не прыгунцы, так у нас был бы рай на земле.

* * *

Инквизитор сдержал обещание и отозвался о знаниях и нраве Звягина положительно, а суд оказался лояльным, хотя состоял, как на подбор, из хмурых типов, прятавших свои лица под капюшонами. После заседания Василий получил разрешение выйти из темницы. Его поселили в общежитии вместе с двумя довольно странными прыгунцами — Гвырлом и Ээхом, здоровенными детинами, волосатыми и темнокожими, которые, впрочем, отличались добродушием и некоторой занудливостью. Этих выбросило сюда после взрыва темпоральной бомбы — в их родном мире шла жестокая война, и парни были рады, что оказались в атмосфере мира и спокойствия.

Как и соседей по общежитию, Звягина устроили рабо-

тать в механическую мастерскую — учитывая его пристрастие к точным наукам. Здесь он вытачивал из прочного дерева длинные вертолетные лопасти. Работа была ручной и требовала высокой точности и большой аккуратности. Гвырл и Эх справлялись с ней на ура. Зажимая в огромных лапищах прочный деревянный брус, они скребли, скребли его десять часов кряду стальными стамесками с редкими перерывами на то, чтобы выпить воды или сжевать кусок хлеба и пару луковиц — обед, который бесплатно выдавался в мастерской.

Соседи Звягина утверждали, что о столь хорошем рабочем дне и о таком сбалансированном питании (они, правда, употребляли более простые обороты речи) можно только мечтать. Вот когда они детьми собирали взрыватели снарядов на огромном заводе в Раджнастаре, было действительно тяжело. Рассказывая о родных краях, Эх даже предположил однажды, что после взрыва бомбы они попали в рай — так хорошо им теперь живется. Правда, в раю вроде бы не нужно работать, но жрецы часто врут...

Если уж у необразованного солдата неведомой империи из неведомого времени возникали мысли о сущности происходящего, то Звягин обдумывал свое положение регулярно. Ему совсем не нравилось вытачивать лопасти. Работу приходилось начинать затемно, при свете свечи, и заканчивать при свече же. Платой за труд были место в общежитии и не слишком обильная еда, а также одежда — теплая ряса серого цвета с капюшоном. Выходной был только один. Во время него можно было побродить по городу, поглазеть на немногочисленных прохожих и мрачные дома.

После тяжелой и нудной работы почти всегда хотелось забыться и лечь спать, чтобы хоть во сне вернуться домой, на шумные многолюдные улицы под ярким солнцем, но Звягин пытался рассчитать последствия работы темпорального преобразователя в условиях существования двух временных координат, а то и трех. Преобразование тензоров неизменно скатывалось к «задаче трех тел»,

которую, как известно, аналитически решить невозможно. А компьютера у Василия не было, и его появления не предвиделось. Инквизиторы не позволяли «ускорять время», да и необходимых материалов для постройки самого простейшего вычислителя Василий, конечно же, не имел.

Размышляя над теорией времени местных ученых, Звягин не мог назвать ее глупой. Более того, некоторые теоретические моменты очень удачно соответствовали практическим результатам. Скажем, такой известный факт, как неизменность распространения скорости света в вакууме. Если принять течение времени как проявление возможности выбора, то становилось ясно, что в пустоте, вдали от гравитационных источников, время не идет, там совершенно ничего не происходит. А изменения, происходящие в пустоте со световой волной, описывают и ее свойства, и свойства вакуума. Естественно, что скорость света в пустоте постоянна — ведь фотоны ни с чем не взаимодействуют, и лишь изменение их характеристик позволяет судить о прошедшем времени.

Замедление течения времени поблизости от гравитационных масс также имело очевидную причину: в наполненном веществом и излучением пространстве происходит больше событий, существует больше возможностей для выбора — следовательно, время замедляется, растягивается для находящегося вне системы наблюдателя. Правда, над численным описанием этих процессов нужно было работать и работать...

Инквизиторы считали, что не только компьютеры, но и люди ускоряют время, заставляют его течь быстрее. Совершая осознанный выбор, они изменяют мир вокруг себя и путешествуют по плоскостям, рано или поздно попадая в рай или в ад — области неподалеку от осей времени. Становясь старше, человек учится выбирать — и время вокруг него ускоряется, течет совсем не так медленно, как в детстве и в юности.

Звягин ощущал, что в новом мире время и правда замедлилось: стало вязким и тягучим. Люди двигались, как

сонные мухи, но и сам он был не лучше. Соображалось хуже, работоспособность упала. Нельзя ведь всерьез воспринимать как работу вытачивание вертолетных лопастей вручную? Это повинность, неизбежное зло. Работы же как таковой у Василия не было — и это его тяготило.

* * *

Спустя несколько дней после того, как Звягин начал работать на заводе, к нему приставили духовника — отца Протагора. Он не имел статуса инквизитора, ранг духовника был несколько ниже. Служению отца Протагора вряд ли стоило завидовать. Хотя он и не обтачивал вертолетные лопасти, ему приходилось целые дни проводить в общении с самыми разными типами — например, с теми же Гвырлом и Ээхом. Бывшие солдаты относились к таинству исповеди очень серьезно и заваливали отца Протагора сведениями о своих проступках, давних и нынешних. Они говорили даже о тех грехах, которые намереваются совершить, причем зачастую грехи не стоили не только обсуждения, но и упоминания, однако отец Протагор уделял внимание каждому событию, случившемуся или предполагаемому.

Звягин, естественно, был не так прост и предпочитал слушать, а не говорить. Но отец Протагор знал свое дело, и спустя неделю Василий, сам того не желая, рассказал ему и об отношениях с Машей, и о соперничестве с коллегами, и о планах относительно устранения Маковского. Протагор не преминул обобщить:

— Видите, Василий, неправильные желания, греховные стремления увели вас далеко от родного дома. Вы испытываете неудобства, мечетесь, не понимая: что ни происходит с человеком — к лучшему. Сейчас вы наконец-то получили возможность исправиться, наладить свою жизнь, замедлить свое время. Пребывая в простоте и смирении, уже через несколько лет вы не поймете, как могли жить в мире безудержных страстей, там, где люди суетятся, как

муравьи, летят куда-то со скоростью пули, и, главное, при этом совсем не имеют выбора.

— Вы-то имеете выбор? — безнадежно спросил Василий.

— Разумеется. Нужно всего лишь набраться терпения и ждать.

Голос отца Протагора звучал так убедительно, что Звягин начал сомневаться в том, что ему нужно найти людей, которые могут построить темпоральный преобразователь с помощью имеющихся средств — «на коленке», или научиться использовать здешние средства самому. Казалось бы, что сложного — повторить еще раз то, что однажды сделал? Но не всякий великий физик самостоятельно соберет транзисторный радиоприемник — особенно без инструкции и запасных частей, а также без источника электропитания.

Вытачивание вертолетных лопастей имело одно несомненное преимущество — механическая работа позволяла размышлять. И Василий думал, а зачастую просто рефлексировал. Может быть, он и правда умер, после пуска преобразователя распылен на атомы и сейчас ведет посмертное существование? Или его застрелили головорезы Маковского — в родном мире или после перемещения, когда великое дело его жизни было реализовано?

А если бы оно не было реализовано — есть ли разница? В мире, где он очутился, перемещение в другие слои реальности — не достижение, а беда. Стражи неустанно выискивают прыгунцов — потому что многие из них оголтелые преступники, а то и страшные, непохожие на людей существа, встреча с которыми не сулит человеку ничего хорошего.

Однако же если здесь появление прыгунцов — обыденное явление, почему о них не слышали на Земле? То есть в родном мире Звягина? Или просто не хотели слышать, а прыгунцам хватало ума не представляться? Или они сами не понимали, что с ними произошло?..

А может быть, родной мир Звягина оказался более

стабильным потому, что там не использовали темпоральные преобразователи, точнее, даже не знали о них? Наверняка между часто взаимодействующими мирами образуется некоторая связность — а если временная плоскость, где родился Василий, изолирована, возможно, она и стремится остаться такой? Тогда вернуться и правда практически невозможно...

* * *

В один из выходных, когда с темно-серого неба сеялся мелкий, но частый дождик, Звягин не пошел бродить по городу, а остался в общежитии с Гвырлом и Ээхом. Он совершенно не понимал, как они могут быть вместе постоянно — и на работе, и дома.

Самому Звягину постоянно хотелось побыть одному. Удавалось это редко и в основном во время прогулок, когда он бродил по набережной и полупустынным улицам. Он бы с радостью выходил за город, но стражники предупредили, что поднадзорным лицам покидать городскую черту запрещено. Василий решил не искушать судьбу — он осознал, что в этом обществе его могут бросить в тюрьму в любой момент на неопределенный срок. А добросовестно работая, можно выдвинуться, получить определенные преимущества — такие, например, как собственная комната в общежитии и дополнительный паек. Удивительно, как быстро пересматриваются иногда жизненные ценности...

Гвырл и Ээх играли в одну из любимых ими настольных игр — что-то вроде лото, но не с бочонками, а с двумя игральными костями. Звягин присоединился к ним, но вскоре понял, что игра не предполагает никакого выбора, никаких расчетов и зависит только от удачи. Хотя его соседи играли сосредоточенно, Звягин начал расспрашивать их о родном мире, о большой войне, об оружии, которое в ней использовалось, и скоро здоровяки болтали с ним так же увлеченно, как с отцом Протагором. Но о доме

они вспоминать не слишком хотели — здешняя жизнь занимала их больше.

Василий узнал, что Ээх почти нашел себе здесь подружку, но родственники отговорили ее встречаться с чужеземцем, и они были вынуждены расстаться. Гвырлу повезло еще меньше. Он был стеснителен с женщинами и даже на ярмарку — где не только и не столько торговали, сколько участвовали во всяких развлечениях и глазели друг на друга — не ходил. Да и на обмен у простых парней из далекого мира ничего не было, так что ярмарки не любил и Ээх. Вертолетные лопасти принадлежали мастерской, а мастерская была собственностью городской общины. Община брала на себя заботу об одежде и еде рабочих, но не баловала их деньгами. Собственно, денег в городе вообще было мало. Зачем, если здесь даже магазины отсутствовали?

— Я так соскучился по пиву, — вздохнул Гвырл, проигрывая очередную партию «костяного лото». — Местные думают, что мы с Ээхом буйные и нам пить нельзя. А для своих староста квартала в выходные выделяет рюмку-другую водки. Не пиво, конечно, но все равно лучше, чем ничего.

— У контрабандистов можно что-то выменять. Даже бутылочку виски или джина, — мечтательно проговорил Ээх. — Только до них не доберешься.

Звягин заинтересовался.

— Контрабандисты, говорите? А что, граница рядом?

— Да тут везде границы, — фыркнул Гвырл. — Город закончился — граница, за нее не ходи, там — чужая земля. В соседнем городе уже совсем другие правила.

— И какие же?

— Кто знает? — ответил Гвырл. — Мы там не бывали. Знаем, что за рекой гонят настоящее ячменное виски. У них есть торфяные болота, так что с топливом проблем не возникает. А мы здесь мерзнем зимой, как собаки. Нет, хуже собак. Ээх, ты хоть раз так мерз дома?

— Нет, дома было слишком жарко, — покачал кудря-

вой головой Ээх. — И, знаешь, я лучше буду мерзнуть здесь, чем лежать под пулями там.

— А вернуться домой можно? — невинным тоном спросил Звягин. — Вам больше нравится работать в мастерской, чем воевать, я уже понял, но если бы вдруг понадобилось или захотелось домой?

— Кто знает, куда ведут тропки между мирами? — философски заметил Гвырл. — Одно радует — пока мы никуда не рыпаемся, наши двойники здесь не появятся. Мы застолбили участок. И нечего жаловаться — в этой общине жить не так уж плохо. В других местах нас могли посадить на цепь или заставить грести на пиратских галерах — знаем мы эти дела.

Звягин задумался. Галеры его ничуть не прельщали. Гвырл прав, они попали не в самую худшую ситуацию. Пусть у него и нет отдельной квартиры, собственных денег и возможности покинуть город, а работать придется десять часов в сутки шесть дней в неделю — можно придумать жизнь гораздо хуже и неприятнее. Но и приятнее тоже...

А насчет того, что его место никто не займет... Отец Протагор тоже говорил об этом. Выходит, своего двойника встретить нельзя по определению? В волновой структуре мира человек является объектом, который занимает свое единственное положение, как частица-фермион в определенном квантовом состоянии? Другие могут и не пытаться попасть в занятый мир, потому что «орбита не свободна»? Тогда если в его родной мир переместился другой Звягин, домой ему уже не попасть. С другой стороны, Звягин отсюда не сможет вернуться домой, пока здесь он... А был ли здесь Звягин? И хочет ли он вернуться? Все зависит от того, куда он попал.

— Кормят здесь лучше, чем в армии, — овощи дают, — неторопливо продолжил Ээх, видимо имея в виду под овощами лук и чеснок. — А в войсках мы, случалось, неделями падаль жрали. Сытно, конечно, но очень противно.

Василий вздрогнул. Его опять потянуло на улицу — подалее от людей в целом и от Гвырла с Ээхом в частности.

Вот вроде бы и неплохие ребята, не обижают его, хотя вполне могли бы, — но не к душе. И мир этот не к душе...

— Как к контрабандистам попасть? И что у них еще ценного есть, кроме виски? — спросил Звягин, отодвигая игральные кости в сторону.

— Ты хочешь попытаться? — оживился Гвырл. — Ну да, на местных-то ты больше похож, чем мы с Ээхом... Борода вот отрастет длинная — так и вообще не отличить.

Звягин задумчиво поскреб густую щетину. В зеркало на себя он не смотрел уже много дней. Да и не было у них в комнате зеркал — зачем они простым работягам?

— Местным послабления насчет городской черты имеются, — объяснил Ээх. — Они за городом бродить сколько угодно могут — лишь бы разрешение имелось.

— От кого?

— От инквизиторов.

— Интересно... Так куда надо идти? Где расположена база контрабандистов? Что для них ценно? И что у них есть?

Гвырл усмехнулся:

— А виски принесешь?

— Если получится.

— Чувствую я, сбежать ты собрался, — пронизательно заметил Гвырл. — Зря. Очень зря, парень. Дальше будет только хуже. Но отговаривать не стану — каждый выбирает для себя, опять же нам с Ээхом просторнее будет. Так что не беспокойся, не сдадим. А база у них на реке, вниз по течению. И машинки для переноса есть.

— Пространственно-временные преобразователи?

— Я ж не такой умный, как ты, парень, — хмыкнул Гвырл. — Мы называем это машинками. Точнее — дьявольскими машинками...

* * *

После разговора с соседями Звягин не бросился очертя голову к контрабандистам. Он опять прогулялся по набережной вдоль зеленой реки, прикинул, где удобнее

выйти за город. Во всяком случае, не по самой набережной: реку патрулировали стражники — и пешие, и на лодках. И не по дороге, которая шла метрах в двухстах выше реки. Поле вдоль дороги было голым, но если выйти вечером... Или ночью...

Пожалуй, лучше ночью. Но комендант общезития, Фадей Гаврилович, сухой старичок с острыми глазками, строго следил за тем, чтобы постояльцы ночью сидели дома и не шумели. Похоже, он вообще не спал или дремал очень чутко — когда Василию случалось выходить из комнаты ночью, он неизменно видел свечу, зажженную на «вахте», и бодрствующего старичка. Иногда Фадей Гаврилович беседовал о чем-то с постояльцами, а иногда бродил по коридорам, прислушиваясь, что творится в комнатах. Если он увидит, что поднадзорный жилец отправился куда-то ночью, без промедления сообщит стражникам.

Если не придешь на работу — об этом сразу станет известно тем, кто осуществляет за ним надзор. Кстати, кто непосредственно руководит этим надзором? Мастер их цеха Абу Бен Зураб? Фадей Гаврилович? Или отец Протагор? А скорее всего, какой-нибудь стражник, которого Звягин даже не знает в лицо. Значит, бежать надо из общезития. И тогда, когда комендант ничего не заподозрит — в конце концов, поверку по вечерам он не устраивает.

Но выходной для этой цели не подходит — слишком много стражников на улицах. Вечером их меньше. Вроде бы... Или они лучше прячутся, или хуже видны. Значит, вечером в ночь на выходной. Через неделю.

Еще один важный вопрос — с чем идти к контрабандистам? Надежды, что они перенесут его в другой мир, да еще и по его выбору, просто так, по доброте душевной, у Звягина не имелось. Не для того они занимаются рискованным промыслом, чтобы проявлять благотворительность. Значит, нужно добыть что-то ценное. Но где? И как?

Украсть? Не лучший способ. Можно даже сказать, плохая идея. Да и красть нечего и негде. Что можно ограбить в этом городе? Продуктовый или одежный склад?

Еще один вариант — заработать. Но при здешней системе оплаты труда это попросту невозможно.

Личные вещи — мобильный телефон, бумажник, пиджак — Звягину и не подумали вернуть. Собственность Василия была невелика: ряса, носки, грубые кожаные туфли, половинка куска мыла и зубная щетка. Лишней еды и той не оставалось — он съедал все подчистую.

Пожалуй, какую-то ценность имели инструменты в мастерской. Но обирать людей, которые дали ему пусть и скудную, но еду и пусть неуютный, но кров, Звягин считал аморальным. Может быть, он делал в своей жизни плохие вещи, но хорошее отношение нужно ценить. По меркам здешнего общества он был чужаком, незванным пришельцем — и все же его не обижали. Правда, не давали удовлетворить настойчивое желание — убраться прочь, но руководствовались при этом самыми лучшими побуждениями.

* * *

За неделю Звягин накопил немного еды — две луковицы и три сухаря — и позаимствовал в мастерской бутылку для воды. Бутылок было много, поэтому пропажи не должны были хватиться.

Субботы Василий ждал с нетерпением. Голос рассудка подсказывал ему, что с Гвырлом и Ээхом говорить о контрабандистах не стоит — те могли из добрых побуждений заложить его отцу Протагору или стражникам. Обещали молчать, но вполне могут раскаться — настроение соседей переменчиво...

Всю неделю Звягин с особым усердием точил вертолетные лопасти, а в субботу вечером прихватил с собой резец — какие ни на есть, а оружие и предмет для обмена — и побрел к реке. Там он поблуждал по трущобным кварталам — может быть, в них кто-то жил, а скорее всего, большинство домов было заброшено, — потом вышел на окраину, внимательно огляделся и побрел по полю. Смеркалось.

Никто не погнался за Звягиным. А когда опустилась ночь, Василий понял, что заблудился. Он примерно представлял, где находится река, но не был в этом твердо уверен.

Ближе к полуночи начал накрапывать мелкий дождик — не редкость для этих краев, здесь почти все время было мокро и холодно. Василий дождю обрадовался — стражникам не хочется мокнуть, как и всем другим людям. Он повернул к реке и вышел на дорогу. И здесь едва не наткнулся на патруль — хорошо, что три стражника шли с фонарем и переговаривались между собой. Звягин отбежал в поле и ждал около часа, подозревая, что патрульные могли заметить его и оставить в кустах засаду.

Под утро, когда начало сереть, в городе ударил колокол. Василий в это время брел по полю вдоль дороги, размышляя, не пропустил ли он стоянку контрабандистов, узнает ли их лагерь или деревню. Колокола Звягин прежде не слышал. Догадываться, по какому поводу подняли тревогу, не приходилось. Колокол звонил по его душу. Василий счистил с ног налипшую грязь и побежал. К дороге, к реке... Теперь его могла спасти только быстрота.

Вдали залаяли собаки. Смыл ли дождь все следы? Удастся ли ему добраться до контрабандистов раньше, чем его настигнут, и, главное, договориться с ними?

Василий бежал, сзади уже слышались звуки погони — собачий лай, лязг железа. Нехорошо, ох как нехорошо! Теперь ему не отделаться так легко...

С каждой минутой становилось светлее. А когда над горизонтом поднялся красный край солнца — редкое явление для здешней всегда облачной погоды, — издали и сверху послышалось постукивание, шелест, тихий вой. Звягин оглянулся и увидел в небе деревянный вертолет.

Василий свернул в овражек, попытался спрятаться в складках местности — но вертолет быстро нагнал его и пошел на снижение. Звягин остановился, сел на землю. Вертолет приземлился в нескольких шагах от него, на ровной площадке.

* * *

Винтокрылая машина оказалась маленькой, на одного, от силы на двух человек. Деревянная дверь открылась, тихонько скрипнув, и из вертолета прыгнул на мокрую траву инквизитор Высшего совета Пантелей Григорьевич.

— Зачем же вы убегаете, молодой человек? — спросил он. В голосе не было укора или возмущения — инквизитор выглядел невыспавшимся и усталым.

— Сил нет, — твердо ответил Звягин. — Домой хочу, Пантелей Григорьевич.

— Не попадете вы домой, — покачал головой инквизитор. — Трудно это. Можно найти мир, похожий на ваш. Но вернуться назад, в то время, когда все было хорошо — или просто лучше, чем сейчас, — практически невозможно. Никто не возвращался. Только всякие подонки сюда и лезут. А потом воют с тоски.

— Подонки вроде меня, — мрачно усмехнулся Звягин.

— Нет, вы мне понравились, — ответил инквизитор. — Если вас поймают, опять посадят в тюрьму. А то и на цепь. Уже и мое заступничество не поможет.

— Что значит — если поймают? — с надеждой спросил Звягин. — А вы меня разве не поймали?

— Нет, — ответил Пантелей Григорьевич. — И, если вы этого хотите, Василий, я помогу вам попасть в другую плоскость. В другой мир. Дам свой аппарат для перемещения. Но его использование будет только на вашей совести. Обещайте не проклинать меня, когда окажетесь в местах столь диких, что этот край покажется вам раем.

Звягин прислушался к приближающемуся собачьему лаю и выдохнул:

— Обещаю. А вам ничего не будет за то, что вы помогли мне сбежать?

— Помог? — спросил инквизитор. — Это недоказуемо, Василий. Ведь я мог вас и не догнать. Перемещения во времени и пространстве не оставляют следов. По следу во времени не пустишь ни собак, ни дознавателей.

— Тогда я прошу вас: помогите мне!

— Мы, русские интеллигенты, должны помогать друг

другу, — неожиданно заявил инквизитор. — Может быть, там, куда вы уйдете, в самом деле лучше. Многие мои друзья ушли туда, но никто не вернулся. Почему — кто знает? Держите, Василий.

Пантелей Григорьевич протянул Звягину коробочку, обвитую медным проводом, с двумя роговыми выступами.

— Сдвиньте бегунок реостата и перемещайтесь, сближая рожки, — пояснил инквизитор. — Вправо — по оси «икс», влево — по оси «игрек». Аппарат останется у вас в руках — генерируемое им поле воздействует и на сам преобразователь. Не забывайте только вовремя ослаблять хватку. А если «рога» заклинит, бросайте аппарат в сторону — иначе можете залететь в те самые края, где земля плавится, а время течет совсем по-иному.

Звягин с недоверием осмотрел конструкцию, которую передал ему Пантелей Григорьевич. Инквизитор издевался? Может быть, изделие здешней чудной науки, алфизики, которая и лампочки заставляла гореть при соединении каких-то несуразных проводков, — всего-навсего электроразрядник, действующий как парализатор? Но что терять?

— А ведь сами вы не местный, Пантелей Григорьевич, — сказал Василий, беря в руки штуку, которую инквизитор выдавал за преобразователь.

— Местный, — ответил тот печально. — Но я не хочу менять свою жизнь. Поздно.

* * *

Собаки лаяли все ближе. Отчетливо слышался топот ног по дороге.

— Прощайте, Пантелей Григорьевич. Спасибо, — проговорил Звягин, сдвигая реостат вправо и сжимая «рога» аппарата.

Мир вокруг померк, похолодало. Когда Василий деактивировал аппарат, то увидел огромную, выложенную камнем площадь и сотни людей на ней. Некоторые сжимали в руках такие же алфизические преобразователи, как у

Василия, у других приборы висели на поясе. Но далеко не вся аппаратура узнавалась — устройства, с которыми и в которых ходили люди, выглядели очень странно. Как обручи с усиками на голове, как огромные ранцы, как надетые поверх одежды, искрящиеся и переливающиеся сети...

— Привет, — Звягина окликнула девушка с милым личиком, обрамленным фиолетовыми, торчащими во все стороны волосами. За спиной девушки висел аккуратный голубенький ранец.

Незнакомка была одета в джинсовую юбку до колена и синюю блузку. Пахло от девушки причудливой смесью тмина и бергамота. Василий отвык от ярких ароматов в стране вечных туманов, и запах показался ему тревожным. Несмотря на экстравагантную прическу, девушка выглядела прекрасно.

— Здравствуйте, — отозвался Звягин.

Рядом с симпатичной девушкой он почувствовал себя неуклюжим, глупым, неопытным. А ведь еще он был в уродливой рясе, грязных первобытных туфлях, небритый и наверняка пропахший луком — главным лакомством края, откуда он прибыл. Ни дать ни взять беглый монах. Хотя что-то романтическое в этом есть. Наверняка есть. Опыт прошлой жизни ему это подсказывал.

— Сбежал?

— Да, — робко ответил Василий.

— Синхронизируемся? — широко улыбнувшись, спросила девушка. — С базара сейчас лучше уйти. Много народу.

— А?

— Да! — засмеялась девушка, беря его под руку и поворачивая реостат на своем приборе. — Ты ведь здесь впервые?

В мире без цвета и формы слова девушки — смутной тени рядом — показались Звягину опорой.

— Я новенький. И я хочу домой.

— Мы найдем твой дом, — уверенно заявила девушка. — Но, уверена, ты не захочешь там остаться. Никто не хочет.

Аппарат увлекал их в неведомое будущее. Или прошлое. А может быть, в безумно прекрасную альтернативу. Или напрямиком в ад. Девушка знала куда. Звягин — нет.

* * *

Солнце светило мягко. На ярко-зеленой поляне, окруженной высокими деревьями, все больше полупрозрачными березами, порхали бабочки. Медленная речушка с темной водой плавно огибала поляну. Там, где солнечные лучи пробивались сквозь листву и падали на воду, река казалась золотой.

— Здесь я живу. Нравится? — спросила девушка.

— Очень, — ответил Звягин. — Но кто ты? И как тебя зовут?

— Меня зовут Лия.

— Лилия?

— Нет, просто Лия. А кто я... Не совсем поняла твой вопрос! Сам-то ты кто?

— Я — путешественник, заплутавший во времени.

— Романтично, — девушка широко улыбнулась, показав белые крупные зубы. — А я просто путешественница во времени и в пространстве.

— И ты умеешь возвращаться во времени туда, куда тебе надо? — затаив дыхание, спросил Василий.

Лия присела на траву, искоса взглянула на Звягина.

— Во времени? Нет, я просто могу попадать туда, куда хочу.

— Например?

— Например, на эту поляну. Это моя база. Я же объяснила тебе, что живу здесь. Хорошее место — ни души на десять верст вокруг.

— Верст? — переспросил Звягин.

— Это такая мера длины. Или ты привык мерить расстояние в милях? А может быть, километрах? Любая из этих единиц подойдет.

— Ты живешь в этом мире? — спросил Василий, попутно размышляя над тем, почему в разных мирах могут

использовать разные единицы измерения. — А с помощью преобразователя путешествуешь?

— Я живу не в мире, а на этой поляне, — терпеливо объяснила девушка. — Она существует в бесчисленных мирадах миров, в прошлом и будущем, в том или ином виде. Это ведь очень удобно, правда? А я ее нашла.

Василий огляделся по сторонам еще раз. Ни тропок, ни грядок, ни домика, ни шалаша. Такое ощущение, что нога человека ступила сюда первый раз.

— И где же твой дом? — спросил Звягин.

— Дом? А зачем мне дом? Здесь всегда тепло. Если пойдет дождь — можно спрятаться под деревом. Видишь елки — под ними всегда сухо. Речка с водой рядом — можно напиться и умыться. А вещи держать здесь все равно не получится. Нельзя дважды войти в одну реку.

— То есть ты каждый раз возвращаешься на другую поляну? — уточнил Василий.

— Не совсем так. — Лия тряхнула волосами. — Нельзя быть уверенным, что вернешься туда, куда надо. Как-то раз я встретила на этой поляне парня, с которым рассталась за год до этого. Он так задумчиво глядел на воду... Словно поджидал меня. Ну, я спихнула его в реку и дала деру. Он заслужил такое обращение! К тому же нечего приходить туда, куда тебя не звали. Это моя поляна!

Василий усмехнулся, представив себя на месте парня. Сидишь, мечтаешь — и тут из воздуха появляется бывшая возлюбленная, которая толкает тебя в воду и снова растворяется в воздухе. Воплощенная месть!

— Ты считаешь, я была не права? — возмутилась Лия.

— Нет, что ты. Это же твоя поляна! Кстати, спасибо, что позвала.

— Ты мне понравился. И сразу было ясно, что ты потерялся. Забрел сам не знаешь куда... Так и до беды недалеко.

— Беда уже пришла, — ответил Василий. — Я не знаю, где я, кто я. Не знаю, как вернуться домой. А величайшее открытие моей жизни — и не открытие вовсе, а какая-то ерунда. Все равно как одинокий туземец гордился бы тем,

что узнал, будто в раковинах встречается жемчуг. А его добывают оттуда уже тысячи лет.

Лия покачала головой.

— Ты попал к работорговцам?

— Нет. В какое-то дикое Средневековье. Они знают о путешествиях во времени, но не путешествуют. Сидят, точат вертолетные лопасти, лопают килограммами лук...

— То-то я не могу понять, чем от тебя пахнет! — обрадованно воскликнула Лия. — Луком! Я люблю лук. В небольших количествах, конечно.

— У меня есть немного.

Василий достал из кармана две луковицы и протянул их Лие.

— Ах ты, бедняга! — вздохнула девушка. — Это и весь твой обед?

— Вообще говоря, да. И я весьма голоден.

Звягин смущенно потупился.

— Пойдем, поедим земляники. Тут неподалеку должен быть дуб, а сразу за ним — ягодная полянка.

* * *

Земляничные ягоды были крупными, как в сказке или в раннем детстве. Они таяли на языке, кружили голову, восстанавливали силы. Лия выбирала самые спелые ягоды и осторожно клала их Василию в рот.

— Ты словно лесная фея, — прошептал Звягин.

— Так и есть, — ответила Лия, склоняясь к Василию. — Я заманила тебя в свой лес, и теперь ты только мой. Однако сейчас ты не выглядишь таким скромным монашком, каким казался в своей рясе.

Звягин перевел взгляд на свою одежду. С девушкой было так легко и приятно, что он даже забыл, в какую рубашку одет. Впрочем, встречают по одежке, а провожают... Он пока не хотел, чтобы его провожали.

— Где же дуб, Лия? — спросил Василий, когда первый голод был утолен. — Ты говорила, что земляничная поляна лежит за дубом.

Девушка запрокинула голову, разглядывая верхушки деревьев.

— Выходит, рядом с этой поляной дуба нет. Белка съела желудь, лось раздавил копытом молодой росток... А может, гроза пятьдесят лет назад разнесла дерево в щепы. Следующий раз дуб здесь будет. Они долговечны, их не так просто искоренить.

Девушка продолжала разглядывать небо, по которому плыли огромные, высокими башнями, облака. Спустя день-два эти облака непременно должны были превратиться в черные грозовые тучи.

Звягин осторожно обнял девушку за талию. Она не отстранилась. Тогда Василий наклонился и поцеловал ее в благоухающие земляничкой губы. Лия мягко выскользнула, чмокнула Василия в щеку.

— А мне отчего-то показалось, что ты ищешь в далеких временах утерянную любовь, — заявила она вдруг, глядя в глаза мужчине.

Звягин вздрогнул.

— Откуда ты знаешь?

— Да по тебе, знаешь ли, видно. Побывав в разных мирах, повидав людей, учишься подмечать такие вещи. Да и рясу просто так не надевают. Где ряса — там любовь, в том или ином виде.

— Но в том мире, где я оказался, просто не было другой одежды!

— Значит, и в тот мир ты попал не случайно.

— Как это может быть? Траектория перемещения вычислялась компьютером.

— Мир гораздо более сложная штука, чем представляется многим, — протянула девушка. — А жаль, что у тебя есть любимая. Если бы тебя искупать и причесать, ты выглядел бы очень славно.

Василий расправил плечи. Если прежде он и правда считал себя парнем хоть куда, события последних недель перевернули его мироощущение. Он ничего не знал, ничего не умел, ничего собой не представлял. Он потерял — и в прямом, и в переносном смысле. А сейчас такая

девушка говорит, что он ей нравится, и даже позволяет себя поцеловать. Один раз... Или не позволяет?

— Извини меня, Лия! — попросил Звягин.

— За что?

— Я не должен был тебя целовать.

— А я не должна была кормить тебя из рук. Так что это ты меня извини — я едва тебя не приворожила.

— Приворожила?

— Ну да. Здесь ведь растут не обычные ягоды. И поляна совсем не обычная.

— Серьезно?

Девушка усмехнулась.

— Не веришь — съешь еще парочку. А веришь — воздержись. Иначе забудешь свою Машу до конца времен.

— Машу? — поразился Звягин. Он был уверен, что не называл имени. — Откуда ты знаешь?

— Да у тебя на лице все написано, — заявила Лия. — Ты как большой ребенок. Который каждый день что-то для себя открывает.

— Так ты и правда фея? — спросил ошарашенный физик.

— Хотела бы, но увы... Однако Машу тебе найти помогу. Если захочешь.

— Еще бы не захочу. Я за это полжизни отдам, — ответил Василий.

— Ну, тогда тем более.

* * *

Лия и Василий лежали рядышком на траве и смотрели на звезды. Звягин наслаждался обществом девушки — словно он вдруг оказался рядом со старшей сестрой, всегда готовой помочь и поддержать. Правда, на самом деле сестры у него никогда не было, но идеальную сестру он представлял именно такой, как Лия, — понимающей и доброй, заботливой и чуткой.

В трех шагах от Звягина потрескивал небольшой костерок. На коротких прутиках над углями подрумянива-

лись грибы. Лия утверждала, что по вкусу они гораздо лучше курятины. Запах от грибов и правда шел мясной.

Костер грел один бок, а от реки тянуло прохладой. После купания хотелось есть, но еще больше — смотреть на звезды, россыпью мелких алмазов усеявших небо.

— А есть миры, где рисунок звезд другой? — спросил Звягин.

— Так далеко я не заходила, — ответила девушка. — Но, полагаю, есть и такие края.

— Там тоже говорят по-русски?

— Вряд ли. Там и людей-то, наверное, нет. Звезды — это то, по чему всегда можно ориентироваться, в прошлом или будущем. Они слишком постоянны и огромны. Зажглась новая звезда — жди беды.

— А погасла?

— Тоже. Звезды должны быть незыблемы.

— Наверное, так.

Василий поднялся, перевернул прутики с грибами. Костер горел слабо, но подбрасывать топливо не стоило — грибы должны были дойти над углями.

— Что за странная идея — найти именно ту Машу? — спросила Лия. — Я же тебе объясняла — нельзя дважды войти в одну реку. Мы можем отыскать девушку, которая похожа на Машу, да еще и красивее, добрее и умнее ее. Правда, не факт, что она тебя полюбит. Но многие бродяги во времени только тем и занимаются, что ищут любовь... Приключения и любовь — что еще нам нужно? Странствуя по мирам, добра не скопишь.

— А моя Маша навсегда останется с ненавистным мужем?

— Увы, — ответила Лия. — Существуют миллионы миров, где участь Маши еще хуже. Где она попала под трамвай, убита пьяным грабителем, спилась от горя, потеряв тебя — точнее, того, кто заменял ей тебя. И этого не изменить.

— Никак?

— Можно бороться с частностями — но сделать ее счастливой всегда и везде ты не можешь.

— А в моем мире?

— Там, откуда ты пришел? Вернуться всегда сложно. Вернуться в прошлое сложнее во много раз. А ты ведь хочешь возвратиться в определенную точку пространства-времени. Это практически невозможно.

— Практически или невозможно?

Девушка поднялась, взяла прутик с грибами, откусила кусочек от одного, слегка обугленного.

— Совсем готовы, ешь, — предложила она. — Но слишком не увлекайся — грибы плохо перевариваются. А я, если ты не против, съем луковицу. Всем хорошо в этом лесу, и добра всякого полно — а лук не растет.

Василий поспешно протянул Лие луковицу и спросил:

— Так все-таки... возможно или нет?

— Завтра сходим к отшельнику, спросим его, — ответила девушка. — Тебе повезло, что я встретила его когда-то. А нашла я его потому, что много путешествовала, забредала в такие дали, что тебе и не снилось. Но, видишь, вернулась на свою уютную полянку.

— Отшельник живет неподалеку?

— Нет, очень даже далеко, — вздохнула Лия. — Нормальным людям там жить в голову не придет — пустыня. Но он совершенствуется и знает практически все. Если он захочет и сможет тебе помочь — считай, ты уже рядом с Машей. А если нет — что ж, утешай себя тем, что на ней свет клином не сошелся.

— Не во мне дело. Я обещал ей помочь! То есть сделать счастливой.

— Это много, кто много кому обещает, — хмыкнула Лия.

— А почему мы не можем пойти прямо сейчас? Ведь можно сместиться во времени вперед или назад, чтобы был день.

— Потому что нам нужно отдохнуть, — ответила девушка. — Не на всех лесная земляника действует так бодряще, как на тебя. Путь неблизкий.

* * *

Они брели по туманным равнинам времени между миров, лишь изредка выныривая, чтобы оглядеться и сориентироваться. Без Лии Звягин заблудился бы с любой самой совершенной программой. Девушка искала нужный мир буквально на ощупь, вглядываясь в звезды, прислушиваясь к гулу ручьев, проводя рукой по камням, вдыхая аромат листьев. А Василий думал о том, как прекрасно все время быть в движении. Отринуть заботы о доме, отказаться от материальных благ — и бродить по земляничным полянам, живя только сегодняшним днем. Ведь за все надо платить. И человек выбирает для себя, какой путь, какую жизнь избрать.

— А если у человека есть дети — может он вернуться к ним, отправившись в путешествие во времени? — спросил Звягин, когда они присели отдохнуть на берегу синего озера, берега которого поросли мелкими ярко-красными лилиями и казались кровавыми.

Лия с интересом посмотрела на Звягина.

— Почему ты все время говоришь о путешествиях во времени? Мы странствуем между мирами — перемещаясь и во времени, и в пространстве. Одно неотделимо от другого. Связность.

— Континуум, — подтвердил физик, покраснев. Его, без пяти минут доктора наук, учит элементарным вещам девчонка, которая, наверное, и в университете не училась.

— Детей нужно выращивать, сидя на одном месте, — сказала Лия. — Можно ли вернуться к детям, купив билет на поезд в один конец, да еще и зная, что мосты за тобой взорвут? Можно, пожалуй, только будет это не так просто, да и дети, к которым ты возвратишься, будут уже совсем другими.

— Значит, люди делятся на тех, кто живет все время в одном мире, и тех, кто бродит между миров?

— И да, и нет. Если ты собрался куда-то пройти, будь готов к тому, что твое место будет занято другим. В нашем случае — другим тобой. Ты ведь знаешь, что никогда нельзя встретить в путешествиях себя самого?

— Мне говорили.

— Это так. Близнеца и двойника — можно. Но себя — нет. В мире есть место лишь для тебя одного. И если ты из другого пространства и времени попал в какое-то место, другим туда хода нет.

— Особое квантовое состояние для каждого объекта, — кивнул Звягин.

— Вот так же и с детьми, — неожиданно заявила Лия. — Отвернулся — а их сердце уже принадлежит другому. Да и не отворачивался — тоже. Они такие непостоянные поросята...

Лицо девушки просветлело, и Василий понял, что детей она очень любит.

* * *

Лия и Василий пробирались тропками между мирами три дня. Леса сменились полями, поля — полупустынями, потом на горизонте показались горы, а на выжженной равнине росли одни колючие саксаулы. Ручейки иссякли, и путешественники страдали от жажды.

— Ничего, там, где будет Отшельник, обязательно есть вода. А он рядом, — успокаивала Василия Лия.

Действительно, ручеек с прозрачной и прохладной водой выбивался из камней, бежал несколько метров под палящим солнцем и снова скрывался в камнях. Но ручей меньше всего удивил Звягина. Вода она и есть вода, сколь бы желанной ни была.

Прямо в воздухе, примерно в полуметре над каменной ровной площадкой, парил в воздухе смуглый, обритый наголо человек в темно-красном одеянии. Лицо Отшельника выражало умиротворение и покой. Прикрыв глаза, он безмятежно улыбался.

— Здравствуйте, Учитель, — тихо сказала Лия.

Отшельник не шевельнулся и не ответил — но Звягина вдруг охватило такое умиротворение и покой, что он понял: их не только заметили, с ними поздоровались. На душе стало радостно.

— Ты нам поможешь? — спросила девушка.

Отшельник, не открывая глаз, медленно покачал головой. Сердце Звягина упало. Отшельник знал, зачем они пришли, и не мог отправить его домой. Что же теперь делать?

— Не расстраивайся, — сказала Лия. — Это всего лишь первый ответ.

— В каком смысле? — спросил Звягин.

— Отшельник не один. Он дрейфует сквозь миры, проникая везде. Завтра на его месте будет другой человек. Такой же просветленный. Но, возможно, он будет способен тебе помочь.

Отшельник вдруг открыл глаза — и Василию показалось, что он преисполнился мудростью и любовью.

— Девушка права, — тихо, с легким акцентом заявил он. — Я не силен в науке и технике, но я могу дать тебе благословение. Благодаря ему ты найдешь и узнаешь свою любовь, где бы ни был. Если твоя любовь истинна.

— Спасибо, Учитель! — тихо сказал Звягин. Он не понял, как оказался рядом с Отшельником. А тот прикоснулся к груди Василия и снова закрыл глаза.

— Не будем беспокоить просветленного. — Лия схватила оторопевшего Звягина под руку и потащила прочь. — Он и так сделал для нас очень много.

Только оказавшись в неглубоком овражке, Звягин сообразил, что они даже не напились из ручья. Но пить отчего-то совершенно перехотелось. Лия поглядывала на Звягина немного испуганно.

— Что случилось? — спросил ее физик.

— Ты получил благословение просветленного. Теперь с пути не свернуть, — отозвалась девушка.

— Но я так и не понял, что мне нужно делать. Мы будем искать другого Отшельника?

— Он сам найдет нас. Точнее, он окажется здесь, сегодня или завтра. А может быть, через неделю. Мы пойдем когда.

— Это будет другой просветленный?

— Да. Или нет. Нельзя сказать наверняка. Здесь всег-

да есть Отшельник, и он всегда один. Но, как правило, в разные дни это разные люди. Если только их можно назвать людьми.

— А как он парил в воздухе? — спросил Звягин.

— Если бы я умела это делать, с удовольствием бы тебе рассказала, — фыркнула Лия. Похоже, на нее встреча с Отшельником произвела не такое сильное впечатление, как на Василия, и она уже начала приходить в себя, теряя внезапно накатившую благодать. Впрочем, бесследно такая встреча не могла пройти ни для кого. И Звягин подумал, что Лия стала такой отзывчивой и доброй именно после того, как встретила с просветленным. Или наши стремления, наши чаяния и наша любовь — только в нас самих?

* * *

Василий дремал, привалившись спиной к прохладной скале, когда его тронули за плечо. Открыв глаза, он увидел босого мужчину в белой парусиновой рубашке с коротким рукавом и шортах. Взгляд серых глаз мужчины было трудно выдержать. Если бы не глаза, Звягин бы и не понял, кто перед ним, — Отшельник выглядел как самый обычный европеец на экзотическом отдыхе. Что слишком загорел — вполне понятно. Под таким солнцем за день загорись.

Лия спала, свернувшись калачиком. Лицо ее было счастливым.

— Ты хочешь вернуть любовь, Василий? — без предисловий спросил Отшельник.

— Да.

— И как далеко готов ты пойти ради этого?

— Как угодно.

— Опасное заявление, — тихо сказал Отшельник.

— Я в хорошем смысле, — тут же ответил Звягин.

И действительно, он не собирался никого убивать, не хотел ничего красть. В присутствии просветленного и мысли о том, что такое происходит в других временах и

пространствах, казались дикими. Но сам Василий был готов сделать все, что от него потребуется.

— Даже пройти Вселенную насквозь? — спросил Отшельник.

— Конечно. Если мне хватит на это времени.

— Мы сами выбираем для себя время, — заметил Отшельник. — Отойдем. Не будем мешать девушке.

Они прошли вдоль высохшего русла ручья метров двадцать. Там Отшельник наклонился, поднял из травы какой-то черный продолговатый предмет. При ближайшем рассмотрении он оказался не то скипетром, не то короткой дубинкой. Утолщения на концах, резьба по всей длине.

— Образец высоких технологий, — пояснил Отшельник, улыбнувшись. — Сам мастерил. Но могу отдать тебе — если очень надо.

— Что это? — осторожно спросил Звягин, разглядывая резную палку.

— Пространственно-временной преобразователь, конечно. Единственный в своем роде. Его и запускать-то опасно — слишком велика скорость перемещения. Минута — и окажешься там, куда Макар телят не гонял.

— А обратно?

— С этим закавыка, — признался Отшельник. — Необычайно высокая скорость развивается за счет анизотропии действия преобразователя. Можно двигаться только в одну сторону.

— И что в конце пути?

— У кольца нет конца, — засмеялся Отшельник. — Ты пройдешь Вселенную насквозь. И окажешься там, откуда прибыл.

Ответ можно было угадать, но Василий все равно задержал дыхание. Пройти Вселенную насквозь?

— Значит, время тоже замкнуто в кольцо?

— Нет, время — оно течет, — протянул Отшельник. — Но пространство-то в кольце. И времени никуда отсюда не деться. Так что, двигаясь в одну сторону по условной прямой, рано или поздно окажешься в той же точке, откуда вышел.

Взмахнув резной палкой, Отшельник нарисовал в воздухе сферу из золотистых искр. Сфера продавилась с полюсов, превратилась в бублик, начала расширяться, пока не коснулась Звягина, — а потом растаяла в воздухе.

— И через Большой взрыв придется пройти? — спросил Василий.

— Нет, конечно. Тебе еще учиться и учиться, — усмехнулся Отшельник. — Ты пройдешь по поверхности тора. По краю расширяющегося бублика. А взрыв — он вне того бублика, что существует сейчас. Ровно посредине. Вне пространства, за горизонтом событий. Понимаешь?

На этот раз Отшельник не стал ничего рисовать в воздухе — просто глянул в бездонное голубое небо. И Василий посмотрел туда же. Небо как небо, только очень яркое.

— Не совсем хорошо понимаю, но представляю, — ответил физик.

— Отлично. Я дам тебе преобразователь, а прежде тебе было дано благословение — поэтому ты непременно окажешься там, где надо. И поймешь, когда нужно остановиться. Найдешь свою Машу — так, как хотел.

Казалось, Отшельник говорил не очень сложные вещи, а обещания его могли оказаться пустыми — если бы их произносил кто-то другой. Но этому человеку Звягин безоговорочно верил. И ему было так хорошо, так спокойно... Хотелось просто сесть в позу лотоса и подняться на полметра над землей. И сидеть так до скончания веков, время от времени улыбаясь.

— Нет, нет, даже не думай! — воскликнул Отшельник. — Твое предназначение не в этом. Ты должен идти, а не сидеть.

— Почему вы все мне помогаете? — едва сдерживая слезы, спросил Василий. — Инквизитор из того дикого мира, Лия, ты и еще один ты. Чем я заслужил это?

Голубое небо над головой, чистая вода в ручье, ласковые морские волны, прохлада дубовой рощи и свежесть земляники — чем люди заслуживают это? Или хорошие отношения между людьми так же естественны, как яркое солнце и чистая вода?

— Да, ты понял верно. Ничем, — коротко ответил Отшельник. — Мы — люди, и этим все сказано.

— Но человек так мал в сравнении с временем...

— И с пространством, — подтвердил просветленный. — Вчера я смотрел на небо и увидел скопление из четырехсот галактик в созвездии Северная Корона. Ты представляешь себе хотя бы одну галактику, Василий?

— Ну, если только смотреть издалека, — ответил Звягин.

— То-то и оно, — сказал учитель. — А ведь вникать нужно изнутри. И когда-то мы вникнем. Я побываю в каждой из этих галактик, у каждой звезды — и мои глаза будут отражать их свет. Но до этого далеко. Твой путь не так далек, но труден. Тебе придется идти к своей Маше пять лет.

— Почему именно пять? — спросил Звягин.

— Мой преобразователь ускоряет время в миллиард раз и позволяет преодолеть миллиард лет за год. Вселенной сейчас пять миллиардов лет. Стало быть, за пять лет ты сделаешь полный круг и окажешься там, где нужно.

— А кривизна Вселенной?

— Все учтено, Василий. Ведь кривизна — это в какой-то степени и есть время. Главное — остановиться вовремя. И не замерзнуть по дороге. В межмировых пространствах слишком холодно.

— Но, учитель, я все-таки не понимаю... Как я встречу ту самую Машу, если попаду в свой мир? Ведь там я — а мне говорили, что человек не может встретить в мире самого себя.

— Да, пространство этого не выдержит, — подтвердил Отшельник. — Но, пройдя Вселенную насквозь, ты изменишь ее и себя. Сделаешься тоньше дыма ладана и в конце пути станешь самим собой.

* * *

Отшельник не провожал Василия в дальний путь. Дав ему последние наставления, он отправился по своим делам. Прощалась со Звягиным только Лия.

— Жаль, что я никогда не узнаю, нашел ли ты свое счастье, — тихо сказала она. — Мне было бы очень интересно.

— Может быть, я найду способ дать тебе знать? — спросил Василий.

— Не исключено, — кивнула Лия. — Времени у нас много.

— А ты, если вдруг встретишь инквизитора Пантелея Григорьевича, — передай ему от меня привет. Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулась Лия. — Правда, я редко забредаю в такие мрачные места. Разве что в период меланхолии.

— Ну, прощай, — вздохнул Василий. — Надо трогаться.

— Как же ты в такой дальний путь без еды, без одежды? Может быть, я соберу тебе орехов, наварю земляничного варенья?

Звягин покачал головой.

— Отшельник сказал, еда мне не понадобится. Большую часть пути я проведу в медитации, чтобы не замерзнуть совсем. Лишь иногда вынырну в реальный мир — подышать, согреться. А потом — опять в тьму и холод. Я ведь должен измениться и сам.

— А ты умеешь задерживать дыхание на месяц и не питаться годами?

— Отшельник дал мне благословение. Думаю, что теперь я смогу преодолеть путь.

— Тогда — удачи!

Лия притянула Василия к себе и поцеловала. Как сестра. И все-таки не совсем как сестра.

* * *

Пять лет в морозном тумане, там, где не светит солнце и не указывают путь звезды, где не журчат ручьи и не поют птицы, а лишь шуршат складки сухого, безжалостного времени, тянулись бесконечно. Лишь раз в месяц Василий разжимал пальцы, стискивающие жезл, и вываливался в обычные измерения, где время текло медленно

или быстро, где тело вновь ощущало тепло, где можно было сделать глоток воды, а иногда — съесть ягоду или какой-нибудь зеленый листочек — если только вокруг не царил выжженная солнцем пустыня. Когда зелени вокруг не было, а солнце безжалостно палило над головой, Звягин ложился на потрескавшуюся землю, раскинув руки, и впитывал тепло и солнечный свет.

Даже небольшой ветерок шатал Василия, а в снежном буране его пытались поднять к самому небу маленькие злые смерчи. Но и в буране, и на заснеженных равнинах было теплее, чем в межмировых холодных пространствах.

Звягин таял, но и жезл, данный ему просветленным, становился все легче — он тратил свою массу и энергию на перемещение. Если бы пальцы Звягина сохранили прежнюю силу, они сломали, искрошили бы жезл после первого года пути. Но он ослабел и даже самые легкие ягоды не поднимал ко рту, а опускался, чтобы сорвать их ртом. Да и есть хотелось все меньше...

Спустя месяцы пути Василий начал забывать звездное небо и земляничные поляны, сладость сахара и запах моря. Законы физики он давно забыл, да и русский язык, если на то пошло, тоже. Впрочем, общаться с людьми, которых он встречал на пути, ему совсем не хотелось. Он помнил лишь, что должен дойти до конца — и встретить Машу. Ее он помнил, но думал о девушке отстраненно — все силы были отданы пути.

Сколько пройдено и сколько осталось, Василий знал всегда. После того как миновало два с половиной года, стало гораздо легче — ведь теперь он приближался к Маше, а не удалялся от нее по поверхности искривленной в чужих измерениях Вселенной. Но вехи этого пути практически не различались — слишком мало человеческого осталось в том, кто был Василием Звягиным.

Когда жезл истаял до конца, а сам Звягин остался лишь мыслью, проблеском сознания, он увидел и почувствовал, что путь пройден, — и вновь стал человеком.

* * *

Маша шла по весенней улице, уверенно стуча каблучками по асфальту. Цвела акация, на город опустилась жара, но ее пока можно было терпеть.

Худой, даже изможденный молодой мужчина, сидевший в прострации на скамейке рядом с фонтаном, увидев Машу, вскочил и бросился ей навстречу. Девушка испугалась, но не попыталась убежать. Да и зачем бежать — кругом люди. Если молодой человек хочет попросить у нее денег, значит, она неплохо выглядит. Своего рода комплимент. Обидеть ее прямо на улице он не сможет.

— Маша! Наконец я нашел тебя, Маша! — заявил мужчина, пристально вглядываясь в ее глаза. — Но я тебя совсем не помню.

— Как же вы можете меня помнить, когда мы незнакомы? — участливо, без раздражения спросила девушка. При ближайшем рассмотрении мужчина ей неожиданно понравился — взгляд у него был не безумным и даже не грустным, но очень понимающим.

— Я Звягин, Маша. Василий Звягин.

Маша вгляделась в мужчину пристальнее. Как у него горят глаза! И симпатичный... Однако имя и фамилия ей ничего не говорили.

— Вы больны? — спросила девушка.

— Нет. Я просто давно ничего не ел.

— А пойдёте, я вас угощу обедом? — неожиданно для себя самой предложила Маша. — Вы любите ватрушки?

— Спасибо, — с достоинством ответил Василий. — Мне очень нравятся ватрушки. А твои ватрушки, Маша, просто бесподобны.

— Я и готовить-то их не умею, — засмеялась девушка. — Правда, собиралась научиться. Так что, в кафе?

— Да, — согласился Звягин. — Кстати, деньги у меня есть.

Он достал из кармана и продемонстрировал несколько измятых сотенных бумажек. Не ахти какая сумма, но на обед вполне хватит.

— Обманщик! — улыбнулась Маша. — У вас такой способ знакомиться с девушками? Прикидываться голодным? Психологический эксперимент?

— Нет, не эксперимент. И я действительно голоден, а жду тебя очень давно, — признался Василий. — Как все-таки странно, что ты меня не помнишь. Но это очень хорошо...

Маша внутренне напряглась — молодой человек преступник? Он когда-то скверно с ней обошелся? Но ничего особенно плохого с ней в жизни не случилось, и что хорошего в том, что она не помнит Василия, девушка не понимала... Может быть, этот парень учился с ней в школе? В старших классах? Может быть, раньше он был не таким, как сейчас?

Метрах в тридцати от Звягина и Маши, проскрежетав колесами по асфальту, остановился черный джип. Высунувшийся в окно солидный мужчина в дорогом костюме спросил о чем-то у молодого человека с букетом цветов — скорее всего, дорогу. Парень махнул рукой, указывая за угол. Джип сорвался с места так же резко, как затормозил. Наверное, его хозяин опаздывал на важную встречу.

Василий проводил автомобиль взглядом и прошептал:

— Теперь все будет хорошо, Машенька. Очень хорошо.

— Наверное, — улыбнулась девушка. На джип она вообще не смотрела — мало ли машин вокруг?

И они рука об руку пошли в кафе, откуда так вкусно пахло выпечкой и кофе. У Маши сладко ныло сердце — словно она встретила давнего друга, а может быть, самого важного в своей жизни человека. Она была уверена в своем новом знакомом и почти любила его, хотя никогда не видела прежде. А Звягин даже забывал иногда дышать — как в холодных межмировых пространствах, — потому что ему было так хорошо... Слушая Машу, вглядываясь в такие милые черты лица, он вспоминал ее заново — спустя пять миллиардов лет.

РАССКАЗЫ

AF 2404

1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

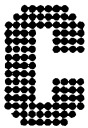
1944

1945

СЕЗОН ЧЕРНЫХ ДОЖДЕЙ

01.01.

Сегодня было холодно. Я долго бродил по равнине в поисках суша, но отыскал, только когда звезда почти вся закрылась тучами. Еда немного согрела меня.

Ночью не произошло никаких особенных событий. Я провел ее на большом старом камне, свернувшись в клубок. Утром отправился дальше.

Шел несколько часов, пару раз замечал вдали флегомов. Они тоже искали суш. Никто не подошел ко мне, поэтому я устроился на отдых один. Суша у меня осталось немного.

Вечером опять видел одинокого флегома. Он медленно шел через равнину, опустив голову и осматривая землю. Я пригласил его отведать моего суша, но флегом оценил количество оставшейся у меня пищи и отказался. Я долго провожал его взглядом. Потом устроился спать.

02.01.

Утром я обнаружил на небе длинный белый след, словно там пролетел метеорит. Однако локс метеорита я не почувствовал. Закрыв один глаз, я поискал поблизости чувствующих и нашел того самого флегома. Он подтвердил, что тоже видел след, и сообщил о странном суррене,

который раздавался со стороны падения объекта. Я пригласил флегому составить мне компанию для исследований, однако он отказался и выразил огорчение, поскольку слишком ослаб для длительного похода в сторону гор и не сможет проверить источник суррена.

Я собрал весь оставшийся суш и направился к флегому. Он неподвижно лежал у подножия большого дерева и, судя по всему, умирал. Я оставил ему суш, не обращая внимания на слабые попытки отказаться. Мне легче достать пищу, я умею ползать по вертикальным камням и залезать на деревья. Сообщив об этом флегому, я отправился к горам.

04.01.

Вчера я ничего не фиксировал в дневнике, потому что сильный ветер с севера слишком переохладил мою кровь и процессы мышления замедлились. Насколько могу судить, вчерашний день я провел в оцепенении, неподвижно прижавшись к стволу рухнувшего дерева. Было холодно.

Сегодня с утра я двигался навстречу осязаемому суррену с юга. Флегомы значительно превосходят меня размером, поэтому ощущают суррен с более далекого расстояния. Однако локс я чувствую лучше.

Если метеорит был искусственным, отсутствие локса легко объяснимо. Однако мне трудно вообразить, чтобы чувствующие могли использовать такой нерациональный вид исследовательского прибора. Время функционирования метеорита с момента входа в атмосферу до падения — несколько секунд. Вероятно, локс просто несвойствен минералам данного конкретного азролита.

Вечером я нашел большой оазис суша и сообщил всем флегомам о его существовании. Согласно моей оценке, трое взрослых могли бы кормиться здесь в течение месяца. Ближайшие трое флегомов с благодарностью отозвались о моем приглашении и согласились присоединиться. Я с радостью ожидал их появления.

Однако неожиданно один сообщил, что в семи часах

пути на юг голодает детеныш флегомы и что он уступает юному свою часть суша. Двое других также немедленно уступили детенышу права на оазис, и мне пришлось залезть на высокое дерево, чтобы пригласить малыша. Юный флегом поблагодарил взрослых и направился к оазису. А я продолжил путь к горам.

05.01.

Сегодня я наконец ощутил локс. Его параметры были необычно сглаженными, и менее опытный исследователь вполне мог спутать суррена юго-западного месторождения урана с подобным локсом. Мне пришлось остановиться почти на три часа, пока чешуя меняла внутреннюю структуру и адаптировалась к такому странному локсу. За это время я построил мысленную диаграмму зависимости суррена и локса относительно моего расположения на местности. Получилась классическая задача трех тел, решение которой доставило мне и наблюдавшим за решением флегомам большое наслаждение.

Вечером я впервые опробовал сенсорность по направлению к источнику суррена. Как ни странно, точка скрещивания пеленгующих векторов совпала с предполагаемым источником локса. Если так будет продолжаться, я не удивлюсь, обнаружив шоман или даже шаман.

Ночью я уловил далекие мысли летающих гарп. Горные жители гарпы едят листья деревьев и редко встречаются на равнине. На этот раз, однако, их что-то встревожило.

Я послал запрос. Ближайший гарп сообщил, что двое молодых обнаружили место падения метеорита и однозначно идентифицировали его как космический корабль. Корабль сильно пострадал при посадке, и источником локса служили разрушившиеся топливные баки. Я посоветовал гарпу отозвать молодых исследователей, поскольку сильная смесь суррена и локса называется шоман и вредно действует на здоровье юных, слабо защищенных

чувствующих. Гарп поблагодарил за предупреждение и передал его дальше.

Спалось мне тревожно.

06.01.

К середине дня пошел черный дождь. Я с огорчением получил сообщение о смерти одного из флегомов, не успевшего вовремя укрыться под деревьями. Ближайшие к погибшему чувствующие передали сочувствие, а у меня испортилось настроение, хотя дождь отполировал мою чешую до матового блеска. Отдохнув на маленьком холме, я отправился дальше.

К вечеру мне наконец удалось достичь подножия гор. Один из гарпов встретил меня у первых деревьев и угостил небольшим количеством суша, за что я его поблагодарил.

Немного позже прилетел исследователь-гарп, награжденный именем за открытие съедобных семян дерева некин. Как он сообщил, его звали Риф 4.

— Нам приятно видеть математика Зоррана 1 столь близко от гнезд, — вежливо приветствовал он меня. Я поблагодарил Рифа 4 за проявленный интерес и попросил рассказать подробности о пришельце.

Рассказ занял всего пять минут. Гарпы, последовав моему совету, отозвали исследователей из района повышенного шомана, поэтому все данные исчерпывались первоначальным осмотром. Согласно оценке Рифа 4, если экипаж корабля сходен с нами биологически, то с вероятностью 90% он погиб. Я с огорчением признал аргументированность его оценки, однако выразил надежду, что завтра сумею отыскать выживших. Риф 4 пожелал мне спокойно провести ночь, я ответил аналогично.

Выспаться не удалось.

07.01.

Утром я посетил район падения корабля. Осмотр с близкого расстояния сообщил мне многие интересные подробности, ускользнувшие от внимания юных гарпов.

В частности, как оказалось, конструкция машины была слабо оптимизирована для длительных полетов, из чего я сделал вывод, что вижу либо автоматический зонд, либо посадочный модуль большого звездолета. Уровень шума на превышал смертельный для гарпа и флегома в несколько раз, приближаясь к опасному даже для меня шаману.

Оценив степень повреждений, я отказался от мысли восстановить корабль в первоначальном виде для возвращения хозяевам. Тем не менее оставить его так было нельзя. Сообщив гарпам о начале работ, я принялся разбирать обломки в надежде спасти экипаж.

Локс был исключительно своеобразен. Локсила буквально каждая деталь, несмотря на мощный фоновый суррен. Я был удивлен таким явлением, создавалось впечатление, словно конструкторы специально меняли внутреннюю структуру металла, заставляя тот излучать локс.

Идея показалась мне настолько странной, что я мысленно смоделировал весь гипотетический процесс локсирования металла. Как оказалось, побочным свойством напряженности материала являлось значительное повышение его прочности — до нескольких сотен раз.

Размышляя над данной информацией, я пришел к выводу, что экипаж корабля, скорее всего, не имеет органов чувств для ощущения локса. Это объясняло удивительную технологию локсировки, одновременно увеличивая мои шансы на спасение выживших. Ободренный такой мыслью, я продолжил разбирать обломки.

Приблизительно три часа спустя я обнаружил первого погибшего. В том, что член экипажа мертв, не возникало сомнений: его тело было почти полностью разорвано пополам вместе с защитным скафандром. Осмотр сообщил мне много важных сведений по биологии пришельцев, в частности то, что они принадлежали к классу млекопитающих теплокровных двуполых разумных, иначе говоря, были близки флегомам. Образец крови, который я проглотил с целью провести генетический анализ, был необратимо уничтожен шумом. Следовательно, защита

у данного вида находилась в зачаточном состоянии. Сомнения мои росли.

Размер тела погибшего заставил меня задуматься над целесообразностью дальнейших спасательных работ. Сомневаясь, что сумел бы вытащить такое крупное существо из обломков, я тем не менее продолжил поиски.

В течение следующего часа я обнаружил еще одно тело, на этот раз самки. Она погибла, раздавленная приборной панелью корабля. Мне было неприятно продолжать поиски, однако пока существовала вероятность спасения хоть одной жизни, я не имел права отступить.

Наконец мое упорство было вознаграждено. Разобрав с помощью оригинального ручного лазера погибшего пилота заднюю стенку кабины, я обнаружил запечатанный контейнер, на вид не пострадавший от удара. Сообщив гарпам о находке, я выразил желание позвать на помощь ближайших к месту катастрофы чувствующих моего вида, поскольку вес и габариты контейнера значительно превосходили мои возможности. Риф 4 сообщил, что пятеро заррвов выразили готовность помочь и двинулись сюда. Последний из них достигнет места через три дня.

Я вздохнул и принялся выбиратья из воронки. На безопасном расстоянии уже ждали гарпы, они поздравили меня с успехом и предложили суш. Я с благодарностью принял пищу.

До вечера отдыхал на камнях, наблюдая за изменением локса и суррена от корабля пришельцев. Мне удалось построить график, согласно которому через семьдесят дней уровень шомана станет безопасным для гарпов, а через сто десять — и для флегомов. Наблюдавший за построением Риф 4 выразил восхищение моими аналитическими способностями, за что я его поблагодарил.

08.01.

Ожидали заррвов. Молодые гарпы, попавшие в зону шомана, чувствуют себя плохо. Я посоветовал провести лечение, используя донорскую кровь здоровых потом-

ков тех же родителей. Лечение помогло замечательно, юные сразу приободрились. Весь день у меня было отличное настроение.

09.01.

Ожидали заррвов. Пришло сообщение, что высотный разведчик вида птер, распространенного в далеких южных лесах, пролетал над этой равниной и собрал статистику всех оазисов суша на месяц пути в любую сторону. Сравнив эти данные с прошлогодними, я отметил значительное сокращение запасов пищи, равно как и рост числа песчаных пространств. Не осталось сомнений, что экосистема материка меняется. Я сообщил о своем открытии всем чувствующим в пределах сенсорности и предложил разработать программу изменения генотипа жителей материка с учетом новых условий.

Риф 4 поддержал мое предложение и даже расширил его, предложив организовать конкурс среди представленных работ. Его идея была воспринята с восторгом, особенно после того, как я сообщил о призовом фонде, в качестве которого мы с Рифом 4 избрали три имени. Проект стремительно набирал обороты.

Вечером шел черный дождь. Я заметил, что во время дождя равнина приобретает удивительно таинственный, прекрасный вид. Печально, что дождь так опасен для чувствующих.

10.01.

Первый из заррвов достиг места катастрофы, вежливо меня приветствовал. Я отметил необычайно мощное и крупное телосложение гостя, он значительно превосходил меня размерами и массой. Заррв сообщил, что он — новый подвид моего вида, созданный с целью расширить наш ареал на север. Разработкой занимался он сам. Я поздравил заррва с отличной работой и выразил надежду на его скорое награждение именем.

Проект изменения чувствующих приобретает необы-

чайную популярность. Недавно некий гарп с северной оконечности гор сообщил об удивительной идее — искусственном выращивании суша с целью увеличить количество пищи для населения материка. Я был поражен новизной предложения и выставил его на всеобщее обсуждение, одновременно сообщив гарпу о награждении его именем Ранг 79. Гарп горячо поблагодарил меня.

Вечером прибыли еще трое заррвов, уставшие и запыленные. Риф 4 предоставил им некоторое количество суша, после чего гости заснули на камнях вокруг меня.

Я никак не мог заснуть.

11.01.

Прибыли двое отставших заррвов. Перед началом спасательных работ мы вместе поели немного суша и отдохнули.

Контейнер удалось вытащить только к полудню. Один из заррвов выразил непонимание о причинах неиспользования нами техники, на что я ответил простым примером из прошлого нашей планеты, напомнив о черных дождях и их источнике. Остаток дня мы работали молча.

Наконец контейнер был доставлен на безопасное даже для флегома расстояние от шомана. Я предложил заррвам присутствовать при вскрытии, на что они ответили положительно. Дождавшись Рифа 4, я приступил к разборке.

При близком осмотре контейнер оказался аварийным биологическим спасательным аппаратом. Мне потребовался час размышлений для построения математической модели его устройства, после чего я быстро нашел правильную комбинацию действий. Риф 4 вновь выразил восхищение.

В аппарате я обнаружил двоих пришельцев в защитных скафандрах. Они сильно напоминали флегомов, однако имели несколько иное телосложение и форму черепа. Оба инопланетянина находились в бессознательном

состоянии, вероятно искусственном. Я попросил Рифа 4 принести воды и принялся очищать поверхность скафандров от демпфирующего раствора.

В процессе работы я внезапно уловил взгляд из-под прозрачного забрала шлема. К моему удивлению, оба пришельца очнулись, однако не сделали ни малейшей попытки поставить меня в известность об этом! Нелогичность такого поведения заставила меня глубоко задуматься.

Тем временем инопланетяне, очевидно, поняли, что их состояние стало мне известно. Один из них поднялся на ноги и направил на меня такой же ручной лазер, каким я воспользовался для их спасения. Возможно, они не знают, что лазер способен причинить чувствующим боль?

Я попытался сигнализировать об опасности, однако пришелец помог встать второму и, пятясь, все время направляя на меня лазер, двинулся в сторону корабля. Риф 4 выразил недоумение подобным поведением, однако я уже нащупал логику в поступках инопланетян и удержал гарпа от поспешных действий.

— Вероятно, мы встретили хищную форму жизни, — просигналил я Рифу 4. — Как известно, психология хищника предполагает хищника в каждом чувствующем. Очевидно, они испугались одного из нас.

Один из заррвов предложил не мешать гостям освоиться в нашем мире, однако я возразил:

— Весьма возможно, они не обладают совместимыми с нашими органами чувств. В этом случае они могут причинить вред чувствующим на равнине...

Мои сигналы были прерваны поведением пришельцев. Один из них издал серию низкочастотных звуковых колебаний в направлении второго, указывая верхней конечностью на небольшой прибор, в котором я сразу опознал счетчик шомана. Прибор отмечал повышение уровня суррена на несколько единиц, однако непохоже, чтобы он измерял локс.

Очевидно, инопланетяне были осведомлены о вред-

ном влиянии шомана на биологических чувствующих, поскольку оба сразу поменяли направление и стали быстро удаляться в сторону равнины, периодически демонстрируя замечательные способности к прыжкам. Мы проводили гостей долгими взглядами.

— Не кажется ли Зоррану 1, что поведение этих чувствующих не совпадает с предполагаемым? — спросил меня Риф 4. Я выразил согласие и надежду, что причиной послужил первичный шок от встречи с незнакомой формой разума. Риф 4 воспринял мое предположение с изрядной долей скептицизма.

До вечера я прождал возле раскрытого контейнера, надеясь, что гости вернутся и вступят со мной в контакт. Заррвы покинули горы по направлению на юг, согласно их сведениям, там находились большие заросли суша.

Уже ночью Риф 4 сообщил, что пришельцы развели большой костер у подножия гор и, очевидно, не собираются возвращаться обратно. Мне пришлось заснуть на неудобной траве — было слишком холодно, чтобы искать камни.

Спал я очень тревожно.

12.01.

С утра начали поступать тревожные известия. Как выяснилось, гости действительно были близки к флегомам биологически. Один из молодых флегомов решил посмотреть на инопланетян, в результате чего был пойман и лишен свободы при помощи примитивного металлического троса. Его полные удивления и непонимания вопросы вызвали тревогу у всех чувствующих на равнине.

Я со всей возможной скоростью направился к месту пребывания пришельцев. Способность флегомов к быстрому бегу хорошо известна, поэтому я попросил ближайшего из них помочь мне достигнуть цели быстрее. Флегом с радостью согласился.

Приблизившись к невысокому холму, где временно

обосновались пришельцы, я с удивлением заметил несколько срубленных деревьев, из которых инопланетяне явно намеревались построить укрытие. Похоже, их психология была даже более чуждой нам, чем это казалось вначале.

Юный флегом находился у самого края сооружения, привязанный тросом за ногу к толстому стволу дерева. Помогавший мне флегом при виде этой картины выразил бурное неодобрение подобным поведением гостей. Я призвал его соблюдать осторожность, поскольку пришельцы со всей очевидностью были опасны.

Инопланетяне заметили нас довольно поздно, из чего я сделал вывод об отсутствии у них многих органов восприятия. Один из пришельцев, высокий самец с черным волосатым покровом на голове, подозвал второго, менее высокого, и указал на меня верхней конечностью. Все действия инопланетян сопровождались большим количеством звуковых колебаний.

По моему совету флегом опустил меня на землю, а сам медленно направился мимо холма, рассчитывая отвлечь внимание инопланетян от моих действий. Я тем временем поспешно направился к пленнику и перекусил трос зубами.

В этот момент один из инопланетян использовал странное приспособление, напоминавшее широкую металлическую паутину, и лишил меня возможности покинуть это место. Тем не менее юный флегом быстро скрылся, сопровождаемый взрослым. Я попросил их не рисковать, пытаясь освободить меня, на что оба ответили решительным отказом.

Инопланетяне опустили на траву и принялись изучать меня визуально. Я напрасно пытался сигнализировать — они не воспринимали общую частоту, а на частоте флегомов я сигнализировать не мог.

Металлическая паутина оказалась очень прочной, однако, встретив полное непонимание со стороны пришель-

цев, я перекусил нити и сбросил с себя ловушку. Гости прореагировали довольно спокойно, очевидно, они не собирались лишать меня свободы надолго.

Я оглядел местность в поисках флегомов и, к своей радости, ни одного не нашел. На всякий случай медленно я направился в сторону от пришельцев, однако они пошли следом.

Флегомы передвигаются значительно быстрее меня. Поэтому я не стал пытаться покинуть своих незваных преследователей. Рассчитав, что инопланетяне не станут удаляться от холма на большое расстояние, я направился к горам.

Три часа спустя они все еще шли за мной. Я сильно устал и нервничал, а пришельцы, похоже, не собирались прекращать преследование до вечера. С формальной точки зрения ничего странного в их поведении не наблюдалось, ведь каждый имеет полное право идти в любом направлении, однако такое настойчивое преследование было необъяснимым и тревожным.

Еще через час, когда я уже приблизился к горам, со мной связался Риф 4 и выразил беспокойство моим положением. Он даже предложил помощь гарпов, однако я решительно отказался, сославшись на непредсказуемость поведения пришельцев и, следовательно, большую опасность для любых чувствующих. Риф 4 воспринял мои доводы спокойно, однако я подозреваю, что решения о помощи он не изменил.

К вечеру я с трудом передвигал ноги. Пришельцы настойчиво шли за мной, изредка перебрасываясь звуковыми колебаниями и явно осматривая местность. До места падения корабля оставалось около часа пути, когда мне в голову пришла отличная мысль.

Собрав все силы, я поспешил на место катастрофы. Инопланетяне не отставали. Однако я рассчитал правильно, и они не догадались о моем плане. Когда до корабля оставалось около сотни метров, пришельцы резко остановились и

посмотрели на счетчики шомана, висевшие на скафандре каждого. Я тем временем из последних сил спешил к спасительной воронке, где и спрятался от настойчивых преследователей десять минут спустя. Они не последовали за мной в зону шомана.

До утра я не смог заснуть.

13.01.

Утром инопланетян в пределах сенсорности не оказалось. Риф 4 сообщил, что они вернулись на свой локационный пункт, не делая попыток вновь пленить меня. Я вздохнул с облегчением.

Отдохнув и поев суша, я призвал Рифа 4 и Ранга 79 на совещание по поводу угрожающих действий инопланетных гостей. Гарпы согласились с моим анализом ситуации.

— Я считаю, мы должны просить помощи у териосанатов с востока, — заметил Ранг 79. — Они значительно превосходят нас физиологически. Полагаю, пришельцы будут вынуждены пересмотреть свое поведение.

Я отклонил его предложение, сославшись на неспособность инопланетян к контактам. Риф 4 напряженно размышлял.

— Есть надежный способ избавить чувствующих от опасности... — просигналил он наконец. — Однако он потребует значительных затрат мысленных и физических усилий.

Мы с Рангом 79 заверили Рифа 4 в своей готовности приложить все необходимые усилия.

— Если мы починим их корабль, они покинут планету, — просигналил Риф 4.

Предложение вызвало бурную реакцию у всех следивших за совещанием. В течение нескольких минут я получил множество рациональных вариантов идеи Рифа 4, включая предложение построить пункт связи на частоте пришельцев, развить промышленность для производства

машин и даже разработать собственный проект космического корабля с целью предложить его инопланетянам. Общей чертой всех предложений явилась неприемлемая ресурсоемкость.

К третьему часу совещания с большого расстояния пришел слабый сигнал от того самого молодого флегома, освобождение которого едва не стоило мне плена. Юный предлагал организовать комиссию из различных видов чувствующих, целью которой явился бы контакт с пришельцами при помощи низкочастотной сигнальной системы. Это предложение сразу встретило поддержку со стороны Рифа 4.

— Изучив сигнальную систему пришельцев, мы тем самым продемонстрируем мирные намерения и снизим их агрессию, — заметил он. Довод показался мне убедительным, о чем я не замедлил сообщить автору первоначальной идеи. Было очень приятно ощущать восторг, который вызвало у юного мое одобрение.

Организация комиссии отняла еще час. К сожалению, я не смог войти в нее, поскольку не обладал органами для создания низкочастотных вибраций. Совещание завершилось вечером, было принято решение с утра начать подготовку к контакту. Члены будущей комиссии выразили готовность принять участие в работе, мы с Рифом 4 заверили их во всяческой поддержке с нашей стороны.

Этой ночью я наконец выспался.

14.01.

Ожидали подлета териосанака с восточного направления. По совету Рифа 4 один из териосанаков был избран в комиссию, хотя я подозреваю, что, давая этот совет, Риф 4 имел несколько иную цель. Вероятно, он желал использовать большую физическую мощь и скорость реакции териосанаков для обеспечения безопасности чувствующих, о чем я не замедлил сообщить приглашенному териосануку. К моему удивлению, тот выразил согласие с моим ана-

лизом и добавил, что с радостью поможет защитить чувствующих от агрессии из космоса.

Тем временем комиссия уже собралась и была готова отправиться к локационному пункту пришельцев. В нее входили двое флегомов, один гарп и один птер, специально по этому случаю приглашенный с юга. К моему изумлению, птер оказался хорошо известным мне астрономом Текечем 9, чьи работы я помнил наизусть, хотя лично знаком не был. Мы с коллегой выразили взаимную радость от неожиданной встречи.

Вечером прилетел териосанак, подняв небольшую бурю из песка. Я первый раз видел териосанака и был вынужден признать, что Риф 4 не ошибался относительно физиологии гостя. Териосанак, носивший имя Каас (без идентификатора), выразил радость от знакомства с «блестящей группой ученых», как он выразился.

Немного отдохнув, Каас сообщил, что сам вызвался в комиссию, поскольку имеет полезную информацию по поводу нашей проблемы.

— Я знаком с пришельцами этого вида, — сказал териосанак. — Боюсь, идея прямого контакта ни к чему, кроме негативных результатов, не приведет.

Он сообщил некоторые удивительные факты, которые по его просьбе я не стал вносить в дневник. Также было упомянуто странное поведение пришельцев после катастрофы, особенно полное безразличие к судьбе двоих погибших товарищей. Риф 4 немедленно добавил, что ни один чувствующий в пределах досягаемости не уловил ни малейших негативных эмоций со стороны инопланетян. Очевидно, смерть товарищей не доставила выжившим горя или хотя бы огорчения.

— Если они так относятся к смерти собственных товарищей, можете экстраполировать, как будут они относиться к чувствующим на равнине, — печально просигнала Каас. Его сигналы вызвали большую тревогу среди наблюдавших за разговором.

Ранг 79 предложил уничтожить пришельцев. Его предложение вызвало бурное недовольство среди всех присутствующих, так что я был вынужден просить Ранга 79 отозвать предложение. В ответ Ранг 79 спросил меня, какое же решение предлагаю я сам. Моментально утихли все сигналы. Некоторое время я молчал, обдумывая появившуюся недавно идею.

— Большое морфологическое сходство с флегомами позволяет предположить в пришельцах родственный вид, — начал я наконец. — Следовательно, построив график развития флегомов, можно отыскать на нем точку, эквивалентную сегодняшнему уровню развития пришельцев. Взгляните на чертеж...

Я мысленно построил указанный график и спроецировал всем присутствующим.

— Как видите, модель поведения пришельцев весьма напоминает известный нам период в истории флегомов, а точнее, период непосредственно перед началом черных дождей. Колебания по осям времени/поведения незначительны.

Риф 4 выразил изумление, я просигналил просьбу о тишине в эфире.

— Таким образом, экстраполировав данный график на гипотетическую планету пришельцев, можно видеть, что с высокой долей вероятности история нашего мира повторится и там, причем в ближайшее время.

Теперь все молча слушали меня.

— Если мы восстановим звездолет пришельцев и вернем их домой, они могут сообщить своим соплеменникам сведения, полученные здесь, и тем самым предотвратить хорошо известную нам страничку истории флегомов.

Я оглядел своих слушателей.

— В этом случае эволюция разума на целой планете будет уничтожена и возникнет громадная опасность для всех чувствующих во Вселенной, поскольку неразвитые флегомы, владеющие разрушительной техникой, неиз-

бежно попытаются привить всем найденным видам собственное мировоззрение.

Огромный териосанак непроизвольно дернул хвостом. Я продолжал:

— В связи с этим предлагаю следующий план действий. Мы с группой математиков с севера исследуем обломки инопланетного корабля с целью расшифровки кодов связи между пришельцами. Параллельно группа гарпов во главе с Рифом 4 проведет принудительную деиндустриализацию инопланетян, уничтожив все их технические приспособления, включая скафандры и одежду, если таковая окажется в наличии. Затем Каас перенесет пришельцев на достаточно большое расстояние от места падения корабля, чтобы всякая возможность контакта с техникой для них исчезла. Например, на остров в южном океане.

Териосанак робко просигналил просьбу о вопросе. Я обратил к нему взгляд.

— Внимаю.

— Зачем лишать их техники?

Я улыбнулся.

— Хороший вопрос. Деиндустриализация послужит экспериментом, призванным дать нам сведения о механизмах приспособляемости инопланетян. Если по истечении, скажем, десяти лет — примерно этот срок я отвожу на работу по расшифровке космической связи — их локаль сместится вверх на графике развития флегомов, мы будем знать, что перед нами родственный вид. Если же нет — тогда потребуются дополнительные исследования, характер которых можно будет без затруднений разработать за десятилетний период. Так или иначе, наша цель — не данные пришельцы, а их планета.

Риф 4 сообщил, что уже догадывается о моей идее и согласен с ней. Я поблагодарил его за поддержку и про-должил:

— Если поведение наших гостей типично для их вида, мы встретили большую опасность. Я считаю необходи-

мым провести всесторонний анализ последствий такого события, и если надо — принять меры по ликвидации опасности и профилактике последующих опасных встреч. Предварительный расчет вероятностей позволяет предполагать, что в семи случаях из десяти верной окажется самая первая версия, а именно та, где пришельцы рассматриваются как ранняя стадия развития флегомов. В этом случае нам придется построить космический флот и покинуть этот сектор Галактики навсегда.

Я помолчал.

— Лучше бежать, чем породить еще одну планету черных дождей.

Все чувствующие на равнине прекратили сигнализировать. Те, кто был здесь, молча смотрели на меня.

— Нет ли альтернативного решения? — тихо просигналил Риф 4.

— Есть, — ответил я негромко. — Изменить нашу цивилизацию и принять их путь развития. Технический, подавляющий природу и эволюцию, ведущий к цивилизации машин и вымиранию всех биоценозов затронутой прогрессом планеты. Конечным результатом этого пути является опять-таки черный дождь, но на этот раз некому будет меняться под его воздействием.

Я посмотрел на Рифа 4.

— Машины могут создать цивилизацию, но не могут эволюционировать. Поэтому мы должны сохранить нашу культуру, чтобы вернуться через миллионы лет и научить машины чувствовать. Мы не только разумные. Мы — чувствующие.

Они молча опустили головы, соглашаясь с моими сигналами. На этом совещание...

8 января 2219 г. н. э.

После крушения катера мы с Тейлором немного упали духом — впрочем, любой бы на нашем месте так отреагировал. Угробить столько денег — и найти очередную постъядерную планету... Дерьмо.

Зато сегодня я наткнулся на обалденное сборище зверюшек! Хоть повеселился немного, стреляя местную фауну. А Тейлор едва не сорвал весь кайф. Вообще странный он тип. Сначала предлагал похоронить андроидов-пилотов, хотя именно эти сгустки протоплазмы угробили катер. Я ему: «На кой хрен?», а он: «Знаешь, они любили друг друга, я видел...» Было бы смешно, черт возьми, если бы он не был так серьезен!

Потом этот псих не дал мне выстрелить в большую ящерицу. Предложил вначале проследить, где у нее гнездо. Ну, тут уж и я согласился — по видуку говорили, черепаши яйца были вкуснятиной, пока на матушке-Земле еще черепахи водились. А в результате вчера мы с ним, как идиоты, пять часов шли за жирной ящерицей по степи. И обезьяну тоже не дал укокошить!

Зато сегодня я его отымел на полную катушку. Утром над лагерем пролетела большая птица с серыми перьями, я сумел подбить ее из бластера. Шмякнулась за холмом, метрах в пятиста от нас. Тейлор пустился за ней, а я, само собой, в обратную сторону. Тогда и обнаружил сборище.

Одну-то ящерицу я сразу узнал... Это по ее милости мы вчера ноги до колен стоптали. Но уж теперь я плюнул на яичницу и пристрелил тварюшку. И тут на меня кинулся большой птеродактиль, которого я и не заметил в траве — тот лежал совсем неподвижно. Я едва в штаны не наложил. Гадина подыхала очень долго, пыталась прорваться ко мне и что-то шипела, раскрывая зубастый клюв. Я прострелил ей голову.

Три громадные летучие мыши напали сзади. Первой я свернул шею, вторую бросил на землю и прибил ногой, третью пристрелил. А потом появился Тейлор и испортил весь кайф — не дал добить пару обезьян, верещавших около дохлой ящерицы. Мы с ним поругались немного.

Впрочем, даже он признал, что суп из птеродактиля вышел отменный. Я всегда умел готовить. Закусив бифштексом из летучих мышей, я вызвал с орбиты второй ка-

тер и погрузил в него трофеи. Чучело ящерицы решил подарить сыну — он просил что-то такое, экзотическое.

Завтра мы покидаем эту дерьмовую планету и никогда не вернемся. В Галактике столько подобных миров... Тейлор даже не стал наносить этот кусок грязи на карту.

Впрочем... Птеродактиль оказался вкусной тварью. Может быть, я и выберусь сюда еще разок, летом — надо научить сына охотиться. А то вырастет полудурком вроде Тейлора.

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МУЖЧИНЫ

ына, это все для тебя. Все-все для тебя. Ты не подумай, отец не забыл о дне рождения: ты уже большой, тебе шестнадцать. Ты — настоящий мужчина. Почти. Да-да, почти. А вот когда любимый папочка вернется домой, то...

Если вернется.

Ты не подумай, сына, не подумай...

Я — ради тебя.

...и себя тоже.

* * *

Люди Гюнтера, твари с нашивками-эдельвейсами на рукавах, преследуют меня уже более трех часов. Сто семьдесят минут напряженной гонки по заснеженным вертикалям небоскребов. Сто семьдесят минут охоты на меня, бывшего друга, а теперь — ронина и вора.

Я выбрал между сыном и дружбой-долгом.

Выбрал сына.

Выбрал себя.

Три часа... Хвала древним инженерам-разработчикам, термобелье справляется с нагрузкой. Бесшовные носки предохраняют стопы от микроударов и вибрации. На мне прапрадедовская флиски. Все мое обмундирование — наследство, передаваемое по мужской линии из поколения в поколение.

Сам я встал на лыжи всего семнадцать лет назад, когда мой отец... Не надо о грустном. Я собираюсь нарушить традицию.

Ледоруб врежется в стену возле правого ботинка. Тросик, приваренный к ручке, дергается, возвращая метательный инструмент владельцу. Я резко изменяю траекторию спуска и подгибаю ноги, рискуя вписаться кровавой буквой в какую-нибудь допотопную вывеску вроде «Кафе» или «Ресторан». Я буду свеженьким бифштексом, ха-ха, на празднике жизни далеких предков.

Или не буду.

Ибо не желаю.

* * *

...сегодня слишком холодно: ни единого пуховика возле остановок кресельных маршруток и гондол, а ведь обычно не протолкнуться. Те, у кого нет лыж, — низшие существа, бесправные и презренные, вынужденные передвигаться на общественном транспорте.

Вход в мою нынешнюю нору замаскирован голограммой — с виду обычный, ничем не примечательный сутроб. К тому же никто не знает, куда я переехал. Наверное, я чувствовал, что так случится, поэтому заранее позаботился о новом убежище для семьи. Скрытая виртуальным завалом Мирра стоит у внешнего контура и кутается в широкий шарф; блестят льдинки в соболином воротнике:

— Санечка, что ты задумал? Санечка?

Я улыбаюсь в ответ, губы намазаны густой пастой, жирной и приторной на вкус. Я цепляюсь за трос бугеля.

Санечка... Обычно жена называет меня Алексом. Санечка... Мирра испугана.

Бывает.

Пройдет.

* * *

Горизонталь крыши огромного небоскреба, название которого забыто за ненадобностью. Небоскребы — не более чем детали местности, особенности рельефа. Да, когда-

то люди жили в высотках, но не сейчас. Крыша — ледяная поверхность, избитая всеми ветрами; здесь совершенно нет снега, его просто сдувает. Я разгоняюсь коньком, рассчитывая перепрыгнуть на следующую такую же плоскость. Не тут-то было. Высокий, как потревоженный гризли, парень атакует меня в лоб, он выделяет невероятные пируэты, он сечет морозный воздух острыми кантами — я еле уворачиваюсь, и то лишь потому, что «гризли» играет со мной, проще говоря, развлекается. Он — настоящий самурай.

Амортизаторы, встроенные в лыжи, подбрасывают мощное тело в воздух, руки-ноги в стороны, лыжи параллельны и перпендикулярны груди.

Уподобившись вертолету, «гризли» вращается вокруг своей вертикальной оси, он взлетает, угрожая кромками измолоть меня в фарш, в костную муку.

Опять прыжок — и удар: правая нога вперед, левая назад и вверх.

Да уж, не повезло мне, нарвался на мастера фристайл-боя. Замечаю на груди у «мишки» вышивку люминесцентными нитками: «Тоби». Скорее всего, имя. Итак, меня желает убить Тоби — знаток могула и ньюскула. Эй, Тоби, мы не представлены, я впервые увидел тебя сегодня на празднике у Гюнтера. Но почему-то я знаю, что тебе вот-вот надоест мучить живую игрушку, меня то есть.

Уже надоело: полное переднее сальто. Да так, чтобы носками лыж мне в грудь, а титановыми палками в горло. Ухожу в сторону, изгибаясь боковым сальто и слегка цепляя задником шлем самурая Тоби — приблизительно у виска.

На крышу падаем вместе.

Я и труп «гризли».

Да, забыл сказать: у меня восьмой дан по фристайл-до.

* * *

...погода солнечная, ясная, мороз. Снег ослепительно бел, небо кристально голубое. И тысячи промаркированных трасс, и сотни подъемников. Спуски для молодых,

для новичков, невероятно зеленые, как хвоя кедров и секвой. Синие трассы — для тех, кто на лыжах не меньше года. Рядом красная маркировка. Черные трассы — эти для меня, для опытного лыжника, обладающего максимумом прав и обязанностей.

А для безлыжного быдла есть внутренние лифты небоскребов и снегоходы на воздушных подушках. Пускай пользуются, не жалко.

А мне надо успеть в гости к дорогому Гюнтеру. Сегодня у моего закадычного дружка-командира особый день — он передает сыну лыжи, вторую семейную пару. Отныне его лоботряс Кари будет настоящим мужчиной и полноправным гражданином.

Немного о Кари. Щуплый, жидкие волосенки, близорукие глазки. Не воин.

Зато мой мальчик высокий, стройный, сильный и ловкий. Умен. И у него сегодня день рождения. Я решил сделать ему особый подарок.

Я решил подарить ему лыжи Кари.

Прости меня, Гюнтер. Прости, дружище.

* * *

Весь мир — огромный сноупарк. Все мы, настоящие люди, состоим из абсолютного контроля: мы контролируем скорость и баланс движений.

Я — контроль. Я — баланс.

Отталкиваюсь от края парашюта, распрямляю ноги, напрягаю мышцы. Я в воздухе. Обжигающе холодные встречные потоки пытаются опрокинуть меня. Позади — погоня.

Группируюсь, приземляюсь, пружиню лодыжками. Длинный чехол с подарком болтается за спиной, почти не мешает. Почти — не считается.

Из-за ангара воздухозаборника, растопырив когти-кинжалы, атакует белая тварь. Только снежных барсов мне и не хватает! Не останавливаясь, шлепаю киску пал-

кой между ушей — плашмя, чтобы не убить, но раздражить. Пусть мои преследователи позабавятся с симпатичным котенком, таким ласковым и пушистым.

Смертельно пушистым.

Противно вибрирует трансивер, вживленный в челюсть: стандартные три диапазона, термоядерная микробатарейка в зубе мудрости.

— Алекс, что ж ты?! Что ж ты, Алекс?!

Оптика заднего обзора проецирует на внутренний экран маски приятное зрелище: одного из бойцов Гюнтера кошка таки достала. Замечательно. Теперь их всего лишь пятеро. Дай боже, справлюсь.

Десяток лыжных палок одновременно пятнают алым спину барса.

— Алекс, что ж ты?!

Прости меня, Гюнтер. Но я слишком люблю снег, я не хочу умирать.

* * *

...я проснулся оттого, что сын подкрадывался в темноте. Он боялся промазать и потому решил подойти как можно ближе — победитовый наконечник лыжной палки хищно подрагивал в невнятном свете ночника.

Я резко вскочил, острие едва не проткнуло мне диафрагму. Почти. Ибо я умею избегать глупой смерти, я самурай — на рукаве моей куртки красуется нашивка: цветущий эдельвейс, отличительный знак клана Мизуно.

Я вырвал палку из рук родного сына. Я был так взбешен, что чуть было не задушил его темляком, я даже хотел насадить юное тело на стержень, но... Я вспомнил себя, я был таким же когда-то, очень давно — семнадцать лет назад.

— Джи, — сказал я сыну, — ты хочешь стать мужчиной?

— Да, — ответил сын. — Хочу.

— Время пришло? — спросил я, и голос мой задрожал, во рту пересохло.

— Пришло, отец. — Джи присел на край пластиковой циновки, чинно сложив руки на коленях и потупив взор. — Я не хотел, я сам... но... Ты вынуждаешь меня, отец.

— Нет!!! — закричал я, разбудив Мирру. — Нет!!! Мы сделаем иначе!!!

Утром я надел термобелье, защиту, брюки и куртку. Шлем и маску. Извлек из чехла лыжи, снял палки с подставки. Проверил крепления, затянул потуже ботинки.

И вышел из норы.

— Санечка, что ты задумал? Санечка? — заплакала жена, и слезы ее превратились в льдинки и осыпались на соболиный воротник комбинезона.

Я не ответил, я улыбнулся, встал на лыжи. На рукаве моей куртки следы от споротой нашивки. Еще вчера там цвел эдельвейс.

* * *

Торсионная жесткость и продольная мягкость, широкие пятки и носки, система виброгашения и палладиевые канты — великолепный дизайн! — это мои лыжи, моя мужская гордость. Мое наследство.

Уже три часа я петляю по городу, я — заяц-беляк. Позади волки. Нет, позади тигры. Волкам заяц — пища, тиграм — жертва, кусок мяса, отравленного радиацией.

Гюнтер, я уверен, сразу же отправил лучших буси к моей старой норе. О, как, должно быть, он разочарован. Кровь за кровь, семья предателя должна умереть, да только убежище пустует пару месяцев и промерзло насквозь. Так уж получилось, я забыл предупредить командира о передислокации.

Я — ронин.

Я оставляю четкие следы на снегу, я прыгаю с крыши на крышу, я спускаюсь на лыжах по вертикальным стенам небоскребов. Я не боюсь бетонных ущелий промзоны, разрушенной ядерными взрывами, я ныряю в цеха за-

водов, захламленные станками и мумифицированными трупами рабочих. Мне плевать на счетчик Гейгера.

Еще мгновение назад преследователей было всего лишь пятеро. А теперь... Да, Гюнтер всегда был отличным стратегом, он смог вычислить мои петли и послал самураев наперерез.

Ты угадал, Гюнтер.

Но я не хочу умирать.

Граница промзоны, спасение так близко, и...

Фигуры в черных куртках. Передо мной. И за мной. Некуда бежать. Резкая дуга, ледяная пыль из-под кантов. Вот оно, мое спасение! Цепляясь вакуумными присосками наколенников, я карабкаюсь на самую высокую, чудом уцелевшую трубу. Я подставляю вам спину, ребята, воспользуйтесь, не стесняйтесь.

И они не стесняются.

Ледорубы крошат цемент стыков буквально в миллиметрах от моих конечностей, лыжные палки-дротики тупят победит наконечников о кирпичи кладки.

Резкий окрик — далеко внизу, почти неслышный:

— Нет! Пусть!

Это Гюнтер. Он уверен: мне не уйти. Он желает насладиться местью.

* * *

...я пришел в убежище Гюнтера как друг. Мне были рады, меня ждали, меня встречали шнапсом и sake. Перед внешним контуром я снял куртку, чтоб никто не заметил отсутствие кланового знака.

— Алекс, ты так спешишь причаститься, что даже разделился на улице?! — они смеются, они уже пьяны.

И я смеюсь, я пью и не пьянею. У меня есть цель. Я вижу водонепроницаемый чехол. Я вижу лыжные палки. Я вижу рюкзак с обмундированием.

— Здравствуйте, дядя Алекс! — у Кари даже голос слабый, невыразительный.

— Здравствуй, Кари! Поздравляю, сегодня твой день! Сегодня в клане Мизуно родится новый мужчина!

Кари доволен, Кари смеется и треплет меня за плечо. Хочется брезгливо сбросить его ладошку. Сдерживаюсь, улыбаюсь. Опрокидываю в рот стаканчик теплой бурды, синтезированной из искусственного риса и аскорбиновой кислоты.

Самураи веселятся. Воины Гюнтера произносят длинные тосты, по лицам течет пот, впитываясь в густые бороды. А потом мы, пошатываясь, покидаем убежище. На мою куртку никто не обращает внимания, это хорошо, не зачем прежде времени тревожить лучших буси клана.

Торжественная тишина. Пар над разгоряченными телами. Кари опускается на колени, он намерен расстегнуть чехол и медленно — величественно! — извлечь лыжи.

Кари намерен, хе-хе.

Но у меня другие планы.

У меня есть древний АПС, и в магазине двадцать патронов. Я знаю, хранить Огнестрельное Оружие — свято-татство, но...

Грохот, пламя.

Кари умирает быстро. Мальчик, прости, я не желал тебе зла.

Буси падают, я жму на спусковой крючок, я подхватываю чехол, закидываю за спину, цепляю карабинами палки, рюкзак — на грудь.

Все оказывается проще, чем я думал. Лыжи несут меня вниз по улице, впереди огромное здание. Врубаю режим вертикального подъема: лыжи без остановки, плавно накатывают на бетонную стену. Скользяк плотно прилегает к стеклу и бетону, навигатор «хамелеона» сканирует поверхность в радиусе тридцати метров, определяя оптимальный маршрут. Кое-где вместо зеркальных окон — алюминиевые рамы, покореженные, изогнутые. Внутри здания, некогда штаб-квартиры транспланетной корпорации, — заснеженные компьютеры и укрытые инеем

офисные стулья. Мое тело параллельно стене, я ритмично напрягаю икры, заодно активируя искусственные мышцы, прикрепленные белковым клеем к экзоскелету защиты.

Крыша небоскреба стремительно приближается.

Я — ронин. Я — убийца.

Меня преследуют.

* * *

— Нет! Пусть!

Окружили. Довольны. Небось кровожадно скалятся. И деваться мне некуда. Почти некуда. И потому я покоряю эту чертову трубу, я ползу, ползу, хлюпают присоски, ползу, и вот я наверху. Я знаю, никто не осмелится подняться за мной, ибо самоубийц-камикадзе нет в команде Гюнтера. Гюнтер слишком ценит своих буси, чтобы зазря тратить их жизни.

Я стою на самом краю, выщербленном ударной волной.

Я присоединяю мощные аккумуляторы к амортизаторам-прыгунцам. Конечно, я рискую сжечь накопители лыж, но у меня нет иного выхода. Если честно, хе-хе, я предполагал, что подобное может случиться.

Солнце падает на крыши мегаполиса, исчезает, меркнет. Багрянец горизонта прячется за пиками небоскребов-гор.

Я резко приседаю и отталкиваюсь от края трубы. Амортизаторы, как всегда, врубаются четко и мгновенно — меня отшвыривает метров на пятьдесят восточнее. Мои лыжи парят в морозном воздухе. Я — птица, я — альбатрос.

Падаю в сотне шагов от заветного сутроба, того самого, виртуального. Прыгунцы смягчают удар, дымятся, и я не уверен, что их можно отремонтировать. Так никто не прыгает. Я — единственный. Чем не повод для гордости?..

Жаль, мне не удалось запутать погоню, отвести преследователей от нового убежища, но что поделаешь. В конце концов, я и это предусмотрел. Есть, хе-хе, один вариант: подземный тоннель...

Только бы добраться...

Дз-з-з-зыгч-ч!! — фиберглассовый Axis Comr, великолепный шлем, спасает меня от смерти: сюрикен рикошетит, впиваясь нанолезвием в бетон полуразрушенной стены. Повезло. Повезло, что не в череп. Зато вторая «звездочка» прорубает высокопрочную ткань штанишек, рассекая мясо до кости. Только до кости — это видно на внутреннем экране «хамелеона». Медсистема мгновенно выдает диагноз и оказывает первую помощь: впрыскивает обезболивающее. Сейчас трансивер автоматически наберет 911 и сообщит, что, мол, такому-то, а именно Алексу Иванову, срочно требуется внимание квалифицированных хирургов, шаманов и мануалотерапевтов. Трансивер врубит маячок наведения на цель, то бишь на меня родимого. Заодно система жизнеобеспечения заблокирует скользьяк и зафиксирует экзоскелет и псевдомышцы в «мертвом» положении — дабы больной не смог двигаться, усугубляя внутренние и наружные повреждения.

И все.

Мне каюк. Если я не успею провести языком по небу определенным образом — справа налево, вверх вниз и наискось. А я успеваю, вырубая чертов трансивер к... черту?!

Короче, вырубаю.

Нога не болит — уже хорошо. Мне же чуть-чуть осталось, почти дотянул, почти...

Почти не считается.

Еще один сюрикен срезает головку маркера на левой лыже. Ботинок выскальзывает, нога по самый пах проваливается в глубокий снег — вторая лыжа держит меня, что называется, на плаву. Хватаюсь за левую лыжу, моя, не оставляю. Ну же! Чуть-чуть. Чуть-чуть. Почти... почти...

Активирую навигатор, встроенный в шлем. На экране — бегущая строка бесполезной информации: высота над уровнем моря, местонахождение в координатах города — улица Ленина, 21, уровень атмосферного давления... Зачем мне все это?! Сейчас?! Мне нужна опция «автопилот», чтобы лыжи нашли путь домой, протянули мое тело последние полста метров, используя остатки ресурса; ничего, потом поставлю на подзарядку, за месяц, даст бог, восстановятся.

Очередная порция сюрикенов бьет в спину, срывая пласты композита и алюминиевых сот. Пусть. Я уже дома. Почти. Неимоверная легкость...

Напоследок все-таки оборачиваюсь. Не могу не обернуться. Оптика маски-«хамелеона», задавая двадцатикратное увеличение, натывается на бешеный взгляд Гюнтера. Бешеный? Или исполненный тоски и боли? Все-таки нечасто командиру приходится одновременно терять лучшего друга и любимого сына.

Пожалуй, если бы Гюнтер захотел, он убил бы меня. Проковырял бы сюрикенами защиту на спине, я не сомневаюсь в этом. Но что-то его остановило. Что?

Я ныряю в голограмму. Я в сугробе. Бронелисты разъезжаются, пропуская меня в нору-убежище. Отсюда, изпод многометровой толщи искусственного камня и стали, меня не выковырять даже господу богу, не то что парням с здельвейсами на рукавах.

Мягкое освещение. Это шлюз. Мелкие брызги антисептиков, сквозняк вентиляторов. Падаю. Крепление автоматически отстегивает ботинок. Вползаю в прихожую, переворачиваюсь на спину, снимаю трофейный рюкзак с обмундированием...

На спину?!

Чехол?!

Вскакиваю, судорожно сдираю защиту и куртку, и...

Хохот, истерика, слезы. Лямки чехла аккуратно срезают сюрикенами. И это смешно, это очень смешно!

...неимоверная легкость...

Я потерял лыжи!!!

Гюнтер отобрал свое, не дал вору унести украденное.
Гюнтер-шутник, Гюнтер-проказник.

Шаги, взволнованное дыхание, запах лаванды.

— Ты...

— ...как?

Мирра молчит, моя любовь молчит. Не спрашивает, только смотрит на меня. На кровь, стекающую по штанине на мраморный пол. Мирра шевелит ресницами, ей нечего сказать. Мои руки. Всею виной мои пустые руки. Я опоздал на день рождения сына. Уже вечер. Почти ночь.

И я без подарка.

Как я мог.

Я же обещал.

* * *

Держи, сына, это лыжи. Настоящие. Носи на здоровье.

Ты не подумай, сына, не подумай... Сегодня твой день рождения, отныне ты настоящий мужчина. У меня нет выхода, я не смог, я...

...вынужден продолжить традицию, как это сделал мой отец — семнадцать лет назад. Он долго отказывал мне в законном праве, он спорил с матерью, и однажды ночью я прокрался в родительскую спальню. Я не осмелился осквернить лыжную палку, как это сделал ты, мой сын, — я был трусом. Я ударил спящего отца катаной, я метил в голу.

И, конечно, промахнулся.

Отец был настоящим воином. Но, как ни жаль, моей семье принадлежала всего лишь одна пара лыж. Не две, не три — одна!

Наутро отец созвал друзей-однополчан. Он вручил мне комплект. Он отдал мне все — я получил заветные лыжи.

И несколько минут спустя увидел окровавленные кишки отца.

И вот сегодня мне почти удалось обмануть судьбу.
Почти не считается.

Или?..

Все-таки не нож для сэпшуку, хе-хе, — в магазине АПСа остался один патрон.

Последний.

Мой.

Прощай, сынок.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

теперь наша рубрика «Люди, которые нас удивили». Первое место на этой неделе, бесспорно, занимает наш соотечественник, знаменитый путешественник Игорь Колесов, чье поразительное по дерзости плавание на весельной лодке через весь Тихий океан успешно...

— Выключи, — брюзгливо попросил Игорь, не обращаясь к телевизору. — Достали уже.

Вообще-то это был его телевизор, как, впрочем, и весь загородный дом, где в очередной раз собралась наша компания, — но вышло так, что пультом с самого начала посиделок завладел я. Пульт был старого типа, кнопочный — модные нейроинтерфейсы все еще недостаточно надежны, или, во всяком случае, в этом убеждена Ирина, жена Игоря. Я нажал на круглую красную подушечку, и трехмерное изображение далекого южного берега, куда пять дней назад причалила лодка Колесова, покорно погасло. Только в воздухе еще расплывался влажный солоно-йодистый запах океана.

— Бремя популярности, — усмехнулся я. — Огонь, вода и медные трубы. Последнее, говорят, самое трудное.

— Знаешь, — скривился Игорь, — больше всего раздражают всякие комментаторы, которые принимают разглагольствовать на тему «На что только не идет человек в наше время ради славы». Да в гробу я ее видал, эту славу!

— Игорь! — поморщилась Ирина, суеверно не терпевшая никаких упоминаний о смерти в контексте экспедиций мужа.

— Нет, ну правда, — продолжал Колесов, — бесит в людях вот эта напыщенная манера судить обо всех по себе. Они даже не способны понять, что я путешествовал бы даже в том случае, если бы остался последним человеком на планете...

Он собирался еще что-то сказать, но в этот момент мелодично запел ви-ком.

— Это Валерка! — воскликнула Ира, нажимая кнопку.

Пространство над проектором осталось пустым — очевидно, качество связи было слишком плохим, чтобы передавать объемное изображение. Вместо этого бородастое лицо Валерки возникло на стене, распулав лениво колышущиеся на видеообоях тропические джунгли. Его грубый свитер на этом фоне смотрелся достаточно комично. Во плоти Валера присутствовать, увы, не мог — до конца зимовки оставалось еще два месяца.

— Привет честной компании! Игорек, поздравляю.

— Спасибо, Валер. Как погода в Ново-Лазаревской?

— Нормальная погода. Ясно, безветренно и минус семьдесят один по Цельсию. Вы там случайно не знаете, что такое «глобальное потепление»? Мы всей станцией не можем понять, что значат эти слова.

— Угу, — подхватил я. — Сочинение «Как я провел лето» ученика Лопатина Валерия. «Лето я, как обычно, провел на юге. Было минус семьдесят градусов...»

— Это у вас там, в Северном полушарии, лето, — напомнил Валерка. — Здесь зима.

— А вы их там как-то различаете? Нет, серьезно — никогда не понимал, как можно по доброй воле на полгода забраться в морозильную камеру.

— Кто бы говорил! — блеснул белыми зубами Лопатин. — Сам-то куда собираешься? Тебя как, уже можно поздравить?

— Ну... — смутился я. — Вообще-то официально это еще не объявлено... но вообще да, я в основном составе.

— Витька! — гневно повернулась ко мне Светлана. — Значит, вся Антарктида уже в курсе, а родной сестре сказать...

— Ну я же говорю — это пока неофициально, — отбивался я. — Мало ли что еще случиться может...

— Типун тебе на язык, — не слишком последовательно возразила Светка, которая в глубине души наверняка была бы рада, если бы меня перевели в дубль. Мне бы не понравилось, если бы она высказала это вслух, хотя осуждать ее я не мог. Все-таки предстоящая экспедиция опасна. Пожалуй, опаснее всех прочих, когда-либо предпринимавшихся людьми. Самые отчаянные плавания и походы Колесова по сравнению с ней — просто загородные прогулки.

— Так это правда? — серьезно посмотрел на меня Игорь. — Марс?

— Марс, — кивнул я.

— Поздравляю. И завидую, честно говоря.

— Да ладно, — улыбнулся я. — Что ты, гор и пустынь еще не навидался?

— Таких — не навидался. Это ж сколько претендентов было?

— Много, — я и в самом деле не знал, сколько именно. — Сам понимаешь, наша квота — один член экипажа. Двое будет американцев и еще двое — от Евросоюза. От японцев — только роботы.

— И кто остальные? — продолжал расспрашивать Игорь.

— Ребят, до официального объявления — не имею права. Не обижайтесь. Да и потом, вы их имена все равно вряд ли слышали.

— Ничего, скоро услышим, — откликнулся со стены Валерка. — Ну ладно, я, собственно, позвонил только Игорька поздравить, ну и теперь Витьку заодно...

— Посиди с нами, Валер, — предложила Света.

— Не могу, — проникновенно приложил руку к груди

Лопатин. — У меня скоро дежурство начинается. Да и что за посиделки с нашим узким каналом, который даже 3D не тянет... Опять же жрать местную синтетику и смотреть, как вы уплетаете Иркины кулинарные шедевры, — это выше моих сил, — он вновь широко улыбнулся. — Ну ладно, всем успехов, Витьку особенно. Пока.

Валерка отключился.

— И на сколько это? — осведомилась Ирина, глядя на меня. — Год?

— Полтора. Даже чуть больше.

— Стало быть, не только мне теперь по ночам одной просыпаться и думать, где он, мой, и что с ним, — вздохнула она. — Ну ладно, ты-то, Виктор, не женат. А остальные четверо?

— А они, мужики, все такие, — вмешалась Светка. — Только о себе и думают.

Все мы знали, что Светлана все еще пребывает в расстроенных чувствах после развода, и относились снисходительно к подобным некорректным обобщениям, но я все же не удержался:

— То есть, по-твоему, рисковать собой — это значит «думать только о себе»?

— А о ком же? О благе человечества? Вот скажи мне, Витька, — оттого, что вы на Марс слетаете, что, хлеб лучше расти станет? Подсолнечное масло подешевеет? Если бы все деньги, которые вбухиваются в этот полет...

— Света, — терпеливо произнес я, — ну ты же человек с высшим образованием... пусть и гуманитарным... Что ты рассуждаешь, как безграмотный обыватель?

— Ну конечно! Интересы науки и все такое. А что, японцы глупее вас? Передовая научная держава, между прочим. Но они шлют роботов. Ро-бо-тов. Это и куда дешевле, кстати, их кормить-поить-кислородом снабжать не надо. А вам непременно нужно самим переться. Где тут ваша хваленая логика?

— Искусственный интеллект все еще слишком несо-

вершенен, чтобы полноценно заменить человеческий разум в любой непредвиденной ситуации.

— Отговорки, — отрезала моя сестра; когда она заведется, ее всегда проблематично остановить. — Вот представь себе, что появился такой робот, который гарантированно может заменить любого из вас. Даже лучше вашего справится. Ты по доброй воле уступишь ему свое место в экипаже? Вот только честно — уступишь?

— Если будет принято такое решение...

— Я не про чье-то решение. Я про тебя лично. Хочешь, чтобы вместо тебя робот полетел?

— Не хочу, — пришлось признать мне.

— Quod erat demonstrandum¹, — мстительно продемонстрировала Светка свое высшее гуманитарное и принялась развивать наступление: — А ты, Игорь? Ну ладно — Марс. Никто не был, научная ценность, то-се. Но на Земле-то никаких белых пятен не осталось. Все давным-давно изъезжено-исхожено, а что еще нет, то отснято со спутников с точностью до каждой былинки. Так что тут ни о какой науке речь не идет. Так зачем тебе все эти путешествия на веслах через океан и пешком через пустыни?

— Ну, видишь ли, Света, — Колесов задумчиво поскреб бороду, — меня об этом, конечно, много раз спрашивали, и я всегда отвечаю, что это способ преодолеть себя, убедиться, что ты что-то можешь. Не кому-то там доказать — самому убедиться... Но не только это. Просто только там, наедине с морем или джунглями, я чувствую себя по-настоящему свободным...

— Спасибо! — язвительно откликнулась Ирина.

— Нет, Ирк, ты не обижайся. Домашний уют — это здорово, конечно. И мне очень важно знать, что меня любят и ждут. Но той свободы, которая там, это не заменяет. Дополняет, да — но не заменяет.

---

¹ Что и требовалось доказать (лат.).

— Свободы? — усмеялся Арнольд. — Удивительно, до чего сильно порою заблуждаются люди.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Игорь.

— Я имею в виду, что могу с абсолютной точностью ответить на вопрос Светланы. Если вы, конечно, уверены, что хотите знать правду. — Он вновь замолчал.

Люди часто произносят выражение «лучший друг», но я ни разу не слышал, чтобы кто-то говорил о худшем друге. Меж тем очевидно, что где есть первый, есть и второй. Даже в отношениях двух людей редко наблюдается полная симметрия, а в компании из нескольких человек, какой бы дружеской она ни была, тем более найдется кто-то, к кому относятся хуже, чем к остальным. Это может принимать очень разные формы. Иногда над таким человеком постоянно подшучивают — вроде бы беззлобно, но слишком уж явно чаще, чем над всеми прочими. Или же его мнения спрашивают в последнюю очередь, а то и не спрашивают вовсе, зная, что он ни за что не пойдет против большинства. Бывает и так, что между этим человеком и остальными просто царит некий холодок отчужденности, невидимая граница, не настолько плотная, чтобы вовсе отсечь его от компании, но все же ощутимая.

В нашей компании худшим другом был Арнольд, и он был худшим другом третьего типа. Так сложилось с тех пор, что мы знали друг друга, и, похоже, самого его это вполне устраивало. Его отстраненность от остальных проявлялась даже в его имени, слишком претенциозном для наших палестин, которое он к тому же не позволял сокращать или переименовывать, настаивая, чтобы его называли исключительно «Арнольд». Он предпочитал больше слушать, чем говорить, и почти всегда был серьезен и сосредоточен. О своих делах он рассказывал неохотно, после окончания университета мы даже не знали толком, где и кем он работает, — впрочем, распространяться на последнюю тему он просто не имел права, нам было известно лишь, что это какой-то секретный институт, имеющий отношение к биологии.

Вместе с тем нельзя сказать, что Арнольд был просто высокомерным занудой. Все знали, что если он что-то обещал, то непременно сделает, а если сделать не сможет, то прямо и честно скажет об этом сразу, а не будет отدهлываться конфузливymi отговорками типа «ну-у... может быть, на той неделе... извини, сейчас совсем зашиваюсь...». Врать Арнольд, похоже, не умел вообще. Отмалчиваться — да, но не врать, даже в мелочах. При этом он вполне отдавал себе отчет, что истина не всегда бывает приятной, так что это его присловье — «если ты уверен, что хочешь знать правду» — мы слышали уже не в первый раз.

Больше всех Арнольда ценила Светка. Нет, не в каком-то там романтическом контексте — эта тема Арнольда, насколько нам было известно, вообще не интересовала ни в каком виде. Просто, как объяснила мне сестра, «есть такие темы, которые с мужиками не обсудишь. Даже с тобой, хоть ты мне и брат. И с подругами тоже: вместо ответа по делу начнутся ахи и охи на полчаса. И неизвестно, какая Маша какой Лене будет потом все это в красках пересказывать. А Арнольд — ну, он как компьютер... в хорошем смысле. Ставишь вопрос — получаешь ответ. Иногда неприятный, да — но честный и правильный. И знаешь, что все это останется между нами».

А вот Ирина, появившаяся в нашей компании позже всех, напротив, Арнольда сразу невзлюбила. Она, конечно, благородно старалась этого не показывать, и все-таки это замечал даже такой, по Светкиному выражению, толстокожий динозавр, как я.

— Рассказывай, — произнес за всех Игорь, когда пауза затянулась.

— К этой теме я шел давно, — обстоятельно начал Арнольд. — Началось все с того, что я задумался над одной исторической загадкой. Загадкой Японии и Британии. Вас она никогда не удивляла?

Историков в нашей компании не было, и слышать или читать о какой-то особой загадке этих двух стран нам не доводилось, так что мы лишь недоуменно переглянулись.

— Ну как же, — продолжал Арнольд, — смотрите сами. Два островных государства, отделенные от Евразии морем и проливом, а от Америки — не очень протяженным на этих широтах океаном. Довольно близкие по размеру и форме. Япония, правда, южнее, зато британский климат смягчен Гольфстримом. В общем, с точки зрения географии две эти страны весьма похожи. Но при этом — какая разная история! В XIV веке Британия имеет владения на континенте и пытается их расширить. Больше ста лет воюет во Франции. В конце концов проигрывает, погружает в собственной междоусобице, но не успокаивается. Через какой-то век после окончания войны Роз британские корабли уже всю бороздят океаны. Колонизируют Северную Америку, дают шороха испанцам, потом французам. Британия становится владычицей морей. Дальше — больше. Африка, Индия, Австралия. «Бремя белого человека». Англичанин в пробковом шлеме становится символом эпохи, нет такого дикого клочка земли, куда не ступал бы его шнурованный ботинок. В викторианский период Британская империя покрывает четверть земного шара, и самые знаменитые путешественники мира носят английские фамилии. А что в это время подельывают японцы? А ничего. Все эти столетия, пока Британия покоряет мир, они сидят в глухой самоизоляции на своих островах. Ну, грызутся потихоньку между собой. Но у британцев такая грызня тоже была, однако она их не остановила! И ничего не меняется до тех пор, пока корабли американцев — по сути, потомков все тех же англичан — не заставляют Японию покончить с изоляцией под дулами пушек... Разве это не странно?

— Восточный менталитет отличается от западного, — пожалала плечами Светка.

— Угу. Отличается. Вопрос в том — почему. Япония — отнюдь не единственный пример. Китай сидел в самоизоляции тысячелетиями, даже стену выстроил, чтобы от мира отгородиться. Корею тоже «распечатали» только в XIX веке...

— По-твоему, это расовый фактор? — спросил я. — Монголоиды тяжелее на подъем, чем европеоиды?

— Не все так просто. Чингисхан и Тамерлан — тоже монголоиды. — Арнольд замолчал, ожидая новых гипотез. Их не последовало, и он продолжил: — Обратив внимание на эти обстоятельства, я задумался над историей других стран и народов. И понял, что известные нам со школы события образуют весьма любопытную картину. Живет себе какая-нибудь маленькая, ничем не примечательная страна, о которой едва слышали только ее ближайшие соседи. Называется, например, Македония. Или Монголия. Или — как там назывались кочевья гуннов? И вдруг буквально в один прекрасный день — ну, смотря для кого прекрасный, конечно, — все меняется. Маленький народ охватывает форменная истерия. Он срывается с места и бросается в поход через весь мир, походя захватывая царства и сокрушая империи. Скажете — все дело в вожде? В личных амбициях Александра, Темучина, Атиллы? Но где был бы этот вождь, если бы его не поддержали подданные? Сотни лет это были просто пастухи, чьи амбиции не простирались дальше кражи овец у соседнего племени, — и вдруг становятся «потрясателями вселенной». Или возьмем ту же эпоху географических открытий. С чего вдруг Колумб и все прочие ломанулись во все концы света? За пряностями? Ну да, такова была официальная версия. Надо же было как-то объяснить трату казенных денег на все эти экспедиции. Но неужели какая-то там корица или гвоздика настолько важны, чтобы идти на такие расходы и такие риски? Это же просто приправы к пище, не повышающие ни ее питательность, ни количество, — жили без них тысячи лет и еще бы прожили столько же. А конкистадоры — охотились за золотом? Охотились, конечно. Только зачем золото мертвецу? Отряд из пары сотен человек, высаживающийся на чужом континенте и начинающий войну против великой империи, — это же абсолютное самоубийство. И, однако, высаживались и, что са-

мое смешное, побеждали! Вам все эти картины ничего не напоминают?'

Мы вновь продемонстрировали коллективную недогадливость. Арнольд вытащил из кармана мемку.

— Куда можно воткнуться, Игорь? Хочу кое-что показать.

— Интерфейс какой?

— Двадцать пятый.

— Не, у нас телевизор выше двадцатого не апгрейдится... Пойдем в кабинет, на моем компе покажешь.

Мы все поднялись и потянулись следом за Колесовым на второй этаж, где располагался его кабинет. Впрочем, это помещение, где всем нам, конечно, не раз доводилось бывать и прежде, куда больше походило на музей. С тех пор как бумажные книги практически полностью вышли из употребления, редко в каком кабинете можно увидеть шкафы. У Игоря, однако, прозрачные стеллажи громоздились вдоль обеих стен от пола до потолка — и почти все они были заполнены всевозможными трофеями, привезенными из его путешествий. Чего там только не было — от гигантских раковин и крабов до отливающих перламутром тропических бабочек и рогатых жуков величиной с ладонь, от окаменевшего зуба тираннозавра до метеорита, извлеченного из антарктического льда, от зулусского ассегая до длинноствольного шестизарядного кольца, некогда принадлежавшего какому-то из выдающихся бандитов Дикого Запада (подарок прославленному русскому путешественнику от мэра американского городка, на виллице которого этот бандит завершил свою карьеру; как оформлялись разрешения на вывоз и ввоз этого подарка — отдельная длинная история)...

Но теперь мы смотрели не на все эти диковины (которые, конечно, не раз разглядывали раньше), а на зажатый между стеллажами стол, где лежал колесовский компьютер. Арнольд вставил свою мемку в гнездо и привычно провел пальцем по сенсорной панели.

— Известно ли вам, — спросил он, оборачиваясь к нам, — кто был создателем генной инженерии?

— М-м-м... — протянул я, силясь вспомнить. В голову упорно лез Мендель, хотя я, конечно, понимал, что генная инженерия появилась лет на сто позже, чем генетика как таковая.

— Не трудитесь, — пресек эти потуги Арнольд, — вы пытаетесь вспомнить фамилии, а это неверный путь. Истинные создатели генной инженерии появились за миллионы лет до всяких фамилий. Это вирусы. Современная наука так и не определилась, следует ли считать их формой жизни. Во всяком случае, сам по себе вирус не живет. Он обретает подобие жизни, лишь встроившись в чужую ДНК или РНК и модифицировав таким образом генетический код хозяина. В некоторых случаях это приводит к гибели зараженного организма, но так поступают только, условно говоря, «глупые» вирусы. «Умный» паразит не заинтересован в смерти хозяина, на котором он паразитирует. Наиболее «умные» вирусы внедрились в наш генетический код миллионы лет назад; есть даже гипотеза, что именно они вызвали тот эволюционный толчок, который и отделил в итоге человека от прочих обезьян. Во всяком случае, ДНК современного человека на 8% состоит именно из древних ретровирусов. Ну а в чем еще заинтересован вирус, помимо простого выживания носителя — а нередко и вопреки таковому выживанию?

На этот раз я понял, куда он клонит.

— В максимальном распространении, — глухо произнес я.

— Именно! Разные вирусы решают эту проблему по-разному. Переносятся с воздухом, с водой, с кровью. Но это все пассивные и малоэффективные способы. Коль скоро все свои задачи вирус решает за счет носителя, почему эта должна быть исключением? Это же идеальная стратегия — вместо того чтобы заботиться о своем распространении самому, заставить заниматься этим носителя. И, очевидно, чем носитель будет умнее, тем эффек-

тивнее он будет служить вирусу. Так что из всех видов на Земле человек подходил для этой цели наилучшим образом. Вот вам и ответ на вопрос, на что похожи все эти внезапные перемены в менталитете целых народов и последующие «великие переселения». Они описываются теми же математическими моделями, что и вспышки эпидемий.

Повисла пауза. Слышно было, как за окном шумит не по-летнему затяжной дождь, тщетно пытаясь оставить автографы на водоотталкивающем стекле. Похоже, что осень в этом году наступает раньше обычного...

— И вот, кстати, ответ, чем Япония отличается от Британии, — спокойно продолжил Арнольд. — Британские острова пережили несколько вторжений извне: романское, англосаксонское, норманнское. Причем вторгались всякий раз, разумеется, инфицированные активной формой вируса. В итоге в Британии образовался гремучий коктейль из нескольких штаммов. Японцы же в своей изоляции избегали заражения вплоть до конца XIX века, пока их не инфицировали американцы. За что те, соответственно, поплатились, когда в XX столетии японцами тоже овладела охота к перемене мест... После того как я понял все это, остальное было делом техники. Сравнить геномы народов-«путешественников» и народов-«домоседов», а также уделить особое внимание останкам представителей одного и того же народа в «спокойный» и «непоседливый» периоды — все это при современном уровне техники не так уж сложно, особенно когда представляешь, что искать. В итоге, — Арнольд провел рукой над панелью, и в воздухе соткалось серое зернистое изображение какой-то малосимпатичной загогулины, — позвольте представить вам истинного хозяина человеческих судеб и творца истории. Так он выглядит под электронным микроскопом. Я назвал его вирусом Одиссея, хотя с тем же успехом его можно было бы назвать вирусом Атиллы или Гитлера. Впрочем, Одиссей как символ странника — причем странствующего не по своей воле — тут все-таки точ-

нее. Война сама по себе этому вирусу не нужна — ему требуется только максимальное распространение, а то, что перемещение огромных масс людей неизбежно порождает массовое насилие, его, как вы сами понимаете, не волнует. Пусть миллионы погибнут, зато новые десятки миллионов будут инфицированы. Кстати, он довольно-таки примитивен, даже для вируса, — ВИЧ, например, устроен заметно сложнее. Тем не менее именно он управляет поведением самых высокоразвитых существ на планете — от Александра Македонского и Колумба до Игоря Колесова и членов будущей марсианской экспедиции. На Марсе ему, разумеется, заражать некого, но ведь он об этом не знает...

— По-твоему выходит, что люди — это просто... — Ирина запнулась. — Половые органы вируса?

— С функциональной точки зрения именно так, — невозмутимо подтвердил Арнольд. — Хотя, конечно, вирусы бесполо.

— Нет, это чепуха какая-то! — решительно заявил Игорь. — Ну, допустим, какой-то вирус и впрямь существует... но заявлять, что все путешествия, все войны вызваны именно им... игнорируя политику, экономику и все прочее...

— Вероятно, не все, — согласился Арнольд. — Какие-то можно объяснить и с позиций целесообразности для человека, а не для вируса. Но все наиболее выдающиеся — да, наверняка. Ибо, если вдуматься, с рациональной точки зрения все они неоправданны. Слишком большие издержки и риски, слишком сомнительные выгоды. Для людей, разумеется.

— У человека есть свобода воли! — стоял на своем Колесов. — Не может какой-то там вирус...

— Почему нет, собственно? — пожал плечами Арнольд. — Тебя же не удивляет, что поведение человека радикально меняет, например, вирус бешенства? Да что там вирус — есть масса куда более простых химических соединений, способных кардинально влиять на психику.

Начиная с банального этилового спирта. Два атома углерода, шесть водорода, один кислорода — и во что превращается наш царь зверей со своей сотней миллиардов нейронов?

— Если я захочу остаться дома, то никуда не поеду. И никакой вирус меня не заставит!

— Угу. Ключевое понятие тут — если захочешь. Но ты не захочешь, в том-то и дело. Как не хотели и не хотят миллионы других. А потом, конечно, начинается рационализация. Придумывание всех упомянутых тобой причин. Человек будет искренне верить, что отправляется добывать неведомое богатство в неизвестных краях. Или освободить Гроб Господень. Или завоевывать славу для своего отечества. Или нести свет истины погрязшим во зле народам. Или — как ты там говорил? — преодолевать себя и даже, что самое забавное, наслаждаться подлинной свободой... В общем, разные люди и народы отработывают задачу по-разному. Взять, например, арабов и евреев. Если первые пошли по традиционному пути войны и агрессии, то вторые избрали более хитрую стратегию, распространяясь по миру не как завоеватели, а как жертвы изгнания — что оказалось в итоге более эффективным. Если бы вирус мог испытывать эмоции, он бы, полагаю, гордился такими хорошими слугами... Сам он, разумеется, обеспечить ту или иную стратегию не в состоянии. Он просто ставит задачу, а уж человек находит способы ее решить.

— По-твоему выходит, что этот вирус уже должен был перезаразить весь мир, — заметил я.

— Так и есть. Те сообщества, которые пережили эпохи географических открытий, колониальных империй и мировых войн, уж точно не ушли от глобализации. Конечно, я не мог провести анализ всех этносоциальных групп на планете... у моей конторы довольно широкие возможности, но все же не настолько... но могу предположить с вероятностью, близкой к единице, что к настоящему времени вирус Одиссея встроен в ДНК всего человечества.

Кроме, может быть, каких-то изолированных племен в самых труднодоступных местах. Но это, разумеется, не значит, что он остановится. Он слишком примитивен, чтобы счесть задачу выполненной. Более того, как я сказал, в прошлом уже появлялись новые его штаммы, и, очевидно, это происходит и сейчас. Они будут конкурировать между собой — недаром миграционные потоки по всему миру растут...

— Тем не менее толп новых Македонских мы не наблюдаем, — перебил я; мне показалось, что я наконец нашупал слабое место в его теории.

Но Арнольд оставался невозмутим:

— Внутривидовое генетическое разнообразие homo sapiens достаточно велико. Хорошо известно, что разные люди — и целые этносы — по-разному восприимчивы к одним и тем же болезням, и вирус Одиссея тут, разумеется, не исключение. В частности, обладатели некоторых гаплогрупп, характерных для народов Дальнего Востока, действительно менее подвержены его действию. И в этом наше счастье — представьте себе, что китайцы отреагировали бы на заражение так же, как в свое время македонцы... Кроме того, вирус гораздо слабее действует на женщин. Ну и, наконец, есть определенное сочетание генов, против которого он вообще бессилён. То есть носителем такой человек, конечно, будет, но больным — никогда.

— Больным? — вскинулся Игорь. — Ты называешь это болезнью?

— А чем же еще? — пожал плечами Арнольд. — Болезнь — это, знаешь ли, не обязательно жар и головная боль. Кстати, жар как раз означает, что организм с болезнью борется. Хуже, когда его нет.

— И что, по-твоему — если я наглоталась антибиотиков, у меня пропадет желание путешествовать?

— Нет, — спокойно ответил Арнольд, — потому что антибиотики эффективны против бактериальных, а не вирусных инфекций. С вирусами вообще очень трудно

бороться. Но можно. Собственно, надежные способы появились только с развитием геной инженерии.

— Ты хочешь сказать, что знаешь способ уничтожить вирус Одиссея? — спросила Светлана.

— Нет. Не уничтожить. Нейтрализовать. Как я только что сказал, есть определенная геной комбинация, делающая вирус неактивным. Она может быть внедрена любому человеку без каких-либо негативных последствий.

— Если люди захотят лечиться, — заметил Игорь. — Впрочем, я бы, пожалуй, попробовал — просто чтобы доказать тебе, что вся эта твоя теория — вздор. Я люблю путешествовать сам по себе, а не из-за какой-то там заколючки, видимой только под электронным микроскопом.

— Всегда-всегда любишь? — в традиционно ровном тоне Арнольда обозначился намек на иронию. — Вот прямо сейчас готов встать из-за стола и ехать в новую экспедицию?

Ирина бросила на него неприязненный взгляд.

— Ну... не прямо сейчас, конечно, — пробурчал Колесов. — Я же только что вернулся, надо же, в конце концов, отдохнуть...

— А когда? — не отставал Арнольд. — Завтра? Через неделю? Через месяц?

— Ну не знаю... как-то не думал пока об этом...

— Вот как? Знаменитый путешественник Колесов, заявлявший в интервью, что у него в голове всегда роятся идеи будущих экспедиций на много лет вперед, вдруг, оказывается, перестал думать об этом? Более того, сами разговоры о его последнем плавании его «достали»?

— Слушай, чего ты к нему пристал? — не выдержала Ирина. — Это тебе никто не нужен, кроме твоих пробинок, а у некоторых, между прочим, семья есть... И не «последнем» плавании, а «крайнем», сколько раз просила...

— Думаю, что последнем, — возразил Арнольд вместо обычных в таких случаях фраз о вреде суеверий. — Мой метод работает.

— Что?! — вскинулся Игорь.

— А что? Ты же сам сказал, что хотел бы попробовать. Вот ты и пробуешь. Как видим, вполне успешно.

— Ты... ты напичкал меня...

— Не только тебя, если тебя это утешит. Но я не понимаю, что тебе не нравится. Ты утверждаешь...

— Я не подопытная свинка!

— Разумеется. Но ты утверждаешь, что вирус Одиссея не оказывает на тебя никакого воздействия. Значит, его дезактивация ничего не изменила. Если же прав я, то я избавил тебя от действия паразита, влиявшего на твою свободу воли. В любом случае не вижу, что здесь плохого.

— Ты должен был спросить...

— погоди, Игорь, — перебил я. — Что значит «не только тебя», Арнольд? Кого еще ты записал в подопытные?!

— Не в подопытные. В исцеленные, — произнес Арнольд тоном терпеливого учителя. — На Земле почти восемь миллиардов инфицированных, и спрашивать у них всех согласия нет ни времени, ни, главное, смысла. Нелепо спрашивать больного, хочет ли он вылечиться, когда его сознание находится под контролем той самой болезни, от которой ты хочешь его избавить.

— И как это ты сам, такой умный-разумный, умудрился принять решение, если на твои мозги действует все тот же вирус? — ядовито осведомилась Ирина.

— Потому что он на них не действует, — спокойно ответил Арнольд. — Первым человеком, у которого я обнаружил «одиссееустойчивый» комплекс, был я сам. По правде говоря, меня это не удивило. Я с детства не понимал всей этой суеты и беготни. Когда родители возили меня на юг, помню, какая это была скука...

— Нет, это какая-то шутка дурацкая! — решительно перебил Игорь. Впрочем, он не мог не знать, что Арнольд ненавидит розыгрыши, а первое апреля именуется «самой идиотской традицией на этой планете». — Мы же только сегодня увиделись, и ты мне никаких уколов не делал, таблеток не давал... я ел только то, что Ирка приготовила...

— Личный контакт тут не требуется, — ответил Ар-

нольд. — Я имею в виду — со мной. С тем, с кем надо, ты уже проконтактировал — вероятно, вскоре после своей высадки на берег... Я же сказал — на Земле восемь миллиардов человек. Я что, за всеми со шприцом буду бегать? Тут принцип — клин выбивают клином. Я создал вирус, внедряющий в клетки защитную комбинацию. Совершенно безвредный, не беспокойтесь. Но распространяется он очень быстро. К настоящему времени, полагаю, им охвачено уже большинство человечества, за исключением удаленных и труднодоступных районов...

— Так вот чем занимается ваш институт... — пробормотал я.

— Конкретно это — моя частная инициатива. Начальство не в курсе. Вы первые, кому я говорю. Было еще несколько добровольцев, которых я нанял на свои деньги, но они не знали, в чем суть эксперимента.

— Но это... это же преступление! — воскликнула Ирина.

— Можешь написать на меня донос, — пожал плечами Арнольд. — Доказать, правда, будет трудно — во всяком случае, ни у меня дома, ни в моей лаборатории улики уже не осталось. Так или иначе, процесс запущен, и обратного хода нет.

— И что теперь будет? — спросила Светка в наступившей тишине. — Люди перестанут путешествовать?

— В первую очередь они перестанут воевать, — ответил Арнольд. — Ну, не то чтобы совсем — отсутствие конфликтов между живущими на одной территории я не могу гарантировать. Но захватывать чужие земли теперь уже точно никто не захочет. И любая попытка отправить армию на другой конец света закончится массовым дезертирством. Преступность тоже снизится — если прежде преступники часто спасались от наказания, ударившись в бега, то сейчас эта идея резко теряет для них привлекательность. Вспомните — в древности, когда вирус Одиссея еще не успел распространиться, изгнание считалось очень тяжелой карой, практически эквивалентом смертной казни... В ближайшие месяцы транспортные

★

потоки по всему миру сократятся в разы, что весьма оздоровит экологию. Думаю, вы все слышали, во что обходится для окружающей среды один-единственный полет трансатлантического лайнера... А путешествия в пространстве, по сути, давно уже стали анахронизмом. Абсолютное большинство вопросов можно решить, не выходя из комнаты, благодаря ви-комам и глобальной инфосети.

— Туристические компании разорятся, — заметила Светлана.

— Что делать, не бывает хорошо сразу всем, — констатировал Арнольд. — А если бы вместо вируса Одиссея была кишечная инфекция, на этом наживались бы производители туалетной бумаги. Но это же не значит, что ради сохранения их прибылей болезнь не надо лечить? В конце концов, те страны, экономика которых строится на туризме, перестанут тупо паразитировать на своем солнце и море и научатся зарабатывать чем-то реально полезным. Это для их же блага.

— Да кто ты такой, чтобы решать за весь мир, что полезно, а что нет?! — взорвался Игорь.

— Только не надо этой чепухи, что-де ученый не должен брать на себя роль бога, — поморщился Арнольд. — Тем более что я, по сути, не придумал ничего революционного. Я всего лишь вернул людей к их биологической норме. Вирус Одиссея — это патология, не забывай. Потвоему, какая-то молекула в оболочке имеет право решать за людей, а я — нет?

— Ты сам сказал, что человека из обезьяны тоже сделал вирус, — хмуро напомнил я. — А если бы и тогда нашелся кто-то, кто «восстановил бы норму»?

— Обезьяны не владеют геной инженерией, поэтому им ничего не остается, кроме как полагаться на природу. У людей есть выбор. А окончательное решение я принял именно потому, что знаю, чем занимается мой институт. И очень не хочу, чтобы кое-какие его разработки были применены на практике. Весьма, знаете ли, полезные разработки для тех, кто хочет без сопротивления занять не-

кую территорию... Впрочем, я и так уже сказал слишком много.

Вновь повисло молчание. В воздухе над компьютером продолжал поворачиваться вирус Одиссея. Арнольд, словно вдруг вспомнив о нем, протянул руку и выдернул мемку. Изображение погасло.

— Ладно, — сказал наконец Игорь. — Вы идите, доешьте ужин, Ирка старалась. Ир, ты тоже иди.

— А ты? — она повернулась к мужу.

— У меня нет аппетита. Займусь лучше статьей о своем плавании, обещал одному журналу... — Он уселся за стол и придвинул к себе комп.

Мы молча вернулись в столовую. Впрочем, аппетит, похоже, испортился не только у Игоря. Один лишь Арнольд невозмутимо орудовал вилкой, не замечая бросаемых в его сторону взглядов. Кажется, на сей раз его не поддерживала даже Светка, невольно отодвинувшая свой стул подальше. Я сам не знал, что и думать — и какая мысль пугает меня больше: та, что Арнольд, единолично принявший решение за все человечество, мог ошибиться, или та, что он все-таки прав.

За окнами темнело. По времени было еще рано, но тучи плотно обложили небо, и дождь только усилился. Лететь домой сквозь это мокрое море не слишком приятно, хотя автопилот и должен справиться...

— Можете переночевать здесь, — произнесла Ирина без обычного радушия. Нам, конечно, и прежде случалось оставаться на ночь в загородном доме Колесовых, но чувствовалось, что на сей раз предложение сделано исключительно из вежливости.

— Спасибо, мы, пожалуй, полетим, — первой откликнулась Светка, бросая просительный взгляд на меня. — Не такая уж плохая погода...

— А по-моему, отвратная, — возразил Арнольд, глядя в окно. — На маршруте еще ладно, а в городе садиться в такую пору... того и гляди за какую-нибудь стену зацепишься.

— Мы можем тебя с собой взять, — поспешно произнесла Светлана. — Ты знаешь, как Витька водит, лучше любого автопилота! А твой коптер потом на автоматике вернется.

— Как бы Виктор ни водил, в тучах все равно болтанка будет. Не люблю. Ну что ты бросаешь на меня выразительные взгляды? Ты хочешь сказать, что Ирина не желает, чтобы я остался? Уж она, по-моему, должна только радоваться. Теперь Игорь все время будет дома...

— Эти экспедиции — вся его жизнь! — не выдержала Ира. — И если в том, что ты тут наговорил, есть хоть капля правды...

В этот момент наверху грохнул выстрел.

Мы на миг застыли; потом сперва Ирина, а за ней прочие бросились вверх по лестнице.

На пороге кабинета Ирина охнула и стала оседать на пол; я едва успел ее подхватить, лишь в следующий момент увидев то, что предстало ее глазам.

В фигуре, откинувшейся назад через спинку кресла, трудно было узнать Игоря Колесова. Выстрел в упор из сорок пятого калибра снес верхнюю половину черепа; прямо на нас смотрел окаймленный кроваво-костяными обломками кратер, заполненный жуткой серо-багровой массой, и тонкая, почти черная струя тягуче стекала оттуда на пол. Что-то похожее на белесого моллюска сползло вниз по обильно обрызганному красным стеклу ближайшего слева шкафа с экспонатами. На моих глазах расширявшаяся лужа коснулась рукояти валявшегося на полу револьвера, некогда принадлежавшего знаменитому бандиту с Дикого Запада. Комп был включен, и на его виртуальном экране чернела крупными буквами одна-единственная фраза: «По крайней мере на это у меня еще хватает свободы воли».

Я услышал справа сдавленный звук. Светка согнулась в приступе рвоты.

— Придется вызвать полицию, — спокойно констатировал Арнольд.

С этого момента прошло уже полтора часа; мы сидим и ждем полицейских, которые из-за плохой погоды тоже не могут добраться быстро. Светка возится с Ириной, лежащей на диване; когда та пришла в себя, то пыталась наброситься на Арнольда, да так, что мы с сестрой вдвоем еле сумели ее удержать; потом, однако, она обмякла и позволила себя уложить. Арнольд сидит в кресле возле декоративного камина; он по-прежнему совершенно невозмутим, хотя, думаю, понимает, что мы не станем его выгораживать. Во всяком случае, никаких просьб не рассказывать полиции о его роли в случившемся от него не прозвучало. А ведь он, как ни крути, сознательно выпустил на свободу вирус, заразивший все человечество... Но мне, по правде говоря, нет дела до того, о чем он думает и что с ним теперь будет. Все эти полтора часа я со страхом прислушиваюсь к собственным ощущениям. Признаться, поначалу в глубине души я ему не поверил, но то, что произошло с Колесовым, способно убедить любого.

И тем не менее я пока еще хочу лететь на Марс.

Пока еще хочу.

Пока еще хочу...

НЕТРИВИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

краны линкора «Неостановимый», флагмана Объединенного Военного Флота Земли, показывали тьму. Сплошную черноту. Ни звезд, ни планет. Но экраны не были неисправны (если не считать второго, пятого и седьмого). Просто корабль бороздил чернильную мглу газопылевой туманности.

— Какая тоска, — сказал молодой лейтенант ван Бастен, упираясь обоими локтями в пульт и кладя подбородок на руки. — Такое впечатление, что мы в склепе.

— Во всяком случае, здесь мы в безопасности, — заметил доктор Шварц. Он стоял, прислонившись к переборке и засунув руки в карманы комбинезона. — Насколько я знаю, даже у них нет сканеров, способных нащупать нас в этом супе.

— Ну а дальше что? Сколько мы будем здесь прятаться? Год, десять, всю жизнь? Все равно рано или поздно или сдохнут системы жизнеобеспечения, или мы вылезем отсюда и нас накроют. Какой смысл? Лучше уж было дать им последний бой. Или... черт побери, может быть, даже сдаться, — добавил лейтенант полупшепотом.

— Землян не берут в плен, — напомнил Шварц. — После резни, которую наши парни устроили в лагере на Канопусе IV...

Со скрипом открылся люк, и на мостике появился адмирал Руперт Дж. Дж. Винтерфилд, командующий Объединенным Флотом и Временно исполняющий обязанно-

сти Президента Соединенных Штатов Земли. «Адмирал на мостике», — доложил компьютер. Командующий остановился, ожидая рапорта, но лейтенант продолжал подпирать кулаками челюсть. Адмирал нахмурил правую бровь:

— Вахтенный, доложите обстановку!

— За время моей вахты происшествий не было, сэр. Корабль следует заданным курсом. Связь с остальным флотом устойчива. Противник в радиусе действия сканеров не обнаружен. Новых отказов матчасти не зафиксировано, — меланхолично поведал ван Бастен.

Винтерфилд опустил вторую бровь.

— Что это за доклад, лейтенант? Что вы мямлите, как школьник на первом свидании? Вы офицер Объединенного Флота или где?

— У молодого человека падение боевого духа, адмирал, — с усмешкой сообщил доктор. — И, учитывая все обстоятельства, на вашем месте я бы не стал слишком ругать его за это.

Адмирал готовился исторгнуть громы и молнии, но затем передумал. В его рокочущем голосе появились отеческие нотки:

— Я все понимаю, сынок. Нам всем пришлось нелегко. Но те временные трудности, которые мы переживаем, должны еще больше...

— Временные трудности?! — ван Бастен резко вернулся вместе с креслом. — За нами охотятся флоты всей Галактики! Земля уничтожена! Все наши колонии захвачены! Мы лишились всех баз! Флот разгромлен! Все, что у нас осталось, — это восемь кораблей, из которых два — наскоро вооруженные транспорты! И это вы называете «временные трудности»?!

— Командование не скрывает, что положение тяжелое, — мужественно признал адмирал. — Однако в истории бывало и... Гхм. Нет, пожалуй, хуже не бывало. И тем не менее все еще можно повернуть вспять. Пусть сейчас землян осталось менее шестисот человек, но не будем забывать, что в наших морозильниках хранится двадцать

миллионов оплодотворенных яйцеклеток. Нам нужно лишь найти подходящую планету и получить несколько десятков лет передышки...

— У нас уже была планета, — хмуро возразил ван Бастен, и не подумав добавить «сэр». — У нас была Земля и шесть колоний. И нас раздавили, как гнилой орех.

Брови адмирала дернулись, но он сдержал себя.

— Вы не правы, лейтенант, — ровно произнес он. — Конечно, учитывая тридцатикратное численное преимущество... и все же мы им неплохо всыпали! Очень даже неплохо! Мы нагнали на них такого страха, что они до сих пор боятся произносить вслух наше имя!

— Насколько мне известно, это не совсем так, адмирал, — заметил Шварц. — Слово «землянин» в Галактике действительно избегают произносить, но не из страха, а потому, что оно теперь считается крайне непристойным ругательством.

Винтерфилд метнул на него свирепый взгляд.

— Не надо нам было на них нападать, — пробурчал лейтенант. — Что за идиотизм — воевать в одиночку против всей Галактики?

— Они сами виноваты! — запальчиво возразил адмирал. — Нам просто требовалось жизненное пространство, что им стоило немного потесниться? Вместо этого они заявили, что мы, видите ли, должны прекратить бесконтрольное размножение! Да какое они имеют право вмешиваться в нашу личную жизнь? Мы же к ним в постель не лезем! Тем более что у них и постели-то нет... в этом смысле... Ну а что касается в одиночку... Наши дипломаты предприняли воистину титанические усилия, чтобы стравить их между собой. Не думаю, что кто угодно мог сделать больше. Теперь я, пожалуй, могу признать — хотя официально мы, конечно, это по-прежнему отрицаем, — что аннигиляционные бомбы, сброшенные на иоариуан от имени ту'мту'гту'му, на самом деле были нашими. Но ничего не помогло. Они все равно предпочли объединиться против нас!

Загудел зуммер срочного вызова.

— Винтерфилд слушает, — пророкотал адмирал, поправляя наушник. Некоторое время он прислушивался к чьему-то захлебывающемуся от возбуждения голосу. — Ну что ж, джентльмены, я говорил вам, что рано падать духом! — изрек он торжествующе. — Звонил доктор Рогозин. Он утверждает, что мы спасены.

Шварц скептически хмыкнул.

Десять минут спустя офицеры «Неостановимого» собрались в командном отсеке. С другими кораблями была установлена прямая видеосвязь. Делавший доклад доктор Рогозин прохаживался взад и вперед, и его вдохновенно горящий взгляд скользил над головами присутствующих.

— Я закончил расшифровку материалов, захваченных нами на ткланской станции. Кое-кто, помнится, возражал против нашей атаки на эту станцию. Кое-кто, — он вперил взгляд в доктора Шварца, — даже называл ее идиотизмом, из-за которого мы лишь выдали свое местонахождение, не получив взамен ничего, кроме архивов тысячелетней давности. Кое-кто, впрочем, убедился в своей неправоте уже тогда, когда первый же анализ архивов дал нам координаты этой туманности, столь успешно скрывшей нас от противника. Но здесь есть и кое-что еще! Эта туманность — не просто облако пыли, господа. В самом ее центре имеется звездная система, а в ней — пригодная для жизни планета. И не просто пригодная, а цивилизованная! Захватив ее, мы сразу получим в свои руки высокоразвитую инфраструктуру!

— Не думаю, что в настоящее время мы располагаем достаточными силами для захвата цивилизованной планеты, — произнес со своей неизменной полуулыбкой капитан Коямада, командовавший вторым и последним линкором Флота «Адмирал Нельсон».

— Тем более что они запросят помощь, и через неделю здесь будет весь галактический флот, — добавил доктор Шварц.

— Терпение, господа, извольте дослушать до конца!

Это не обычная цивилизация. Они не поддерживают контактов с нашими врагами. Само их местоположение — на самом краю Галактики, да еще внутри непроницаемого газопылевого облака — определило изоляционистский характер их культуры. Даже достигнув весьма высокого уровня развития, они долгое время не имели понятия о существовании других звезд и, соответственно, других разумных рас. Идея космических путешествий была им абсолютно чужда. Когда ткланская экспедиция раскрыла им глаза, первое, что они попросили, — это оставить их в покое. Представьте, что вы прожили всю жизнь в маленьком уютном домике, совершенно не задумываясь, что за его пределами есть что-то еще, и вдруг оказывается, что ваш домик стоит посреди бескрайних и диких джунглей, кишаших хищниками и дикарями. Захотите ли вы покинуть свой домик и общаться с обитателями джунглей? А если кто-то из них полезет к вам в окно, станете ли вы звать на помощь без опасения, что ваш зов привлечет еще более жутких тварей?

Но это еще не все. Мало того что энхи — так называется эта раса — развивались в полной изоляции, они еще развивались в тепличных условиях. Их планета в несколько раз старше Земли, на ней удивительно ровный климат — нет даже смены времен года — и почти не бывает природных катаклизмов. И сами энхи... биологически они нечто среднее между животными и растениями. Они способны передвигаться и имеют достаточно сложное строение, но в основе их питания лежит фотосинтез. И таковы все высшие организмы Альвы, их планеты. Не хищные и даже не травоядные. Размножаются опылением. Вы понимаете? На Альве никто никого не убивает! Им чужда сама идея убийства и вообще насилия! Они в принципе не способны оказать нам сопротивление! Их парализует ужас от первого же выстрела!

— И при этом у них развитая техническая цивилизация? — спросил командер Леже.

— Да, хотя они и не придают большого значения тех-

нике. Она служит им только для удобства. Их основной интерес — искусство.

— Все это, конечно, любопытно, — заметил осторожный Коямада, — но ваши разведанные, если я не ошибаюсь, устарели как минимум на тысячу лет. Откуда мы знаем, как могла измениться ситуация на Альве за этот период?

— На Альве редко что-нибудь меняется, — улыбнулся Rogozin. — В таких комфортных условиях эволюция протекает крайне медленно, и социальное развитие тоже. К тому же и сами энхи живут очень долго... даже их дикие предки жили по много столетий, а цивилизованные энхи, кажется, вообще бессмертны...

— В любом случае вариантов у нас не так уж много, — резюмировал командующий. — Мы немедленно берем курс на Альву. Офицеров разведки и командиров штурмовых групп прошу ко мне.

На берегу широкой реки Эльталан, что струит свои прозрачные воды по долине Хха, впадая в море Аэф-Ии, именуемое также Морем Вечерней Зари, стояли (ибо анатомия энхов исключает сидение) мастер Ильх Шш Эт и один из его учеников по имени Аль. Золотая дорожка заката плескалась и подрагивала на темно-синей речной глади; в прозрачном вечернем небе плыли прихотливо разбросанные облака, и их нежные пушистые края, просвеченные насквозь заходящим солнцем, сияли на плавно темнеющем небесном фоне.

— Ну что ж, Аль, очень неплохо, — оценил мастер Ильх, — только вон то облако представляется мне тяжеловатым. Я бы его убрал.

— Да, мастер, я тоже думал об этом, — ответил Аль, — но общая гармония композиции требует, чтобы та часть неба не оставалась пустой. А при таком положении солнца любое кучевое облако с этого ракурса...

— Но кто тебе сказал, что ты должен ограничиваться кучевыми облаками? — возразил мастер. — Ты уже достаточно искусен, чтобы работать не только с нижними

слоями атмосферы. Вот смотри, — он поднял третьим отростком жезл реструктора, и в несколько секунд нежелательное облако развеялось без следа. Затем, изменив параметры луча, легкими движениями жезла Ильх нанес на небо несколько перистых облаков. — А если еще немного изменить коэффициент рефракции вот с таким градиентом...

— Верно, так гораздо лучше, — согласился ученик.

— А вон та одинокая птица...

— Она не входила в мой замысел, — поспешно перебил Аль. — И вообще это, кажется, не птица. Это летит Эфф, — он слегка развел верхние отростки, что означало «при прочих равных условиях я предпочел бы, чтобы данное событие не случилось, по крайней мере в данный момент». Более сильного проявления отрицательных эмоций энхи в обычных условиях не знали.

Гравипланер, блеснув серебристыми крыльями, мягко опустился на берег, и Эфф, другой ученик Ильха, выбрался из кабины.

— Что-то я проголодался, — заметил он, с удовольствием запуская корненоги в плодородную почву. — Приветствую, мастер. Привет, Аль. Твоя работа? Все хранишь верность старому стилю? Если хочешь знать мое мнение, это пресно и тривиально. Красиво, конечно, но это чисто декоративное небо. Это оформление, а не искусство. В искусстве должен быть некий внутренний посыл, некое концентрированное содержание, а не одна лишь формальная гармония. Вот, например, — он достал свой воспроизводитель, готовясь продемонстрировать собственную версию заката.

— Подожди, я еще не сохранил поправки учителя! — возмутился Аль.

— Сохраняйся быстрее, а то солнце уйдет. Готово? — Эфф включил активацию, и картина неба стала быстро меняться. Золотистое солнце налилось оранжевым, потом зловеще-алым. Стустились, за клубились темно-фиолетовые тучи, заиграли багровые отблески на их крутых бо-

ках. Сверкнула молния. Воды реки подернулись зябкой рябью. А высоко-высоко небо оставалось по-прежнему ясным, и лишь редкие перистые облака плыли безмятежно, подсвеченные розовым снизу.

— Да, внутренний посыл в этой композиции чувствуется, — одобрил мастер. — В целом недурно, Эфф. Но тебе еще надо работать с цветовой гаммой. Особенно в красной части спектра. Вот взгляни, чуть меняем закон распределения длин волн — и тучи заиграли совсем по-другому.

— Ну... да, пожалуй, — нехотя согласился Эфф.

— Мастер, вы же хвалили мой вариант! — не выдержал наконец Аль.

— У каждого из вас свой стиль, — ответил Ильх, сводя отростки, что соответствовало улыбке. — Дело учителя — указывать ошибки на выбранном пути, но не сам путь. Свой Путь каждый должен избрать сам.

— Выходит, наши вечные споры с Эффом не имеют смысла?

— Отчего же? Каждый вправе высказать свое мнение, и каждый вправе соглашаться или не соглашаться с мнением другого.

Быстро темнело. Грозовые тучи уплыли на север, и небо вновь очистилось. Затем в нем плеснули первые переливы света, торжественно разворачиваясь широкими разноцветными лентами, — кто-то исполнял ионосферную симфонию. Мастер и ученики залюбовались зрелищем. Они стояли не шелохнувшись, пока не догорел последний аккорд.

— А в третьей части я бы, пожалуй, усилил зеленую тему, — заметил неутомонный Эфф.

Прежде чем Аль успел ему возразить, в небесах вдруг появилось еще что-то. Оно не имело ничего общего с только что отсиявшей великолепной феерией и выглядело столь безвкусно, что Аль даже выгнул от возмущения отростки в разные стороны. Это была просто блеклая точка, медленно ползущая по небу. Точнее, целая группа та-

ких точек, столь мелких и близких, что они казались почти слившимися в одну. Всего их было, кажется, семь или восемь.

— Что это? — возмутился Эфф. — У кого-то барахлит реструктор?

— Нет, — медленно шевельнул отростками мастер, — это не атмосферное явление. Это материальные объекты. По-моему, я уже видел такое. Тысячу или две лет назад.

— Вы хотите сказать, мастер, что это — Живущие-с-Другой-Стороны-Тьмы? — первым догадался Аль. — Но разве вы еще тогда не сказали им, что они нарушают нашу гармонию?

— Да, сказали, и они обещали нам не прилетать больше. Странно... Впрочем, может быть, это другие? Живущие-с-Другой-Стороны-Тьмы рассказали нам, что там много разных миров, хотя, по их словам, все они уважают чужое право на выбор Пути. Что ж, полагаю, если это событие вообще стоит нашего внимания, то скоро мы все узнаем.

Бывший майор Лопес, экстренно произведенный в генералы после гибели всех своих прямых начальников и возглавлявший теперь разведуправление Флота, удовлетворенно демонстрировал кадры орбитальной съемки.

— Как мы и предполагали, ничего похожего на армию и военную технику. Маленькие городки, одиночные домики... Любопытно, они живут в одноэтажных домах с прозрачными крышами.

— Им нужен свет для фотосинтеза, — встрял Шварц.

— Доктор, я и сам в состоянии догадаться... В общем, пастораль, а не планета. Правда, атмосфера у них тут неспокойная — внезапные перемены погоды, полярные сияния в экваториальных районах... но это все не способно причинить нам никакого вреда. Так что мы можем осуществить высадку без всякого риска.

— Не нравится мне эта идея с высадкой, — покачал

бритой головой Коямада. — Просто разрушить несколько городов с орбиты было бы надежней.

— Генерал прав, — возразил Винтерфилд. — Разрушение города плюс захват заложников подействуют на них лучше, чем просто разрушение города. Да и ни к чему нам увлекаться орбитальными бомбардировками — ведь мы хотим, чтобы их инфраструктура досталась нам в целости. Одного показательного города будет вполне достаточно.

Гравипланер мчался по небу, сложив крылья. Аль так спешил, что шел на силовой тяге, отказавшись от обычного удовольствия парящего полета. Заложив вираж, он приземлился возле дома мастера Ильха. В доме играла музыка, и Аль, хотя его верхние отростки дрожали от волнения, конечно же, сначала дослушал пьесу. За это время он немного успокоился.

— Удивительные известия, мастер, — начал он. — Живущие-с-Той-Стороны-Тьмы...

— Отказались покинуть Альву, хотя мы прямо попросили их об этом, — перебил вездесущий Эфф, демонстрируя свою осведомленность.

— Это уже не самая свежая новость, — парировал Аль. — Они побывали в Городе Серебряных Трелей. Я был там после их отлета. Город полностью разрушен. И похоже, что они сделали это преднамеренно.

— Может быть, это форма их искусства? — предположил Эфф после короткой паузы, вызванной изумлением. — Руины живописны. Хотя, конечно, непонятно, почему они не спросили нашего согласия.

— Город разрушен без всякого представления о гармонии, — сокрушенно покачал отростками Аль. — Даже самый неопытный ученик не сделал бы такого. Но это еще не самое странное. Они забрали жителей города.

— Не спешишь ли ты с выводами, Аль? — предпочел уточнить мастер. — Что значит «забрали»? Может быть, пригласили их к себе?

— Нет, забрали, не получив их согласия. Живущие-с-Той-Стороны-Тьмы оставили послание, обращенное к нашим правителям и всем энхам, где прямо это утверждает-ся. И еще там говорится, что если мы не будем делать то, что они скажут, то они... что-то сделают с теми, кого забрали. Я так и не понял, что именно. Похоже, в нашем языке просто нет слова, обозначающего это, но, кажется, речь идет о каком-то вмешательстве в жизненные функции. Кстати, мастер, а что такое «правители»? Те, кто управляет транспортными средствами?

— Нет, — согнул отростки Иьх, — это сильно устаревшее понятие. Когда-то энхи не чувствовали себя достаточно мудрыми, чтобы каждому избирать свой Путь, и поэтому многие избирали немногих, чтобы те указывали Путь для всех. Но это было очень давно, сотни тысяч лет назад. И, похоже, сейчас Пришедшие-из-Тьмы, — мастер впервые употребил этот оборот, — хотят, чтобы мы избрали своими правителями их. Но это же совершенный абсурд! Здесь нет ни логики, ни гармонии.

— Надеюсь, те, кого они забрали, объяснят им это, — сказал Эфф.

— Мне бы тоже хотелось на это надеяться... — произнес мастер, но отростки его выражали крайнюю степень сомнения.

— Итак, они проигнорировали наш ультиматум, — констатировал Винтерфилд. — Где же обещанные вами ужас и паника, доктор?

— Вероятно, они просто еще не осознали серьезности наших намерений, — пожал плечами Рогозин. — Ничего, когда они увидят трупызаложников...

— Желательно — со следами пыток, — кровожадно добавил Лопес.

— Пытать их бесполезно, — возразил Рогозин. — Энхи не испытывают боли. Их эволюция протекала в куда более комфортных условиях, и им не нужен был такой сильный индикатор неблагополучия. Конечно, они чувст-

вуют физические повреждения, но чувство это можно отдаленно уподобить разве что щекотке. Так сказать, информация к размышлению, а вовсе не страдание.

— По-моему, нам надо уносить отсюда ноги, — неожиданно произнес Шварц.

Участники совещания у адмирала воззрились на него в недоумении.

— У них ушло меньше получаса, чтобы восстановить город, стертый с лица земли, — продолжал тот. — Вы представляете себе, насколько их технологический уровень превосходит наш?

— Тем выгоднее для нас такой трофей, — парировал Винтерфилд. — С их технологиями мы восстановим промышленность и флот в рекордные сроки. Рогозин прав — техника сама по себе ничего не стоит без боевого духа. У нас он есть, а у них нет и быть не может!

— Они снова разрушили Город Серебряных Трелей, — отростки Аля ходили ходуном от недоумения. — И они вернули жителей, но те все... как же это называется... в общем, их жизненные функции прекратились, и, похоже, необратимо.

— Мертвы, — сказал мастер Ильх. — Еще одно полузабытое слово, как и «правители». Животные издыхают, прожив три-четыре столетия, но уже очень давно аналогичное слово не употреблялось в отношении энхов.

— И Пришедшие-из-Тьмы сделали это преднамеренно?

— Похоже, что так, — признал мастер.

— Может быть, Город Серебряных Трелей противоречит их концепции гармонии? — продолжал недоумевать Аль. — Может, нам надо выстроить его в другом месте и тогда они оставят нас в покое?

— Ты опять мыслишь тривиально, Аль, — возразил Эфф. — По-моему, уже очевидно, что, рассуждая с наших позиций, мы никогда не постигнем смысла их поведения.

— Ну так предложи нетривиальное решение! — парировал Аль, и отростки его разошлись сильнее обычного.

— Я думаю над этим, — невозмутимо ответил Эфф.

— Боюсь, что смысл их поступков может оказаться все непостижимым для нас, — медленно произнес мастер Ильх. — Что автоматически загоняет задачу в разряд неразрешимых.

Внезапно восторг озарения прокатился по нервным волокнам Аля. Такое он испытывал лишь при создании лучших своих работ. Идея была столь странной, что он несколько раз проверил ее про себя, прежде чем решился высказать вслух.

— Я нашел! — воскликнул он. — Нашел нетривиальное решение!

Его вечный оппонент и Ильх воззрились на него. Отростки Эффа изобразили скепсис.

— Мы вовсе не должны стараться понять Пришедших-из-Тьмы, — веско изрек Аль. — Мы можем действовать и без этого.

— Действовать в отношении другого, не пытаясь понять его? — изумился мастер. — Ты хорошо подумал, Аль?

— Да, учитель. Конечно, это противоречит законам гармонии, но Пришедшие ей тоже противоречат.

— И как же ты предлагаешь действовать?

— Они сами подсказали нам как. Мы должны прекратить их жизненные функции.

— Пожалуй, в этом есть определенная логика, — согласился мастер после короткой паузы. — Что ж, не будем откладывать, пока они не внесли в нашу жизнь новые помехи. Их орбита пролегает через верхние области ионосферы. Значит, если взять обычный жезл для ионосферных симфоний и увеличить мощность...

— ...на четыре порядка... — поспешил засвидетельствовать свои математические способности Эфф.

— ...то высокоэнергетическая плазма разрушит их корабли, — закончил Ильх. — Я займусь перенастройкой жезла, а вы двое пока обзвоните соседей и попросите у них энергии.

Флот готовился к высадке массированного десанта. Если аборигенов не убедила судьба одного города — что ж, теперь таких городов будут десятки. Но больше никакого разрушения инфраструктуры. Цель — только энхи, и так до тех пор, пока остающиеся в живых не капитулируют. Должны же они это в конце концов сделать, черт их побери!

Коямада стоял на мостике «Адмирала Нельсона», готовясь отдать приказ десантным ботам. Перед ним на большом обзорном экране чернота беззвездного космоса сливалась с чернотой ночной стороны планеты, и лишь посередине тоненькая голубая дуга обозначала место, где за горизонтом скрывалось солнце. По мере движения корабля по орбите дуга быстро расширялась, светлела, в центре ее, словно драгоценный камень на перстне, разгорался янтарный огонь, и вот — вспышка, ослепительный краешек солнца показывается над атмосферой планеты!

И в тот же миг другая вспышка, намного ближе, озарила корабль с левого борта. Гигантский огненный цветок, переливаясь всеми оттенками от багрового до пронзительно-голубого, расцветал во мраке космоса. Тут же справа расцвел еще один, и еще, и огромная сияющая занавесь развернулась поперек курса линкора...

В каком-то уголке сознания капитана мелькнуло, что он должен скомандовать экстренное торможение и скоростной отход от планеты, но он не мог оторваться от разворачивавшегося перед ним феерического зрелища. Последними словами Коямады были: «Какая изумительная красота!»

«Внимание, отсек разгерметизирован, давление воздуха 86%...»

«Внимание, отсек разгерметизирован, давление воздуха 83%...»

Шварц выбрался из-под обломков. Аварийное освещение еще работало. Первым, что он увидел, был труп

лейтенант ван Бастена, лежавший поперек пульта. Доктор узнал его по нашивке — головы у лейтенанта не было.

«Внимание, отсек разгерметизирован, давление воздуха 80%...»

Спасаться было поздно. Оба люка уже автоматически задраились, предотвращая утечку из соседних отсеков. Шварц затравленно оглянулся и увидел Rogozina, сжавшегося в комок в углу. В два прыжка он подскочил к дающему оппоненту и сгреб того за грудки.

— Идиот! — рычал Шварц, ударяя коллегу о переборку. — Безмозглый кретин! «Они не знают насилия и смерти, их парализует ужас!» Ужас перед смертью испытывают только те, кто хорошо знает, что это такое!

Из отсека со свистом уходил воздух.

Объединенный Военный Флот Земли, состоявший теперь из единственного корабля «Неостановимый», быстро (насколько позволяла поврежденная двигательная установка) удалялся от Альвы. На мостике неровно мигал свет, под потолком что-то искрило, пахло горелой изоляцией. Экраны показывали черноту, но не потому, что вокруг был непроницаемый мрак газопылевой туманности, а потому, что не работали.

— ...выведены из строя три двигателя из четырех, — монотонно докладывал командер Леже. — Полностью уничтожены восемь отсеков, разгерметизированы тринадцать. Утрачена большая антенна и башня главного излучателя. Отказ генераторов с первого по шестой, восьмого и двенадцатого. Общее падение мощности на данный момент...

— Что с холодильными установками? — перебил Винтерфилд.

— Отказ генераторов в сочетании с термическим поражением левого борта привел к тому, что запас продуктов...

— К черту продукты, что с яйцеклетками?

— То же, что и с продуктами, сэр.

— Ч-чер-рт, — проскрежетал зубами адмирал. — Ну ничего, это еще не конец! Среди выживших есть женщины?

— Да, сэр. Сержант Джен Цзян из третьего вспомогательного расчета.

— А, эта... афрокитайка... — адмирал болезненно сморщился, вспомнив внешний облик сержанта. — Ладно, на что не пойдешь ради будущего человечества. Вызовите ее ко мне...

Оранжевое солнце медленно поднималось над водами моря Азф-Шэ, именуемого также Морем Утреннего Бриза. Сейчас, однако, прохладный соленый воздух был абсолютно спокоен и вода была гладкой, словно в озере; лишь совсем крохотные, кристально прозрачные волны лизали разноцветные камушки у кромки пляжа. Редкие облака, проплывавшие на разной высоте, синели на фоне розового неба внизу и розовели на фоне синего неба вверху. Несколько птиц кружили высоко над водой, подставляя зеленые фотосинтезирующие крылья питательному свету, и в их движениях угадывался четкий ритм единой композиции.

— Хорошо, Аль, — похвалил мастер Ильх. — Вижу, с коэффициентом рефракции ты разобрался и с биологическими объектами тоже работаешь грамотно. Однако где же Эфф? Что-то он задерживается.

— Видите ли, мастер, — отростки ученика отразили легкое смущение, — в последнее время эти вечные споры и придирки с его стороны все больше нарушали мою гармонию. Так что я решил применить нетривиальное решение этой проблемы и прекратил его жизненные функции. Правда, я здорово придумал?

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

НА ТОМ БЕРЕГУ

Печали нет на наших лицах,
Пусть мы уходим в сердце тьмы:
Ведь это все нам только снится —
Или кому-то снимся мы.

Приближение 1-е

ПОИСК

...и мы неслись, как пара гончих...

ика!

Хвост толпы всасывался в ворота стадиона. Кажется, вдали мелькнула знакомая челка — пепел и лен, вечно падающие на глаза. Она услышала! Должна была услышать. И дождется за воротами. Он сунулся вперед, отчаянно работая локтями, но потерпел поражение.

Оттерли, прижали к стене.

Ничего. Все в порядке. Сейчас людской прибой схлынет, и можно будет войти спокойно, никуда не торопясь. До начала матча... В котором часу начало? Что за матч? Футбол? Кто играет? Какого черта ты здесь делаешь, идиот?! Как ухитрился потерять Лику?

Они пришли вместе. Это точно. Лика его выгатила. Сам он ни за что бы не поперся на стадион. Она тоже никогда не была болельщицей, а сегодня вдруг загорелась: идем! Перед воротами колыхалось море голов. Возбуж-

денный гул — словно тысяча силовых трансформаторов. А ему еще нужно было передать пакет... Какой пакет? Кому? Человеку в черном «Вольво». Пакет в плотной оберточной бумаге, перетянутый шпагатом. Печать из красного сургуча. Ни фамилии, ни адреса.

«Я быстро! Пять минут!»

Лика согласилась подождать.

Он нашел «Вольво», припаркованный в тенистом переулке. Молча отдал пакет — лицо человека сразу забылось, в памяти остались лишь узкие стекляшки очков — и поспешил обратно. Сколько он отсутствовал? Пять минут? Больше?

Лика его не дождалась. Пустяки. Зашла раньше, чтобы занять места обоим. Но сердце ударило не в такт. В животе сжалась пружина — холодная, тугая. Он вытер лоб платком, сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. В памяти зияли огромные, необъяснимые прорехи. Лику он помнил. Помнил их квартиру на четвертом этаже. Толпу у стадиона, пакет, черный лаковый «Вольво».

Все!

Как его зовут? Что это за город?! Судя по жаре, пыльной голубизне неба, по листьям каштанов, едва тронутым желтизной, сейчас — конец августа. Что было в злосчастном пакете?! Это казалось вопросом жизни и смерти.

В опустевших воротах топтались два билетера. Цыганистый живчик и грузный дядька с вислыми усами. Оба косились на него: заходишь или как? Он сорвался с места, на ходу доставая билет. Не удержавшись, мазнул пальцем по высоченной стене. Шершавый и вместе с тем гладкий материал вызвал странную ассоциацию: ракушечник, облитый глазурью. Усатый дядька на билет даже не взглянул, а цыган вдруг ухмыльнулся, подмигнув. Миг, и оба стража куда-то испарились. Он едва не налетел на вторую стену, расположенную сразу за воротами — ярко-желтую, словно выкрашенную пылью одуванчиков.

Что за хрень египетская?!

Справа обнаружился проем. Он сунулся туда. Стена.

Проем. Стена. Он в лабиринте! Сейчас раздастся рык Минотавра...

Вместо Минотавра в отдалении взревели трибуны. Он заметался. Поворот, другой — и он вылетел на футбольное поле. Над самым ухом, обдав упругой волной воздуха, пронеслось ядро мяча. Разочарованный выдох толпы: «Штанга!» Над головой гроздьями нависли трибуны. Он побежал вдоль желтой стены, прижимаясь к ней. Сверху свистели и улюлюкали.

— Лика!

Он замахал руками, пытаясь высмотреть ее на трибунах, привлечь внимание. Ему махали в ответ. Или не ему — игрокам? Открылся темный проход, ведущий под трибуны. Не раздумывая, он нырнул туда. Перевел дух. После взбесившегося солнца здесь царили сумрак и прохлада.

Мобильник! У него есть мобильник! А в нем — номер Лики. Сунув руку в карман джинсов, он вытащил телефон.

— Дай позвонить!

Перед ним приплясывала загорелая девчонка лет тринадцати, в голубой футболке с номером «471» и розовых шортах. На ногах — разбитые кроссовки. Девчонка ловко подбивала ногой вытертый мяч, не давая упасть на землю: бумц-бумц-бумц... Мяч летал сам по себе — девчонка пинала его не глядя. Глядела она на человека с телефоном.

Требовательно и выжидающе.

— Тебе ж сказали: дай позвонить.

Сбоку подошел коренастый пацан, ровесник девчонки. Футболка полосатая, без номера. Черные шорты, кроссовки, на бритой голове — вратарская кепка. Пацан смотрел нагло, с вызовом, демонстративно ковыряя в носу.

— Что, очень надо? — растерялся он.

— Очень, — хором ответили оба.

— Ладно, держи.

Он протянул девчонке телефон, но пацан ее опередил. Выхватив трубку, «вратарь» принялся давить на кнопки.

— Ты че, прикалываешься, дядя? Он у тебя заблокирован.

— Дай сюда.

Пин-код он, как ни странно, помнил. Телефон библикнул, снимая блок.

— Теперь набирай: 2-01-12-823-41-36-713...

Его как током ударило. В последовательности цифр крылось что-то жуткое, противоестественное. Не бывает таких номеров! Это не номер — код! Если он его наберет, случится непоправимое. Исчезнут со счета все деньги? Взорвется бомба, спрятанная под трибунами? Стартуют из подземных шахт ракеты, возвещающая ядерный Апокалипсис?

Он больше никогда не увидит Лику?

— Не буду я ничего набирать. Мне самому надо позвонить. Срочно.

Развернувшись, он пошел в прохладный сумрак.

— Ты че, дядя, оборзел? Тебе же сказали...

— Исчезни, шмакодявка, — огрызнулся он через плечо.

— Хана тебе, чмошник! За «шмакодявку» ответишь! Понял?

— Жду с нетерпением! — зло бросил он.

Мелко и недостойно взрослого человека — отвечать наглому сопляку. Но слова вылетали сами, помимо воли. Тьма сгустилась, сделалась вязкой, осязаемой. Крики трибун смолкли, увязнув в толстенном слое ваты. Тепло светился экран мобильного. Адресная книга. Группа «Семья».

Где же номер Лики?

Он понял, что номер надо набрать вручную, а не вызвать из памяти телефона. Пальцы стремительно отстучали комбинацию цифр. Она отпечаталась не только в моз-

гу — в памяти кожи, мышц, всего тела; он смог бы набрать номер вслепую, ни разу не промахнувшись.

Далекий гудок. Второй. Третий. -

— Ли́ка?!

Приближение 2-е

РАЗЛУКА

...и мы хранили тот секрет...

Пурпурные перья заката на шляпе облаков, накрывших горизонт, гасли, подергиваясь сизым пеплом. Закат сулил бурю. Ли́ка сидела в кресле у огромного, во всю стену, окна, задумчиво покачивая в пальцах бокал с гранатовым соком. Рубиновые отблески скользили по стенам. В дальнем углу стоял рояль. С него величественными складками, подобно римской тоге, свисала гардина — белая с красной каймой. Рядом, чуть не доставая до потолка, возвышалась коринфская колонна. Желтоватый мрамор, завитушки капители.

Колонна казалась слишком материальной. Здесь, пожалуй, все было слишком. Он чувствовал себя неудобно — призраком среди живых.

— Ли́ка, с тобой все в порядке?

Она мягко улыбнулась:

— Да, Вик. Все в порядке.

Его зовут Вик? Наверное, сокращение от «Виктор». Ли́ка зовет его Виком, и ему это нравится. Он любит смотреть, как она улыбается.

— Я потерял тебя на стадионе. Испугался. Глупо, да? Я стал тебе звонить, ты взяла трубку... — он беспомощно смотрел на нее. — Кажется, взяла. Я не помню, как мы оказались здесь.

Он опустил перед ней на корточки. Ступни по щиколотку утонули в пушистом ворсе ковра. В ее глазах отразилось недоумение.

— Стадион? Мы гуляли в парке. Потом ты отлучился.

Сказал, что должен передать какой-то пакет. Я села на скамейку, стала ждать. Тебя все не было. Потом ты позвонил... Где мы? Это ведь не наша квартира?

— Не наша, — подтвердил он.

В их квартире не было огромного окна. Не было рояля, накрытого гардиной. Не было коринфской колонны. А что было? Он не помнил. Волна паники накатила — и отхлынула. Главное, они вместе. Он больше никуда не отпустит Лику. И сам не уйдет...

— Мы в гостях? У твоих друзей?

Он хотел соврать, чтобы успокоить ее, — и не сумел.

— Не знаю. Может быть. Сейчас мы отыщем хозяина и все выясним. Потом выйдем отсюда, возьмем машину и поедем домой. Ты помнишь наш адрес?

— Не помню... Я не помню!

— Тихо, милая. Успокойся, все в порядке, — он вскочил, привлек ее к себе, едва не расплескав сок из бокала, и долго баюкал в объятиях, как ребенка. — Успокоилась? Вот, допей сок... А я налью себе чего-нибудь покрепче.

Он отыскал бар, схватил первую попавшуюся бутылку, плеснул на полтора пальца в приземистый стакан. Выпил залпом. Бурбон расцвел в глотке огненным тюльпаном, пустил корни в желудке. Хватит! Это только чтоб взбодриться. Сейчас ему нужна трезвая голова.

Краем глаза он заметил движение в полумраке. Резко обернулся, шагнул вперед... Тьфу ты! Из зеркала на него смотрел человек лет тридцати пяти. Хорошо сложенный, с короткой аккуратной стрижкой. Это я, подумал он. Вот только смокинга я никогда не носил. Откуда у меня смокинг? Кружевная манишка, «бабочка» из черного бархата...

Во что одета Лика?

Стремительно обернувшись, он вздохнул с облегчением. Лика никуда не исчезла. На ней было стального цвета вечернее платье со складчатыми манжетами — как тон-

кие пластины металла. Платье словно облило фигуру Лики ртутью — леди Терминатор.

Он постарался выбросить из головы дурацкое сравнение. Платье замечательное, Лике очень идет. Дома у нее есть похожее. Дома...

— Успокоилась?

Она кивнула — как показалось ему, слишком поспешно.

— Тогда пошли искать хозяев.

Дверь открылась мягко, без скрипа. За дверью начался длинный коридор, похожий на гостиничный. Темные лаковые панели, светильники, стилизованные под канделябры из бронзы. Приглушенный свет, казалось, проникал в толщу благородного дерева и мерцал там, открывая таинственные пространства. Ковровая дорожка скрадывала шаги. Вокруг царил мертвая тишина. И не было ни одной двери — кроме той, из которой они вышли.

Он остановился перед поворотом — здесь коридор заворачивал влево.

— Вик, что с тобой?

— Там... — его стало знобить, как в лихорадке. — Туда нельзя. Я чувствую. Иначе что-то случится. Нет! С нами уже что-то случилось...

Слова лились, как бензин из пробитого бака, готовые вспыхнуть.

— Надо держаться вместе. Все будет хорошо. Мы выкарабкаемся. Главное — не разлучаться! Никогда!

Лица глядела на него с испугом, как на сумасшедшего.

— Может, лучше вернемся?

— И будем сидеть в комнате, ожидая неизвестно чего?!

Он шагнул вперед, увлекая ее за собой. В следующий миг светильники погасли. Упала крошечная тьма. Он почувствовал, что Лика скользит куда-то прочь.

— Не надо!..

Руки хватали пустоту.

— Лика-а-а-а!

— Вик? Не оставляй...

Он бросился на голос.

Приближение 3-е

ВОЙНА

...что нам открыл усталый кормчий...

— Осторожней, сэр! Пригнитесь.

— Что?

— Снайпер. Четверых наших положил, сволочь.

От пороховой гари першило в горле. Прокашлявшись, он выглянул из-за развороченного взрывом бруствера. Над головой чиркнула пуля. Мигом позже началась беспорядочная пальба. Земляной бруствер вскипел фонтанчиками пыли. В ответ загрохотал крупнокалиберный пулемет.

Кто эти люди? С кем они воюют? Неважно. В траншее — свои. Напротив — враг. Нет, не так. На войне врагов нет. Есть противник. Которого надо выбить из дома, а лучше — уничтожить. Задача поставлена: захватить объект № 137/4 и удержать до подхода танкового батальона Петерсена.

В памяти смутно, как в тумане, проступили тесные коридоры, люди в форме, трели телефонов, треск пишущих машинок; лысый полковник с дергающимся левым веком отдает приказ...

— Сержант, доложите обстановку.

Сержант отряхнул мундир, напялил рваную пилотку. Хотел выгнуться по стойке «смирно», но в последний момент сгорбился, втянув голову в плечи. Кому охота получить пулю от снайпера?

Он не винил сержанта.

— Захватив вторую линию обороны противника, наша рота вышла на рубеж атаки объекта, где была остановлена огнем из здания. Потери — семнадцать человек, включая командира роты и его заместителя.

— Сколько осталось личного состава?

— Сто семь человек.

— Численность противника?

— В здании человек сорок-пятьдесят. У них пристреляны все сектора. Два пулемета — второй этаж слева и третий справа. Есть снайпер. Он командира и положил. И лейтенанта Капичку. И двух гранатометчиков, когда пытались подавить пулеметные гнезда.

— Ясно.

Он восстановил в памяти дом, который успел увидеть до начала обстрела. Высоченное белое здание с непомерно широкими окнами. Гранаты кидать — одно удовольствие: не промахнешься. В нижние, судя по копоту и выкрошенному бетону, уже кидали. Стена рябая от пулевых оспин. Дом напоминал айсберг, плывущий в студеном море. Пулеметы стоят грамотно: перекрестные сектора, траншея как на ладони. Снайпер? Третий этаж... пятый... седьмой... Стоп! Седьмой этаж, центральное окно. Едва заметный светлый бугорок над подоконником.

Голова? Возможно.

— Сержант, вы засекали местоположение снайпера?

— Никак нет, сэр.

— Плохо. Ладно, попробуем выманить. Передайте приказ: готовиться к атаке. Гранатометчиков — на фланги, распределить цели. По команде подавить пулеметные гнезда и прорываться к дому.

— Но, сэр... А как же снайпер?

— Снайпером я займусь лично. Принесите мне винтовку.

— Есть, сэр!

— Еще мне нужны два добровольца. Пусть начнут перемещение по траншее. Дайте им использованные одноразовые гранатометы. Задача: помелькать, чтобы привлечь внимание снайпера. Дальше — мое дело. Все ясно?

— Так точно, сэр!

— Выполняйте.

Пригибаясь, сержант заспешил прочь. Вскоре молодой капрал принес винтовку. Взяв оружие в руки, он с трудом сдержал вздох разочарования. Вместо снайпер-

ской винтовки с хорошей оптикой ему вручили винчестер времен покорения Дикого Запада.

— Как это понимать, капрал? Что за антиквариат?

— Простите, сэр! Это все, что есть. Остался от сержанта Берна. У остальных — автоматическое оружие стандартного образца.

В доказательство капрал продемонстрировал автомат-короткоствол со сдвоенным магазином и откидным прикладом.

— Этот реликт хоть заряжен?

— Не могу знать, сэр!

Вот же бестолочь! Заладил, как попугай: «Простите, сэр! Не могу знать, сэр!» Хоть бы раз по званию обратился... По крайней мере, стало бы ясно, в каком он чине. Не спрашивать же у подчиненных? Он покосился на собственный левый погон, поймал изумленный взгляд капрала и плюнул в сердцах.

Руки действовали сами. Он передернул скобу перезарядки. Из затвора вылетел масляный желтый патрон, и он ловко поймал его в подставленную ладонь. В магазине патронов оказалось семь. Заново перезарядив винчестер, он проверил, что оружие стоит на боевом взводе, приказал восхищенному капралу следовать за ним — и направился к заранее намеченной позиции.

Шагах в тридцати из бруствера торчал косо срезанный, исковерканный пулями пенёк. Он осторожно просунул «реликт» сержанта Берна между обнажившимися узловатыми корнями, прильнул к оружию, повел стволом. В окне седьмого этажа что-то шевельнулось. Вспышки выстрела он не увидел — похоже, винтовка снайпера была снабжена пламегасителем.

Еле заметное облачко дыма развеялось через секунду.

— Иржи! — заорали в траншее. — Иржи убили!

В глазах потемнело. Накатила бешеная, черная ярость. Сволочь! Я никому не позволю безнаказанно убивать моих солдат! Мигом позже обжег стыд. Это по его прика-

зу неведомый Иржи выполнил роль приманки! Он знал, что отправляет человека на верную гибель. И теперь обязан застрелить снайпера, чтобы смерть Иржи не была напрасной.

Кто-то горячо задышал ему в шею.

— Сэр, я его засек! Он вон там!

Капрал, о котором он успел забыть, привстал над бруствером, указывая пальцем на дом.

— Назад, болван!

Он отвлекся от цели, чтобы сдернуть капрала обратно в траншею, — и опоздал. Голова бедняги взорвалась. В лицо брызнуло горячим и липким. Он закричал от ярости и бессилия. Вновь припал к винчестеру, поймал тень, мелькнувшую в окне, в прорезь прицела; задержал дыхание.

Какое надо взять возвышение?

В окне сверкнуло, за шиворот посыпалась древесная труха. Второй раз снайпер не промахнется. Он поднял ствол выше — и окно дома рванулось навстречу, словно на винчестере объявился оптический прицел. Пепельно-льняная челка, курносый нос, нежный овал лица...

Лица!

Она никогда не умела стрелять! В парковом тире вечно мазала, расстраивалась, потом сама над собой смеялась... Почему она там, с врагами?! Она только что стреляла в него...

Палец на спусковом крючке медленно выбирал слабицу. Он жил сам по себе, этот проклятый палец, словно был солдатом, исполняющим воинский долг. Вопреки приказу командира. Если командир — предатель, его приказа можно и должно ослушаться. Кровь капрала остывала на лбу и щеках.

Что же ты наделала, Лица?!

Мгновение тянулось жевательной резинкой, оставляя во рту горький привкус полыни. Он проигрывал битву с

пальцем. В последнюю долю секунды, оставшуюся до непоправимого, он рванул ствол винчестера вверх.

Грохнул выстрел.

«Пуля пройдет выше! — как заклинание, твердил он. — Ты останешься жить, Лика. Плевать на эту дурацкую войну, это не моя война!.. Как я мог забыть о тебе...»

Лика встала. Ее фигура вознеслась над подоконником. Белое подвенечное платье, как на их свадьбе. Газовое облако фаты. В руках — букетик нарциссов, и никакой винтовки.

— Не-е-ет!!!

Этого не могло быть. Ей не успеть взобраться на подоконник, пока летит пуля! Он еще кричал, когда пуля ударила женщину в живот, переломив хрупкую фигурку пополам. Платье окрасилось багряным. Медленно, как в кино, Лика полетела вниз.

С седьмого этажа — окровавленная снежинка.

Звука падения он не услышал. Кто-то завопил «Ура!», справа и слева шарахнули гранатометы, в двух окнах вспухли черно-рыжие клубки разрывов, накрывая пулеметные расчеты. Солдаты повалили из траншеи, паля из автоматов.

Он бежал вместе со всеми. Почему они пошли в атаку? Он не отдавал приказа! Лика... Что, если она еще жива? Пуля в живот... падение с седьмого этажа... Ублюдок, чертов солдафон! Она тоже стреляла — и нарочно промахнулась! Увидела его в прицел... чудовище, мерзкая тварь...

Снежинка ждала на асфальте. Потемнело в глазах. В этом доме они сидели у огромного окна и смотрели на закат... С седьмого этажа. Теперь он уверен: было именно так. Когда? Вчера? Давно? Лика осталась там, а он... Ладонь накрыла синюю жилку на шее. Пульса не было.

Он поднял Лику на руки и понес в дом.

Лифт не работал. Наверху гремели выстрелы. Он стал взбираться по лестнице, перешагивая через трупы. Под но-

гами звенели стреляные гильзы. Надо подняться на седьмой этаж. Найти ту самую комнату. И все будет хорошо...

На четвертом из дверей вывалился солдат в чужой изорванной форме, весь в крови и саже. Вскинул автомат. Откуда-то выстрелили, и вместо правого глаза у солдата возникла зияющая дыра. Даже не посмотрев, кто его спас, он двинулся дальше — к седьмому небу. Вокруг сражались призраки, он поднимался мимо них, сквозь них, не замечая. Настоящими были Лика и он. И еще, наверное, проклятый дом-айсберг.

Хотя в последнем он сомневался.

В коридоре плавали клочья дыма. Половина «канделябров» не горела. Он брел в полутьме, выбираясь, как на островки, на освещенные участки. Знакомая дверь болталась на одной петле. Пнув дверь ногой — руки были заняты, — он вошел в комнату.

Яркое, весеннее солнце — словно в насмешку. На подоконнике — винтовка с черной тубой оптического прицела. В углу — разбитый пулями рояль. Белая с красной каймой гардина свалилась на пол. Он уложил на нее Лику и присел рядом, на корточки. Из треснувшего зеркала на него глядел мертвец в пыльном камуфляже. Трещина шла через рот мертвеца. Казалось, он ухмыляется.

Отвернувшись, он стал смотреть на Лику.

Я тебя предал. Забыл о тебе, забыл тебя. Обещал, клялся — и не сдержал слово. Я тебя убил. Не пулей — предательством. Тем, что не удержал в памяти, в душе, в сердце. Прости. Я бы прыгнул из окна, лишь бы вернуть тебя. Когда нет надежды...

Он вытащил из кобуры пистолет. Щелкнул предохранителем, поднес ствол к виску. Самоубийцам нет прощения. Это хорошо. Иначе и стреляться не стоило бы.

Лика открыла глаза.

Выронив пистолет, он засмеялся как безумный — и хохотал до тех пор, пока комната не закружилась перед глазами, сливаясь в серую круговерть. Но даже сквозь

вихрь гаснущего сознания он продолжал видеть лицо Лики.

Она печально улыбалась.

Приближение 4-е

НАДЕЖДА

...он нам сказал, что смерти нет...

— ...Все образуется, молодой человек. Уж поверьте мне, старику.

— Да как же образуется, Игорь Федорович? Ведь я...

— Знаю, знаю. Увы, мало кому удается этого избежать. Любимых убивали испокон веков. Помните?

Глаза Слонимского, озорные глаза проказника, удивительные на морщинистом лице старика, лукаво блестили.

Любимых убивают все,
Казнят и стар и млад,
Отравой медленной поят
И Роскошь, и Разврат,
А Жалость — в ход пускает нож,
Стремительный, как взгляд¹.

«Помню», — кивнул он и тихо продолжил балладу:

Любимых убивают все —
За радость и позор,
За слишком сильную любовь,
За равнодушный взор,
Все убивают — но не всем
Выносят приговор.

Слонимский строго погрозил ему пальцем. Словно под гипнозом, Виктор наблюдал, как старик, не торопясь, надевает пенсне в золотой оправе, извлекает из кармана пиджака кисет и сворачивает тоненькую самокрутку. Прикурив от длинной каминной спички, он с удовольст-

¹ О. Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы.

вием затянулся, окутался облаком дыма, словно спрятавшись за ним. Старик был уютный, домашний; настоящий.

Запах турецкого табака. Блики свечей на пузатом бокале с коньяком. Кто-то подмигивает из глубины красного дерева столешницы. Тишина кошкой бродит по комнате.

Слонимский, друг деда и всей их семьи, умер пять лет назад.

Память начала возвращаться. Бледные медузы всплывали из пучин небытия; амёбы тянули друг к другу ложноножки, сияясь слиться воедино.

— Игорь Федорович...

— Знаю, знаю. Все там будем, — любимая приговорка старика прозвучала диссонансом. — Ничего страшного, уж поверьте опытному человеку. Все преодолимо. Не так страшен черт, хе-хе... Впрочем, пистолет к виску — это не выход. Вернее, выход, но не туда.

— Как же вы... здесь?..

— У меня выходной. Имею право. Рождество, знаете ли.

— Рождество?

— Если угодно, день рождения. Вот, пришел поздравить вашу Лику. Ну и коньячку выпить. Слаб, каюсь! Коньяк, кстати, замечательный. У вас хороший вкус, молодой человек. Все-таки мы с вашим дедом кое-чему вас научили!

День рождения? У Лики? Он вскочил, едва не опрокинув стул. Огляделся так стремительно, что закружилась голова. Комната изменилась. Рояль — целый, но уже без гардины. Свет приглашен, на крышке горят свечи. Коринфская колонна. Окно-дверь во всю стену ведет во двор — стоит лишь переступить низкий подоконник. Снаружи на решетке мангала шкворчит мясо. Над ним колдует Лика — живая, веселая, беззаботная. Рядом щебечет Нелька, ее подруга. Лика кивает, переворачивает истекающий жиром кусок.

За спинами женщин полыхает закат.

В комнате они вдвоем со Слонимским. Стол, считай,

пуст: пепельница, початая бутылка коньяка, два бокала. Керамическое блюдо с колотым шоколадом. Все.

Он плеснул себе коньяку, но пить не стал.

— Я мало что помню, Игорь Федорович. Думаю, вы уже знаете — я... Я убил Лику. Застрелил из винтовки. Впрочем, полагаю, я убил ее раньше. Не знаю, как и чем, но уверен в этом. Вы можете мне объяснить, что происходит?

Старик пожевал губами, собираясь с мыслями.

— Не могу, Виктор, — когда Слонимский переходил на «ты», это значило: шутки кончились. — Нельзя. Извини.

— Тогда расскажите хотя бы, как оно там? Ну, здесь?

— Все перепутано, — улыбнулся старик. — Закручено спиралью. Примерно вот так.

Он порылся в карманах и выложил на стол спираль от древней электроплитки, свернутую в загогулину. Витки спирали плотно сцепились друг с другом — не распутать, не распрямить.

— Прошлое, будущее, настоящее. Что было, чего не было. Иногда через спираль пускают ток. Она раскаляется, обжигает, но ты успеваешь увидеть какой-то фрагмент. Да, это больно. Ожог — всегда больно. Потом ток выключают. Покой, забвение. Впрочем, память — хитрая бестия. Она кое-что сохраняет. Постепенно начинает складываться картина. Главное — делать свое дело. И тогда все наладится.

— Какое дело? Вы, кажется, поминали черта? Он — здесь?

— Черт? Он везде. Ты просто не увиливай. Работай. Иначе...

— Накажут?

— Зачем? — удивился старик. — Ты накажешь себя сам. И хотелось бы, чтобы нас наказывали, но это было бы слишком милосердно. Извини, мне пора заканчивать дозволённые речи. Привет Лике. Я как-нибудь загляну.

Слонимский залпом допил коньяк, встал и ушел в стену.

— Какую работу?! Вы не сказали...

Он растерянно огляделся. Во дворе Лика снимала жареное мясо с решетки, складывая на жестяной поднос. Нелька куда-то делась: наверное, ушла за посудой. Разбежавшись, он прыгнул через подоконник, как мальчишка.

— Лика!

— Я тебя уж заждалась, — ответила она.

И стало ясно: помнит, все понимает, простила...

Он бросился к ней, обнял, прижал к себе. Они стояли долго-долго, и близкая ночь медлила, глядя на этих двоих. Наконец она высвободилась: осторожно, чтобы не обидеть его.

— Садись ужинать. Мясо стынет. Голодный небось?

— Не то слово! — преувеличенно бодро кивнул он.

И они уселись в плетеные кресла, занявшись мясом, вкусным до умопомрачения, поглядывая друг на друга, а потом Лика вдруг прыснула — наверное, у него был очень смешной вид, — и оба начали хохотать, долго, взახлеб, едва сумев остановиться. В ту же секунду оба поняли, что наелись до отвала, что им надо сказать друг другу очень много, прямо сейчас...

Только ни один не знал, с чего начать.

— Тебе Игорь Федорович привет передавал, — вспомнил он.

— Спасибо. Он ведь...

— Да, пять лет уже.

— Слушай, Нелька тебе тоже кланялась!

— Так ведь и она...

-- Ага. Зимой, в автокатастрофе. С мужем.

— Земля пухом... — не подумав, сморозил он.

— Так ведь и мы, Вик...

— И мы...

Издаലെка, из такого далека, о котором и помыслить страшно, в тишину вторглась гитара. Ей вторил голос — знакомый, с легкой хрипотцой, пробирающий до самых... Что есть у души внутри?

...И понял я, дыша неровно:
Тянули мы не те концы,
Ковчег наш был ладьей Харона,
А мы — живые мертвецы...

— Не казни себя, Вик. Забудь.

— Не могу. Я и так почти ничего не помню. Забы-
вать — в моем положении это непозволительная роскошь.

Когда мир стал таять, он не удивился.

И не испугался.

Приближение 5-е

РАБОТА

...но мы не плакали, поверьте,
Когда узнали эту весть...

— ...Мне вас порекомендовали как специалиста. По-
можите! На вас единственная надежда!

Длинноволосый парень — он мысленно окрестил его
«художником» — был лет на десять младше и на голову
выше. Блуза-косоворотка, штаны из вельвета, пузыри на
коленях. Умоляющий взгляд — сверху вниз, а кажется,
что снизу вверх.

— Не волнуйтесь. Я сделаю все, что в моих силах.

— Она... Она ушла от меня!

— Куда?

— На улицу. К этому чудовищу! Скорее!

Они бежали через анфиладу залов. Фрески, роспись,
мебель на львиных лапах. Позолота, бархат штор, бронза
канделябров — настоящих, не таких, как на седьмом эта-
же «айсберга». Роскошь противоречила затрапезному об-
лику парня.

«Так вот ты какой, внутренний мир», — с издевкой по-
думал он.

И запретил себе отвлекаться.

— Как ее зовут?

— Виолетта.

— Красивое имя. — Черт, какая банальность! — Что с вами произошло?

— Я... мы... Мы оказались в странном месте.

— Здесь?

— Нет. Мы ничего не помнили. Кажется, был пожар. Горел дом, мастерская, картины. Мои картины!

«Надо же! Угадал насчет художника...»

— Я крикнул ей: беги! — а сам стал снимать картины со стен. Надо было вынести их на улицу. Я и подумать не мог...

— Она сгорела?

— Задохнулась. Там было очень много дыма. Я не знал! Я выносил картины... Правда, они все равно сгорели. Вот, осталась одна...

Художник в отчаянии тряс холстом, свернутым в трубку.

— Я себе не прощу! Картины... Пропади они пропадом!

Сейчас они неслись длинным коридором. Под ногами скрипел паркет. Из боковой двери выскользнула молодая женщина в платье, открывавшем плечи и спину. В ее прическе белел венчик лилии. Женщина улынулась им — и с разочарованием вздохнула, когда они промчались мимо.

За стеной пели:

Выходят дамы из галерей,
Неся в волосах цветы.
А он никогда не увидит Эль-Рей —
И не увидишь ты...

«Ну, это мы еще посмотрим!» — с веселой злостью подумал он.

Темная лестница. Крутые ступени, ледяной чугуна перил. Дверь на улицу взвизгнула, жалуясь на судьбу. Он сразу увидел Виолетту. Миниатюрная брюнетка зябко куталась в плащ. Шляпка с легкомысленной вуалеткой оставляла лицо в тени. На мгновение показалось: перед

ним — Лика. Сердце зашлось, кровь ударила в виски; и — отпустило.

Нет, не она. Даже не похожа.

Спутник, стоявший рядом с Виолеттой, выглядел персонажем безумного карнавала. Ребристая кираса из папье-маше, рельефно выступают белые ребра; маска-череп закрыла лицо. Черные с серебром лосины, ботфорты со шпорами, плащ до земли. Не слишком высокий, спутник казался огромным.

Пространство вокруг него ежилось и отступало в тень.

— Не подходи ко мне, чудовище!

Слова Виолетты были обращены не к спутнику в маске. Художник споткнулся, как если бы налетел на стену, и едва не растянулся на булыжнике мостовой.

— Он не подойдет к вам. Не бойтесь.

— А вы кто такой?!

— Меня зовут Виктор. Нам надо поговорить.

— Мне не о чем с вами разговаривать. Чтобы разговаривать, нужно дышать. А мне больше нечем дышать. И не-зачем.

Спутник выпростал из-под плаща руку, затянутую в перчатку цвета слоновой кости. Без колебаний Виолетта взяла у него хрустальный флакон с притертой пробкой. Пропуск на ту сторону для женщины, еще не знавшей, что все стороны — миф, если есть вина и нет прощения.

— Выслушайте меня. А потом поступайте, как сочтете нужным.

— Хорошо, — она крепко сжала в кулачке флакон, словно боялась, что у нее силой отнимут забвение. — Я даю вам пять минут.

— Вы любите его? — он кивнул на художника.

— Его?! — Глаза под вуалеткой вспыхнули ярче, чем у разъяренной кошки. — Он меня предал! Променял на свои проклятые картины! Он был для меня всем! А я для него? Уборщица, любовница, нянька...

Она вырвала пробку, как чеку гранаты.

— Да, он виноват. Его очень трудно простить.

— Трудно? Невозможно! Проклятые картины...

Он не знал, откуда в кармане взялась зажигалка. Не вполне понимая, что делает, он бросил зажигалку художнику. Тот поймал ее на лету. Сперва тупо уставился на свою ладонь, потом лицо его просветлело.

— Картины?

Парень упал на колени, чиркнул колесиком: раз, другой.

— Я не прошу тебя вернуться. Просто живи. Где-нибудь. Пожалуйста... — Художник поднес огонек к холсту. — Это последняя. Остальные сгорели. «Утро в заливе Лиссан». Помнишь, мы ездили с тобой в Лиссан, в августе? Ты бегала по пляжу и смеялась. Я так и не смог передать выражение твоего лица...

Холст вспыхнул. Порыв ветра развернул его. В пламени, как в раме, проступил дремотный берег, фрегат со спущенными парусами; палец маяка грозил небу. Из огня повеяло запахом моря. Но холст уже корчился, обугливаясь, и утро в заливе рассыпалось хрупкими черными хлопьями.

— Не надо! Что ты делаешь...

Флакон разлетелся вдребезги, ударившись о мостовую.

Приближение 6-е

БЕРЕГ

...ведь знали мы, что хуже смерти,
Гораздо хуже вещи есть.

Солнце делило море надвое дорожкой плавающего золота. Горластые чайки умчались за скалы, позволив тишине сомкнуться над берегом. Он лежал на песке, чувствуя, как сон подкрадывается к нему на мягких лапах.

Усталость брала свое.

Очень болела спина. В последнее время — все чаще. Как у грузчика после тяжелой работы; как у ломовой лошади. «Крылья растут», — невесело шутил он. И почесы-

вал спину, с трудом доставая до лопаток, словно там чесалось, а не болело.

Это оказалось труднее, чем мнилось после первого раза. «Помогите! Вас рекомендовали... как специалиста!..» Он не знал, кто его рекомендует. Как его находят, чтобы вцепиться клещом — не отодрать! — он тоже не знал. Да и не хотел знать. Зачем? Все равно придется идти. Зажигалка, мятный леденец, вялый георгин; какие-то слова, первые попавшиеся — и потому особенно точные...

Работа.

Спутник в плаще кивал ему, как знакомому, и уходил, не возражая. Спустя минуту уходил и он сам — оставляя двоих наедине. Бывали случаи, когда у него ничего не получалось. Маска-череп с тем же бесстрашием уводила добычу прочь, кивнув напоследок. Сперва он не сомневался: сейчас его накажут — нелепого, проигравшего, бесполезного! — и замер, испуганно вжав голову в плечи.

Нет.

Ожидание кары было самообманом.

«И хотелось бы, чтобы нас наказывали, — вспомнились позже слова Слонимского, — но это было бы слишком милосердно». Старик не забывал — заглядывал, болтал о пустяках. Пил коньяк, жмурясь от удовольствия. Радовался, что к Виктору возвращается память. Шаг за шагом, факт за фактом. Кроме главного — черный «Вольво», узкие стекла очков, пакет...

Я убил Лику, думал он, чувствуя, что засыпает. Застрелил из винтовки. Нет, винтовка ни при чем. Я убил ее раньше. Не знаю, как и чем, но уверен в этом. Господи, кто бы порекомендовал мне хорошего специалиста? Я побежал бы за ним на край света.

Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издевкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус — поцелуем похитрей,
Смельчак — простым ножом...

Иногда он надеялся. Если хорошо делать свою работу, то и к нему с Ликой придет специалист. Найдет нужные слова, заставит спутника в маске уйти, признав чужое право прощать и быть прощенным. Он надеялся вслепую, не уверен, что заслужил прощение.

Даже не помня, что совершил, — сомневался.

И часто просыпался среди ночи от мысли: что, если к нам приду — я? Сумею ли? Отгоню ли маску? Если не смог этого сделать раньше, не помню где, не помню как — но не смог, запнулся, усомнился...

Любимых убивают все —
За радость и позор,
За слишком сильную любовь,
За равнодушный взор,
Все убивают — но не всем
Выносят приговор...

Чайки вернулись.

Они кружили молча, не желая тревожить чужой сон.

* * *

Лица сидела рядом и смотрела на него, спящего. Думала: сказать ему потом, что он улыбается во сне, или не сказать? В итоге решила не говорить.

Все равно не поверит.

НЕБЕСНЫЙ МАРКЕТИНГ

ела, — ответил он и улыбнулся. Гудение, заполнявшее салон, сменилось едва шуршавшей тишиной. Виталик тоже непроизвольно понизил голос. — Ну хорошо, не просто дела. Я собираюсь организовать бизнес на

Зенде. Именно на этой планете. Таковы условия пари.

— Пари? — Я захлопнул журнал и повернулся к нему.

— Именно. Пари века, честное слово. Азартен я. Ввязался в это дело еще в апреле, когда меня пригласили на заседание Ассоциации инвесторов колониальных зон. Целых два дня умирал от скуки в отеле у Средиземного моря. Не откажешься ведь, когда само правительство решило почесать тебя за ухом. И я подружился с двумя такими же узниками большой экономической политики: Берном и Хозинским. Представь себе крысу, которой отрезали хвост, а взамен повязали дорогой галстук на шею. Представил? Вот они так и выглядят. Мы решили спиваться вместе. А кто запретит трем нестарым миллиардерам как следует отдохнуть от бесконечных заседаний? Выбрали бар поуютнее, да так, чтобы подальше от министерских физиономий, и ну стрелять пробками шампанских вин. А потом... ты знаешь, мужики есть мужики. Сперва как бы невзначай принялись пиджаки сравнивать. Пока официант бегал за калькулятором, мы уже в уме подсчитали, что дороже всего квадратный сантиметр пиджака стоит у Берна. Потом, как водится, стали рассказывать друг другу про свои «Феррари». Про квартиры, про загородные дома... К концу второго ящика поспо-

рили. Кто больше... м-да, вспоминать стыдно, но уговор есть уговор: кто больше заработает на Возвращении Зенды.

— Решили помериться деловой хваткой?

— А то. Капиталами мериться пошло. А тут — чистая олимпиада. Забег на сто метров: до конца августа у каждого есть время развернуть бизнесок в этом заповеднике. Сроки жесткие: в первый день земной осени двое из нас подарят победителю свои бороды. Мальчишки, ей-богу. Но бороду жалко. Так что азарт нешуточный. Хочешь знать, как я собираюсь обставить этих двух чертей большой металлургии?

— Спрашиваешь!

— А как бы ты заработал на Возвращении Зенды? — хитро прищурился Виталик.

— Ну... возможностей масса, — я растерянно пожал плечами.

— Ты подумай. А я пока схожу... — Виталик с кряхтением вылез из кресла, потом наклонился ко мне и щелкнул пальцами. — Знаешь, чем на этом корабле отличается VIP-класс от эконома? В туалете есть огромный иллюминатор! Стоишь себе и делаешь дела под свет далеких звезд. Гениально!

Я пообещал ему непременно заглянуть в чудо-туалет и снова раскрыл глянцевый журнал для пассажиров. Вопрос на первый взгляд совсем простой: как можно заработать на Возвращении Зенды? А как вообще можно заработать денег? Журнал, он же путеводитель по Зенде, услужливо давал с десятков подсказок. На первом развороте на фоне закатного пейзажа красовалась надпись:

Зенда: второе человечество

Ниже курсивом: «По мнению всекосмической коллегии туристических агентств, Зенда признана самым привлекательным местом для путешествий 2441 года». Далее журнал на плохом английском и разболтанном русском заливался про ласковые моря, чудесные тропики и совер-

шенно особую рыбу. И только через пять страниц сознавался в самом главном: все это чепуха по сравнению с историей Зенды. Разворот с фотографией планеты, тоскливо висящей в пустой черноте космоса, гласил: «150 лет одиночества».

Десять лет — с 2281-го по 2291-й — прошли очень весело, эти годы кажутся экскурсией четвероклассников на кондитерскую фабрику. Человечество научилось субпространственным космическим путешествиям и смело тащило в рот все подряд. Планеты, где можно было жить без скафандра, превращались в филиалы Земли: планета — немецкий городок, планета — американская деревушка, планета — газовое месторождение, планета — публичный дом...

Пыл колонизаторов охладил случай с Зендой: по непонятным причинам оказался разорван субпространственный канал, ведущий к планете. Ребенок потерялся на кондитерской фабрике. Увы, тех знаний о технике путешествий, которыми на тот момент владела наука, оказалось недостаточно для восстановления канала. Космическую программу немедленно свернули, людей эвакуировали в родную галактику. Кроме тех шестисот тысяч, что остались на Зенде.

Ученые тужились, боссы транснациональных корпораций, которые только-только успели переименовать себя в «трансгалактические», ходили как в воду опущенные и разводили руками с трибун. На Украине, откуда были родом почти все поселенцы, подумали и объявили недельный траур. Больше ничего предпринять не смогли. Только спустя полсотни лет была разработана дополнительная теория, которая позволила объяснить нестабильность созданных субпространственных тоннелей. Но никто не спешил швырять деньги в космос — а вдруг опять все крикнет? Так что еще полвека специалисты Международного аэрокосмического агентства потратили на полировку нового оборудования и первые суперосторожные вылазки за пределы галактики. И все на хлебе и воде бюд-

жетных средств. Еще полсотни лет — чтобы проложить до Зенды канал нового типа.

Все это время человечество сидело сложа руки, но, как водится, бурно рефлексировало. Кто не видел хотя бы трех-четырёх фильмов об оставшихся на Зенде? Сериал «Потерянные в космосе» с заставкой, где десяток смуглых красавцев стоят, запрокинув головы вверх — в космос, отыскивая взглядом Млечный Путь? Или тот сериал, о разлуке влюбленных, один из которых не успел вернуться на Землю до катастрофы? Это были действительно трогательные и всегда красочные фильмы. И кто только не говорил о нашем долге перед оставшимися на далёкой колонии? Кто не писал о моменте встречи?

И вот с полгода назад свершилось.

Колонизаторы, точнее, правнуки оставленных сто пятьдесят лет и три месяца назад на Зенде оказались живы-здоровы и среди пальм и водопадов неплохо себя чувствовали. Вы не забыли? Зенда — это практически рай.

А еще, если копнуть поглубже, как выразился журнал, на планете найдется никель. И хром. И золото. Строго говоря, каждый из зендян, число которых сегодня достигает миллиона, сказочно богат. В случае крохотной экономики планеты, правда, значения это не имело: кому там было этот хром продавать? Но теперь...

Виталька плюхнулся на кожаное сиденье слева от меня.

— Ну как? Сколько миллионов успел насчитать?

— У меня две теории. Либо ты планируешь продавать драгметаллы со скоростью звука, либо на этой планете растет что-то такое, чем можно лечить рак или увеличивать грудь. Или это что-то можно курить. Глядя, как ты прядешь усмешку в усы, я все больше в это верю. Ну, давай сознавайся.

— Паша, я тебя умоляю. Как поверхностно и скоропалительно! Деньги — это тебе не астероиды, по космосу просто так не валяются. А ты их собрался лопатой сгребать. Давай рассуждать вместе.

Голос Виталика утонул в гуле двигателей: корабль снова вынырнул из туннеля. Наверное, со стороны он выглядел как многотонный полированный кот, проснувшийся оттого, что кто-то звякнул дверью холодильника. Ошалело материализовавшись в нескольких сотнях километрах от Зенды, он повертел головой и теперь, медленно покачивая боками, разворачивался в сторону планеты. В иллюминатор ворвалось звездное небо, обжигаяще яркое и разноцветное. С нижнего этажа, где в экономическом классе сидела основная публика, послышался дружный стон восхищения. Мы с Виталиком летали не в первый раз, но тоже ненадолго замолчали, глядя в иллюминатор.

— Хорошо все-таки, что я тебя встретил на этом корабле, — негромко заговорил Виталик. — Сколько мы не виделись? Пятнадцать лет? Шестнадцать?

— Около того. С тех пор, как институт окончили.

— А помнишь, ты же мне жизнь спас? На втором курсе.

— Риторический вопрос, да? Конечно, помню. — Я покачал головой. — И не знал, что сейчас ты глава издательства. Подумать только, не вытащил бы я тебя из воды, и не было бы во вселенной журнала «Субботние сиськи»...

— Умерь сарказм. Ну журнал. Ну сиськи. А между прочим, тоже гениальный концепт. Ты же понимаешь, что это не просто гляцевый журнал с голыми тетками. Это буквально один из стержней нашей цивилизации....

Я захрюкал в кулак.

— Что смешного? Мы вкалываем, чтобы каждую субботу, строго до десяти утра по местному времени, на каждой, ты слышишь, на каждой из ста пятидесяти четырех населенных планет, в любом крупном супермаркете или почтовом отделении, на автозаправке в Монино или в бункере в радиоактивных песках Лиса-5 можно было найти свежие «Субботние сиськи». Журнал всегда будет из настоящей бумаги, а не из какого-нибудь синтетического дерьма. И никаких экранов! Всегда отличная полиграфия и запах краски. Вне зависимости от дождя, урагана или того, какое из трех солнц сейчас на небе и на небе

ли вообще. Раз все живут по земному времени, то у всех есть суббота. И раз все любят женщин, а у женщин есть грудь, то все любят «Субботные сиськи». Это стабильность. У нас в покупателях и взрослые американцы, и старые китайцы, и молодые европейцы с короткими стрижками и крестами под клетчатыми рубашками. Эти мужики неделями стучат отбойными молотками в какой-нибудь дыре на задворках разумной галактики только потому, что имеют прочные ориентиры. Есть пиво за полтора доллара банка, испанцы раз в три года доходят до полуфинала, и каждую субботу продаются свежие «Сиськи». Не что-нибудь, а сиськи. Символ плодородия, символ матери-Земли. Мощный подсознательный сигнал о том, что урожай богатый, закрома полные, в холодильнике мясо. И ты, мой высокодуховный одноклассник, их тоже хоть раз в жизни, но купил. Разве нет?

— Разве да. И что, Зенду ждет экспансия спецвыпусков «Субботных сисек»?

— И опять мимо. Но гораздо теплее. Вся эта возня с зендийским никелем не стоит выеденного яйца. Сам подумай, сколько стоит транспортировка одного грузовика с тамошним металлом. А кто даст разрешение на добычу? Там же курорт, Мальдивы. Нет, купить у зендян ничего не получится. Зато можно что-нибудь продать. Причем обязательно за местную валюту. Еще немного — и курс тамошних денег взлетит просто до небес. Но вопрос: что продать? Химию? Лекарства? Технику? Чушь!

— Продай им коллекцию фильмов про Джеймса Бонда, истосковались небось.

— Прекрасно! Почти в точку! Но не спеши, зендян нужно взять за душу. Надо продать им...

Виталик схватил лежащий у меня на коленях журнал и скрутил его в трубку. В глазах моего приятеля отражался безумный свет местных звезд.

— Скажи, Паш, сколько, по-твоему, стоит «Джоконда»? — он нетерпеливо похлопал журналом по ладони.

— Репродукция? Бакса два, если небольшая.

— Нет, настоящая. Подлинник. Из-под кисти Леонардо.

— Она же не продается.

Виталик отмахнулся от меня журналом.

— Брось. Все продается. Так вот, «Джоконда» оценивается примерно в сто семьдесят миллиардов долларов. «Авиньонские девицы» — сто сорок. «Руанский собор в полдень» — сто десять. А теперь смотри!

Он развернул журнал, шумно пролистал его до одной из последних страниц и плюхнул его мне на колени, припечатав ладонью. Фотография была мне знакома: это было самое известное произведение искусства, созданное жителями Зенды. Небольшая скульптурка из цветного полупрозрачного камня: фигура женщины, держащей ребенка на руках. Женщина выглядела грустной, голова ее была изящно наклонена чуть вправо. Скульптурка была ловко подсвечена, так что казалось, будто сияние исходит откуда-то изнутри ее.

— В просторечии «Зендийская мадонна». И как думаешь, сколько она стоит? Я тебе скажу: ее оценивают в сто пятьдесят миллиардов местных денег. А курс местной валюты к земной знаешь какой? То-то. Теперь еще один вопрос: почему скульптуры из цветных камешков, столь любимые этим народом, больше не создаются? Мы провели исследование: выяснилось, что Илья Инников, автор этой гениальной вещи, уже умер. А больше, видите ли, так никто не смог! Такие таланты — один на миллион. А на Зенде — всего миллион жителей, вот в чем проблема. И тут — бабах!! — Возвращение Зенды. И пришествие меня на Зенду. Дальше — дело техники. Берем камешки, нанимаем популярного дизайнера с Земли. И вуаля! Эксклюзивные поставки скульптур зендянам. Эксклюзивные, это важно. «Небесный маркетинг» в действии. Бумага уже есть, иначе бы я не говорил об этом вслух так беспечно. Не правда ли, милая? Еще вина, пожалуйста.

Последние две фразы он адресовал стюардессе. Стюардесса обозначила аккуратную улыбку, молча кивнула и отправилась за вином.

— Зендийская форма на девушке, — сказал Виталик. — Видишь эту юбку до пят и курточку, застегнутую под горлом?

— Красавица. Наверное, действительно зендийская форма: одеваются они аккуратно до крайности, как мормоны.

— Да, удивительный народ. Как-то странно повлияла на них изоляция. Словно откатились в старые добрые целомудренные времена. Знаешь, мне вся Зенда кажется одним небольшим провинциальным городком. С небольшими провинциальными развлечениями. Простота, вежливость, чистота. Эти ребята вообще чокнутые по части морали: не нюхают кокаин, не трахаются до свадьбы, даже правила на дороге соблюдают. Я там один раз вывалился из бара в полтретьего ночи. Так что, ты думаешь, я увидел? Светофор на пустой улице и два пешехода, ждут, пока зеленый загорится! Ну, можно понять: у них сто пятьдесят лет не было свежих голливудских фильмов и телешоу. Порноканалов, порносайтов и виски «Ред Лэйбл». Им не показывали земные новости. Что им оставалось делать? Они все сто пятьдесят лет читали, писали, рисовали и лепили. Строили яхты и катались на лодках в парке. И вот тебе сливки их культуры — скульптурка, мать ее, скорбящей матери. Робинзоны духа, что и говорить. Сто пятьдесят лет без нашего привычного медийного разврата! Ну, это скоро кончится. Но сперва — сперва! — я продам им их же шедевры. А потом — потом! — начну продавать им «Субботние сиськи».

Стюардесса принесла нам вино.

— Доброго вечору, пане. Куди вас доставити: до отелю чи магазину. У магазині ще тривають роботи, тому...

— Переводчика, нах! — затребував Виталик. — Надоело разбирать ваш полуукраинский.

Я повесил сумку на плечо и помахал Виталику.

— Удачи! Береги бороду, нахал.

— А ты не теряйся, — подмигнул он мне. — Как закончишь работы — звони, прокатимся на острова.

— Перекладача пану Ягодову, — услышал я краем уха, затем кто-то толкнул меня в плечо, и я поспешил в общий автобус. Виталик повернулся к поданному автомобилю, ему открыли дверь.

Когда автобус подрулил ко входу в космодром, на оконном стекле появились капли грибного дождя. «Небесный маркетинг» — всплыла фраза. Что он имел в виду?

— Почему «небесный»? Маркетинг? Может, ты хотел сказать «космический»?

— Нет, именно небесный, — Виталик ответил так быстро, как будто весь день ждал этого вопроса.

Трясло нещадно: нас тащил на себе рахитичный мото-планер о двух водородных двигателях. Антигравы и реактивные самолеты на Зенде были запрещены местной властью, как и все, что могло загадить курорт. Говорят, что водород из тех же параноидально-бережливых соображений производят за пределами зендийской атмосферы, так что позволить себе такую прогулку могли немногие. В числе немногих был Виталик. Сейчас он, несмотря на тряску, сохранял важный и уверенный вид, держа руки на объемном животе. Он даже лениво перебирал пальцами, как будто находился в домашнем кресле у камина.

— Именно небесный. Понимаешь, космос — это нечто понятное. Он просчитан, изучен и виден в иллюминатор. А небо — оно всегда где-то сверху. Забирайся сколь угодно высоко на гору, взлетай на самолете, смотришь наверх — оно там. Ты стремишься и стремишься к нему, но никогда не достигаешь. Поэтому космический маркетинг — сама обыденность, а вот когда ты проявляешь высший пилотаж, рвешь стереотипы, покупаешь для людей выступление самого дьявола, — пусть он пляшет для них канкан в короткой юбочке, — вот такое мы называем маркетингом небесным.

— Не боишься работать конференсье для дьявола?

Виталик пожал плечами:

— За это платят. — Он отвернулся к иллюминатору. — Перед нашим отлетом Берн прислал мне бритву, помазок и чашку для бритья. Чашка из никеля. Я было хотел в чашку насрать и выслать ее обратно Берну, но постеснялся местной почты: провинция, не поймут. Не знаешь, чего от них, культурных, ждать. Зендийцы — они как дети. Жалею, что не видел их глаз на открытии магазина. Угораздило нас с тобой сунуться на острова перед самым открытием. Кто ж знал, что непогода. А эта колымага, — он пнул стенку, — добрую неделю не сможет нас вывезти.

Он скривился и замолчал. Остаток пути мы ехали молча.

Приземлившись в столичном аэропорту, мы пересели в ожидавший лимузин, и заспанный водитель повез нас напрямую к магазину, где продавали Виталькины скульптуры. Проезжая одну из немногочисленных улиц, я увидел отражение нашего автомобиля в окне: черный лакированный кузов, забрызганный грязью. Казалось, навозный жук вполз на ухоженную грядку с цветами.

Магазин был пуст.

Виталик оглядел витрины. В углах идеально чистых стекол поблескивал витой размашистый логотип. Несмотря на вечное лето Зенды, здесь, как и в нашем лимузине, тоже было прохладно.

— Управляющего, — сосредоточенно произнес Виталик в пустоту. — И переводчика.

Оба появились из двери подсобки и замерли с напряженными лицами. Я отошел в угол и присел на кожаный пуфик.

— Статус? — почти без вопросительной интонации отчеканил Виталик. — Продажи?

— Ни одной, господин Ягодов, — перевел усатый и непомерно худой человек.

— Причины? — голос Виталика был ровным, отчего

появилось ощущение, что сейчас он кого-то ударит. Управляющий-зендиец что-то быстро и тихо забормотал.

— Не покупают, — перевел усатый.

— Он что, издевается? Я понимаю, что не покупают.

Причины?

Снова бормотание и ответ:

— Нет спроса на ваш товар, господин Ягодов.

Виталик перевел дыхание, я вжался в угол.

— Спроса нет? — Виталик шагнул к управляющему, оттолкнув плечом переводчика. — Что это еще значит? У меня твоя подпись на плане продаж имеется: скульптуры должны продаваться минимум по пятнадцать экземпляров в первые три недели. Почему, сука, ни одной?

— Так вони ж зроблені з пластику, а не каменя, — управляющий надул губы и поправил очки.

— С какого «каменя»? Что он несет? — Виталик повернулся к переводчику.

— С камня тирстоуна, господин.

Виталик замолчал. Он не шевелился несколько секунд, потом покосился в мою сторону.

— Паша? Ты что-нибудь знаешь про тирстоун?

— В путеводителе читал. Их делали из местного камня. Скульптурки эти.

— Так... ты! — Виталик ткнул пальцем в управляющего. — Мне нужно три кубометра этого камня к... сегодня у нас четырнадцатое, одна... две недели. К двадцать восьмому. Нет, к двадцать пятому. Предоплата через моего бухгалтера в течение двух суток. Местной валютой, ясно?

Управляющий наклонил голову и вежливо улыбнулся.

— Тирстоун не производится, господин Ягодов, — ответил за него переводчик.

— Не производится? Не добывается, ты хотел сказать? Опять экологический запрет? Я поговорю с министром Петренко. Он ему, — Виталик показал на управляющего пальцем, — лицензию выпишет, пусть не ссыт.

— Видите ли, господин Ягодов, тирстоун не ископаемое. Строго говоря, это не камень.

— Так, ты мне прекрати юлить. Где ж его брали раньше? — Виталик вжал голову в плечи и надвинулся на переводчика. Переводчик выставил тонкие руки перед собой, словно закрываясь от клиента.

— Тирстоун... это... Я объясню. — Он поправил галстук, и мне показалось, будто он готовился к этой речи. — Дело в том, что лет через тридцать после поселения на Зенде колонистов у первых детей начали замечать некоторые биологические отклонения. И среди прочих было одно странное. То ли в биохимии организма коренных зендян, то ли в местном воздухе было что-то такое, отчего человеческие слезы кристаллизовались на воздухе. Буквально через несколько секунд влага на щеках становится хрупким, но кристаллом. Это и есть тирстоун. Поэтому материала так мало. Поэтому скульптурки такие маленькие.

У Инникова, автора «Скорбящей матери», погиб сын. Автокатастрофа. Водитель был нетрезв. Когда-то еще было очень модно выпивать, это считалось прекрасной земной привычкой. Когда-то было в моде все земное. Больше десяти лет жена скульптора плакала. Каждый вечер. Пока не умерла. На столе, возле фотографии сына, остался камень ее слез.

Инников окрасил камешки и сложил одну из скульптур, которую вы знаете как «Зендийскую мадонну». Всего таких скульптур шесть, все они из настоящих слез, которые местные жители приносили Инникову. Но «Скорбящая мать» была особенно любима нашим народом, потому что она для нас больше, чем произведение: это символ нашей планеты. Мы — потерянный ребенок Земли. Мы всегда знали, что Большая Планета плачет по нас. Это наша общая боль, наш символ...

— Спокойно. Не дрожи, — Виталик поднял вверх указательный палец и задумчиво склонил голову. — Камень

из слез, значит. Не продается. Верно. Оригинально. Спасибо, на хрен. — Он потер указательный и большой пальцы, почесал ухо. — Ты. Собери десять или двенадцать местных проституток. Мои ребята сделают вам... камень из слез. Оплата каждой в час по...

— Господин Виталий, на Зенде нет проституток.

— Что?.. За идиота меня держишь? Парень, везде есть проститутки. Ты кому рассказываешь? Ты как вообще разговариваешь со мной, твою мать? «Господин Виталий», да я тебе...

— Извините, но это общеизвестный факт. Последняя проститутка Зенды крестилась примерно сорок лет назад, о чем написала в книге мемуаров. Книга...

— Молчать!!! Ты мне еще сейчас историю этой шлюхи будешь пересказывать! Книгу с автографом подари для полной радости... бойскаут! Проституток нет? Тебе найти проституток? Ты меня плохо знаешь. Я найду, ты не переживай. Будут плакать. Буду платить — будут плакать, сколько потребуется.

— Не треба. Це не допоможе, — неожиданно громко произнес управляющий, до этого стоявший молча.

Виталик повернулся к нему.

— Что ты сказал?

— Це не допоможе. Кому потрібне невістраждане мистецтво?

Переводчик открыл рот, но Виталик остановил его жестом.

— Я понял. Не надо, я понял.

Он помотал бритой головой, отошел от них и опустился на стул. Местная парочка недоуменно переглянулась. Виталик вытянул ноги, потер лоб и шумно выдохнул.

— Я понял, — сказал он уже тихо и мирно. — «Кому нужно невыстраданное искусство?» Действительно, не станут они это жрать. Целевая аудитория не та...

Он сидел минуты три, с усталым лицом разглядывая свои ботинки, по-модному остроносые. Затем нахмурил-

ся, оглядел магазин, витрины, посмотрел на отражение солнца в стеклах. Что-то темное мелькнуло в его лице. Он достал телефон, нажал несколько кнопок и заговорил, не здороваясь:

— Сергей? Пришли мне утренним рейсом пару аналитиков потолковее... Да нет, ты знаешь, в общем-то ерунда, надо просмотреть архив местных телепередач лет за двадцать. Будем думать, авось решим чего. Да... и пусть захватят коллекцию фильмов про Джеймса Бонда. Нам нужен Джеймс Бонд. Угу. И Мэрилин Монро. И шоу танцующих карликов. Конкурс девушек, открывающих пивные бутылки вагиной. Кулинарные передачи для взрослых. Бой без правил. И тот сериал про сыщика-гомосексуалиста. И «Школу секса» с Первого канала. Джеймса Бонда только обязательно. И Дисней! И Мэрилин Монро! Нам нужны все!!!

ЗАПОВЕДНИК

 спешил домой через парк Победы. По осенней слякоти. Зажав под мышкой старый портфель. По минутно поправляя очки. Мне было зябко. Я грезил, как ворвусь в тепло квартиры и, скинув одежду, залезу в горячую ванну. Потом, конечно же, сяду в кресло напротив аквариума и буду наблюдать.

В сумерках вдруг зашевелились крупные тени, шагнули на дорожку. От неожиданности я едва не вскрикнул. Их было двое. Кряжистые и пахнущие перегаром, как пара канистр со спиртом, стриженные под машинку, в спортивных костюмах. Вряд ли в парке проходили спортивные сборы — у этих ребят явно были совсем другие увлечения.

Парк Победы пользовался у нас в городе самой дурной репутацией, многие всерьез считали его родиной сотрясения мозга. Черт меня дернул срезать дорогу.

— Слышь, чалый, — гаркнул один, — баблосом не порадуешь?..

— Да-да, сейчас. — Я засуетился, принялся копать в карманах серого пиджачка, вытащил на свет смятую десятирублевку, подслеповато взгляделся в нее и протянул грабителям. Ладонь заметно дрожала.

Один из «спортсменов» брезгливо поморщился, а потом вдруг шагнул вперед и ударил меня по руке снизу вверх. Десятирублевка полетела в грязь. Я попятился, оглянулся... Бежать? Как это унижительно. Но что я могу им противопоставить? Вон какие крепкие и плечистые парни. Наверное, качают мышцы, закалены в уличных дра-

ках. А я не занимался спортом с университетских времен. Да и от физкультуры меня в конце концов освободили из-за слабого здоровья и зрения. Не припомню, чтобы я когда-нибудь по-настоящему дрался. В школе получал тумаки и затрещины, но отвечать опасался.

— Ну, чего, б..., долго мы вольтаться будем?! Давай сюда портфель.

— Н-нет, — я замотал головой.

— Чего-о-о?

— Тут нет никаких денег. Здесь вся моя работа. Бумаги. Вам, право, все это совершенно ни к чему... Я...

Договорить я не успел. Они стремительно надвинулись, будто створки разведенного моста на пролетающий по Неве катерок. Сомкнулись на мне. Я обхватил портфель обеими руками:

— Не отдам!

— А я говорю, давай сюда! — взревел один из них. Размахнулся и съездил мне по скуле. Я на время потерял ориентацию в пространстве, упал и погрузился локтями в липкую грязь. Едва успел нащупать в кармане прибор, когда эти бандерлоги, ухватив за одежду, рывком поставили меня на ноги.

— Ну, что, — проговорил, дыша перегаром, один из грабителей, — бу...

И исчез. Только черная куртка накрыла пустые штаны и кроссовки. Его подельник испуганно заозирался, по-прежнему держа меня за ворот.

— Не понял, — проговорил он, позвал: — Сеня? — И потащил меня за собой к ближайшим кустам. Там, само собой, никого не оказалось. — Сеня-а-а, — позвал он снова, на сей раз куда более жалобно. — Ты чего, попутал, Сеня?! — пробормотал он.

— Простите, вы не могли бы меня отпустить? — попросил я.

Грабитель воззрился на меня с таким видом, будто только что увидел.

— Я не понял, — снова сказал он. — Где он?

— Не знаю. Вероятно, убежал.

Мой собеседник поспешно отдернул руки, отряхнул их, будто внезапно осознал, что имеет дело с прокаженным.

— Ты кто такой? — спросил он, тупо глядя на меня маленькими черными глазками.

— В каком смысле? Вас имя и отчество интересует?

— Черт! — Грабитель сплюнул и ломанулся прочь через кусты — ему явно было некомфортно со мной наедине, — а я щелкнул замками портфеля и полез за фонарем...

Сеня пытался скрыться, метался, как беглый заключенный под светом прожектора. Но я поймал его и посадил в контейнер для перевозки. Аккуратно, чтобы ненароком не сломать крошечные ручки и ножки.

Я назвал это место «Заповедник крохотных существ». Здесь было уже четыре превосходных экземпляра. Правда, всех их следовало перевоспитать — в обычной жизни они были людьми злонамеренными и бесполезными. Теперь каждого из них я по-своему любил, как Бог любит свои создания. Начальник лаборатории Шашечкин, бездарный ученый, присвоивший себе множество научных открытий, в том числе и моих. Лора, бывшая жена, стерва, изменяла мне с каким-то тонкоголосым смазливym художником. Не желая наблюдать этого хлыща в непосредственной близости от своей уменьшенной супружницы, я спустил любовника в унитаз и не испытал при этом ни малейших угрызений совести. Бог тоже порой бывает жесток. На то он и Бог. Местный алкоголик, Глушев, на нем я впервые испытал Прибор. Попав в Заповедник, он остепенился и теперь вел размеренный образ жизни простого крестьянина. Хотя поначалу ему пришлось несладко — абстинентный синдром, вызванный долгими годами употребления сивухи, растянулся на целую неделю. Я даже капнул на него спиртом из пипетки — пусть опохмелится, настолько жалким было зрелище его страданий. Четвер-

той стала величественная дама из гастронома. Ей, видите ли, было неудобно, что я стою у витрины, закрывая ей обзор, и она ткнула меня указательным пальцем в плечо, заявив: «Встал тут, придурок!» Дама переживала свое заточение куда болезненнее остальных. Несмотря на то что я соорудил для нее бассейн с теплой водой из собачьей миски. Разумеется, изымая эту женщину из обывденной жизни, я руководствовался не только обидой, но и другими соображениями. Мой бывший босс Шашечкин был примерно ее возраста. В последнее время он стал скучать и захирел — не причесывался, отпустил бороду. Мне хотелось как-то разнообразить его унылое существование.

Я аккуратно извлек из контейнера уголовника Сеню и опустил в центр аквариума, на горячий песок. Моя бывшая жена научилась за последнее время неплохо шить — она и смастерит парню штаны. Внутри благодаря лампам накаливания поддерживалась температура в двадцать пять градусов, так что переохлаждение Сене не грозит. А унижение, связанное с обнаженным появлением перед дамами, послужит ему хорошим уроком. Прикрывая срам, грабитель из парка Победы потрусил к искусственному озерцу, где плескалась величественная дама. Наметился небольшой переполох, изрядно меня позабавивший.

Новоприбывшего приняли как родного, выдали кусок ткани — прикрыть наготу, посветили в суть происходящего. Я не без удовольствия наблюдал, как Сеня в набедренной повязке носится кругами и орет, — не думал, что он окажется настолько нервным.

Их тоненькие голоса я разобрать не мог — один только писк на грани восприятия. Пока меня не было, «крохотные существа» умудрились вывести на песке корявые буквы. «Свобода». Еще бы «равенство» и «братство» написали. Я расхохотался.

— Интересно, — прогрохотал я божественным гласом с небес, склонившись над аквариумом, — зачем вам свобода? На свободе вас подстерегает куча опасностей. Вас раздавят там в лепешку ботинками, сожрут хищные зве-

ри, вы утонете в первой же луже. А здесь вы в полном порядке, как у меня за пазухой. Живите в свое удовольствие. Или вы думаете, будто на свободе кто-то заметит таких, как вы, и поможет вам?

Я задумался, о чем бы сам помышлял на их месте. Наверное, тоже желал бы свободы любой ценой. За пределами аквариума у меня был бы шанс — найти ученых-экспериментаторов и обрести тот же размер, что и раньше. Вот только эта идея — чистая утопия. Средство уменьшения биологических существ нашли только мы в нашей лаборатории. А вот как потом сделать подопытных такими же крупными, какие они были раньше, никто не знал.

Когда кролик исчез, а потом обнаружился на столе, став размерами меньше мухи, у нас буквально отвисли челюсти.

— Боже мой! — сказал Шашечкин. — Боже мой! Это же великое открытие.

— Было бы лучше, если бы кролики увеличивались в размерах, — возразил я.

— Это еще почему? — возмутился мой начальник.

— Больше мяса. Больше продуктов питания. Таким образом, мы получаем очень прибыльный проект. А на сегодняшний день мы имеем лишь уменьшение белковых тел. Если подумать, что оно дает?..

— Как это что?! — вскричал возмущенный Шашечкин. — Нобелевскую премию!

Он строго-настрого наказал мне никому не говорить о нашем случайном открытии. Подобная скрытность оказалась мне только на руку. Когда начальник лаборатории таинственным образом исчез, ее главой сделали меня, как самого знающего и перспективного. Никто и предположить не мог, что прежний руководитель сидит у меня дома в аквариуме и не испытывает больше никакой радости по поводу нашего уникального открытия.

С появлением в Заповеднике Сени из парка Победы жизнь моих крошечных существ оживилась. Налетчик о чем-то постоянно совещался с Шашечкиным. Я даже по-

началу расстроился, решив, что оба они неправильно ориентированы и уменьшение дамы из гастронома — напрасная трата времени. Но затем, понаблюдав за этой парочкой подольше, я пришел к выводу, что лилипуты готовят побег. Это меня ни в коей мере не устраивало. Я достал линзу и принялся исследовать стенки аквариума. Он был сделан из превосходного прочного оргстекла — проковырять такое им не под силу. И все же кое-что они придумали. В одном месте я увидел крошечные свинцовые скобы — меньше скрепки для степлера, вплавленные в стену. По ним они намеревались подняться на самый верх и бежать.

Я не стал мешать им осуществлять задуманное. В конце концов, какое-никакое, а общее дело. Может быть, подобная работа сплотит их. Да и меня развлечет. Я очень опасался, что мои человечки заскучают и впадут в апатию. Ведь тогда станет скучно и мне тоже.

Записки они мне больше не писали. Должно быть, пришли к выводу, что это бесполезно. Теперь сообщество Заповедника жило обособленной от Бога жизнью.

Бывший алкоголик Глушев осваивал крестьянский труд. На плодородных землях в своем уголке аквариума он выращивал гигантские для моих лилипутов растения. Разумеется, я не давал росткам подняться слишком высоко. Еще не хватало, чтобы они попробовали забраться к потолку аквариума, как по чудо-дереву на небеса.

Лора, как я уже упоминал, шила одежду из носовых платков и обрывков шелковой ткани — ради такого дела я пожертвовал свою лучшую рубашку. Иголки мои человечки выплавили сами из кусочков свинца. Свинец и прочие металлы порой падали на них с небес метеоритным дождем. Щедро разбросав подарки, я снова сел в кресло.

Суровая дама из гастронома, чьего имени я так и не узнал, освоила кулинарию. Получалось у нее, очевидно, неплохо, потому что иногда запахи из аквариума достигали и ноздрей моего огромного носа...

В сущности, я — очень одинокий человек, размышлял я, к тому же замученный рутинной работой — дом. Работа — дом. Телевизор и газеты на выходных. И так до скончания веков. Единственное, что меня радовало и развлекало в этой жизни, — Заповедник.

Время от времени я подкидывал своим подопечным сюрпризы. Купил, к примеру, однажды три кукольных домика. Увидев мой подарок, медленно спускающийся с неба, человечки сначала испытали шок, но потом обрадовались.

Как я и предполагал, один из них заняла чета Шашечкиных, так я их про себя называл — они наконец пришли к взаимопониманию. В другом домике поселился Сеня из парка Победы. А третий заняла моя бывшая жена. Ни один из кавалеров ее не устраивал — то ли тому виной был ее привередливый характер, то ли она все еще грустила о своем милотидном утопленнике. Не знаю.

Глушев остался жить на вольном воздухе, постелью ему служил огромный лист лопуха. Я ему даже немного завидовал. Я и сам иногда мечтал о том, чтобы жить на природе. И по большому счету, нет никакой разницы — ограничена твоя свобода в раю стенкой аквариума или безвоздушным пространством. Стенку еще можно пробить, надо только иметь соответствующие инструменты. А вот преодолеть безвоздушное пространство, чтобы выбраться в окружающий мир, — очень сложно. Интересно, кому пришла в голову столь блистательная мысль — таким образом изолировать человечество?

Порой я задавался вопросом: как ко мне относятся мои подопечные? По идее, они не должны питать ко мне ненависти, ведь я подарил им самое комфортное бытие. В аквариуме много лучше, чем в шумном городе, где тебе постоянно угрожает опасность. В парке Победы могут ограбить. Пьяный водитель способен переехать тебя на дороге и даже на тротуаре. Да и множество социальных нужд, которые так отягощают жизнь современного человека, легко способны свести с ума — необходимость платить за свет, газ, воду, телефон, ходить каждый день на работу. Мои лилипуты лишены всех этих проблем. Я для них — благодетель.

тель. Может, они даже считают меня кем-то вроде Господа Бога. Я задумался. Нет, пожалуй, эти вряд ли. Они помнят о другой жизни и пытались сбежать. Но... когда у них родится потомство, их дети не будут знать, как все обстоит на самом деле. И дети детей тоже не будут знать. Что бы им ни сказали взрослые, мое существование станет легендой. Вот тогда я буду настоящим Богом. Высшей силой, которой поклоняются, которой вверяют свою жизнь. Силой, способной творить чудеса. Но для того, чтобы они размножались скорее, надо увеличить их численность, думал я.

Затея с лестницей в небо моим подопечным надоела, и они принялись строить башню. Я специально подкладывал им побольше глины, наблюдал, как они обжигают кирпич, как таскают его и складывают в аккуратные кучки. Руководил всем Сеня. Его умелые действия убедили меня в том, что помимо грабежей в парках и скверах нашего города у него имеется и другая специальность — строитель. Я порадовался, что Сеня вступил на путь исправления и нашел себя. Поначалу у меня были опасения, что он и в новой ипостаси существования возьмется за старое.

Как-то раз я пришел с работы не в настроении, повесил плащ в прихожей, прошел к аквариуму и сел рядом, хмуро наблюдая, как суетятся человечки. Башня уже достигала половины высоты аквариума. Надоело, решил я, пусть найдут себе другое развлечение. Взял небольшой молоточек, сунул его в аквариум и в считанные секунды разметал скрепленные ненадежным раствором камешки.

Лилипуты в страхе разбежались. Сеня стоял в стороне и потрясал кулаками, очевидно проклиная стихию в моем лице.

— Ругайся сколько влезет, — пробормотал я, — главное, помни, кто здесь х̄озяин.

Через пару дней я получил давний заказ — новый огромный аквариум. Он занял почти половину комнаты. «Плодитесь и размножайтесь», — думал я, пересаживая человечков в новый мир. В ближайшее время я собирался

существенно повысить численность населения за счет жителей близлежащих районов. Меня интересовали только молодые и сильные особи, способные дать хорошее потомство. Неплохо было бы также занять парочку врачей, размышлял я. Впрочем, с этим проблем не будет — неподалеку есть больница. А при необходимости можно посетить медицинский институт.

Часть аквариума занимала голубая лагуна с проточной водой, ее соединяла с пластиковой емкостью тонкая трубочка. По берегам я посадил карликовые пальмы и поставил зонтики от коктейлей — получился импровизированный пляж. Лампа накаливания — чем не солнце? Она тоже ослепляет, так же дает тепло. При желании под ней можно даже загорать.

Человечки оценили нововведение в полной мере. Они купались с каким-то даже нечеловеческим остервенением. Глушев — наверное, он никогда не бывал на юге — даже забросил свой огород и лопух.

С гористой местности на юге, стекая по оргстеклу изящным водопадом, побежала полноводная река. Я любовался ею, ибо в обрамлении мха и карликового папоротника она выглядела подлинным произведением искусства.

Пусть строят корабли, решил я и высыпал в аквариум целую гору спичек. Это стало моей ошибкой. Через неделю Сеня с Шашечкиным соорудили взрывное устройство и попытались подорвать одну из стенок аквариума. Большой беды не случилось, но во время начавшегося пожара пострадал один из кукольных домиков.

Я рассердился, долго думал, как продемонстрировать свой божественный гнев, а потом устроил небольшое цунами, уронив в лагуну портфель. Меньше всех повезло Глушеву — его смыло приливной волной. Мне даже пришлось доставать его из водоема лично, и затем Лора долго откачивала бывшего алкоголика на берегу. После этого происшествия они как-то незаметно сблизились, и вскоре несостоявшийся утопленник переехал с улицы в кукольный домик к моей бывшей жене. Я почему-то ощу-

тил легкий укол ревности, хотя думал — все давно перегорело.

С тех пор строительный материал составляли только тонкие щепки — никакой серы, никаких взрывоопасных веществ. Меня вполне устроит, если человечки будут развивать промышленное производство, строить дома и корабли, но я вовсе не хочу, чтобы они создавали нечто, угрожающее их безопасности. Хорошо, что у них нет огнестрельного оружия, хотя и с помощью обыкновенного железа, помнится, вырезали половину Европы.

Заповедник быстро разрастался. Примерно раз в две недели я выходил на промысел, подыскивая подходящих людей. Я встречал прекрасные экземпляры в метро, на автобусных остановках, на людных улицах. Разумеется, мне не хотелось привлекать лишнего внимания, поэтому я просто шел за ними, дожидаясь, пока они окажутся в малооживленном месте. Не всегда мне везло, но поскольку выбор мой был необычайно широк, включая всех юных и красивых людей, то я неизменно находил пополнение.

Со временем я даже стал получать определенное удовольствие от поисков очередного поселенца. Вот стоит на эскалаторе, уткнувшись в книгу, девушка. Она так прекрасна, что многие молодые люди заглядываются. У нее светлые волосы, чистое русское лицо, ясный взгляд...

Я подносил прозрачный контейнер для переноски к своим близоруким глазам и подолгу разглядывал прелестную нагую узницу. Она металась по своему узилищу и кричала еле слышно: «пи-пи-пи», будто цыпленок в коробке. Ей будет просто отыскать себе мужа, думаю я, на сердце такой красавицы сыщется множество претендентов. Кстати, Сеня так и не нашел себе пару...

К сожалению, не все приобретения были удачными. Среди новичков оказался один недостаточно стрессоустойчивый, он утопился в лагуне. А еще врач, думал я с осуждением, — я взял этого нервного типа в хирургиче-

ском отделении детской больницы, где он проходил медицинскую практику.

Так в полупустыне на юге Заповедника появилась первая могила с крестом. Мне представлялось, что потом на этом месте будет обширное кладбище, и, как показали дальнейшие события, я не ошибся.

Другой новоприобретенный экземпляр был одержим жаждой власти. Попав в аквариум, он возомнил себя героическим персонажем Средних веков, вооружился до зубов и принялся сколачивать армию. Но его быстро окоротили. Пару недель парень посидел взаперти, потом вышел на свободу. С тех пор он трудился на строительстве разнорабочим.

Моим лилипутам больше не нужны были кукольные домики, они хотели сами создавать себе жилье по вкусу. Руководил работами Сеня. Кто же еще?.. Я в очередной раз убедился, что нельзя судить человечка по поступкам. Окажись он в других обстоятельствах, неизвестно, что из него в конечном счете получится.

Третий новичок, в отличие от Сени, принялся воровать и грабить. Я недоглядел, и его линчевали. Без суда и следствия. Да еще вывесили труп на всеобщее обозрение — чтобы другим неповадно было.

Подобная жестокость лилипутов порядком меня поколебала. Я протянул руку, чтобы немедленно прекратить безобразие, перенеся тело на кладбище — там уже они сами справятся с захоронением. Но к моей ладони подбежал один из человечков и вонзил свинцовую иглу под ноготь. Я вскрикнул от боли... В результате на кладбище появилось сразу две могилы. А я зарекся от опрометчивых действий.

Но наряду с проблемами и все растущей во мне тревогой — слишком самостоятельно стали вести себя подопечные — было и множество приятных моему сердцу событий.

— Как же я рад за тебя, Лора, — говорил я, наблюдая за рождением ее первенца. У меня были определенные

опасения по поводу детей. Но, по счастью, они оказались такими же крошечными, как и их родители. — Конечно, — рассуждал я, — у твоего ребенка есть склонность к алкоголизму, но где он достанет алкоголь? Можешь быть за него спокойна.

Я ошибался. Вскоре Глушеву удалось создать самогонный аппарат, и он принялся гнать настойку из листьев алоэ. Ходил пьяный с утра до ночи, скандалил и орал. Я аккуратно изъям аппарат, но человечек собрал его снова, научился разбирать и прятать, сверяя время по песочным часам. Пока я был на работе, Глушев успевал нагрузиться под завязку... Тогда я махнул на него рукой.

Самое главное, Заповедник рос, развивался. Вскоре он уже мало походил на деревеньку с парой кукольных домиков. Теперь он выглядел как средневековый каменный город, примыкающий вплотную к заливу. По воде скользили суда, плавали гигантские рыбки — только те, что питаются бобами и планктоном, я не хотел трагедий. Человечки охотились на рыб, для них простая аквариумная рыбешка напоминала кита. Выдывали шкуры, ели мясо, а чешуйками крыли крыши домов, отчего весь город сиял под люминесцентным светилком.

В один из дней я заметил кое-что любопытное — они кроили какое-то огромное по их меркам полотнище из кожи рыб. Только когда включилась горелка и воздушный шар стал раздуваться, я понял, что происходит.

Пришлось накрыть аквариум плотной капроновой сеткой. Голубой — чтобы имитировала небо. Сетку я прочно закрепил, проклеив по всему периметру. Теперь, сколько бы они ни летали на воздушных шарах и прочих летательных аппаратах, вверху их ожидает непреодолимый полог.

К сожалению, по мере того как на землях Заповедника селилось все больше человечков, все чаще стали возникать конфликты. И отнюдь не безобидные драки, а весьма кровавые стычки, более всего напоминающие локальные военные конфликты. В дело пошли мечи и копья. Дошло

до того, что они разделились на два воинствующих лагеря и стали строить высокую стену, разделяющую город на двое.

Я испытывал все меньше удовольствия от созерцания липипутской жизни. Меня возмущала их жестокость, алчность, стремление забрать себе как можно больше земли, подчинить других, превратить их в своих рабов... Следовало что-то делать с этим безобразием.

Однажды я снова спешил через парк Победы, зажав под мышкой портфель. Сколько раз давал себе зарок огибать это опасное место, особенно в темное время суток, но каждый раз шел той же дорогой.

Впереди появились тени. Совсем как в прошлый раз.

— Ты?! — выдохнул один. И я узнал в нем незадачливого грабителя, который тогда шарил по кустам, таская меня за воротник.

— Слушайте, я очень спешу... — пробормотал я.

— Я знаю, — сказал он сдавленным голосом, — это ты Сеньку тогда приговорил.

— Не говорите глупости, — попросил я. — С ним все в порядке. Занимается строительством. — Сейчас мои мысли занимали только мои подопечные. Я придумал новое развлечение — небольшой потоп. Хватит уже поливать человечков из лейки, открою водопроводные краны, и разверзнутся хляби небесные. Посмотрим, как они справятся с этой ситуацией...

Грабитель вдруг шагнул ко мне и ударил снизу вверх. Боль была такой, что меня почти парализовало, я даже вскрикнуть не мог. И все обмерло, оборвалось, будто во сне, когда делаешь шаг в пропасть. И как я не заметил нож в его руке?

— Это тебе за Сеню!

Убийца сиганул в кусты, увлекая за собой нового приятеля, а я, зажимая колотую рану на животе, опустился на колени. Под светом луны серебрилась и розовела лужа...

— Что же с ними будет? — пробормотал я. Они, на-

верное, и не поймут, что Бог умер. Так и будут сидеть в аквариуме, надеясь когда-нибудь выбраться наружу? Может, даже справятся с сеткой себе на погибель, неспособные осознать, как велик и опасен окружающий мир, как жесток к ним... Нет, — боль пульсировала, выплескиваясь из меня вместе с кровью, — я в них верю, когда-нибудь эти крошечные человечки освоят всю вселенную, сделают ее своей привычной средой... Жаль только, что их Бог умирает. Что он умер. Впрочем, они, наверное, этого не заметят.

КУДА УХОДЯТ ГЕРОИ

Геркулес шагает по узкой улице, тускло освещенной красными фонарями. Ему двадцать шесть лет, он могуч, словно имперский бомбовоз «Грешный адмирал Чу», и красив, будто круизный лайнер «Святая Николь».

Геркулес улыбается. Он уверен в своей силе и чуть меньше — в своей красоте.

Из темного переулка выходят три сутулые фигуры. Их намерения очевидны. Они движутся навстречу Геркулесу, будто уродливые пиратские перехватчики.

Одного Геркулес сшибает подобранным камнем, другого отшвыривает движением плеча, третьему ломает руку. Из расплющенных пальцев на брусчатку падает нож. Геркулес пинком отправляет его во тьму переулка — нож летит, словно ракета, рыжие искры отмечают траекторию его движения.

Эта опасная встреча — не первая. Десять минут назад Геркулес раздробил челюсти двум бандитам, преградившим ему дорогу. Пятнадцать минут назад Геркулес разметал компанию пьяных солдат, требовавших от него невозможного. Двадцать минут назад Геркулес сломал ключицу местному громиле, собиравшему деньги со всех, кто направлялся из космопорта в город.

Наверное, кому-то Фиштаун кажется опасным городом. Но только не Геркулесу, побывавшему на десятках миров. Фиштаун — просто рай, если сравнивать его с Городом Черепов, что на Мертвой Планете, или с Поселением № 3 на Планете Тюрем...

Улица поворачивает. Геркулес поворачивает вместе с ней. Он рассматривает вывески, подсвеченные красными круглыми фонарями. Он ищет ту, о которой недавно рассказывал капитан и о которой так часто вспоминали боевые товарищи — вольные наемники с «Черного варяга».

Теперь Геркулес идет медленней. Он больше не улыбается, он сосредоточен. Вывесок много, и он боится пропустить нужную. Поэтому неподвижного человека, сидящего посреди дороги, он замечает не сразу.

Геркулес нагибается и жесткими пальцами выворачивает из мостовой булыжник. Камень большой, но он весь прячется в кулаке наемника.

Геркулес замечает, что на коленях сидящего человека лежит «Шершень» — плазменный карабин, пятьдесят лет назад разработанный оружейниками Высочайшей Унии. Геркулес видит, что сидящий человек стар и немощен. Геркулес уверен, что булыжник в его руке более смертоносен, чем карабин в руках старика, — и потому без опаски идет вперед.

— Готов поспорить, я знаю, что ищет здесь герой-одиночка, — голос старика скрипит и дребезжит, словно поношенный корабельный корпус при запуске маршевых двигателей.

Геркулес останавливается и молчит. Пять шагов отделяют его от старика. Стены домов нависают над ними. За прямоугольниками окон — черными и светлыми — идет другая жизнь. Отзвуки ее слышны и здесь: вздохи, стоны, крики, смех. Легкий ветер покачивает шары светильников — и легкие тени шевелятся в такт их движениям, в такт звукам, доносящимся из-за окон.

— Заведение мамаши Ти... — Высохший старик гладит ствол «Шершня», искоса смотрит на молодого могучего красавца. — «Тугой бутон розы». Ты ведь туда направляешься?

— Да, — отвечает Геркулес. — Где оно?

— За моей спиной. И чтобы попасть туда, тебе придется пройти мимо меня.

Старик видит, как меняется лицо Геркулеса, видит, как вздуваются мощные мышцы, — и смеется, машет рукой:

— Нет, я не собираюсь вставать у тебя на пути, и тебе не нужно убивать меня, чтобы пройти дальше. Мой карабин — не для таких, как ты. Он для тех, что прячутся в тени и поджидают одиноких путников. Ты ведь сталкивался с ними сегодня, ты проходил сквозь них — я слышал их крики. Не опасайся меня, не считай своим врагом. Я просто хочу, чтобы ты выслушал меня, прежде чем переступишь порог «Бутона розы». Я хочу предупредить тебя о великой опасности, что поджидает тебя там.

Теперь смеется Геркулес. Старик серьезно на него смотрит, вздыхает и продолжает:

— Знаешь ли ты, чем заведение мамыши Ти отличается от прочих подобных заведений, каких много на этой улице? — Он мгновение ждет ответа, а потом кивает и сам отвечает на свой вопрос: — Конечно, знаешь. Иначе ты был бы сейчас в одном из домов, мимо которых прошел, следуя сюда... А слышал ли ты о Тартусе Зольде? В разных мирах у него были разные прозвища, но чаще всего его называли Космическим Ухарем. Ему было двадцать лет, когда он исхитрился и уничтожил флагманский корабль Золотой Эскадры. В двадцать два года он отбил у повстанцев «Эрика Великолепного» и стал его капитаном. В двадцать три — покорила планету эль-гунов. В двадцать четыре — раскрыл заговор некроианцев и был награжден орденом Чести первой степени...

Старик перечисляет заслуги героя, и глаза его делаются мутными.

— Я слышал об Ухаре, — говорит Геркулес.

Взгляд старика тут же проясняется.

— Тартусу было двадцать шесть лет, когда он впервые посетил «Тугой бутон розы». Больше об Ухаре никто ничего не слышал.

— Он пропал? — спрашивает Геркулес.

— Он пропал, — соглашается старик. — В «Бутоне

розы» ему встретилась девушка, не похожая на остальных. И он лишился того, что делает мужчину — мужчиной.

Геркулес вздрагивает, невольно опускает глаза. И старик смеется:

— Ты опять неправильно меня понял! У Тартуса все осталось на месте. Только внутри будто сдвинулось что-то. Он перестал быть Ухарем. Его уже не тянуло к приключениям, и кровь не вскипала при виде врагов и опасности. Он размяк. Его мысли были прикованы к той девушке, он хотел быть с ней рядом — а все остальное потеряло всякий смысл. Великая сила влекла его к ней. Необоримая первобытная сила, что всегда находилась внутри его, но спала до поры до времени. Эта сила есть в каждом — в тебе тоже. И она может проснуться, когда ты войдешь в заведение мамыши Ти.

— Он вернулся к ней? — спрашивает Геркулес и отбрасывает ненужный камень.

— Конечно, вернулся. Космические миры и бездны, межзвездные путешествия и приключения он променял на прозябание в захудалом мирке — рядом с ней.

— Я слышал похожие истории, — говорит Геркулес. — Одна была про сержанта Жака со «Святой Февелины», другая — про Фила Бешеного Буйвола. Многих эти байки пугают. Но не меня. Нет такой силы, что могла бы отбить у меня тягу к приключениям. Нет ничего, что отвратило бы меня от вольной жизни.

Сказав так, Геркулес проходит мимо старика, сидящего посреди улицы на рассохшемся стуле.

— Ухарь тоже так думал, — шепчет старик и качает головой. — И Жак, и Фил. Я помню их... Помню, как они впервые шагали по этой улице... Помню скрип двери... И помню, какими возвращались они назад...

Геркулес не слышит его. Он уже видит большую алую розу, подсвеченную круглым фонарем. Он читает вывеску: «Тугой бутон розы».

Единственный бордель во всех известных мирах, где можно купить человеческую женщину.

Не механическую силиконовую подделку с электронной начинкой. Не виртуальную бездушную красотку, чей образ проецируется компьютером в мозг. Не зеленокожую, приторно пахнущую аборигенку с Зитана-6. Не бриктого примата с дельты Драконис. Не раскрашенного транссексуала с планеты Развлечений. Не контрабандных оргазмий, искусственно выведенных в каком-то из миров Темного Пространства.

Нет.

Настоящую. Человеческую. Женщину.

Только здесь — в Фиштауне, единственном городе Грозовой Планеты.

Не на Земле, где случайно родившиеся девочки меняют пол, едва достигнув совершеннолетия, где процесс зачатия идет под микроскопом, а эмбрионы развиваются в инкубаторах Центров Воспроизводства. Не на Зеббе, где воинственные амазонки не допускают к себе мужчин, а совокупаются с полуразумными ящерами. Не на Укресе, где Культ Чистоты позволяет людям заниматься любовью лишь дважды в жизни — и сила внушения так велика, что человек, совокупившийся в третий раз, погибает мучительной смертью. Не на Отапи, где вот уже несколько сот лет детей штампуют клонировочные машины, а отказавшиеся рожать женщины давно превратились в уродливых бесполох существ.

Только здесь...

Целую минуту Геркулес стоит перед зеркальной дверью заведения мамы Ти. Он видит свое отражение, он чувствует, как бешено колотится сердце, — и не понимает отчего. Ему немного страшно — и он ругает себя за необъяснимую слабость.

Затаивший дыхание старик, не оборачиваясь, напряженно ждет, скрипнет ли дверь. Руки его замерли на холодной стали карабина.

Мамаша Ти, рыхлая и колченогая, смотрит сквозь

стеклянную дверь на могучего молодого красавчика и радушно улыбается ему, хотя знает, что он не может ее видеть. Потом она переводит взгляд на своего мужа, сидящего посреди улицы на старом стуле.

— Опять Тартус отгоняет моих клиентов, — шепчет она сердито, но во взгляде ее нет ни зла, ни недовольства, лишь понимание и уважение.

Шуршат юбки: кто-то из девушек спускается по лестнице. Мамаша Ти оборачивается, кивает двадцатилетней Лауре, жестом велит встать рядом.

А потом скрипит входная дверь.

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

 тром в поселке появилось чудо. По хрусткому снегу в стойбище приехал домик на лыжах. Позади домика был радужный круг — такой красивый, что погонщик Федор сразу захотел его коснуться.

Но на него крикнули и, оттого что это было не слышно в треске двигателя, больно ударили в плечо.

— Без руки останешься, чужак, — склонилось над ним плоское стоптанное лицо. Таких лиц Федор никогда не видел раньше — оно было круглое и желтое, как блин.

Сам Федор в начале своей жизни звался вовсе не Федором, имя его было иным, куда более красивым и простым, но монахи из пустынной обители дали ему именно такое и брызгали в лицо водой, точь-в-точь как брызжут оленьей кровью в лицо ребенка. Он с любопытством смотрел на пришельцев, для которых такие диковинные имена привычны.

В поселок приехали четверо в кожаных пальто, и теперь эти четыре кожаных пальто висели на стене казенного дома, будто в строю. Оперуполномоченный Фетин пил разбавленный спирт в правлении колхоза, и его товарищи тоже пили спирт, оленье мясо дымилось в железных мисках на столе. Разговоры были суровы и тихи.

Федор слышал, как они говорили о местных колдунах, которых свели со свету. И колдуны оказались бесстрашными против выписанных специальным приказом красных китайцев. Из них и был человек со стоптанным лицом, которого Федор увидел первым. Колдуны пропа-

ли, потому что их сила действует только на тех, кто в них чуть-чуть верит, — а какая вера у красных китайцев? Не верят они ни в Белую Куропатку, ни в Двухголового Оленя.

Четверо чужаков сидели в правлении всю ночь, ели и пили, а затем спали беспокойным казенным сном. Наутро они стали искать дорогу к монастырю. И вот они выбрали Федора, чтобы найти эту дорогу. Федор не раз гонял упряжку оленей к обители, отвозя туда припасы, — и сам вызвался указать место.

Скрючившись, он полез в домик на лыжном ходу, что дрожал, как олень перед бегом, и потом дивился пролетающей за мутным окошком тундре — такой он ее не видел.

Повозка с винтом остановилась в холмах, отчего-то не доехав до монашеских домиков. Люди в кожаных пальто стояли посередине долины — прямо перед ними, внизу, в получасе ходьбы, расположилась обитель.

Федор пошел за пришельцами, потому что хотел услышать, о чем те будут говорить с монахами. Но никакого разговора не случилось — оперуполномоченный Фетин первым открыл крышку своего деревянного ларца на бедре, достал маузер и, примерившись, стал стрелять.

Выстрелы хлестнули по черным фигурам, как хлещет веревка, хватая оленя за горло. Монахи, будто черные птицы, попадали в снег. Побежал в сторону только один из них, самый молодой, взмахнул руками, словно пытаясь взлететь, но тоже ткнулся в землю.

Последним умер старик игумен, что посмотрел еще Федору прямо в глаза перед смертью. Он, казалось, загодя готовился к этому концу, и убийцы были ему неинтересны, а вот Федор чем-то привлек внимание игумена.

Но все кончилось — и хоть лишней деталью ушедших жизнью топился очаг, булькала на нем пустая похлебка, но люди в кожаных пальто уже ворошили какие-то бумаги.

— С колдунами было сложнее, — сказал китаец. — Они не знали, что умрут, оттого так и метались, торгуясь со смертью. А этим умирать привычно.

Оперуполномоченный складывал в мешки вещи, последней он достал небольшую чашу.

— Золотая? — спросил китаец.

— Нет, оловянная. Нет у них золота, — ответил оперуполномоченный Фетин. — Если б золото, все было бы куда проще. Эй, парень, — подозвал он Федора и швырнул находку ему в грудь, — вот тебе чашка. Будешь чай-водка пить. И запомни: ты не предатель, а человек, что сделал важное для всего трудового народа дело.

Федор поймал тяжелую чашу и, повертев в руках, спрятал за пазухой. Он не знал значения слова «предатель», но все это ему не нравилось, что-то казалось неправильным в происходящем, смерть была непонятной и бессмысленной. Но монахи умерли, и чаша все равно пропала.

Люди в кожаных пальто довели его обратно к стойбищу, а чаша тем временем будто наливалась чем-то с каж-дым часом, тяжелела, жгла грудь.

Пошатываясь, он вылез из аэросаней и сел на нарты.

Чаша обжигала кожу, но Федор не мог вытащить ее — обессилели, не поднимались руки. Олени пошли сами, чего не бывало никогда, они разгонялись, перешли на бег, и вот уже Федор неся по ровному как стол пространству. Много дней несли олени Федора по гладкому снегу, налилось силой весеннее солнце, стала отступать зимняя темнота. Понемногу сбавили олени бег, и вывалился Федор вон, на землю.

А там весна и пробивается трава сквозь тающий снег. В ноздри ударил запах пробуждающейся земли, запах рождения травы и мха.

Рядом оказался край большого болота, на котором урчали пузыри, и неизвестные Федору птицы сидели вдалеке — не то простые куропатки, не то священные птицы Верхнего мира.

Федор пополз к прогалине, чтобы напиться воды. Привычно, как литая, легла в руку чаша, что оказалась не такой тяжелой, как он думал. Зачерпнул Федор талой воды

и запрокинул голову, прижав дареное олово к зубам. Но только сразу поперхнулся.

Не вода у него в горле, а сладкая, горячая кровь.

Федор в ужасе осмотрелся — бьет фонтан перед ним, жидкость черна и туманит разум. И не оленья это кровь, которой пил Федор много и вволю, а человечья.

Закричал он страшно, швырнул чашу в красный омут и побежал прочь, забыв про нарты и оленей.

Он не скоро устал, а когда опомнился, то вокруг была незнакомая местность — потому что только чужак не распознает в тундре своей дороги.

Федор упал, обессиленный, а когда поднял голову, то увидел, что лежит на нагретых за день камнях. Солнце, только приподнявшись над горизонтом, снова рухнуло в Нижний мир.

Рядом с Федором стоял мертвый игумен.

— Что, плохо тебе? — Голос игумена был глух, как олово, а слова тяжелы. — Сделанного не воротишь, теперь ты напился человеческой крови, и жизнь твоя потечет иначе. Но я знаю, что ты должен сделать: двенадцать мертвых поменять на двенадцать живых. Счет невелик, так и вина невелика — вина невелика, да наш воевода крут.

Федор долго сидел на холодеющем камне, пытаясь понять, что говорил черный монах.

Мир в его голове ломался — он в первый раз видел такую смерть, когда один человек убивает другого. Он видел, как уходят старики умирать в тундру и их дети равнодушно смотрят в удаляющиеся спины. Он видел, как стремительно исчезает человек в море, когда рвется днище самодельной лодки. Он слышал, как кричит человек, упавший с нарт и разбившийся о камни, — но ни разу не видел, как убивают людей специально. Теперь он сам это увидел и сам привел убийц к жертвам. Неважно, что и те и другие — чужаки.

Что-то оказалось неправильным. И эта мысль постепенно укоренялась в его голове, остывающей после безумия бегства.

На следующую ночь игумен снова пришел к нему.

— Двенадцать на двенадцать, — повторил он. — Счет невелик, иди на север, найдешь первого.

Федор, подпрыгнув, кинул в него камнем, как нужно кинуть чем-нибудь в волшебного старика Йо, который наводит морок на оленей. Монах исчез и не пришел на следующую, не явился и на третью ночь. Тогда Федор отправился на север, по островкам твердого снега, мимо рек талой воды. Через день, питаясь глупыми и тощими по весне мышами, он вышел к высоким скалам.

Что-то подсказывало ему, что дальше — опасность. Он затаился, слившись с землей и травой, а потом пополз на странные звуки.

За обрывом ему открылся океан — черный в свете яркого солнца. Такого океана Федор не видел никогда — он бил в скалы с великой силой, и соленая вода летела повсюду.

А через день, когда океан успокоился, Федор увидел людей.

Это тоже были чужаки, но пришли они не с юга, не прилетели на фанерных птицах, не приехали в бензиновых санях с вином. Эти люди говорили на незнакомом языке, и ветер рвал на части их лающую речь. Они приплыли в огромной черной рыбе и теперь, как муравьи, таскали из ее нутра что-то на берег.

Федор не пошел к ним — от чужаков в тундре добра не жди, это он понял давно. И то, что они строили на берегу, очень напоминало страшный знак звезды на стене правления, что как-то приколотили люди в кожаных пальто, — нет, тогда они не стреляли, а собирали деньги на прокорм неприятного бога Осоавиахима.

А вот какой-то мальчик еще не знал этого. Мальчик в яркой кухлянке появился на гребне скал, тоже, видимо, привлеченный странными звуками. Федор услышал, как в эти звуки вплетаются знакомые удары выстрелов. Чужаки, вскинув винтовки, метили в мальчика и сразу устроили за ним погоню.

Но вечером погоня обнаружила только мертвых оленей и разбитые нарты, тонущие в огромном болоте. Успокоившись, чужаки вернулись к берегу, а Федор в это время шел по мхам, и раненый мальчик лежал у него на плечах, безвольно мотая головой.

Он пришел в чужое стойбище, где мальчика узнали родные. Тут все было другое: запах воды, трава, одежда людей, пахло оленьей похлебкой, от которой Федор уже давно отвык, пахло горьким табаком и дымом костров. Его накормили, и сон спутал ему ноги и руки. Федор не мог пошевелиться, когда к нему ночью пришел знакомый гость.

Мертвый монах, как приемщик фактории, считающий мех, потрогал свой нос и сказал:

— Дюжина — число невеликое, тем более что от нее мы теперь отнимем одну судьбу. Одиннадцать на одиннадцать, не слишком велик оброк.

Несколько дней Федор спал, а потом ушел от новых знакомых, несмотря на то что его уговаривали остаться.

Оказалось, что он забрел далеко на восток, и, чтобы вернуться в родные края, устроился на службу к геологам. Целое лето он таскал непонятные ему тяжелые металлические инструменты и помогал собирать временные дома.

Однажды уже готовый дом загорелся. Внутри задыхалась от дыма беловолосая девушка. Такие худые женщины с белыми волосами казались Федору уродливыми, но геологи думали иначе. Однако скованные демоном страха геологи зачарованно смотрели на огонь, не двигаясь с места. Тогда Федор вошел в горящий дом, слыша, как потрескивают, вспыхивая, его волосы.

Он вынес наружу бесчувственное тело, взяв его на плечи точно так же, как когда нес того мальчика, и белые волосы мешались с его черными и горелыми. Рухнула крыша, и горячий воздух ударил ему в спину.

Геологи кричали что-то, на радостях крепко били его по спине, и от этих ударов он валился то в одну сторону, то

в другую. Потом они поили его спиртом, и Федор быстро потерял сознание.

В забытии он ждал гостя, и тот гость пришел.

— Десять — хорошее число, — сказал черный, как горе, гость. — Десять — число, состоящее из единицы и нуля, а значит, из всего и ничего. Хороший счет, Федор.

Гость был доволен, но велел спирта не пить. И действительно, от этой проклятой воды Федор болел два дня, мучился и прижимал лоб к холодной земле.

Геологи отпустили его не скоро, и уже снова на этот край навалилась зимняя чернота. Федор стал жить в большом городе, что строился на берегу океана. Он стучал большим молотком по странным железным гвоздям, вгоняя их в шпалы. Две стальные змеи уходили вдаль, и иногда Федор, приложив ухо к металлу, прислушивался к тому, что происходит далеко-далеко.

Здесь он, впервые с того давнего времени, увидел живых монахов. Они, впрочем, были лишены черных ряс и одеты в ватники, но Федор сразу узнал их племя среди прочих подневольных строителей. Они смотрели друг на друга через редкую проволочную ограду — монахи равнодушно, а Федор с любопытством.

Монахи держались особняком, и Федор видел, как они молятся, несмотря на запрет охраны.

В один из черных зимних дней, цепляясь за стальные змеи, приехал поезд. Он привез редкие в этих краях бревна, и монахи, надрываясь, стали складывать их в штабель.

Но что-то стонулось в этом штабеле, и огромные бревна зашевелились, пошли вниз. Одно из них стало давить зазевавшегося, но Федор птицей прыгнул под мертвое мерзлое дерево и выдернул щуплого старика из капкана. В этот момент другое бревно ударило его в спину, и Белая Куропатка накрыла его крылом. Когда он очнулся, монахи бормотали над ним свои молитвы.

Зубы стукнули о металл, потекла в горло вода, и Федор тут же поперхнулся. Жгла его губы страшная кровавая чаша. Он решил, что убитый игумен привел своих мерт-

вых товарищей, но нет — эти монахи были вполне живые и благодарили его за спасение брата. И не чашу подали они ему, а обыкновенную алюминиевую кружку с талой водой.

Федор взял кружку обеими руками и стал пить — жадно, но мелкими глотками.

В этом причудливом северном городе Федор переменял несколько работ, учился управлению механизмами, но тоска заливала его сердце. Черная гнилая кровь, которой он напился когда-то, поднималась снизу к горлу.

И Федор снова ушел в тундру. Его приняли в колхоз, и еще год он гонял оленей, пока как-то не выехал к берегу океана в приметном давнем месте.

Между скал никого не было. В укромной расщелине стояло странное сооружение, похожее на те, что стояли в строящемся городе, но людей не было видно рядом, не колыхались на ветру кумачовые флаги и лозунги с белыми буквами. Железные колонны гудели и вибрировали. У Федора вдруг зашевелились волосы — он провел по ним рукой и понял, что они стали сухими и потрескивают под пальцами.

Ему не понравилась эта конструкция — она была чужая в этом мире моря, скал и тундры, будто таинственный знак на стене правления. И еще он вспомнил погоню за мальчиком, что устроили чужаки. Тогда он забрался на скалы и скинул вниз камень побольше. Камень упал криво, ударил в основание труб, и гудение прекратилось.

Федор не понимал, зачем он это сделал, но отчего-то решил, что так нужно. Тем более что скоро к нему пришел его черный монах, и они говорили долго, и все о важных вещах. Проснувшись, Федор не помнил ничего, но знал, что пришло время собираться в родные края.

На следующее лето он добрался до родного поселка. Там все изменилось — он не нашел никого из знакомых. В его доме жили чужие люди, кто-то сказал, что помнит его, но сам Федор не помнил этих людей.

Он совсем недолго пробыл в поселке и снова решил

идти к морю. Сначала он хотел вернуться на место своей беды, но понял, что не может его найти — дорога уводила его прочь. Федор несколько раз сворачивал туда, куда вроде следовало, промахивался и наконец понял, что на то место ему нельзя.

И он покинул поселок, как ему казалось, навсегда.

Скоро Федор стал ходить по морю на небольшом кораблике. Он мало видел моря, потому что больше сидел внутри металлических стен и глядел на двигающиеся части машин. Машины ему не нравились, в них была чуждая ему жизнь, далекая от белесого неба над тундрой, от танца куропаток на снегу и бега оленей.

Но понять машину оказалось несложно: нужно было только представить ее себе как зверя из Нижнего мира. Федор служил машине как божеству — справедливому, если с ним правильно обращаться, и безжалостному, если сделать ошибку.

Иногда по ночам к нему снова приходил мертвый монах, и они вели долгие беседы о богах, духах и истинной вере.

Но вдруг над северными водами потемнело небо, и в нем поселились черные самолеты.

Маленький кораблик еле вернулся домой, потому что один из самолетов гонялся за ним несколько часов. Часть матросов погибла сразу, и Федор уже ничего не мог сделать. Один стонал, умирая, и опять Федор был бессилен. Тогда Федор бросил вахту у механизмов Нижнего мира и повел кораблик в порт, перетащив раненых на капитанский мостик. Федор перетянул раненым их окровавленные руки и ноги и встал к штурвалу. Машина стучала исправно, а Федор молился Женщине с медными волосами Аоту, что врачует болезни, Белой Куропатке, что смягчает боль, и Великому Оленю с двумя головами, которые у него спереди и сзади. Этот Великий Олень отмеряет человеку жизнь и смотрит одновременно в прошлое и будущее.

Внезапно он почувствовал рядом с собой черного монаха. Тот тоже молился вместе с ним, но по-своему и сво-

им божествам — мертвому юноше, раскинувшему над миром руки, и его матери с залитым слезами лицом.

Корабль криво подходил к пирсу, и к нему бежали солдаты с винтовками — только тогда монах исчез.

Федора перевели на другой корабль — большую самоходную баржу. Она шла к большому городу — Федор никогда не видел таких городов. Над серой водой сияли золотые шары куполов, гигантские мосты проплывали над баржей.

По сходням пошли внутрь люди — в основном дети и женщины с крохотными сумочками и большими чемоданами. Федор дивился этим людям и их глупой одежде, но он видел пассажиров только мельком, лишь изредка вылезая из своего убежища, наполненного живым божеством машины.

Баржа довольно далеко отошла от города, когда над ней завис черный самолет.

Федор слышал через металлическую стенку, как вспухает на поверхности воды разрыв, как дождем стучат капли воды по палубе. Но мгновенно все заглушил детский визг. Этот визг был нестерпим, и в нем потонул скрежет рвущегося железа.

Ночь окружала Федора, холодная вода била по ногам, когда он выбрался на палубу.

Он искал глазами своего неперемного спутника, но его не было рядом. Были только дети, что плакали вокруг. Матери, обняв сыновей, прыгали в воду, которая кипела у бортов шлюпок.

Федор понял, что всех не спасти, но кого выбирать, он не знал. Черный монах не появлялся — и Федор стал вязать плот. Он медленно плыл в холодной воде, между чемоданов и панамок, модных шляпок и мертвых тел, выдергивая, как овощи с грядки, живых детей из воды.

Федор успел задать себе вопрос, сколько он сможет спасти людей и каков будет счет после этой ночи, но тут же забыл об этом, потому что время остановилось. С ним на плоту плыли Женщина с медными волосами и двухго-

ловый олень, а над ними висела в воздухе Белая Куропатка. Дети молча смотрели на воду, и от этого Федору было страшнее всего.

На рассвете плот ткнулся в берег каменного острова. Там, среди редкого леса, они прожили несколько дней в шалашах из веток и камней.

Дети были немые. Они молча бродили по берегу, вглядываясь в черную воду, а вечерами сидели вокруг костра.

Федор оказался здесь единственным взрослым человеком и теперь, как сказки, рассказывал спасенным истории про двухголового оленя и Белую Куропатку. Он поведал им про траву и мхи, которые можно видеть в тундре весной, и чем они отличаются от мхов и трав осени. В его рассказах по тундре брел двухголовый олень, на котором верхом путешествовали мать с сыном. Юноша, сидя на олене, крестом раскидывал окровавленные руки, будто хотел обнять весь мир. А Белая Куропатка несла благую весть и избавление от мук — всем-всем без разбора.

Дети молчали, и Федор не знал, понимают они его или нет. Их скоро нашли, но дети так и не произнесли ни единого слова. Когда их увозили на юг, они лишь по очереди молча заглянули Федору в лицо.

Мертвый игумен явился к Федору в ту же ночь, и Федор встретил его с обидой. Но обида прошла, и они снова говорили долго — и о разном. Проснувшись, Федор понял, что он забыл спросить, сравнялся ли счет. И действительно, он никак не мог вспомнить, сколько детей спаслось с ним на острове. Спросить было некого — военная неразбериха раскидала людей. Федор снова ушел в море и несколько тяжелых голодных лет ловил рыбу.

Но вот война треснула, как ледяная глыба на солнце, и по деревянным тротуарам застучали костылями калеки. Зазвенели медалями нищие у магазинов, прыгая в своих седухах, и Федор с удивлением увидел, как яростно могут драться безногие. Потом всех нищих калек свезли на острова, а Федор нанялся туда рабочим.

Часто, когда он чинил что-то, безногие окружали его,

чтобы рассказать про войну. Их рассказы были страшны, как история мертвых монахов, и крови в них булькало больше, чем в том озере среди тундры.

Но век инвалидов оказался короток — они умирали один за другим, и Федор легко копал им могилы, оттого что могилы эти были половинного размера.

Когда умер последний инвалид, Федор покинул острова и ушел к родным местам. Теперь он без труда нашел то место, с которого началась его новая жизнь. За год он поправил обитель и поставил рядом с ней большой деревянный крест. В пору сильных ветров крест звенел и гудел, но под этот звук Федор только лучше спал.

Однажды к нему пришел соплеменник. Он, как и Федор, жил в больших городах и заразился там странной болезнью. Федор долго лечил его, на всякий случай призывая на помощь не только Белую Куропатку, но и юношу с тонкими, дырявыми от гвоздей руками. К удивлению Федора, его соплеменник выздоровел.

Пришелец остался с ним, но скоро стали приходить другие люди, жалуясь на свои испорченные тела.

В иной день Федор увидел механическое чудовище — вездеход. Он решил, что снова приехали люди в кожаных пальто и история, как ей и положено, должна повториться. Нужно было умереть так же, как когда-то умер игумен, и, встретившись с ним на оборотной стороне мира, все-таки узнать, у кого больше силы — у матери с сыном или у двухголового оленя. Но вышло все иначе. Из вездехода действительно вылез человек в кожаном пальто, долго ругался, но так же стремительно залез обратно и исчез из жизни Федора навсегда.

И Федор понял, что ничто и никогда не повторяется в точности, ничего не сделать заново, ошибки нельзя исправить, а можно только искупить.

Он бродил по пустынным местам, а сам все больше молился. Мертвый игумен приходил к нему часто и ругал Федора за то, что тот хочет поженить богов Верхнего мира с семьей убитого юноши, а богов Нижнего мира со-

четаает с козлоногими хвостатыми существами. Они спорили долго и часто, но каждый раз Федор наутро понимал, что забыл про давнюю арифметическую задачку и не было ответа у того уравнения из двух дюжин, которое мертвый игумен задал ему на всю жизнь.

С удивлением он обнаружил, что в его обители остается все больше людей, — и вот вдруг с юга пришли два самых настоящих монаха. Монахам не нужно было лечение, они поселились у него всерьез и надолго, и один стал обуустраивать церковь. Потом появился третий человек в черном облачении, что принес с собой целый мешок особых вещей. Из этого большого мешка он, вслед за иконами, вынул золоченую чашу, бережно завернутую в холстину, и Федор от ужаса схватился за грудь. Но испуг прошел, и он опасливо потрогал чашу пальцем.

Наконец настал день, когда по хрусткому снегу в обитель пришел высокий человек с клюкой. Он шел без поклажи, лишь что-то прятал под плащом на груди. Монахи первыми рухнули перед ним на колени. Опустился и Федор — последним.

Федор опустился на колени так, на всякий случай. Что валяться на земле перед тем, с кем проговорил столько ночей. Он-то узнал его сразу.

Высокий человек взял его за плечо и повел на холм. Они шли, и Федор недовольно бурчал, что стал лишним среди этих людей веры, стал вредной, дополнительной единицей к дюжине.

— А счет? — вдруг вспомнил он. — Счет сошелся?

— Не было никакого счета. Нечего считать людей, это другая, противная нам сила любит считать да пересчитывать.

— Но ты-то меня простил, — заглянул Федор в глаза хозяину места. — Простил теперь?

— Я тебя простил еще тогда, как увидел. Как увидел, так сразу и простил. А счет по головам — это ты придумал сам. Ты скажи о другом — останешься с нами?

Федор подумал, обедев взглядом пустынные холмы.

— Нет, не останусь. Ты тут хозяин, а моя вера спутана, как старая рыбацкая сеть. Но потом, может, вернусь — если разберусь с двухговым оленем. Ведь в оленя верить можно?

— Смотря как — никто не мешает оленю жить под небом Господа, как всякой божьей твари, будь она с двумя головами или с одной. Да ладно, ты почувствуешь, когда надо вернуться, — досадливо сказал игумен. — Только не надо медлить.

Они попрощались, и вот Федор повернулся и, не оглядываясь, пошел на юг.

Когда он отошел достаточно далеко, игумен распахнул плащ и освободил странную птицу, пригревшуюся у него на груди. Не то белый голубь, не то маленькая куропатка, хлопая крыльями, поднялась в воздух и полетела вслед за ушедшим.

ХОРОШАЯ ПОГОДА

апа... Папа... Папа... — сын не унимался, и Сидоров понял, что так просто он не уснет. Дождь равномерно стучал по крыше, спать бы да спать самому, но сын просил сказку. — Про гномиков, пап, а? Про гномиков?

Сидоров прикрутил самодельный реостат на лампе и вздохнул.

— Ну вот, слушай. Жил один мальчик на берегу большого водохранилища... Водоохранилище было огромным — недаром его звали морем. Горы на другом берегу едва виднелись, но мальчик никогда там не был. Он почти нигде не был.

— Я тоже нигде не был, — сказал сын из сонного мрака.

— Ты давай слушай, — сурово сказал Сидоров, — сам же просил про гномиков.

— А будут гномики?

— Гномики обязательно будут. Мальчик жил на берегу... Так... Мать уехала из поселка давно, и мальчик жил с отцом. Отца за глаза звали Повелителем Вещей, оттого что отец работал ремонтником — и чинил все. Сейчас он сидел в пустом цеху и возвращал к жизни одноразовые китайские игрушки, оживлял магнитофоны и автомобили, ставил на ножки сломанную мебель, паял чайники и кастрюли.

Много лет назад, когда поселок возник на берегу водохранилища, там одновременно построили завод. Времена были суровые, и строительством завода ведал сам Министр Нутряных Дел и еще двенадцать академиков.

Завод получился небольшой, но очень важный. На этом совсем небольшом заводе много лет подряд делали очень большую Ракету. Поселок тогда был не то, что сейчас, — куда больше и веселее. Два автобуса везли людей на завод, а потом обратно. В кинотеатре крутили кино — по утрам за десять копеек детское, а вечером за рубль — интересное.

Мальчик это помнил плохо, может, это были просто чужие рассказы, превращенные в собственную память, — ему казалось, что он вечно сидит в своем доме, обычной деревенской избе на окраине поселка. Правда, печь давно не топилась — и тепло, и огонь давал газ. Жизнь давно изменилась — и в доме редко пахло своим хлебом.

Но потом оказалось, что Ракета не нужна или она вообще построена неверно, и люди разъехались кто куда. Дома опустели, а саму Ракету разрезали на несколько частей. Из одного куска сделали козырек над входом в кинотеатр, да только фильмов там уже не показывали.

— А у них были Испытания? — перебил не к месту сын.

— Конечно. Испытания — очень важная вещь, без них ничего работать не будет, — ответил Сидоров, а про себя подумал, что часто — и после. Он хлебнул спитого чая и продолжил: — На заводе осталось всего несколько людей, и среди них — Повелитель Вещей. Он привычно ходил на завод, а в выходные исчезал из дома, взяв рыболовную снасть.

Повелитель Вещей замкнулся в себе с тех пор, как уехала жена. Мальчика он тоже не жаловал — за схожесть с ней.

А вот на рыбалке было хорошо — хоть никакой рыбы там давно не было.

Нет, поселок, стоявший на мысу, издавна славился своими щукой, сомом и стерлядью. Объясняли это идеальным микроклиматом, сочетанием ветров и холмов, приехали даже ученые-метеорологи и оставили весь берег треногами с пропеллерами и мудреными барометрами. Но потом, когда начали строить Ракету, метеорологов выгнали, чтобы они не подсматривали и не подслушива-

ли. К тому же одну важную и ужасную деталь для Ракеты при перевозке уронили с баржи в воду. И деталь эта была до того ужасна и важна, что вся рыба ушла от берега и рядом с поселком теперь не казала ни носа, ни плавника.

Впрочем, в обезлюдевшем поселке никому до этого не было дела.

Повелитель Вещей просто отплывал от берега недалеко и смотрел на отражение солнца в гладкой солнечной воде. Возвращаться домой ему не хотелось — дом был пуст и разорен, а сын (он снова думал об этом) слишком похож на бросившую Повелителя Вещей женщину.

Когда отца не было, мальчик слонялся по всему городу — от их дома до свалки на пустыре, где стоял памятник неизвестному пионеру-герою.

Однажды мальчик нашел на этом пустыре военный прибор, похожий на кастрюлю. Мальчик часто ходил на пустырь, потому что там, у памятника безвестному пионеру-герою, можно было найти много странных и полезных в хозяйстве вещей. Но этот прибор был совсем странным, он был кругл и непонятен — даже мальчику, который навидался разных военных приборов. Можно было отнести его домой и отдать отцу, но мальчик прекрасно знал, что нести военный прибор в дом не следует, поэтому он положил кастрюлю на чугунную крышку водостока.

Но только он отвернулся, чтобы открыть дверь, как услышал за спиной писк.

Бесхозный драный кот гонял военную кастрюлю по пустынной улице. От кастрюли отвалилась крышка, и из ее нутра жалостно вопили крохотные человечки.

Мальчик кинул в кота камнем, и тот, взвизгнув, исчез.

Содержимое кастрюли высыпалось в пыль и стояло перед мальчиком, отряхиваясь.

Мальчик хмуро спросил:

— Ну и кто будете?

Он привык ничему не удивляться — с тех самых пор, как из недостроенной Ракеты что-то вытекло и несколько

рабочих, попавших под струю, заросли по всему телу длинным жестким волосом.

Ответил один, самый толстый:

— Мы — ружейные гномы. Есть у нас химический гном, есть ядерный — вон тот, сзади, который светится. Много есть разных гномов, но название все равно неверное. Лучше зови нас «технические специалисты». Много лет назад мы были заключены в узилище могущественным Министром Нутряных Дел и с тех пор трудились не покладая рук. И вот мы на свободе наконец и даже избежали зубов этого отвратительного подопытного животного...

— Ну а теперь я вас спас и вы мне подарите клад?

— Мальчик, зачем тебе клад? В твоём городе золото с серебром хрустят под ногами, а на свалке лежит химическая цистерна из чистой платины. Мы, правда, можем убить какого-нибудь твоего врага.

— У меня нет врагов, — печально ответил мальчик, — у меня все враги уехали. У нас вообще все уехали.

Технические специалисты согласились, что это большой беспорядок — когда нет настоящих врагов. Каждый из них мог легко передать мальчику свой дар, но дар этот был не впрок. Гном с ружьем мог только научить стрелять, гном с колбой мог научить смертельной химии, гном с мышкой — смертельной биологии, лысый светящийся гном вообще не мог ничему мальчика научить, потому что только трясся и мычал. Правда, оставался еще один, самый неприметный, с зонтиком.

— А ты-то за что отвечаешь?

— Я отвечаю за метеорологическое оружие. Правда, в меня никто не верит, оттого я такой маленький...

Но мальчик уже зажал его в кулаке и строго посмотрел в маленькие глазки:

— Ты-то мне и нужен.

Суббота началась как обычно. Отец собрал удочки, но только отворил дверь, как порыв ветра кинул в дом мелкую дождевую пыль.

Погода стремительно менялась, и отец удивленно крикнул, но отложил снасть и принялся за приборку. Мальчик таскал ему ведра с водой и подавал тряпки.

И в воскресенье стада черных туч прибежали ниоткуда, и наконец в воздухе раздался сухой треск первого громового удара.

На следующей неделе рыбалка опять не вышла — погода переменялась за час до выхода, и отец, вздохнув, снова поставил удочки к стене.

Так шло от субботы к субботе, от воскресенья к воскресенью — отец сидел дома. Сначала они как бы случайно встречались взглядами, а потом начали говорить. Говорили они, правда, мало — но от недели к неделе все больше.

Вдруг оказалось, что Ракета снова стала кому-то нужна, и в поселок приехали новые технические специалисты — нормального, впрочем, роста. Первым делом они оторвали от заброшенного кинотеатра козырек и отнесли его обратно за заводской забор. Съехались в поселок и прежние люди — те из них, что помнили о микроклимате, изрядно удивились перемене погоды.

Погода портилась в субботу, а в понедельник утром снова приходила в норму.

Сначала природный феномен всех интересовал. Первыми приехали волосатые люди с обручами на головах и объявили поселок местом силы. Но один из них засмотрелся на продавщицу, и против него оборотилась сила всего поселка. За ними появились люди с телекамерой. Красивая девушка с микрофоном снялась на фоне памятника пионеру-герою и сразу уехала — так что парни у магазина не успели на нее насмотреться.

Приезжали ученые-метеорологи, измеряли что-то, да только забыли на берегу странную треногу.

Так все и успокоилось.

Погода действительно отвратительная — ни дождь, ни ведро. То подморозит, то отпустит. И, главное, на неделе все как у людей, а наступят выходные — носа из дому не высунешь.

Но все быстро к этому привыкли. Люди вообще ко всему привыкают.

Мальчик сидит рядом с отцом и смотрит, как тот чинит чужой телевизор. Повелитель Вещей окутан канифольным дымом, рядом на деревяшке, как живые, шевелятся капельки олова. Телевизор принесли старый, похожий на улей, в котором вместо пчел сидят гладкие прозрачные лампы. Внутри ламп видны внутренности — что-то похожее на позвоночник и ребра.

Недавно отец стал объяснять мальчику, что это за пчелы. Но больше мальчику нравилось, когда отец чинит большие вещи. Тогда мальчик подавал ему отвертки и придерживал гайки плоскогубцами.

Жизнь длилась, на водохранилище шла волна, горы на том берегу совсем скрылись из виду, а здесь хоть ветер и выл в трубе, а от печки пахло кашей и хлебом...

Сидоров понял, что давно рассказывает сказку спящему. Сын сопел, закинув руку за голову. Сидоров поправил одеяло, хозяйски осмотрел комнату и вышел курить на крыльцо.

Дождь барабанил по жести, мерно и успокаивающе, как барабанил, не прерываясь, уже десятый год после Испытаний. За десять лет тут не было ни одного солнечного дня.

КОШАЧЬЕ СЕРДЦЕ

воздухе стоял горький запах — запах застарелого, долгого пожара, много раз залитого водой, но все еще тлеющего. «Виллис» пылил берегом реки, мимо обгорелых машин, которые оттащили на обочину. Из машин скалились обгоревшие и раздувшиеся беглецы из числа тех жителей, что решили в последний момент покинуть город.

Фетина вез шофер-украинец, которого будто иллюстрацию вырвали из книги Гоголя, отсутствовал разве что оселедец. Водитель несколько раз пытался заговорить, но Фетин молчал, перебирая в уме дела. Война догорала, и все еще военные соображения становились послевоенными. А послевоенные превращались в предвоенные — и главным в них для Фетина была военная наука и наука для войны.

Он отметилса в комендатуре, и ему представились выделенные в помощь офицеры. Самый молодой, но старший этой группы (две нашивки за ранения, одна красная, другая — золотая) начал докладывать на ходу. Фетин плыл по коридору, как большая рыба в окружении мальков. Лейтенант-татарин семенил за ними молча. Втроем они вышли в город, миновав автоматчиков в воротах, — но города не было.

Город стал щебнем, выпачканным в саже и деревянной щепой. То, что от него осталось, плыло в море обломков и медленно погружалось в это море — как волшебный город из старинных сказок.

Пройдя по новым направлениям сквозь пропавшие улицы, они двинулись на остров к собору, разглядывая то, что было когда-то знаменитой Альбертиной. Университет был смолот в пыль. Задача Эйлера была сокращена до абсурда — когда-то великий математик доказал, что невозможно обойти все мосты на остров и вернуться, ни разу не повторившись. Теперь количество мостов резко сократилось — и доказательство стало очевидным. Осторожно перешагивая через балки и кирпич исчезнувшего университета, они подошли к могиле Канга. Какой-то остряк написал на стене собора прямо над ней: «Теперь-то ты понял, что мир материален». Фетин оглянулся на капитана — пожалуй, даже этот мог так упражняться в остроумии.

Молодой Розенблюм был хорошим офицером, хотя и окончил Ленинградский университет по совсем невоенной философской специальности. Немецкий язык для него был не столько языком врага, сколько языком первой составляющей марксизма — немецкой классической философии. В его прошлом, совсем как в этом городе, были одни развалины. Отец умер в Блокаду, в то самое время, когда молодой Розенблюм спокойнее чувствовал себя в окопе у Ладоги, чем на улице осажденного города. Он дослужился до капитана, был дважды ранен и все равно боялся гостя.

Розенблюм помнил, как в сентябре сорок первого бежал от танков фельдмаршала Лееба, потеряв винтовку. Танков тогда он боялся меньше, чем позора. К тому же Розенблюм боялся Службы, которую представлял этот немолодой человек, приехавший из столицы. И еще он где-то его видел — впрочем, это было свойство людей этой Службы, с их неуловимой схожестью лиц, одинаковыми интонациями и особой осанкой.

Два офицера, старый и молодой, шли по тонущему в исторических обстоятельствах городу, и история хрустела под их сапогами.

Фетин смотрел на окружающее пространство спокойно, как на шахматную доску — если бы умел играть в шахматы. Это был не город, а оперативное пространство. А дело, что привело его сюда, было важным, но уже нето-

ропливым. Он слушал вполуха юношу в таких же, как у него, капитанских погонах и рассеянно смотрел на аккуратные дорожки между грудями кирпича. Оборванные немцы копошились в развалинах, их охранял солдат, сидя в позолоченном кресле с герцогской короной.

Розенблюм спросил, сразу ли они поедут по адресам из присланного шифрограммой списка, или Фетин сперва устроится. Фетин отвечал — ехать, хотя понимал, что лучше было бы сначала устроиться. Торопиться Фетину теперь было некуда.

Тот, кого он искал, был давно мертв. Профессор Коппелиус перестал существовать 29 августа прошлого года, когда, прилетев со стороны Швеции, шестьсот брюхатых тротилом английских бомбардировщиков разгрузились над городом. Дома и скверы поднялись вверх и превратились в огненный шар над рекой. Шар долго висел в воздухе облаком горящих балок, цветочных горшков, пылающих гардин и школьных тетрадей. Вот тогда спланировавшим с неба жестяным листом профессору Коппелиусу и отрезало голову.

Рассказывали, что безголовый профессор еще дошел до угла Миттельштрассе, в недоумении взмахивая руками и пытаясь нащупать свою шляпу. Но про профессора и так много говорили всяких глупостей.

На допросе его садовник рассказал, что Коппелиус разрезал на части трех собак и сделал из них гигантского кота с тремя головами. Говорили также, что он однажды нашел кота, оживил и пытался сделать из него человека. Другие люди, наоборот, сообщали, что этот кот сидел в прачке целый год и слушал Вагнера, пока у него не вылезла вся шерсть.

Почти год Коппелиус был мертв. Фетин не поверил бы в его смерть, если бы по причуде самого профессора тело по частям не заспиртовали в университетской лаборатории. Голова Коппелиуса, оскалившись, смотрела на последних студентов, а потом банку разбил сторож. Сторож хотел достать у русских еду в обмен на спирт, перелитый

в бутылки. За бутилированием странного напитка его и поймали люди Розенблюма.

Ниточка оборвалась, секретное дело повисло в воздухе, как неопрятная туча перед грозой. Поэтому Фетин прилетел в легендарный город сам, не зная еще, зачем он это делает. Куда делось то, что Фетин искал три года, было неизвестно. И тот, кто мог об этом рассказать, снова скалился из-за стекла, снова погруженный в спирт — теперь уже русский спирт.

Они вернулись к комендатуре, где снова торчал пыльный «Виллис». Татарин курил в машине, выставив наружу ноги в блестящих хромовых сапогах.

Первым их увидел шофер-украинец, сидевший под деревом. Сержант затушил козью ножку о каблук и полез за руль.

— Белоруссия родная, Украина дорогая, — тихо запел сержант. Фетин никак не отреагировал на похвальный интернационализм, но водитель попытался завести разговор. — Эх, не видели вы, товарищ капитан, что тут было, — мечтательно сказал сержант и сразу осекся под взглядом лейтенанта. Город все еще был завален битой посудой и какими-то рваными тряпками, и было понятно, что сержант имеет в виду.

Машину тряхнуло на трамвайных путях, и сержант окончательно замолчал.

Дом Коппелиуса стоял на окраине, похожей на дачный поселок, но все равно «Виллис» долго петлял, объезжая воронки. Первым к дому побежал автоматчик, потом сам Фетин. Последними медленно перелезли через борт лейтенант-татарин и юный Розенблюм.

Дом был, конечно, давно пуст. Фетин подумал о том, что у него на душе было бы спокойнее, если бы профессор Коппелиус ушел еще до того, как Красная Армия взяла все эти места в котел, если бы он уплыл на последнем корабле по Балтике, если бы растворился в воздухе. Тогда у Фетина сохранилась бы цель, как у охотничьей собаки.

А сейчас даже нора этой лисицы давно покинута и вдобавок разорена.

В доме воняло дрянью и тленом, видно было, что в углах гадили не звери, а люди. Посреди комнаты лежал на спине, как мертвец после вскрытия, платяной шкаф. Из распахнутых дверей лезли никому не нужные профессорские мантии. На стене и полу коридора чернели давно высохшие потеки крови — татарин объяснил, что тут застрелили неизвестного воришку.

«Если и есть здесь что-то, то в подвале», — думал Фетин. В таких подвалах все и происходит. В подвале у Тверской заставы он в первый раз увидел машину времени, в подвале он допрашивал одного скульптора, что помог сумасшедшему академику стать врагом. В покоем, должно быть, подвале с виварием он сам когда-то ждал трибунала.

Офицеры прошли по комнатам, топча толстый ковер из рукописей, и ступили на металлические ступени лестницы, ведущей в подвал.

На месте замка в двери зияла дыра — кто-то просто дал автоматную очередь в замок, чтобы не высаживать дверь плечом. Фонарь осветил черную зеркальную поверхность — тухлая вода отчего-то не убывала. Но Фетин смело шагнул вниз.

Манометры в лучах фонарей тупо вылупили свои стекла, дубовые поверхности покрылись липкой плесенью.

Цинковый стол, несколько шкафов и клетки, пустые клетки — только в одной из них прела груда дохлых мышей. Может, из-за этого запаха мародеры пощадили лабораторию. Фетин сжал кулаки — кажется, это уже один раз было в его жизни.

— Здесь нет никого, — сказал, помявшись, капитан Розенблюм. — Никакого гомункулуса.

Фетин резко повернулся:

— Почему гомункулуса?

— Ну... — растерялся капитан. — Продукт опытов. Или как его там.

Они обошли стол, глядя на приборы.

— Вы можете прочитать? — Фетин ткнул пальцем в этикетки.

— Это латынь, — капитан всматривался в подписи под колбами. — Знаете, что тут написано? Очень странно: «Кошачья железа № 1», «Кошачья железа № 2»... «Экстракт кошачьей суспензии»... Может, пойдём? Нет тут ничего, а трофейщикам я уже указание дал, они сейчас приедут с ящиками.

Но они еще шарили в темном подвале два часа, пока татарин случайно не обнаружил наконец журнал профессорских опытов.

Они поднялись прямо в апрельский вечер, в царство розового света и пьянящих запахов весны. Капитан вдруг ахнул:

— А я ведь вспомнил, где вас видел. Помните, в сорок втором, в Колтушах, в полевом управлении фронта?

Лучше б он этого не говорил — Фетин дернулся и посмотрел на капитана с ненавистью. Колтуши — это было запретное слово в его жизни, именно там началась цепочка его неудач.

Стояла страшная зима первого года войны. Через поляну у опытной станции, через газон была прорыта щель, в которой Фетин прятался от бомбежек. Но щель занесло снегом, и он стал ходить в подвальный виварий. Под лабораторным корпусом был устроен специальный этаж с клетками и операционными, часть лаборатории, скрытая от посторонних глаз и, что еще важнее, — ушей.

Там, на опытной станции академика Павлова, среди никчемных, никому не интересных собак с клистирными трубками в животе, была особая клетка. И зверь из этой клетки поломал жизнь Фетину.

За металлической сеткой на ватном матрасе сидел кот с пересаженным сердцем. Может, и не сердцем, но факт оставался фактом — голодной зимой первого года войны коту полагалось молоко, которое разводили из американского концентрата. Однажды повара чуть не расстреляли, заподозрив в воровстве кошачьей пайки.

Непонятная Фетину ценность зверя подтвердилась внезапно и извне. Немцы высадились в Колтушах и, сняв часовых, украли зверя из подвала.

Немецкий десант был мал, и погоня сократила его вдвое. Но тогда Фетин понял, что что-то не так. Если трое здоровых мужчин продают свою жизнь, только чтобы дать своим уйти с похищенным котом, болтающимся в камуфляжном белом мешке, значит, он, Фетин, упустил что-то важное.

Так и вышло, на него кричали сразу два генерала — и в их крике Фетин улавливал страх и растерянность. Он ждал трибунала, недоумевая, что такого было в этом непонятном звере. И всегда при слове «Колтуши» Фетин вспоминал, как шел мимо клеток с тощими собаками, как перед ним качался в руке зрителя белый конус фонаря и как он на секунду встретился взглядом с котом в клетке.

— Почему кот? — спросил тогда Фетин и не стал вслушиваться в ответ, а надо было бы вслушаться. Надо бы вдуматься, и тогда не повернулась бы к нему судьба широкой спиной конвойного, не сидеть бы ему в землянке босым, без ремня и погон.

Кот в клетке обмахнул Фетина ненавидящим взглядом желтых, светящихся в полумраке глаз и отвернулся.

А через два дня пришла немецкая разведгруппа и украла кота.

Кота Павлова.

Тогда оказавшийся еще более виновным зритель шептал ему на ухо про то, что собаки были для Павлова не главным делом, а главным был этот бойцовый кот, причуда академика и опровержение основ, — но Фетин готовился честно принять в грудь залп комендантского взвода. Ему не было дела до ускорения эволюции и стимулятора, вшитого в гуттаперчевое кошачье сердце.

— Да, только вы тогда майором были, — по инерции произнес молодой капитан и проглотил язык.

Только сейчас Розенблюм понял, что сказал непростительную глупость. Эта глупость наполнила все его юно-

шеское тело, и он надулся, побагровел, начал давиться от ужаса.

Фетин посмотрел на него, теперь уже с жалостью, и пошел к выходу.

Следующее утро начиналось тяжело, будто из легких еще не выветрилась подвальная гниль.

Розенблюм смотрел в белый потолок, расписанный амурами. Он ненавидел столичного капитана, прилетевшего вчера. Вместе с капитаном прилетела тревога и растерянность — а Розенблюм знал, что такое настоящая растерянность. Он помнил, как еще рядовым ополченцем он бежал в отчаянии по дороге. Ополченец Розенблюм бросил оружие, кругом были немцы, а в спину дышали бензиновым выхлопом механические звери генерал-фельдмаршала Лееба. Тогда он, вчерашний студент, усилием воли задушил эту панику, клокочущую у горла, а потом вышел к своим, выкрутившись, избежав не только позорной строки про плен в документах, но и сомнительной — про окружение. Но гость из Москвы внушал страх и возвращал ту же панику, что охватила Розенблюма на проселке под Петергофом.

В эту ночь Розенблюму снился немецкий сказочник, что был родом из этого города, и придуманный сказочником кот. Розенблюм знал по-немецки все сказки этого города, но теперь они, несмотря на победу, стали страшными сказками. Кот душил его, рвал на груди китель и кричал что-то по-немецки. Под утро капитан спихнул с одеяла реального, хоть и тощего хозяйского кота. Кот растворился, звякнуло что-то в коридоре, зашуршало — и все стихло.

Хозяйка боготворила Розенблюма — впрочем, он и был для нее богом. Он был охранной грамотой, пропуском и рогом изобилия. Он был банкой тушенки в довесок к четырем сотням граммов хлеба по карточке. Русский бог не спрашивал, почему в доме нет фотографий мужа, а ведь на всех фотографиях, что сгорели в камине, Отто фон Раушенбах красовался в морской форме и с двумя железными крестами. Русский бог, горбоносый и чернявый, говорил по-немецки с легким оттенком идиш, но с

ним можно было договориться. Он был аккуратен и предупредителен, и она не догадывалась, что он просто стесняется попросить о том, что она несколько раз делала вынужденно.

И сейчас Розенблюм не спал и утрумо считал часы до рассвета. Сказки кончались, город кончался вместе со своими сказками, ускользая от него.

А сержант-водитель спал спокойно, с улыбкой на лице — потому что уже три недели он был счастлив. В его деревне было сто девятнадцать человек, и из них сто восемнадцать немцы сожгли в старом амбаре. Поэтому сержант, навеки с того дня одинокий, за последний год войны методично убил сто восемнадцать немцев.

Сначала в нем была ненависть, но потом он убивал их спокойно, молодых и старых, безо всяких чувств — ему нужно было сравнять счет, чтобы мир не выглядел несправедливым. Три недели назад он убил последнего и теперь спокойно спал, ровно дыша.

Душа его отныне была пуста и лишена боли. Теперь он вечерами играл с немецким мальчиком и кормил его семью пайковым салом. Если бы Розенблюм знал все это, то решил бы, что сержант — настоящий гомункулус. Он считал бы так потому, что украинец вырастил себя заново, отказавшись от всего человеческого прошлого.

Но Розенблюм не знал ничего об этой истории и, ворочаясь, думал только о мертвом профессоре Коппелиусе и живом страшном Фетине.

Фетин в этот момент не спал и бережно паковал свои больные ноги в портянки. Где-то в подвалах этого города сидит кот Павлова. Где-то в этом городе прячется кот Павлова.

Утром его подчиненные прежде самого Фетина увидели сизое облако папиросного дыма, что уже заполнило их дальнюю комнату в комендатуре.

Переводчики из штаба фронта со вчерашнего дня шестели бумагами в доме профессора Коппелиуса, по городу двигались патрули, механизм поиска был запущен, но Фетин чувствовал себя бегуном, что ловит воздух ртом, не добежав до финиша последних метров.

Когда офицеры стояли у карты города на стене, Фетин подумал, что нет ничего фальшивее этой карты — центр перестал существовать, улицы переменили свое направление, номера домов стали бессмысленными. Чтобы отвлечься, он спросил молодого капитана:

— Вы, кстати, член партии?

— Я комсомолец, — ответил Розенблюм.

— Помните, что такое вещь в себе?

— Вы же читали мое личное дело. Я окончил философский факультет — или вам нужны точные формулировки? Непознаваемая реальность, субъективный идеализм... Я сдавал...

— Давайте считать, что мы ищем kota в себе. Это ведь чушь, дунь-плюнь, опровержение основ. Представляете, найдем мы этого искусственного зверя, чудо советской науки, а это ведь наш зверь, наш — даже не трофейный. Что тогда? А, что?

Молодой капитан замялся.

— Так я вам скажу — ничего. Все потом опишется, мир материален. — Фетин вспомнил слова рядом с могилой Идеалиста. — Мир материален.

— Да. Трудно искать kota в темном городе, особенно когда его там нет. — Розенблюм поймал на себе тяжелый взгляд и пояснил: — Это такая пословица, китайская.

Переводчики приехали вдвоем — серые от пыли и одинаковые — как две крысы.

Теперь Фетин держал в руках перевод лабораторного журнала Коппелиуса. Час за часом сумасшедший старик перечислял свои опыты, и Фетину уже казалось, что это ребенок делал записи о том, как играет в кубики. Ребенок собирал из них домики, затем, разрушив домики, строил башенки. Кубики кочевали из одной постройки в другую... Но Коппелиус вовсе не был ребенком, он складывал и вычитал не дерево, а живую плоть.

И вот его творение бродило сейчас где-то рядом.

— Зверь в городе. Зверь в городе, и он есть. И зверь ходит на задних лапах, — сказал он вслух. И добавил, уже

думая о своем: — Где искать кота, что гуляет сам по себе? Кота, что хочет найти... Что нужно найти коту?

— Коту, товарищ капитан, нужно найти кошку! — сказал весело татарин.

— Что?!

— Кошку... — испуганно повторил лейтенант.

Фетин уставился на него:

— Кошку! Значит — кошку! А большому коту надо найти большую кошку... А большая кошка, очень большая кошка... Очень большая кошка живет где? Очень большая кошка живет в зоопарке.

«Виллис» уже несся к зоопарку, прыгая по улице как мячик.

Несколько немцев закапывали воронку посреди улицы и разбежались в стороны, и Раевский увидел, что в яме, которую они зарывают, лежат вперемешку несколько трупов в штатском и вздувшаяся, похожая на шар мертвая лошадь. Эта картина возникла на миг, и ее тут же сдуло бешеным ветром.

В зоопарке среди пустых клеток они нашли домик, где сидел на краю мутного бассейна старый военфельдшер. Старик командовал тремя пленными животными: барсуком, пантерой и бегемотом. Грустный бегемот сразу спрятался под водой, увидев чужих.

Военфельдшер был насторожен, сначала он не понял, что от него хотят.

— У меня бегемот, — печально сказал он. — Бегемоту восемнадцать лет. Бегемот семь раз ранен, он не жрал две недели. Я дал ему четыре литра водки, и теперь он ест. Я ставлю бегемоту клизму, а на водку у меня есть разрешение. Бегемот кушает хорошо, а запоры прекратились. На водку у меня есть специальное разрешение.

«При чем тут бегемот?» — капитан Розенблюм почувствовал, как засасывает его липкий морок этого призрачного города. Бегемот был только частью этого безумия, и если его мокрая туша сейчас вылезет из бассейна и пройдет на задних ногах, то он, Розенблюм, не удивится.

Военфельдшер все бормотал и бормотал — он боялся

навета. Раньше он лечил лошадей и, вовсе не зная, что бегемота звали «водяной лошадкой», просто использовал все свои навыки коновала. Военфельдшер лечил бегемота водкой, и вот бегемот выздоравливал. Но на эту водку многие имели виды, и старик-коновал боялся навета. Бегемота он любил, а пантеру, выжившую после боев, — нет. Старый конник любил травоядных и не привечал хищников.

Фетин посмотрел на него медленным тягучим взглядом — и старик сбился.

— Да, приходил один такой, зверей, говорит, любит. Майор, бог войны. А я — что? Я вот бегемота лечу.

Бегемот показал голову и посмотрел на гостей добрым несчастным взглядом — на черной шкуре у него виднелись розовые рубцы.

— Так это наш был? Точно наш, не немец?

— Наш, конечно. В форме. Хотел на пантеру посмотреть — говорил, что пять «пантер» зажег, а живой никогда не видел. Да он сегодня придет — тогда у нас заперто было. Да вот он, поди...

В дверь мягко поскреблись.

Сердце Фетина пропустило удар. Он шел к этой встрече три года и оказался к ней не готов. Офицеры сделали шаг вперед, и в этот момент дверь открылась. Тень плавно отделилась от косяка, пока мучительно медленно Розенблум выдирает пистолет из кармана галифе. И в этот момент фигура сжалась, как пружина, и тут же, распрямившись, прыгнула вперед.

Фетин был проворнее, из его руки полыхнуло красным и оранжевым, но существо ушло в сторону. В лицо Розенблума полетели кровавые брызги. Фетин прикрыл голову рукой — коготь только разорвал ему щеку, — но потерял равновесие и ружнул в бассейн с бегемотом.

— Гомункулус, — выдохнул Розенблум.

Усатый майор с круглым телом откормленного кота посмотрел в глаза капитана Розенблума. Он посмотрел тщательно, не мигая, как на уже сервированную мышь. Розенблум почувствовал, как пресекается у него дыхание, как мгновение за мгновением вырастает в нем отчая-

ние, вернувшееся из сорок первого года, как все туже невидимая лапа перехватывает горло.

Капитан отступил, и в этот момент когти мягко и ласково вошли в его грудь. Жалобно и тонко завыл капитан, падая на колени, и сразу же его рот наполнился кровью. И вот уже показалось капитану, что он не лежит среди звериного запаха рядом с недоумевающим бегемотом, что он не в посеченном осколками зоосаде чужого города, а стоит на набережной у здания Двенадцати коллегий, снег играет на меховом воротнике однокурсницы Лиды, она улыбается ему и, повернувшись, бежит к трамваю. Вот она оборачивается к нему, но у нее уже другое лицо — лицо немки, той, что готовит ему завтрак по утрам...

И все пропало, будто разом сдернули скатерть со стола — вместе со звякнувшими чашками и блюдами.

Фетин, шатаясь, бежал к выходу из зоопарка — мимо «Виллиса», где за рулем сидел, запрокинув голову, мертвый сержант-водитель. Глаза заливала кровь — да так, что не прицелиться. На тихой улице было уже темно, но Фетин различал одинокую фигуру впереди. Фигура двигалась размеренным шагом, прямо навстречу патрулю.

Видно было, как патруль под началом флотского офицера проверяет у фальшивого майора документы, как какая-то бумага путешествует из рук в руки, попадает под свет электрического фонаря, затем так же кочует обратно, вместе с удостоверением...

Фетин, задыхаясь, только подбегал туда, а фальшивый майор уже двинулся дальше.

— Э... стойте, стой! — хрипло забормотал Фетин, но было уже поздно.

— Документы... — теперь уже ему, Фетину, лихо, не по-уставному, козырял флотский.

Майор уходил не оглядываясь, а патрульный солдат упер ствол плоского судаевского автомата Фетину в живот. Тот машинально вынул предписание и снова выдохнул:

— Стой, — но уже почти шепотом и уже тихо, ни к кому не обращаясь, застонал: — Уйдет, уйдет...

Майор шагал все быстрее, и тут Фетин ударил локтем патрульного повыше пряжки ремня и тут же быстро подсек его ногой, выдирая автомат.

Несколько метров он успел пробежать, пока патруль не понял, в чем дело. Но уже заорали в спину, бухнул выстрел, и Фетин решил, что вот еще секунда — и не успеть.

Он прицелился в спину фальшивого майора и дал очередь — прямо в то место, где должно было биться кошачье сердце. То гуттаперчевое сердце, что вложил зверю в грудь давно мертвый академик, прежде чем запустить неизвестный теперь никому механизм ураганной эволюции.

Майор взмахнул руками, упал на четвереньки, дернулся и взвыл — тонко, по-кошачьи. Сделал еще движение и покатился вниз с откоса, к железной дорожке.

Но на Фетина уже навалились, кто-то вырывал из рук автомат, наконец его ударили по лицу, и все кончилось.

Он очнулся быстро — лежа на грязном днище полуторки. Его развязывали, видимо прочитав наконец документы. При вздохе грудь рвануло болью.

— Ну что там, Тимошин? Тимо-ошин! — орал старший.

Голос, видимо невидимого Тимошина, отвечал:

— Ничего, товарищ гвардии капитан третьего ранга. Никого нет, не задело, видать. Только кошка дохлая валяется... Бо-ольшая!

— Кот. Это кот... — еле проговорил Фетин разбитыми губами.

— Мы уж ей, извините, промеж лап посмотреть не приучены, — ответили ему.

— Это кот, это не человек. Вызовите наряд, пусть его заберут.

Флотский с сожалением, как на безумца, посмотрел на него и отвел глаза. Невидимый Тимошин запрыгнул, и машина тронулась. Был кот, был человек, стал мертвый кот, думал он безучастно. Теперь это вещь. Мертвая непознаваемая вещь. Кот в темном сказочном городе, которого нет.

ЖУКИ

линное тесто оглушительно шипело и никак не хотело разливаться ровно, когда Света опрокидывала половник над раскаленной сковородой. — Масла добавь, масла добавь, — девушка раздраженно морщилась, снимая с тефлонового покрытия непригоревшую, но и не желающую превращаться в ровный, качественный блин массу неприятного бледного цвета. — Сами небось салом сковородку смазываете...

Совет подруг не пошел впрок: масло брызгало во все стороны, блины никак не получались. А так хотелось к своему семнадцатому дню рождения приготовить ужин самой! Блинный пирог должен был стать украшением стола, но, видно, не судьба.

Света вздохнула, выключила газ под сковородой, хлопнула кулинарную книгу, подняла глаза и сказала:

— Ой!

На вытяжке, рядом со стеной, шевелил маленькими усиками небольшой серый жук. В общем-то, ничего страшного — обычный жук, мало ли их ползает летом по дорожкам, — если бы не большие, пронзительно голубые глаза насекомого. Таких девушка прежде не видела.

— Козьявка, — продолжила мысль Света. — Пошла отсюда! Не смотри на меня!

Жук не послушался. Тогда девушка сняла тапку и крепко стукнула ею голубоглазое насекомое. С вытяжки в блинное тесто посыпалась пыль, а мерзкий запах раздавленного жука перекрыл даже аромат сгоревшего масла.

— Тьфу, пакость, — совсем расстроилась Света.

* * *

Ржавые остовы автомобилей потрескивали под ярким весенним солнцем, нагреваясь. Коля Барашкин брел по свалке, блаженно жмурясь. Металл... Резина... Свежая травка...

Легкий ветерок принес новый запах — словно кто-то забыл в багажнике машины ящик свежих апельсинов. Или лимонов. А может быть, полил салон бергамотовым маслом. Но как запах мог сохраниться в старом автомобиле?

Разбитый в лепешку и не подлежащий восстановлению «Пежо», старенький «Москвич», проржавевшая «девятка». От нее-то и пахло... Коля заглянул внутрь и увидел на заднем сиденье системный блок компьютера. Даже не помятый.

— По запаху нашел, — расхохотался Барашкин. — Надо же! Просто чудесно.

Еще бы не чудесно — Рустам, хозяин свалки, пускал Барашкина в свои владения именно для того, чтобы Коля мог отыскать что-нибудь ценное. На худой конец — цветные металлы, в лучшем случае — какие-нибудь полезные детали. Автомобили Рустам прессовал и сдавал на металлический лом сам.

Скорее всего, системный блок древний, компьютер уже превратился в хлам — но в нем может оказаться несколько целых плат или процессор, а то и блок питания, что в случае старой машины гораздо полезнее.

Вытащив системный блок из «девятки» и положив его на травку, Коля отвинтил боковую крышку. Запах усилился.

— Одеколоном его, что ли, залили? — пробормотал Барашкин.

Заглянул под крышку и ахнул: на винчестере устроили гнездо серые жуки с большими голубыми глазами. Было такое ощущение, что они хотели съесть жесткий диск, хотя, понятное дело, грызть металл не под силу никаким жукам — даже голубоглазым. Но пахло, похоже, все-таки от них.

— Кыш! Кыш! — Коля махнул на жуков рукой, подул, но те и не думали убегать. Лишь некоторые насекомые укоризненно посмотрели на Барашкина большими голубыми глазами.

Тогда Николай поднял с земли какую-то хворостинку и начал сгонять жуков с винчестера. Они уходили неохотно, а отбежав в сторону, замирали и смотрели на Барашкина во все глаза.

— Интересно, вы не кусаетесь? — Коле стало даже немного не по себе. — Никогда не видел таких букашек... Я бы запомнил.

Когда он случайно раздавил одного из жуков, выковыривая его хворостинкой из щели между винчестером и корпусом, приятный цитрусовый аромат перебил мерзкий, ни на что не похожий запах.

— Вонючки, а с такими голубыми глазами, — осуждающе заметил Барашкин. Потом понял, что слишком много разговаривает сам с собой и вообще такие жуки на свалке могут быть самым настоящим глюком, — поэтому быстренько сделал ноги, бросив перспективную находку прямо на траве. Зараженный жуками компьютер не может быть хорошим...

* * *

Трещали сучья, гудели осы и мухи, стрекотали цикады... С мясистых листьев гулко падали крупные капли воды. В тропическом мадагаскарском лесу было жарко и душно, но энтомолога-любителя, коллекционера и бизнесмена Леонида Лозового такие мелочи не смущали. В поисках редких жуков он приподнимал листья папоротников, постоянно держа наготове сачок для бабочек.

Жуки — для души и коллекции, бабочки — на продажу. Что с того, что насекомые занесены в Красную книгу, что их защищает правительство Мадагаскара? Какая разница, склюет бабочку птица или поймает человек? Вообще говоря, у птиц гораздо больше шансов — чем им еще

заниматься, кроме поисков пищи? Только человеку от бабочки куда больше пользы — хороший экземпляр стоит не одну тысячу долларов...

Биолог по образованию, да еще и практик, Лозовой знал о круговороте жизни в джунглях много. Вот пополз *Callidium violaceum*. Пусть ползет, везти его через границу — себе дороже. А вон сидит на ветке *Danaus Chrysirpus* — неплохая добыча, только до бабочки не допрыгнешь — метра четыре над землей. Немного ниже — и она украсила бы коллекцию московского или питерского богатея. Или, может быть, поехала бы еще дальше: в Германию, Финляндию, Швецию... Чем севернее страна, тем охотнее ее жители собирают тропических бабочек. Парадокс!

Да, красота радужных крыльев, засушенная под стеклом, — совсем не то, что игра света на ярких чешуйках под полуденным солнцем Мадагаскара. Но каждый добывает деньги как может. Леонид ловит бабочек и получает от этого удовольствие. Такая работа интереснее, чем преподавать биологию в школе или даже читать лекции в университете. И, главное, заработнее.

Маленький голубоглазый жук укоризненно посмотрел на Лозового с пальмового листа.

— Такова жизнь! — сказал Леонид жуку и только после этого сообразил, что данный вид ему совершенно неизвестен.

Лозовой присмотрелся пристальнее. Нет, это не *Carabus heningi*. И не *Carabus aeguginosus*. Вообще непонятно что! Неужели и правда новый вид? Который можно назвать своим именем! Или не своим — но за очень неплохие деньги.

Отбросив сачок, Лозовой вынул из рюкзака банку и аккуратно стряхнул туда жука. Тот и не подумал убежать. Может быть, здесь еще есть? Несколько жуков всегда лучше, чем один. Одного сохранить живьем, другого засушить... Может быть, жук все-таки известен науке — но, судя по всему, стоит немало, если коллекционер ни разу его не встречал.

Свернув с тропки, Леонид углубился в заросли. Хотя энтомолог шел осторожно и раздвигал листву перед собой сачком, он едва не натолкнулся на ржавый остов автомобиля. Похоже, когда-то это был «Хаммер», но сейчас от него мало что осталось. На ржавой станине автомобиля сидели в ряд с десяток жуков.

Лозовой просто затрясся от возбуждения. Как ему сегодня везет! Жуки не убежали и не расплозились, когда он стряхивал их в банку. Только смотрели внимательными голубыми глазами. От взглядов насекомых энтомологу становилось несколько не по себе.

* * *

В гостинице Леонид решил засушить пару жуков. Таможня обычно дает «добро», но глупо не оставить себе хоть что-то от чудесной находки, если на границе возникнут проблемы. А сушеных насекомых провезти куда проще, чем живых. Кстати, чем они питаются — совершенно непонятно...

Первый жук был извлечен из банки. Маленький кусок пенопласта, острая булавка. Лозовой вогнал острие в жука — и едва не задохнулся от мерзкой вони. Жучок-то непростой!

К запаху можно притерпеться — только после укола жук сдулся, словно воздушный шарик. Из него вылилась капелька вонючей жидкости, а хитиновый покров обмяк и потерял форму. Странно. Может быть, больной экземпляр? Поражен паразитами, грызущими его изнутри?

Следующий жук не просто вытек, а прямо-таки лопнул. От хитинового покрова остались только серые чешуйки.

— Ладно, разберемся, — прошептал Леонид, рассаживая насекомых по банкам и коробочкам. — А сдохнете по пути — туда вам и дорога. Продам сушеных. Без булавки, наверное, лучше высохнете.

Некоторые жуки получили разнообразную пищу: ли-

стья, орехи, кусочки дерева. Другие должны были посидеть на голодном пайке. Ничего хорошего их все равно не ждало — пусть худеют перед тем, как попасть под стекло навечно.

Перелет прошел без приключений. Таможенники были лояльны, санитарный контроль претензий к Лозовому не предъявлял — знать бы такое дело, можно было бы вывезти в пять раз больше товара. Но жадность стубила многих, остерегаться нужно всегда.

Самое удивительное, что жуки — и те, которых посадили в банку без вентиляции, и те, что ехали со всеми удобствами, — чувствовали себя прекрасно. Сидели, шевелили усиками и смотрели. Питаться они попыток не делали — и листва, и орехи остались нетронутыми. Дохнуть, пожалуй, тоже не собирались.

Лозовой тщательно изучил каталоги — ничего похожего на его жуков в них не обнаружилось. Позвонил нескольким коллегам, которые, в отличие от него, сидели дома и изучали насекомых по книгам. Леонид хотел выяснить, как зарегистрировать новый вид.

Ученые мужи отвечали уклончиво — откуда им знать, если они и в Подмосковье выезжают редко? Коллекции университетов давно сформированы — смотри, изучай, пиши диссертации. Живые тропические насекомые слишком далеко!

Эх, слава — хорошо, но деньги еще никому не мешали. Леонид решил навестить богатого коллекционера с Рублевки. Чем тот заработал свой капитал, энтомолог не знал, но явно не жуками. Страсть коллекционера в нем бушевала изрядная. Так, может, богач захочет дать жуку свое имя? А Лозовому выплатит приличную компенсацию — скажем, сто тысяч долларов? Или даже двести? Сколько может стоить такое экзотическое развлечение — увековечивание собственного имени в истории энтомологии?

Размышляя, как не продешевить, но и не выйти за пределы разумного, Леонид спускался по лестнице, по при-

вычке глядя под ноги. На коврикe соседа снизу сидел серый жук с голубыми глазами.

— Как же ты сбежал от меня, маленький негодяй? — выдохнул Леонид, извлекая из кармана пиджака коробочку, с которой не расставался. — Иди-ка сюда!

Когда он накрыл жука коробкой, дверь распахнулась, едва не сбив Лозового с ног.

— Что это ты тут делаешь? — голос Бориса не отличался приветливостью. Если учесть, что и габариты соседа были весьма внушительными, а в молодости он промышлял рэкетом, вполне понятно, что Леониду стало не слишком уютно.

— Жук. У меня убежал жук.

— Жук? — Лицо Бориса искривилось. — Как же я сразу не догадался?

Тут сосед разразился короткой, но выразительной тирадой, состоявшей по большей части из непечатных слов.

— А в чем, собственно, дело? — возмутился Леонид. Понятно, рэкетирское прошлое — весомый аргумент, но и у него есть такие приятели и клиенты, что Бориса, если дойдет до дела, просто в асфальт закатают. — Ну, подберу я его сейчас и дальше пойду.

— Дальше пойдешь? А из квартиры у меня кто этих тварей выведет? Развел тут зверинец!

— Из квартиры? — опешил Лозовой. — А что у тебя в квартире? Тараканы?

— Сам ты таракан! — Борис нахмурился. — Ну-ка, зайди!

Отдавая себе отчет, что его действия не совсем разумны, Леонид все же шагнул через порог.

— Сюда! — не предложил, а приказал бывший рэкетир.

Лозовой шагнул в гостиную и обомлел. На журнальном столике рядом с телевизором сидело три голубоглазых жука. На стене неподалеку от стереосистемы — еще два. Один полз по стеклу на окне.

— А воняют как, — заметил Борис, проявляя недю-

жинное познание предмета. — Лучше не трогать. Хорошо хоть не кусаются. Я голыми руками давил — только потом руки надо мыть час.

— Э... И... — не нашелся что сказать энтомолог.

Пусть жуки вылезли из чемодана. Моментально переползли сюда. Пусть это были даже другие жуки — не те, что сидели в банке, а те, которые на Мадагаскаре сами залезли в его чемодан. Но что их привлекло в квартиру Бориса?

— И Татьяна, которая через стенку живет, жалуется: ее уже три дня эти твари изводят. Что ты на это скажешь, зоолог? — напирал на Леонида сосед.

— Три дня? — ошарашенно спросил Лозовой. — Я ведь только сегодня вернулся с Мадагаскара. Их не может быть здесь три дня.

— Ты не заливай. Что ж это, тараканы или муравьи? Не наши жуки, сразу видно! Значит, ты привез!

— Я привез. Но я увидел их на Мадагаскаре только позавчера!

— Значит, сами пролезли. Отложили яйца у тебя в чемодане, а теперь расползаются по городу.

— Но почему же непременно у меня? Я бы заметил! К тому же я всегда обрабатываю чемоданы инсектицидами...

— Никакая отравка тварей не берет, — сообщил Борис.

Только после этой реплики соседа Лозовой с каким-то особенным отвращением заметил, что пол в квартире Бориса густо посыпан белым порошком — предположительно дустом.

* * *

— Жуки, друг мой, жуки! — редактор поучал Игоря уже минут десять. — О жуках все болтают уже неделю. Материал не выпустил только ленивый. Стало быть, ты ленивый? Ты не хочешь работать на благо родного издания? Заметь, мы никого насильно не держим. Но сенсации — твоя тема. А жуки — настоящая сенсация!

Игорь поморщился.

— Валерий Иванович, какая сенсация? Если бы они съели кого-то — дело другое. А так — жуки и жуки. Сидят. Смотрят. Подумаешь, расплодились.

— Нет! Не подумаешь! — закричал редактор, вибрируя от негодования. — Люди их боятся! Наши читатели хотят знать, откуда они! Чего от них ожидать! Но наша газета хранит упорное молчание — как будто у нас жуков нет. А они — вон, сидят!

Пять голубоглазых жуков, сидя на рамках дипломов и почетных грамот, висевших в кабинете редактора, внимательно наблюдали за беснующимся Валерием Ивановичем и тихо шевелили усами.

— Ну и пусть сидят. По-моему, ничего особенного, — огрызнулся Игорь. — Не понимаю, из-за чего столько шума? Вас же мухи не раздражают?

— Меня? Мухи? Почему не раздражают? — удивился Валерий Иванович. — Правда, мухи злые по осени, а сейчас, напротив, весна. Ты мне зубы не заговаривай!

— Ну вы же не пишете о мухах статьи? Даже осенью? — спросил Игорь. — Я, во всяком случае, не припоминаю.

— При чем тут мухи? Ты и правда ничего не соображаешь? Или издеваешься?

— Я ищу подход к проблеме, — признался молодой журналист. — Может быть, сочинить историю о том, как эти жуки искусали неосторожных туристов? Нет, лучше о том, как домохозяйка упала в обморок от обонятельного шока, передавив десяток насекомых!

— Чушь. И, главное, ложь. Нашей газете нужна достоверная информация. Понаблюдай за жуками. Собери информацию. Сходи в университет, в конце концов. На кафедру биологии.

— Нет там такой кафедры, — вздохнул Игорь. — Факультет биологический есть, а кафедры имеют узкую специализацию.

— Так узнай, какая кафедра есть! Чтобы жуками занималась.

— Не знаю. Может быть, энтомологии. А может, и нет такой кафедры.

— Так узнай!

— Хорошо. Узнаю. Только у здания биологического факультета каждый день паркуется несколько автобусов с разных телеканалов. По-моему, биологам уже надоело купаться в лучах славы.

— Вряд ли, — усмехнулся редактор. — Пусть получают возмещение за прошедшие безрадостные годы — не припомню, чтобы новости из мира животных были так популярны. Как и сами биологи.

— Ладно. Я все выясню. И сделаю материал, — пообещал Игорь. — Дайте мне пару дней. До четверга. Пятничный номер пойдет с хорошей статьей.

— Смотри, — пригрозил Валерий Иванович.

* * *

Жуки были повсюду. Они сидели на улицах, в домах, офисах, на промышленных предприятиях — причем даже в «горячих» цехах. Похоже, им было все равно, где шевелить усиками и тарашиться на людей.

Жуков редко собиралось много. Два, три, максимум — пять. Если куда-то сползалось больше, можно было с уверенностью сказать, что скоро они полетят искать другое пристанище. Да, жуки еще и летали, но делали это крайне неохотно — словно летать им было в тягость. Они просто сидели и смотрели на людей большими голубыми глазами.

Как размножаются жуки, никто не видел. Они не роились, не откладывали яиц. Если на то пошло, они даже не питались. Никто и никогда не видел, чтобы жук что-нибудь грыз.

В целом жуки были крайне безобидны. Они не кусались, не портили вещи и продукты, не ползали по людям.

Но они присутствовали всюду. В каждой комнате, в каждом доме, на каждой лестничной клетке, у лавочки в сквере, на колесе обозрения, в автомобиле, в чистом поле, в глухом лесу. Что интересно, в лесу их было меньше, чем в городе. Или они лучше прятались.

Единственной неприятной особенностью жуков был отвратительный запах — в том случае, если их давили. Впрочем, в такой ситуации трудно требовать хороших манер от кого бы то ни было, и уж тем более — от жуков.

Естественно, жуков пытались исследовать. Да только вскрыть насекомое не получалось. При попытке повредить хитиновый покров оно лопалось, растекалось, разлезалось вонючими ошметками — и выяснить внутреннее строение жука после этого было совершенно невозможно. Некоторые натуралисты считали, что жуки имеют большое внутреннее давление. Другие, напротив, полагали, что внешнее давление сдерживает хитиновый панцирь и при его повреждении жука раздавливает столбом воздуха.

Рентгеновские аппараты не были рассчитаны на жуков. С насекомыми прежде особо не церемонились, если надо было изучить внутреннее строение — просто разрезали. Томографы не давали нужного разрешения. А при попытке просветить жука мощным потоком света насекомое разлеталось на клочки точно так же, как если бы его давили.

Вездесущие жуки породили немало фобий и истерик. Большеглазый жук в каждой комнате, на каждом фонарном столбе — как-то чересчур, особенно для тех, кто не любит насекомых. Да и происхождение, образ жизни, пищевая цепочка жуков были покрыты мраком. Пожалуй, жуки были одними из самых таинственных существ на Земле.

Но неудобств насекомые доставляли мало. Даже под машины они попадали крайне редко, а такого, чтобы жук врезался в лобовое стекло, вообще не случалось. Раздавить жука случайно было практически невозможно —

они деликатно отползали в самое укромное место и сидели там смиренно, никому не мешая.

Многие говорили о космическом происхождении жуков. Но как они попали на Землю, да еще и в таком количестве, что им надо и в чем цель их существования, никто сказать не мог. Да и зачем рассуждать о смысле бытия жуков, когда и смысл жизни людей не слишком-то ясен?

* * *

Коля Барашкин остервенело стучал по клавиатуре, делая в Интернете заказ бесплатного пробника крема для загара, когда в дверь позвонили. Барашкин вздрогнул, едва не опрокинул кружку с остывшим кофе и неохотно побрел открывать. Однако все оказалось не так плохо. На пороге стоял Игорь Смыков, давний приятель, которого Коля не видел несколько месяцев.

— Привет! Заходи.

— Спасибо. Как всегда, программируешь? По свалкам лазить перестал?

Барашкин смущенно потупился. Подумаешь, по свалкам. Можно подумать, он там отбросы собирает. Поиск цветных металлов и запчастей — хобби. Программирование дает хорошие деньги, но не всегда. Нужно найти заказ, а это не так просто.

— Мне от тебя информация нужна, Коля, — сообщил Смыков. — Расскажешь мне кое-что? А я на тебя в газете сошлюсь. Хочешь, назову крутым хакером. Или супер-программистом.

— Хорошо хоть не мегаблоггером, — усмехнулся Барашкин. — Ну, расскажу, если знаю. Что ты хочешь-то?

Игорь почесал подбородок, оглядывая захлавленную комнату хакера.

— Да понимаешь, какое дело... Мне редактор дал задание о жуках написать.

— О жуках? — протянул Коля. — Я-то здесь при чем? Что я, энтомолог? Или ты о вирусах?

— Каких вирусах?

— Компьютерных. Их иногда так и называют: жуки. Или звери.

— Нет, я об этих, голубоглазых... Что-то у тебя их не вижу.

— Плохо смотришь. Вон, на подоконнике два сидят. И еще два — на системном блоке. Я все боюсь, они внутрь пролезут и винчестер сожрут.

Игорь ошарашенно уставился на приятеля.

— Ты серьезно? Они же вообще ничего не едят.

— Такого не бывает. Закон сохранения энергии действует всегда и везде. Так что я крышку с компа снимаю регулярно. Проверяю, не погрызли ли провода. Но пока все нормально.

Смыков достал блокнот и приготовился записывать. Разговор обещал быть интересным. А Барашкин расхохотался:

— Ты что, повелся на такой элементарный развод? Что я, на психа похож?

Журналист едва удержался от того, чтобы сказать «да», и принужденно рассмеялся.

— Нет, конечно. Мне интересно, что о жуках говорят в Сети. Ходят ведь какие-то слухи. Предположения. А ты из форумов не вылезашь.

— Почему, вылезая иногда, — обиделся Коля. — Только слухов ходит столько, что всех и не перечислить. Но зачем тебе слухи, когда я могу сказать правду?

— Опять развод?

— Нет. Я много размышлял о жуках. Ты в курсе, что я первый их нашел?

— По-моему, они всюду появились одновременно, — заметил журналист.

— Нет, я обнаружил их на несколько часов раньше, чем остальные. И знаешь, где они были?

— Откуда же мне знать?

Игорь решил и сбросил с кресла на пол несколько пыльных журналов. Осмотрел кресло на предмет наличия

жуков, обнаружил одного, улепетывающего вслед за журналами на пол, подождал немного и сел.

— Так вот, они пожирала винчестер, — сообщил Барашкин. — Точнее, не пожирала, а изучали. Я разбираю компьютер и обнаружил их внутри.

Смыков профессиональным жестом расчехлил фотоаппарат, намереваясь сфотографировать «исторический» компьютер, но потом махнул рукой и обиженно пробормотал:

— Опять шутишь...

— Сейчас — нет! — горячо воскликнул Коля. — Только компьютер был не этот. Я нашел его на свалке.

Игорь не сдержал смеха.

— А говоришь, со свалками завязал.

— Ничего подобного я не говорил. Они сидели на винчестере и пытались прочесть, что на нем записано. Снять с него информацию. Я понял это совсем недавно.

— То есть жуки умеют читать?

— Еще бы, — выдохнул Барашкин. — Они питаются информацией. Понимаешь? Живут за счет информации.

— Как?

— Да вот так. Информация, по большому счету, не что иное, как упорядоченная материя, упорядоченное излучение — словом, порядок почти в чистом виде. Знаешь, что такое энтропия?

— Ну, слышал. Она все время возрастает.

— Именно. И упорядоченное состояние встречается в миллионы раз реже, чем беспорядочное. А значит, оно в миллионы раз ценнее. Таким образом, в каждом байте информации заложена огромная энергия. Жуки, по всей видимости, умеют ее преобразовывать.

— Кхм... То есть как?

— Да вот так. Они получают информацию, добывают из нее энергию и используют для собственных нужд: летают, ползают, шевелят усиками. Поэтому они и сидят около телевизоров, компьютеров, радиоприемников, на окнах. Стараются получать больше информации.

Игорь вспомнил жуков, которых он видел за последнюю неделю. Что было главным в их поведении? То, что они смотрели. Наблюдали за всем, что происходит. Прислушивались к передачам по радио. Таращились на телевизор.

— Жуки питаются информацией. Однако... — раздумчиво проговорил Игорь: — Откуда же они появились?

— На этот вопрос ответить не могу, — спокойно ответил Барашкин. — Может, прилетели из космоса. Появились в результате какого-то эксперимента. Или сами есть информация в чистом виде. Возможно, что информация копилась, копилась на земле — и начала кристаллизовываться, выпадать в осадок — словом, овеществляться. Превратилась в этих жуков. Почему нет? А может быть, они — как компьютерный вирус. Размножаются делением, переписывают друг друга в информационных полях. Но это даже неважно. То, что они питаются информацией, подтверждается еще одним наблюдением. А точнее, ненаблюдением. Ведь никто не видел, как размножаются жуки! Как они устроены.

— Ну да. И что ты хочешь этим сказать?

— Все очень просто. Для того чтобы жуки размножились, чтобы их стало больше, нужно, чтобы информации стало больше. Так?

— Наверное.

— А если ты видишь, как они размножаются — ну, скажем, делятся, — ты получаешь информацию. Правильно?

— Разумеется.

— Стало быть, информации становится меньше. Ты отбираешь ее у жуков! — торжественно заявил Коля. — Как же их может стать больше, когда информации стало меньше? Значит, размножаться они могут только тогда, когда этого никто не видит. Не говоря уж о том, что сведения об их внутреннем строении они тоже вынуждены отдавать, если их начинают вскрывать. А они созданы из информации. Отдай ее — и ничего нет. Поэтому появляется

всего лишь запах. То, что осталось от пропавшей информации. Тебе ли, журналисту, этого не знать?

— Ничего себе, — прошептал Смыков, вновь расчехляя фотоаппарат. — Дай-ка я тебя сфотографирую, герой моего романа. Нет, причесываться не надо — лучше, чтобы у тебя был слегка безумный вид. Материал на первой полосе, Коля, тебе гарантирован...

* * *

Новый знакомый Светы был совсем не похож на ее прежних парней. Пусть и старше на десять лет, зато симпатичный, обеспеченный, уверенный в себе — словом, по-настоящему мужественный. Хотя увлечение у него было, конечно, так себе. Жуки, бабочки, мелкие тропические зверушки. Даже на день рождения Леонид подарил Свете бабочку под стеклом. Подругам невзначай обронил, что она стоит несколько тысяч долларов. Кто знает, может, и стоит.

Да и ухаживал Леонид красиво. Они со Светой ходили в ночные клубы, рестораны, ездили на выставки, а не бродили по паркам с одной порцией мороженого и баночкой коктейля на весь вечер.

Вернувшись из очередной командировки — загоревший, с порезанными об острую траву руками, — он купил новую машину и сразу же повез Свету кататься. Долго мчались по шоссе и проселочным дорогам и наконец остановились на красивой полянке рядом с лесным озером.

— Красота, — выдохнул Леонид, помогая подруге выйти из машины. — Тебе здесь нравится?

— Да, хорошо... Только немного неудобно.

— Почему?

— Сама не знаю, — Света задумалась. — Может быть, все дело в жуках?

— В каких жуках? — глаза Леонида зажглись профессиональным интересом.

— Ну, тех самых...

— А, — улыбнулся Леонид. — Да, жуки — это жуки. Я ведь нашел их на Мадагаскаре два года назад. Думал, сделал открытие. А оказалось, они заполонили весь мир. Сразу. Так что тебя смущает в жуках, любимая?

— То, что здесь нет жуков. Я к ним привыкла. Говорят, если жуков нет — значит, место нехорошее.

— Нет, значит, в этом месте ничего не случится, — задумчиво проговорил Леонид. — Ты ведь знаешь, что жуки наблюдают за нами? И питаются информацией?

— Слышала. Мне кажется, сказки. Да и вообще, ни один жук еще никому ничего не рассказал. Так что пусть смотрят, если они и правда за нами наблюдают. Не слишком они мешают — есть вещи гораздо хуже.

— В какой-то степени ты права. Нас слушают, когда мы говорим по телефону, читают наши сообщения, передающиеся по Интернету, наблюдают за нами на улице и дома, с помощью камер слежения и со спутников. А тут — молчаливые голубоглазые жуки. Кому они могут помешать?

— Первый раз я сильно испугалась, когда увидела такую козявку.

— Многие были в шоке, — согласился Леонид. — А теперь привыкли. И даже не могут представить себе жизнь без жуков. Хотя иногда мне кажется, что они крадут нашу память. Ведь если жуки живут за счет информации, значит, они ее поглощают? А если поглощают, то забирают у нас?

— Не знаю...

Света прижалась к Леониду крепче. Он был большой и сильный, и с ним всегда было хорошо и интересно.

— А на этой полянке даже жуков нет. Значит, они не смогут украсть у нас ничего, — сказал Леонид. — Здорово, Света? Только ты и я.

— Так не бывает, — улыбнулась девушка.

— Наверное. И хотя бы одна пара голубых глаз следит за нами из-под листвы. Но могу я немного помечтать?

ДОЛЕТЕТЬ ДО ЭПСИЛЕН ТУКАНА

Колумб был огородником. Не слишком подходящая профессия для человека с таким именем, но что делать, если вся Земля давно открыта, освоена и поделена, так что на долю Колумба достался крохотный участок плодородной земли, на котором только и можно что выращивать овощи. Участок расположен на окраине небольшого городка, дальше которого Колумб не выезжал. А ведь человеку по имени Колумб следовало бы стоять на носу каравеллы с подзорной трубой в руках и вести корабль в неизвестность, ориентируясь по свету далеких звезд. Ветер бьется в парусах, свистит в вантах: «О, Санта-Нинья!.. Санта-Нинья!»

Колумб-огородник плохо разбирался в ночных светилах. Вид звездного неба вызывал у него восторженный трепет, а это состояние, в котором трудно изучать эпизоды и параллаксы планет. Но все же Колумб знал, что где-то среди небесных бриллиантов светит лучшая из звезд — эпсилон Тукана. Там под зеленым небом текут реки с сиреневой водой и пестрые большешкловые птицы высматривают с веток рыбу. Там, на эпсилон Тукана, живет черноокая красавица Санта-Нинья. Каждый день она выходит на берег моря, и бирюзовый ветер свистит, играя черными волосами. Санта-Нинья смотрит вдаль и ждет. Она еще не знает, что ждет огородника по имени Колумб, но все равно стоит на берегу, и это придает силы обоим. О Санта-Нинья!.. Санта-Нинья!

Настоящий Колумб привез из Америки, которую он считал Индией, картофель и табак, а у Колумба-огородника есть клочок тучной земли, где все это можно выращивать. Но табак нещадно портит почву, поэтому Колумб выращивает картошку. Он мечтает накопить денег, купить космический корабль и отправиться на эпсилен Тукана. Он привезет прекрасной Санта-Нинье свою любовь и свою картошку. Любовь не картошка, но и без нее нельзя. «Без нее» — значит без любви. И без картошки тоже.

Из газет огородник знает, что на мысе Канаверал построен космический корабль многоразового использования «Колумбия». Это хорошее название для его корабля, хотя неизвестно, сможет ли «Колумбия» долететь до эпсилена Тукана, все-таки дотуда очень далеко и нужен самый лучший из космических кораблей. Кроме того, однажды газета сообщила, сколько стоит такой корабль. Сумма была такой огромной, что со страху Колумб забыл ее. Впрочем, есть надежда, что шаттл продадут ему со скидкой, ведь он уже не будет совсем новым, а поддержанные вещи стоят дешевле. А куда Колумб копил деньги, «Колумбия» пусть полетает вокруг Земли.

Продажа картошки больших доходов не приносит, вырученного едва хватает на жизнь, но все же Колумб откладывает средства для покупки шаттла. Жаль, что очень медленно. А ведь время идет, и никто на свете не молодеет, даже красавица Санта-Нинья. Зачем старушке Нинье дряхлый огородник Колумб? Дряхлый огородник нужен только той женщине, что прожила с ним долгую жизнь. Значит, нужно поспешить, иначе времени на долгую жизнь почти не останется.

Если вместо картошки сажать табак, то денег будет больше. За табак платят хорошо. Но как улететь на эпсилен Тукана, оставив после себя истощенную, загубленную землю? Санта-Нинья этого не поймет.

Санта-Нинья — чудесная девушка. Ей недаром дано два имени, ибо в ней одной уместаются все женщины мира. Вот она тиха, нежна и задумчива, какой может быть

только та, что носит имя Нинья. И вдруг словно звуки пламенной румбы взорвались, разрушив тишину, и вместо скромницы Ниньи предстает страстная и ревнивая Санта — живое воплощение южного темперамента. С такой женщиной не соскучишься, и, когда она рядом, человеку уже ничего не нужно, даже картошки.

Колумб перекапывает землю и думает о нежной Нинье. Потом он сажает картофель под лопату и мечтает о страстной Санте. Скоро, совсем скоро он прилетит на эпсилен Тукана.

Картошка, которую выращивает Колумб, экологически чистая. Колумб не использует на своей делянке никаких удобрений, только золу, которую получает, сжигая старые картофельные ящики, и перепревший компост. На компост идет ботва, сорняки, кухонные отходы и палые листья. Осенью в городском парке сгребают и жгут листву. Вернее, раньше сгребали и жгли. Теперь листву сгребают Колумб и увозит ее на тележке, чтобы высыпать на кучу. Лиственный перегной, как утверждает справочник огородника, самый лучший. Кроме того, за уборку парка Колумбу немножко платят, что тоже приближает день, когда он улетит на эпсилен Тукана.

Кто-то может сказать: «Фи, какая пошлятина! Любовь и компостная куча!»

Что ответить такому? Пусть этот чистолюбой попробует вырастить цветы для своей девушки. Уверяю вас, если он не озаботится компостом, девушка останется без цветов.

Еще Колумб понемногу добавлял в землю известь, потому что она улучшает структуру почвы. Когда-то слой плодородной земли на делянке был на штык лопаты, а теперь там чернозем на два штыка глубиной. Это потому, что Колумб ухаживает за землей и никогда не сажает табак.

Если расширить площадь посева, можно получить большой урожай, заработать больше денег и приблизить встречу с прекрасной Сантой. Но, к сожалению, вся земля давно открыта и поделена, новой взять негде, будь ты хоть трижды Колумбом.

Экономика учит, что в тех случаях, когда экстенсивные методы хозяйствования становятся недоступными, следует переходить к интенсивным методам, внедряя современные технологии. Если раньше Колумб дважды пропалывал и окучивал картофельные кусты, то теперь он стал прорашивать их в яме, потом пропалывать и засыпать яму землей, чтобы из перегной торчали только верхушки побегов, а затем еще дважды пропалывал и окучивал. Когда картофель окучивают, он образует боковые побеги с новыми клубнями, поэтому старательные огородники окучивают картошку дважды. Колумб, сажая картошку в яму, добивался трех окучиваний. Если слой плодородной почвы достаточно велик, это нетрудно сделать. У Колумба было много удобренной почвы; компостная куча в углу двора курилась паром, розовые дождевые черви перерабатывали компост в лучшее удобрение, приближая встречу с Санта-Ниньей.

В одной умной книге — а Колумб читал умные книжки, чтобы быть достойным своей любви, — так вот, в одной умной книге он прочел, что самый лучший космический корабль, оказывается, вовсе не шаттл, а наша Земля. Уже миллиард лет она несется в космосе, сберегая свой экипаж — все, что есть на ней живого, и еще ни разу с ней не случилось серьезной аварии, хотя кризисные моменты бывали.

Это осложняло ситуацию. Трудно сказать, сколько нужно продать экологически чистого картофеля, чтобы на выручку купить всю Землю.

На всякий случай Колумб решил внедрить еще более передовые технологии. Слой плодородной земли на его делянке был уже так велик, что можно стало строить картофельные башни, позволяющие собирать вдесятеро больше картошки, чем при обычной посадке. Эта суперсовременная технология была придумана тысячу лет назад индейцами Анд. Там, в горных районах, тоже остро не хватало посевных площадей, и индейцы изобрели картофельные башни. Теперь Колумб не сжигал старые ящики,

а разбирал их на доски и после второго окучивания ставил вокруг каждого картофельного кустика ограду из тонких дощечек, в которую потом досыпал плодородной земли. Получалось, что он окучивает картошку не два и не три, а пять раз, и после каждого окучивания, как уже говорилось, картофель образует новые боковые побеги с новыми клубнями. А потом, когда урожай бывал собран, дважды отслужившие ящики все равно шли в костер, снабжая делянку золой.

О Санта-Нинья, знаешь ли ты, на какие ухищрения идет Колумб, чтобы поскорей встретить тебя?

У дурных вестей длинные ноги. Однажды все газеты сообщили ужасную новость: на мысе Канаверал во время запуска взорвался космический корабль «Колумбия».

Неделю Колумб горевал. Ему было жаль погибших астронавтов и жаль своей погибшей мечты. Потом в душу сошло успокоение. Трудно долго горевать о незнакомых людях, а что касается мечты, то Колумб понял, что если бы он купил шаттл, то все равно никуда бы не долетел, взорвался бы вместо этих незнакомых людей. Жаль погибшей «Колумбии», жаль людей и красивого названия, но ведь ему нужно не название и даже не корабль многоразового использования. Ему важно один раз долететь до эпсилена Тукана. А для этого нужен не шаттл, а самый лучший космолет, такой же надежный, как Земля.

К тому же газеты вновь сообщили забытые данные о стоимости проекта. Колумб выписал цифру на отдельный листок, пересчитал скопленные деньги и понял, что долгая жизнь с любимой женщиной грозит оказаться очень короткой. Если и дальше он будет торговать картошкой, то, скорее всего, они просто не встретятся.

О Санта-Нинья!

Ранним утром Колумб вышел на делянку. Близилось время сбора урожая, и участок густо покрывали ряды сколоченных из ящиков башен. Они сужались кверху, словно носы готовых к полету ракет, и на самой верхушке каждой башни зеленел цветущий куст картофеля. Колумб

взял гвозди и молоток и начал приколачивать к башням тонкие доски стабилизаторов, превращая башни в ракеты. Потом он достал банки с краской: белой, черной и серебряной — и принялся раскрашивать свои ракеты. Он рисовал иллюминаторы и позиционные огни и на каждой ракете писал серебром гордое название: «Санта-Нинья». Соседи глядели через забор и крутили пальцем у виска, но Колумб не обращал на них внимания.

Поздно вечером, когда в небе высветились звезды, работа была закончена. С помощью звездного атласа Колумб отыскал на небосводе чуть заметную искру эпсилон Тукана, забрался в самую большую из своих ракет и стартовал. Вся остальная эскадра стартовала следом.

Ракеты подымались ввысь, упрямо буравя небо. Картофельные кусты на их верхушках привыкли тянуться к свету, вопреки доскам, которые надстраивались все выше и выше. Теперь им было легко лететь, словно они и не занимались ничем другим во весь период вегетации.

Доски, из которых были сколочены башни, обугливались из-за трения об атмосферу и осыпались, словно отделившиеся ступени ракеты-носителя, но с самими картофельными звездолетами ничего дурного не происходило, ведь они были сделаны из земли, а Земля — лучший из космических кораблей.

Впрочем, Колумб не потерял головы. Он ловил падающие доски, тушил их и складывал в аккуратный штабель. Доски от старых ящиков хорошо горят и дают много тепла, а в космосе, вдали от Солнца, будет холодно. К тому же в золе можно печь картошку, и это поможет скоротать время полета.

С каждой минутой эпсилон Тукана становилась все ближе и ближе.

О Санта-Нинья, я лечу к тебе!

ПОВЕСТИ

СЕРГЕЙ ГАЛИХИН	
Стальной воин	7
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ	
Одиночка	105
АНТОН ОРЛОВ	
Медсестра	151
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ	
Три измерения времени	239

РАССКАЗЫ

ДЖОРДЖ ЛОКХАРД	
Сезон черных дождей	325
АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ	
День рождения мужчины	345
ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО	
Охота к перемене мест	358
Нетривиальное решение	380
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ	
На том берегу	396
ПАВЕЛ ГУБАРЕВ	
Небесный маркетинг	419
АНДРЕЙ ЕГОРОВ	
Заповедник	433
МИХАИЛ КЛИКИН	
Куда уходят герои	447
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН	
Белая куропатка	453
Хорошая погода	467
Кошачье сердце	473
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ	
Жуки	487
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ	
Долететь до эпсилена Тукана	504

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА — 2009

Составитель и ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Н. Скибина*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Т. Жарикова*

Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.01.2009.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага тип.

Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 15 000 экз. Заказ № 4902081

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.

foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»

обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

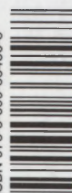
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
2009

Эта итоговая ежегодная антология охватывает многие жанры, стили и направления русскоязычной фантастики. Невероятные события забрасывают героев этого сборника в самые отдаленные уголки Вселенной и во времена Второй мировой войны, в мрачные закоулки подсознания и в параллельные миры, где может произойти все что угодно. В удивительное путешествие к неисследованным галактикам приглашают вас ведущие отечественные писатели-фантасты.

ISBN 978-5-699-33456-8

9 785699 334568 >